ФЕДОРЪ СТЕПУНЪ

НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛѢГИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"
ПАРИЖЪ
1929

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ОСНОВНЫЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕАТРА. Изд. «Слово»,
Берли

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО. Изд. «Обелискъ», Берлинъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРАПОРЩИКА АРТИЛЛЕРІИ. 3-ье и
«Пламя» (Прага

ФЕДОРЪ СТЕПУНЪ

НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛѢГИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО « СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ »
106, RUE DE LA TOUR, PARIS (XVIe)
1929

НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛѢГИНЪ

ЧАСТЬ I

Флоренція 3-го августа 1910 г.

Наталья Константиновна, проходя сегодня мимо почтоваго ящика, я вдругъ остро почувствовалъ всю невѣроятность того обстоятельства, что, покинувъ Москву болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, я все еще не написалъ Вамъ ни одного письма.

Придя домой, я сѣлъ за письменный столъ, надѣясь, что нахлынувшія на меня воспоминанія о нашихъ безконечныхъ бесѣдахъ освободятъ меня наконецъ отъ нѣмоты моего одиночества, — но вотъ я уже съ часъ смотрю въ окно и не могу начать писать.

Нѣтъ во мнѣ сейчасъ дара письма, какъ не оказалось бы вѣроятно, если бы мы съ Вами неожиданно встрѣтились гдѣ-нибудь здѣсь во Фіезоле, и того дара бесѣды, которому Вы бывало такъ искренне, и все-же не безъ улыбки сожалѣнія удивлялись во мнѣ.

Да,несмотря на всю мою безконечную благодарность Вамъ за то, чѣмъ для меня было въ ужас-

ные мѣсяцы послѣ Таниной смерти Ваше умное молчаніе и живое спокойствіе, я Вамъ сейчасъ не могу писать. Почему? Если-бы знать, почему, можно было-бы вѣроятно уже и писать....

Плохо я себя чувствую въ послѣднее время: не могу уйти отъ себя и потому не могу притти въ себя; вѣдь это страннымъ образомъ одно и то же. Вокругъ цѣпенѣющаго въ душѣ одиночества все время мечется какая то глухая тревога. Такъ хочется живой бесѣды съ Вами, а письмо такъ упорно не пишется. Ну, какъ нибудь начну, а тамъ, какъ знать, можетъ быть, послѣ нѣсколькихъ писемъ мы и договоримся до чего нибудь болѣе существеннаго; у меня есть многое на душѣ, а можетъ быть и на совѣсти, что хотѣлось бы сказать, въ чемъ хотѣлось бы покаяться Вамъ...

Я помню свой первый пріѣздъ во Флоренцію, помню, какъ цѣлыми днями бродилъ по площадямъ и музеямъ, какъ ночами простаивалъ у залитыхъ луннымъ свѣтомъ стѣнъ, среди закутанныхъ въ свои черные плащи кипарисовъ, блаженно освобожденный прекрасною прозрачной четкостью Италіи отъ мучительной безформенности и пѣвучей мечтательности моихъ русскихъ настроеній.

Въ мой первый пріѣздъ я страстно полюбилъ Италію, въ нынѣшній второй, я заподозрилъ эту любовь въ чемъ то грѣшномъ и ложномъ, въ какомъ то предательствѣ. Не кажется ли Вамъ, Наталья Константиновна, что въ Европѣ нѣтъ странъ болѣе далекихъ другъ другу, чѣмъ Россія и Италія? Не кажется ли вамъ, что горячая любовь русскихъ

къ Италіи, повторяющаяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляетъ собою типичное явленіе «любви къ дальнему», любви, въ которой на мой слухъ постоянно присутствуютъ мораль, педагогика, врачеваніе, — всѣ тѣ элементы, что такъ досадно принижаютъ скорбную красоту артистической мысли Ничше.

Можетъ быть, я сейчасъ потому такъ упорно борюсь противъ цѣлительнаго вліянія Италіи, что исцѣлиться отъ своей тоски означало бы для меня предать и забыть самое дорогое, что у меня осталось въ жизни: — Танину могилу...

Нѣтъ, Наталья Константиновна, не хочу я сейчасъ ни забвенія, ни исцѣленія; не хочу ѣхать въ «вѣчный Римъ» и искренне люблю во Флоренціи лишь треченто, да томящій душу и тѣло сирокко.

Пока всего хорошаго. Скоро постараюсь писать еще.

Съ душевнымъ привѣтомъ

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 10 августа 1910 г.

Странно, Наталья Константиновна, но мнѣ совершенно чужды окрестности Флоренціи. Онѣ очень красивы, но въ нихъ совершенно нѣтъ живой природы. Я хочу сказать, что въ тосканской природѣ нѣтъ того, что изъ за каждаго плетня смотритъ на Васъ со скудныхъ русскихъ полей: — живой человѣческой души. Тосканскій пейзажъ совсѣмъ не

собесѣдникъ, а въ себѣ замкнутая нѣмая композиція. Всего только «очей очарованіе», онъ не проливается въ душу, но противостоитъ душѣ. Всякая человѣческая душа — порывъ въ безконечность, а тосканскій пейзажъ, законченностью своихъ формъ, весь устремленъ къ кругу. Но убѣгающую въ безконечность прямую нельзя слить съ кругомъ. Законъ ихъ общенія — всего только законъ касанія. Точкою соприкосновенія моей души и тосканской природы было вѣроятно лишь то въ сущности поверхностное наслажденіе, которое мнѣ доставляла декоративная прелесть флорентійскаго вида.

Сейчасъ даръ такого наслажденія притупленъ во мнѣ и я часто возвращаюсь съ прогулокъ къ себѣ въ комнату и сажусь читать Чехова или Достоевскаго. Если бы Вы знали, какъ иной разъ хочется выйти на родной калужскій трактъ, взглянуть на бурый откосъ надъ Окой, на сѣрыя нахохлившіяся избы, затканныя косыми нитями безпросвѣтнаго осенняго дождя.

Живу я здѣсь въ маленькомъ пансіонѣ; въ немъ останавливаются почти исключительно ученые и художники. Содержитъ его не очень молодая, странная, милая, и, кажется, глубоко несчастная русская барыня, Екатерина Львовна Скопина.

Говоритъ она почти всегда по французски, жестикулируетъ по итальянски, но зато молчитъ въ своемъ большомъ оренбургскомъ платкѣ за маленькимъ мѣднымъ самоваромъ, какъ то глубоко по русски. Такъ молчатъ на Руси старые каменные столбы при въѣздахъ въ заброшенныя усадьбы. У

нея восковое, изнуренное лицо, большіе прекрасные глаза, цвѣта зеленыхъ водъ Перуджиновскихъ озеръ и прелестная, черноглазая, семилѣтняя дочь итальянка, которая рисуетъ изощренно, какъ Сомовъ и со дня на день все больше и больше привязывается ко мнѣ.

Кромѣ меня въ пансіонѣ живетъ знаменитый нѣмецкій профессоръ, изъ породы тѣхъ часто встрѣчающихся въ Германіи глубокихъ знатоковъ итальянскаго искусства, одинъ видъ которыхъ потрясаетъ всякаго Facchino своей эстетической непріемлемостью, парижскій скульпторъ, похожій на вѣнскаго коммивояжера и жена извѣстнаго мюнхенскаго писателя, публициста и переводчика французовъ, пышная старѣющая львица, съ сумрачной чувственностью въ крови и внушенными мужемъ эротически мистическими терминами на устахъ; въ концѣ концовъ глубоко современная и мало интересная женщина, размѣнявшая свою жизнь на значительные пустяки и превратившая свою судьбу въ хранительницу музея своихъ незабвенныхъ мгновеній и изысканныхъ переживаній. Она ждетъ своего мужа и, кажется, сильно озабочена, какъ бы ея послѣдній Остендскій романъ не оказался менѣе интереснымъ его парижскихъ приключеній, которыя онъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ «охарактеризовалъ», какъ совершенно исключительныя по своему сюжету.

Недавно я пробесѣдовалъ съ нею цѣлый вечеръ. Съ двойнымъ увлеченіемъ преданнаго ученика и развращенной жены, развивала она главную

мысль новаго романа своего мужа, что ложь современнаго брака состоитъ исключительно въ томъ, что онъ основанъ на совершенно неправильномъ толкованіи вѣрности. Вѣрность не должна, видители, лишать супруговъ многообразія эротическаго опыта, а должна всего только вносить въ богатство этого опыта начало цѣльности и закономѣрности.

Что Вы скажете, Наталья Константиновна, обо всемъ этомъ? Думаю, что для Васъ эта утонченная психологія европейскихъ культуртрегеровъ рѣшительно непріемлема. Что же касается меня, то дѣло обстоитъ много хуже. Мысль Bärens'а кажется мнѣ если и не правильной, то все-же намекающей на какую то подлинную проблему современной жизни.

Буду очень радъ, если Вы напишете мнѣ нѣсколько словъ. Привѣтъ Вамъ и Алексѣю.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 16-го августа 1910 г.

Послѣднее время, сидя въ Uffizi очень много думалъ о Васъ, Наталья Константиновна. Очевидно потому, что между Вами и возрожденскимъ чувствомъ жизни есть какая то очень тонкая, но глубокая связь, надъ которой Вы, смотря на висящія въ Вашей комнатѣ фотографіи фра Анжелико, Гоццоли и Гирляндайо, врядъ ли когда-нибудь задумывались.

Вамъ это, быть можетъ, покажется страннымъ, но я безконечно любилъ бывало смотрѣть, какъ Вы занимаетесь самыми простыми вещами. Если

бы Вы знали, какъ Вы изумительно чистите яблоки, ѣдите шоколадъ, накрываете чайный столъ, вышиваете бисеромъ, быстро и увѣренно клеите разбитое стекло, (помните Вашу разбитую мною чашку?) и такъ особенно накидываете себѣ на плечи голубую персидскую шаль. Если бы Вы меня спросили, въ чемъ собственно заключается сущность этой изумительности, то я сказалъ бы, что она таится въ обнаруживаемой Вами во всѣхъ этихъ ежедневныхъ занятіяхъ радости бытія, глубокой дружбы со всѣми вещами, какой то конкретной, осязающей любви къ ихъ многообразнымъ обличьямъ.

А вѣдь въ этой любви корень возрожденскаго чувства жизни и всѣхъ живописныхъ особенностей квадроченто!

Вы не повѣрите, какъ цѣлительно было для меня, который не разъ то по Канту познавательно истончалъ, то по Тютчеву мистически погашалъ внѣшній міръ, созерцаніе Вашихъ дѣятельныхъ рукъ въ ихъ дружескомъ общеніи съ самыми разнообразными вещами будничнаго обихода.

Однако я съ ужасомъ замѣчаю, что началъ славословить любовь къ дальнему и противоположному, которую раньше хулилъ за ея врачующій характеръ.

Можетъ быть противорѣчіе, въ которое я впалъ, полно глубочайшаго смысла, — но объ этомъ когда нибудь впослѣдствіи...

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 21 августа 1910 г.

Большое Вамъ спасибо, Наталья Константиновна, за Ваше письмо. Какъ только началъ читать его, сердцу сразу стало такъ тепло и покойно отъ бережнаго прикосновенія Вашихъ умныхъ рукъ.

Чувствую я себя по прежнему скверно. Охотнѣе всего сидѣлъ бы кажется дома. Но несмотря на это желаніе цѣлыми днями слоняюсь по церкамъ и музеямъ. Зачѣмъ я это дѣлаю, мнѣ самому не совсѣмъ понятно. Такъ, тяготѣетъ надъ душой какой то нелѣпый долгъ постоянной работы, какая то боязнь простой, свободной жизни.

Передъ твореніями многихъ славныхъ мастеровъ я откровенно скучаю и единственный художникъ, чьи картины полны для меня безконечнаго очарованія, это конечно Боттичелли.

Въ его «Мадоннахъ утратившихъ небо» и его Венерахъ забывшихъ о землѣ, такъ прекрасна, тревожна и задумчива первая послѣ долгой средневѣковой разлуки робкая встрѣча духа и тѣла. Плѣненному духу душно и тѣсно даже и въ прекраснѣйшихъ женскихъ тѣлахъ, и потому, нарушая ихъ идеально земныя пропорціи, онъ такъ страстно вытягиваетъ ихъ въ пѣвучей тоскѣ. Я не знаю художника болѣе близкаго современности, чѣмъ Боттичелли; не знаю творчества глубже взволнованнаго противоборствомъ духа и тѣла, чѣмъ творчество Боттичелли.

Вскинутыя кисти рукъ его женскихъ образовъ

не то что-то благословляютъ въ мірѣ, не то отстраняютъ этотъ міръ отъ себя. Легчайшія касанія нѣжнѣйшихъ пальцевъ грацій Primaver'ы таинственно исполнены не только дѣвичьей нѣжности, но одновременно и женской вражды. Самыя взволнованныя движенія тѣлъ Боттичелли какъ бы стремятся замереть въ сонамбулическомъ оцѣпенѣніи, но и въ полной неподвижности образы его кажутся еще исполненными какой-то еле видимой музыкальной вибраціи. А дѣвичьи и ангельскія души, что смотрятъ на насъ съ полотенъ Боттичелли, развѣ это не звѣзды Новалиса:

. . . «Herrliche Fremdlinge
«Mit den sinnvollen Augen,
«Dem schwebenden Gange
«Und dem tönenden Munde. . .

Между прочимъ на дняхъ къ намъ прибылъ блудный сынъ классическаго романтизма, тотъ знаменитый Bruno Bärens, о которомъ я послѣдній разъ писалъ Вамъ.

Безукоризненно одѣтый, высокій, худой, съ бритымъ, усталымъ, актерскимъ лицомъ, онъ цѣлый вечеръ сверкалъ своими парадоксами на модныя темы любви, брака, измѣны. Къ тому, что я зналъ отъ его жены, онъ прибавилъ немного. Но все же его формулировки были занятнѣе, острѣе.

«Единственная женщина, которую онъ всю жизнь любитъ это его жена, потому что въ ней

единство образовъ всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ ей постоянно измѣняетъ».

«Его жена, конечно, не вѣрная женщина-другъ (какая безвкусица) — да и вообще не живое лицо, но лишь несмѣняемый эпиграфъ ко всѣмъ изживаемымъ имъ эротическимъ авантюрамъ: — арлекинадамъ, идилліямъ и сонетамъ».

Ревности онъ не признаетъ, ибо «предѣльное зло измѣны, — убійство сотворенной любви, есть одновременно и величайшее добро: призывъ къ новому творчеству. Подлинный же художникъ лишь тотъ, кто вѣчное творчество любитъ больше законченныхъ твореній».

Не скажу чтобы эти мысли были новы, но отдавая дань справедливости Bärens'у, долженъ признать, что онъ разсыпалъ ихъ съ блескомъ и самоувѣренностью, придававшимъ имъ печать свѣжести и оригинальности. При всемъ этомъ онъ однако отнюдь не производилъ впечатлѣнія подлиннаго мастера: творца своей жизни. Напротивъ, отъ всѣхъ его словъ вѣяло наивностью профессіональнаго литератора, любящаго свою жену и свои измѣны, какъ душу, сюжетъ и даже доходъ своихъ книгъ, не могущаго ни на минуту допустить мысли, что печатаніе книгъ вещь, быть можетъ, совсѣмъ маловажная, и что жену надо любить просто: любить-имѣть какъ свои глаза, которыхъ никогда не видишь, но которыми на все смотришь.

Ну, Наталья Константиновна, надо кончать. Еще разъ большое спасибо Вамъ за Ваше письмо.

Жду съ нетерпѣніемъ слѣдующаго. Шлю Вамъ свой самый душевный привѣтъ.

Кланяйтесь Алексѣю и скажите ему, что я отъ всей души желаю, чтобы Вы стали глазами его души. Ему ничего такъ не нужно, какъ просвѣтлѣніе внутренняго взора.

Привѣтъ Вамъ и ему.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 22 августа 1910 г.

Наталья Константиновна, вчера я почему то не рѣшился коснуться того главнаго вопроса, который всталъ передо мною послѣ прочтенія Вашего письма. Кажется Вамъ не совсѣмъ понятно, какъ это я пишу объ оковавшемъ меня одиночествѣ, о могилѣ, какъ о самомъ дорогомъ, что осталось у меня въ жизни, а самъ внимательно и заинтересованно присматриваюсь ко всему, что меня окружаетъ, успѣвая замѣчать и цвѣтъ глазъ хозяйки пансіона и своеобразный смыслъ вѣрности супруговъ Bären, въ концѣ концовъ всего только моихъ сосѣдей по комнатѣ. Я знаю не Вы — Вы слишкомъ хорошо относитесь ко мнѣ, — но все же нѣкоторое недоумѣніе, звучащее въ Вашемъ письмѣ, какъ будто ставитъ мнѣ вопросъ о послѣдней подлинности моего страданія и одиночества.

Что мнѣ сказать Вамъ въ свое оправданіе, или

точнѣе — я знаю, что Вы не обвиняете, а только недоумѣваете — въ свое объясненіе.

Видите-ли Наталья Константиновна, счастіе лимое въ томъ, или несчастіе, — не знаю, но во всякомъ случаѣ въ томъ особенность моя, что я являюсь обладателемъ совершенно самостоятельно живущихъ у меня во лбу и невѣроятно жадныхъ до всего глазъ. Каждое утро эти мои и не мои глаза, словно мелкій неводъ въ рѣку, погружаются въ жизнь, автоматически наполняясь не только всякою мелочью, но и всякою дрянью.

Собственно я, т. е. моя настоящая душа тутъ рѣшительно не при чемъ; вѣрьте, она сама постоянно страдаетъ отъ того базара, который изъ моей жизни устраиваютъ мнѣ мои глаза, и ходитъ по нему не иначе, какъ подъ шапкой-невидимкой.

Вотъ почему со стороны иной разъ и кажется, что у Николая Федоровича нѣту настоящей человѣческой души.

Ахъ, если бы Вы знали, какъ часто приходилось мнѣ въ самыя серьезныя и тяжелыя минуты моей жизни встрѣчаться съ этимъ упрекомъ. А все потому, что мои глаза смотрятъ въ иную сторону, чѣмъ моя душа, что я человѣкъ съ себѣ самому чужими глазами.

Скажите же откровенно, положа руку на сердце, не шевелится ли и у Васъ въ душѣ столь знакомое мнѣ утвержденіе моего бездушія. Буду ждать Вашего отвѣта. Пока не получу его, какъ то не хо-

чется продолжать бесѣду на эту больную для меня тему.

Знаете, что меня поразило въ Вашемъ письмѣ?

Вы пишете о Вашей жизни, но ни въ одной фразѣ не звучитъ удивленія передъ новымъ обликомъ ея. Наталья Константиновна, любовь высшая форма познанія, всякое познаніе начинается съ удивленія. Я же разстался съ Вами на третьемъ мѣсяцѣ послѣ Вашей свадьбы.

Вы помните какой стоялъ прекрасный день?

Что дѣлаетъ Алексѣй? Доволенъ ли онъ своей новой работой у знаменитаго защитника «униженныхъ и оскорбленныхъ»? Кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что я его очень люблю и за него самаго, и за то, что онъ Танинъ братъ; теперь же, быть можетъ, еще и за то, что онъ Вашъ мужъ. Пусть какъ нибудь напишетъ мнѣ нѣсколько словъ. Буду очень радъ.

Пока сердечный привѣтъ Вамъ и ему.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 6-го сентября 1910 г.

Итакъ Наталья Константиновна, Вы отрицаете предположеніе моего бездушія и, принимая мою теорію о себѣ самомъ, какъ о человѣкѣ съ чужими глазами, такъ крѣпко и убѣжденно защищаете ме-

ня, что мнѣ становится какъ то неловко и вырастаетъ нѣкоторая необходимость перейти отъ самооправданія къ самообвиненію.

Вы простите, что я пишу все о себѣ; правда это не самовлюбленность. Быть можетъ я теперь потому такъ много занимаюсь русскимъ «самоѣдствомъ», что дни мои стали на мертвую мель; да къ тому же и жизнь въ чужой странѣ наводитъ на невольныя раздумья о своемъ и о себѣ.

Я писалъ Вамъ, что душа моя совершенно неповинна въ неумѣніи страдать. Быть можетъ это не совсѣмъ вѣрно. Быть можетъ я въ безсознательномъ стремленіи къ выгодному самообъясненію, лишь для отвода глазъ изобрѣлъ свои «чужіе глаза».

Мнѣ хочется Вамъ разсказать два случая моей жизни, а Вы судите какъ знаете.

Когда мнѣ пошелъ одиннадцатый годъ меня съ младшимъ братомъ отправили учиться въ Москву въ гимназію. Насъ поселили въ мрачной, городской квартирѣ дряхлаго больного дѣда, жившаго при двухъ своихъ дочеряхъ, старыхъ дѣвахъ. Чуть свѣтъ отправлялись мы въ гимназію. Въ гимназіи безсмысленно томились въ ожиданіи звонка, а за вечерними уроками страстно мечтали о томъ, какъ поѣдемъ домой на рождественскіе каникулы, какъ рѣзвая тройка въ клубахъ снѣга промчится сквозь оснѣженный лѣсъ, какъ подъ освѣщенными окнами стараго дома вдругъ замрутъ бубенцы, какъ мы ворвемся въ переднюю, какъ намъ навстрѣчу выбѣгутъ мама и сестры...

Такъ мы мечтали о единственномъ предстоявшемъ намъ событіи, а жизнь въ домѣ дѣда изо дня въ день тупо тащилась подъ знакомъ скупой и неизобрѣтательной дѣйствительности.

Но вотъ какъ то въ субботу подъ вечеръ въ отдаленномъ кабинетѣ раздались всхлипы и свисты удушливаго дыханія, прерываемаго страшными приступами астматическаго кашля. Затѣмъ въ обыкновенно мертвенно тихой квартирѣ беззастѣнчиво громко прохлопали двери, а черезъ нѣсколько минутъ въ передней раздался звонокъ и знакомый голосъ доктора.

Часы пробили 8; на порогѣ нашей школьной появилась заплаканная тетя Нюта; дрожащими руками вынула она изъ портмонэ рубль и велѣла мнѣ спѣшно ѣхать къ дядѣ Федѣ сообщить, что дѣдушка умеръ.

Я какъ сейчасъ помню эту поѣздку и то настроеніе бодрости и торжественной дѣловитости, которое было у меня тогда на душѣ. Какъ только я вышелъ на улицу, я почувствовалъ во всемъ тѣлѣ невѣроятную легкость; глазъ быстро и увѣренно выбралъ лучшаго изъ двухъ стоявшихъ на углу извозчиковъ; фантазія работала съ галлюцинирующей отчетливостью: я видѣлъ себя входящимъ въ кабинетъ дяди Феди, слышалъ свой голосъ, сообщающій ему важную новость, представлялъ себѣ, какъ онъ изумится, опечалится, быть можетъ, заплачетъ, и испытывалъ отъ всего этого крайне сложное чувство гордости, страха, но главное какого-то восторга.

Не думайте, Наталья Константиновна, что все это объясняется малою сознательностью дѣтскаго возраста.

Вотъ Вамъ другой случай.

Мнѣ шелъ уже семнадцатый годъ. Послѣ долгой болѣзни умеръ братъ Павелъ. Всѣ мы были страшно потрясены этою первою смертью въ семьѣ. Убитую горемъ мать никакою силою нельзя было отвести отъ гроба, въ которомъ среди большихъ бѣлыхъ хризантемъ покоилось маленькое желто-зеленое личико брата.

На утро, за часъ до выноса оказалось, что забыли заказать вѣнокъ. Меня послали въ цвѣточный магазинъ. Я ѣхалъ по Спиридоновкѣ; въ сердцѣ стучала самая настоящая боль, но сквозь нее пробивались со смерти дѣдушки знакомыя ноты торжественной дѣловитости и повышеннаго самоощущенія. Мнѣ казалось, что всѣ встрѣчные какъ то особенно смотрятъ на меня и что мнѣ есть съ чѣмъ ѣхать среди нихъ. Заполненность всего себя чѣмъ то большимъ и существеннымъ невольно вызывала ощущеніе удовлетворенія и какого то остраго наслажденія. Я сейчасъ краснѣю отъ стыда при воспоминаніи, какъ я въ Леонтьевскомъ переулкѣ вдругъ замѣтилъ фонари на своихъ саняхъ и пожалѣлъ, что они нѣ затянуты крепомъ.

Я знаю, Наталья Константиновна, что не сообщаю Вамъ какихъ нибудь особенныхъ тонкостей исключительной психологіи необыкновеннаго ребенка и юноши. Я знаю мои наблюденія общія мѣста, которыя въ томъ же «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»

звучатъ психологическими открытіями лишь благодаря невѣроятной изобразительной силѣ Толстого.

Но меня вовсе и не интересуетъ оригинальность моихъ наблюденій, а лишь слѣдующія мысли по поводу нихъ.

Не думаете ли Вы, Наталья Константиновна, что когда близкій мнѣ человѣкъ, какъ то странно спѣшитъ сообщить мнѣ о смерти моей жены, то онъ отнюдь не проявляетъ жестокости: вѣдь онъ радъ совсѣмъ не тому, что причиняетъ мнѣ боль, а лишь своему прикосновенію къ душѣ человѣка въ ея большую минуту, радъ быть причиною событія въ моей душѣ, радъ, если хотите, своей внезапной власти надъ моею душой и жизнью.

Власть же потому и есть первое счастье послѣ любви, что она мнитъ внушать любовь. Причемъ скептическое «мнитъ» Стендаля въ данномъ случаѣ врядъ ли даже оправдано. Развѣ мнѣ забыть когда нибудь человѣка принесшаго мнѣ вѣсть о Таниной смерти? Развѣ я не полюбилъ его на всю жизнь? Полюбилъ и какъ еще полюбилъ: разъ на всегда принялъ его образъ въ послѣднюю священную глубину моей души...

Я очень много думалъ въ послѣднее время надъ сложной загадкой человѣческой души. Знаете, что меня въ ней больше всего поражаетъ? То, что во всякомъ «да будетъ» моему страданію, нерасторжимо сплетены два начала: нѣчто очень значительное, въ чемъ я какъ человѣкъ, быть можетъ, впер-

вые рождаюсь, съ чѣмъ то мелочнымъ и суетнымъ, окончательно подрывающимъ мое человѣческое достоинство.

Когда я, предѣльно удрученный смертью близкаго человѣка, нахожу въ себѣ силу сказать этой смерти «да будетъ», не значитъ ли это, что скорбное событіе жизни становится поводыремъ, уводящимъ мою душу домой, на родину, въ царство вѣчнаго бытія. Нѣтъ радости болѣе высокой и праведной, чѣмъ радость такого возврата. И всетаки я рѣдко видѣлъ, Наталья Константиновна, чтобы великая, нѣмая радость страданія проходила далями человѣческихъ душъ, не сопровождаемая своимъ отвратительнымъ спутникомъ — суетнымъ, болтливымъ кокетствомъ.

Я вижу Вашъ прерывающій меня жестъ, Наталья Константиновна. Вы не совсѣмъ понимаете, о чемъ я говорю?

Попытаюсь объясниться.

Въ чемъ сущность кокетства? — По моему въ неспособности къ бытію. Кокетливые люди — люди въ сущности не существующіе, ибо бытіе свое они сами приравниваютъ къ мнѣнію о нихъ другихъ людей. Испытывая величайшія страданія, кокетливые люди все же органически стремятся къ тому, чтобы показать ихъ другимъ, ибо посторонній взглядъ для нихъ то же, что огни рампы для театральныхъ декорацій. Не освѣщая своихъ переживаній взорами постороннихъ зрителей, театральныя души кокетливыхъ людей погружаются во мракъ и небытіе. Не думайте, Наталья Константи-

новна, чтобы я не понималъ, какое преступленіе противъ Духа Святого таится въ изживаніи своихъ тайнъ и страданій подъ праздными взорами любопытствующихъ глазъ. Я все это до конца понимаю. Но понимая все это, а сверхъ того еще и всю эфемерность и хрупкость радостей кокетливыхъ людей, носящихъ ключи своей души въ сердцахъ наиболѣе безсердечныхъ ближнихъ, я все же не могу уйти изъ подъ проклятія кокетства. Все великое, что мнѣ даритъ радость страданія, оно злостно крадетъ у меня. Въ этомъ моя великая жизненная бездарность, задерживающая нравственный ростъ моей личности. Вотъ, Наталья Константиновна, тотъ мой глубокій порокъ, который я безсознательно пытался скрыть отъ Васъ подъ формулою «себѣ самому чужихъ глазъ». Дѣло быть можетъ совсѣмъ не въ томъ, что мои глаза любятъ на многое смотрѣть, а въ томъ, что моя душа любитъ себя постоянно показывать. Но любить себя показывать и значитъ не умѣть одиноко, т. е. до конца страдать.

Перечелъ это письмо и почти испугался, до чего близко придвинулъ вдругъ свою душу къ Вашимъ глазамъ. А вѣдь еще такъ недавно не зналъ съ чего начать Вамъ писать.

Былъ ли я мѣсяцъ тому назадъ такъ одинокъ, какъ я себѣ казался, или, садясь за письмо къ Вамъ самъ приговаривалъ себя къ одиночеству? Не знаю!

Ну до свиданья родная. Дай Вамъ Богъ настоящей, большой жизни, въ радости или въ страданіи, это въ концѣ концовъ все равно.

Н. П.

Флоренція 25-го сентября 1910 г.

Каждое утро въ передней звонитъ почталіонъ, но мнѣ все нѣтъ письма отъ Васъ Наталья Константиновна. Не скрою, что я его жду съ большимъ нетерпѣніемъ.

Вчера весь день было тревожно и грустно на душѣ. Утромъ перечитывалъ ту страницу поученія старца Зосимы, которую Марина нашла открытою у Тани на постели въ день ея гибели.

Послѣ обѣда никуда не пошелъ. Сидѣлъ дома и ничего не дѣлалъ. Во дворѣ прачки пѣли Stell'у, а за стѣной щебетали двѣ старыя, никому и ни на что не нужныя англичанки. Есть такія въ каждомъ пансіонѣ.

Часовъ въ пять меня къ своему одинокому самовару впервые пригласила «посумерничать» Екатерина Львовна. Она была въ такомъ же настроеніи, какъ и я; мы мало говорили, но я понялъ, что въ ея жизни было что то очень тяжелое.

Она умная женщина, и женщина съ большой душой. Разошлись передъ самымъ ужиномъ, когда отъ всей ея фигуры въ углу дивана виднѣлось всего только свѣтлое пятно оренбургскаго платка.

Вечеромъ думалъ о Москвѣ, о моей первой одинокой зимѣ, проведенной въ неуютныхъ комнатахъ чужой квартиры. Въ моей жизни слагалась тогда одна черта, которая и понынѣ осталась для меня темной загадкой.

Клянусь Вамъ, что я въ тѣ дни до черныхъ слезъ отчаянья мечталъ и тосковалъ о Танѣ, а между тѣмъ я совершенно не могъ оставаться одинъ и почти все свободное время проводилъ у Надежды Романовны, у сестеръ Халявиныхъ и прежде всего у Васъ.

Вечерами, приходя домой часто въ очень тяжеломъ настроеніи, я себя неоднократно упрекалъ въ томъ, что бываю почти исключительно въ женскомъ обществѣ. Стремясь къ объясненію этого явленія, я ясно чувствовалъ, что въ общеніи съ женскими душами меня радуетъ моя новая, большая власть надъ ними, и что источникъ этой власти не во мнѣ, а въ моей живой памяти о Таниной гибели: — въ скорбности моего сердца.

Помню, что это наблюденіе приводило меня въ отчаяніе: раскрытое до конца оно очевидно означало, что преданная вѣрность ведетъ прямымъ путемъ къ измѣнѣ. Вотъ и теперь я все время пишу не Алексѣю, моему старому другу и Танину брату, но Вамъ, познакомившейся со мной совсѣмъ недавно и почти не знавшей Тани.

По субботамъ Вы съ Алешей обыкновенно приходили ко мнѣ. Съ какимъ то особымъ чувствомъ вдыхая бодрый, зимній воздухъ, что вы вносили съ собою въ переднюю, снималъ я съ Вашихъ плечъ

черную шубку и принималъ изъ Вашихъ рукъ всю оснѣженную барашковую шапку. Въ это мгновенье Вы каждый разъ однимъ и тѣмъ же привычнымъ жестомъ вынимали изъ Вашихъ мягкихъ волосъ гребень, поправляли имъ прическу и затѣмъ быстро водворяли его на мѣсто.

Лишь послѣ всѣхъ этихъ знакомыхъ мнѣ движеній обращались Вы бывало ко мнѣ со своимъ напѣвнымъ «здравствуйте Николай Федоровичъ», поднимая прямо на меня изумительно правдивый взоръ всѣхъ Вашихъ дѣтскихъ фотографій, и привѣтно протягивая мнѣ навстрѣчу Вашу маленькую руку съ индивидуально осязающими и потому, вѣроятно, всегда отдѣленными другъ отъ друга пальцами...

Сегодня мнѣ не дождаться Вашего звонка. И вечерній почталіонъ ничего не принесъ мнѣ. Пойду пройдусь по via Tuornàmbuoni и послушаю музыку въ какомъ нибудь кафэ.

Вы знаете, я страшно люблю осипшія шарманки во дворахъ Москвы, цыганскій хоръ въ приволжскихъ городахъ и надрывные дуэты жидкой скрипки и надтреснутаго тенора во второсортныхъ итальянскихъ кафэ.

Иной разъ все это право много дороже настоящей музыки.

Музыка — это свѣтлыя крылья, высоко надъ землей, а визгъ скрипки и дребезжаніе цыганскаго фальцета въ синихъ клубахъ прокуреннаго ресторана, это такое родное, безкрылое, тоскующее барахтанье въ миломъ прахѣ ея.

Ну до свиданья Наталья Константиновна, не забывайте Вашего Николая Переслѣгина.

Флоренція 1-го сентября 1910 г.

Третьяго дня, наконецъ то, получилъ Ваше письмо, Наталья Константиновна.

Написалъ «наконецъ-то» и задумался; думалъ, какъ это ни странно, надъ своимъ «наконецъ-то» безъ конца, и пришелъ къ слѣдующимъ двумъ, быть можетъ, интереснымъ для Васъ выводамъ.

Во-первыхъ, въ моемъ «наконецъ-то» не содержится никакого упрека, а во-вторыхъ, таковой упрекъ долженъ бы былъ въ немъ содержаться, но, конечно, не по отношенію къ Вамъ, а по отношенію ко мнѣ самому.

Нѣтъ словъ, Вы такъ же глубоко правы, замедляя ритмъ нашего общенія, какъ я не правъ, ускоряя его. Но что же мнѣ дѣлать если я хочу своей неправоты?

Вы просите извинить Васъ, что минуя по недосугу главныя темы моихъ послѣднихъ писемъ, ограничиваетесь сообщеніемъ мнѣ всевозможныхъ «пустяковъ».

Охотно прощаю Вамъ оба преступленія. Первое, на томъ основаніи, что считаю его порожденнымъ не столько недосугомъ, сколько Вашей тенденціей къ «медленному ритму», которую я въ Васъ только что оправдалъ; второе — на томъ, что при-

числяю Васъ къ сонму тѣхъ мудрыхъ женщинъ, для которыхъ не существуетъ житейскихъ пустяковъ: теченіемъ дней своихъ онѣ осуществляютъ принципъ дифференціальнаго счисленія, принципъ безконечно большого значенія безконечно малыхъ величинъ.

Развѣ «пустяки», что Вы въ первый годъ Вашего замужества прожили въ Луневѣ не только весь августъ, но и большую половину сентября; развѣ пустяки, что Вы думаете бросить науку и хотите серьезнѣе заняться музыкой. О, ради Бога, сообщайте мнѣ такіе пустяки. Отчетливѣе всякаго философствованія вычерчиваютъ они въ моемъ воображеніи внутренній обликъ Вашей новой жизни.

Лунево осенью! — знаете ли Вы, Наталья Константиновна, что это одинъ изъ самыхъ пѣвучихъ и дорогихъ образовъ вѣчно волнующихся у меня въ душѣ.

Всѣ мои отроческіе годы мы прожили на Луневскихъ дачахъ; въ Луневскомъ паркѣ мое раннее предчувствіе тайнъ жизни и любви сплело мнѣ тотъ вѣнокъ осеннихъ шороховъ и замираній, раздумій и мечты, который я не выпущу изъ рукъ, какіе бы дары судьба мнѣ за него не посулила.

До конца моихъ дней останется во мнѣ нетлѣннымъ воспоминаніе о моемъ Луневѣ. Солнечные, но холодные, прозрачно-четкіе и высоко, словно мачты кораблей, уходящіе въ блѣдное небо осенніе дни; ветхіе флигели и службы стараго барскаго дома, избавленные блѣдною рукою осени отъ дач-

ной суеты и какъ бы снова пріобщенные и скорбной красотѣ погибшей жизни и тихому раздумью осени; пусть трафаретный, но все еще исполненный поэзіи заглохшій прудъ; изжелта красная рябина надъ заборомъ и у террасы никлые кусты лиловыхъ астръ...

Мыслитъ Васъ любящей, и все же овѣянной осеннею печалью въ мѣстахъ моихъ юношескихъ мечтаній, снова прислушиваться къ когда то слышанной подъ окнами Вашей дачи «Chanson triste» и разрѣшать себѣ во Флоренціи тайную догадку о томъ, что быть можетъ и о Васъ было мое предчувствіе и раздумье въ Луневскомъ паркѣ, развѣ это «пустяки», а не вѣчная тема для поэта и не весьма прискорбная катастрофа для такого прозаика, какъ я.

Да, «Chanson triste. . . »

Не знаю почему, но я очень обрадованъ Вашимъ рѣшеніемъ предпочесть музыку наукѣ. Мнѣ какъ то легче представлять Васъ за роялью, чѣмъ за книгой. Быть можетъ оттого, что о женщинѣ за книгой можно только холодно думать, такъ какъ влюбленная дѣвушка перестаетъ читать, а по женщинѣ за роялью душа невольно начинаетъ нѣжно звучать, ибо любовь въ своей первоосновѣ не мысль и не образъ, а ритмъ.

Мнѣ кажется, что если до конца продумать написанное мною, чего я Вамъ отнюдь не предлагаю, то можно придти къ выводу, что я осчастливлёнъ Вашей любовью къ Алексѣю, ибо она напол-

няетъ Вашу душу тою тоскою по музыкѣ, которая во мнѣ претворяется въ тоску по Васъ.

Я думаю, Наталья Константиновна, Вы не посѣтуете на меня за мое послѣднее признаніе. Правда же въ немъ больше діалектики, чѣмъ психологіи, болѣе полушутливаго анализа любви, чѣмъ полусерьезнаго объясненія въ ней. Ну, а то, что Вы для меня не посторонній человѣкъ, а милая моему сердцу женщина, это вѣдь для Васъ не тайна.

Шлю Вамъ душевный привѣтъ и цѣлую Вашу руку.

Вашъ Н. Переслѣгинъ.

P. S. Надѣюсь, Вы не перестанете сообщать мнѣ Ваши «пустяки» на томъ основаніи, что ихъ анализъ вскрываетъ вполнѣ серьезныя вещи. Можетъ быть, если бы Вы нашли время отвѣтить мнѣ на мои большія темы, то это настроило бы нашу бесѣду на болѣе поверхностный ладъ.

Флоренція 2-го октября 1910 г.

Вчера весь день проносилъ въ карманѣ написанное Вамъ письмо, Наталья Константиновна, и такъ и не отправилъ его.

Почему? — не знаю.

Вѣроятно одна изъ наиболѣе робкихъ душъ, среди того великаго множества ихъ, что обитаютъ въ моемъ «я», осталась при особомъ, если хотите, при Вашемъ мнѣніи насчетъ ритма нашего обще-

нія, и временно наложила свое veto на мои размышленія о музыкѣ, книгѣ и любви.

Какъ видите, сегодня она или взяла обратно свое мнѣніе, или потеряла всякое вліяніе на мои остальныя души. Какъ бы то ни было, я уже снова пишу Вамъ.

Нынѣшнее прекрасное, воскресное утро провелъ на улицѣ и наслаждался флорентійскою толпою. Умѣнье итальянцевъ стоятъ на мѣстѣ и часами прохаживаться передъ входомъ въ кафэ, поистинѣ великолѣпно и даже царственно.

Праздничная флорентійская толпа на piazzo Wittorio Emmanuele невольно приводитъ на память афоризмъ Шлегеля, что «боги потому боги, что они мастера бездѣлья». Однако, сближать вегетативную лѣность итальянцевъ со священною пассивностью Индіи, какъ это дѣлаетъ неутомимый германскій теоретикъ юго-восточной праздности, все же нельзя. Мнѣ думается, что духъ Индіи гораздо ближе и духу русской святости и духу нѣмецкой метафизики, чѣмъ артистическому позитивизму пышной и прекрасной Италіи.

Конечно мое мнѣніе въ значительной степени опровергается и Божественной комедіей и мистическимъ опытомъ св. Франциска Ассизскаго и еще многимъ другимъ. Но развѣ это что нибудь значитъ? Вѣдь ни о чемъ нельзя думать, такъ, чтобы не быть чѣмъ нибудь опровергнутымъ. Ради Бога не примите это утвержденіе догматика за замѣчаніе скептика.

Недавно мы съ Екатериной Львовной были на торжественной службѣ въ Santa Croce. Я смотрѣлъ на ея усталое, одухотворенное лицо, въ которомъ выраженіе судьбы, казалось, окончательно убило выраженіе жизни, на лица итальянокъ, исполненныя чарующей, дремной жизни, но окончательно неспособныя одухотвориться выраженіемъ судьбы, и думалъ, что, быть можетъ, я въ своемъ вчерашнемъ письмѣ къ Вамъ былъ не совсѣмъ справедливъ по отношенію къ образу женщины за книгой.

Жизнь Екатерины Львовны вся прошла подъ знакомъ одиночества и немногихъ любимыхъ книгъ. Я не разъ наслаждался, слушая, какъ она защищаетъ Данте и Гете отъ нападковъ итальянскихъ футуристовъ, которые, къ слову сказать, цѣлой компаніей ужинали третьяго дня у насъ въ пансіонѣ.

Но очевидно книга книгѣ рознь.

Танина любовь къ книгамъ, къ наукѣ, какъ мнѣ ни грустно въ этомъ признаться, не разъ омрачала наше короткое счастье.

Вы вѣроятно знаете, что мы вскорѣ послѣ свадьбы уѣхали на Ривьеру и поселились между Ниццей и Монте-Карло на берегу чарующей бухты Ville Franche въ верхнемъ этажѣ средневѣковой тюрьмы, уходящей своимъ основаніемъ прямо въ море и окруженной съ суши цвѣтникомъ и садомъ русской опытной станціи.

До чего прекрасна весна на Ривьерѣ этого нельзя разсказать, это можно только словами на-

помнить тому, кто пережилъ «весну своей любви» на берегахъ Средиземнаго моря.

Особенно памятны мнѣ предзакатные часы, Рѣзкій дневной вѣтеръ часамъ къ пяти обыкновенно стихалъ. Успокоенныя воды моря синѣли, темнѣли и покрывались бѣлыми и темно красными парусами рыбачьихъ лодокъ. Воздухъ насыщался дремными, вечерними ароматами фіалокъ, гіацинтовъ, мимозъ и эвкалиптовъ, становясь густымъ и тягучимъ, какъ медъ. Низкое, круглое, красное солнце пронизывало золотомъ и пурпуромъ оливковую рощу далеко вдававшагося въ море, какъ разъ противъ нашего балкона, мыса Fera. И самые прозаическіе звуки, какъ звонъ и шумъ трамваевъ, какъ сигналъ вечерней зари въ казармахъ горной батареи, превращались въ волшебную музыку. Когда же бывало въ уже темную бухту весь въ огняхъ подъ звуки оркестра медленно и величаво входилъ пароходъ, то мнѣ никакъ не вѣрилось, что это зловредный Кукъ везетъ развлечься по Ривьерѣ своихъ бездарныхъ путешественниковъ, а не самъ божественный Орфей славитъ своею лирою ночь, весну и любовь.

Въ такомъ настроеніи покидалъ я балконъ, на которомъ вечерами читалъ и входилъ бывало въ Танину комнату.

Да простятъ мнѣ ея счастливые глаза, ея внезапная солнечная улыбка, съ которой она въ вечеръ нашего перваго вальса подняла свою руку на мое плечо и незабвенное нервное подергиваніе вокругъ губъ, — то временами недоброе чувство, что

вызывалъ во мнѣ ея образъ ученой кандидатки естественныхъ наукъ.

Въ бѣломъ халатѣ, съ толстымъ учебникомъ зоологіи по лѣвую, съ микроскопомъ по правую руку, со скальпелемъ въ рукѣ и съ какимъ то злосчастнымъ ракомъ подъ скальпелемъ, просиживала она бывало цѣлыми днями надъ своею докторской работой. Зачѣмъ? Тогда въ Ville Franche я этого не понималъ! Теперь мнѣ ясно: нервно больная и душевно надломленная, по существу же безконечно жизнерадостная и нравственно бодрая, она съ трогательною вѣрою цѣплялась за естественную науку, чтобы хоть какъ нибудь зацѣпиться за жизнь.

Если бы вы знали, Наталья Константиновна, какъ мнѣ сейчасъ больно, что я въ свое время не понялъ этого Танинаго пути и такъ жестоко доказывалъ ей преимущество артистическихъ постиженій передъ строгимъ научнымъ знаніемъ.

Но что подѣлаешь, если я уже тогда свято вѣрилъ, что настоящей женщинѣ не надо читать книгъ, души которыхъ не звучатъ, слова которыхъ не тоскуютъ о томъ, чтобы ихъ произносили вслухъ, мысли которыхъ не облекаются въ образы и образы которыхъ не слагаются въ миѳы любви.

Меня никогда не смущали наставительныя разсужденія самодовольно-ученыхъ мужей о томъ, что женщинѣ никогда не подняться до ощущенія космической сущности міра, ибо она навѣкъ обречена погруженію въ чрезмѣрно плотяную, душевно-душную теплоту женской эротики.

И понынѣ я убѣжденъ, что въ подлинной женской любви, подобной океану, и всегда устрашающей мужскую душу, больше космическаго начала, чѣмъ во всѣхъ гордыхъ твореніяхъ сугубо мужской современной науки.

Особенно это вѣрно по отношенію къ Россіи, женственная природа которой неоспоримо доказывается какъ значительностью русскихъ женщинъ, любовь которыхъ, какъ я не разъ замѣчалъ, губительна для иностранцевъ, такъ и незначительностью русской науки, которая, кажется, еще никого не свела съ ума явленіемъ своего божественнаго лика.

Думается, мнѣ удалось обосновать мою радость по поводу Вашего увлеченія музыкой нѣсколько болѣе объективно, чѣмъ то было сдѣлано въ прошломъ посланіи.

За Вашу музыку кромѣ моей тоски по Васъ высказались еще и объективная сущность женской любви и женственная душа Россіи. Надѣюсь, что въ такомъ солидномъ обществѣ моя тоска не можетъ быть заподозрѣна въ какихъ бы то ни было корыстныхъ устремленіяхъ, а потому вполнѣ успокоенный, я кладу перо и спѣшу на почту.

Привѣтъ Вамъ и Алексѣю.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 6-го октября 1910 г.

Какъ я узнаю Васъ, Наталья Константиновна,

въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Какъ характерно для Васъ признаніе, что послѣ попытокъ сообщить мнѣ свои личныя раздумья по поводу моего философствованія о любви, страданіи и кокетствѣ, Вы рѣшили, что все это для Васъ «ни къ чему» и избрали своимъ истолкователемъ моихъ вопросовъ и сомнѣній безличную отъ старости и мудрости сказку.

Правда, Ваша сказка отвѣчаетъ далеко не на все, о чемъ я писалъ Вамъ. Острый и больной для насъ вопросъ духовнаго кокетства она совсѣмъ не затрагиваетъ, но зато на мою главную тему откликается съ уничтожающей меня глубиною и простотой.

О, конечно, великая тоска христіанской дѣвушки по умершему юному мусульманину, любви котораго она не дождалась, отнюдь не перерождается у нея въ душѣ, какъ въ душѣ современнаго человѣка, въ тайную радость большого событія, повышающаго чувство метафизическаго бытія, но прямымъ путемъ смертельнаго душевнаго раненія уводитъ ее за предѣлы жизни. Я принимаю мудрость Вашей сказки и, готовый сдѣлать всѣ выводы изъ нея, принимаю и таящееся въ ней осужденіе себя, но одновременно говорю Вамъ откровенно: Ваши требованія (скрытыя, конечно, Вы вѣдь ничего не требуете отъ меня) мнѣ рѣшительно не подъ силу. Читая Ваше письмо, я устыженно чувствовалъ всю великую разницу между Вами, принадлежащей очевидно къ племени Бенъ-Азра, и мною, признаюсь въ этомъ съ грустью, во многомъ

все-таки современнымъ человѣкомъ. Намъ современнымъ людямъ, почти всѣмъ безъ исключенія не хватаетъ главнаго въ жизни: дара большого, простого, если хотите принять это слово въ смыслѣ эстетическаго термина, — дара наивнаго чувства.

Наивное чувство всегда только связь между любящею душою и предметомъ любви, связь никогда не становящаяся на мѣсто самого предмета. Наоборотъ, то сентиментальное чувство, которымъ всѣ мы грѣшимъ, всегда не только связь между любящимъ и любимымъ, но кромѣ того и само предметъ нашей любви.

Наивный человѣкъ любитъ только любимую женщину, сентиментальный, быть можетъ, любитъ больше ея самой свою любовь къ ней. Потому со смертью любимой наивный человѣкъ остается съ глазу на глазъ со своею смертью, сентиментальный — съ образомъ своей любви.

Но образъ моей любви, лелѣемый во мнѣ какъ моя мечта и мое воспоминаніе, почти всегда только зыбкое отраженіе моего раздвоеннаго «я».

Поскольку сентиментальный человѣкъ всегда живетъ чувствомъ своего собственнаго «я» — онъ эгоистъ; посколько его «я» въ немъ всегда раздвоено — онъ неизбѣжно, хотя бы и въ самомъ тончайшемъ смыслѣ этого слова, позеръ.

Сентиментальность, эгоизмъ и поза, вотъ основные элементы современнаго человѣка, завершеннымъ типомъ котораго является модный эстетъ.

Не кажется ли Вамъ, Наталья Константиновна,

что эстетизмъ въ послѣднемъ счетѣ плебейство; вѣдь пафосъ аристократизма по существу пафосъ меньшинства, т. е. въ предѣлѣ пафосъ единственности. Въ эстетизмѣ же какъ разъ нѣту внутренне глубокаго отношенія къ единственно единственному въ нашей жизни — къ смерти.

Это отсутствіе отношенія къ смерти увело изъ нашей жизни вѣру, а изъ нашего искусства трагедію.

Невѣроятное въ послѣднее время количество самоубійствъ — не возраженіе, ибо самоубійство есть всегда проявленіе жадности къ жизни, но никогда не взысканіе смерти.

Взыскавшіе смерть уводятся изъ жизни не пулей и ядомъ, но какъ дѣвушка Вашей сказки смертельною тоскою по соединенію съ любимымъ, т. е. вѣрою въ вѣчную жизнь.

Такъ мечталъ умереть — но не умеръ Новалисъ.

Прочтите, къ слову сказать, его дневники, получите громадное наслажденіе.

Вчера наконецъ получилъ письмо отъ Алеши. Читая его, вспоминалъ его прежнія письма. Какъ безконечно много значили они для меня въ свое время. Многое измѣнилось за послѣдній годъ, но Алексѣй все тотъ же: съ одной стороны безмѣрно глубокій пессимизмъ, съ другой, какой-то искусственный головной энтузіазмъ. Какъ странно, что его настоящая любовь къ такой завершенно спокойной женщинѣ, какъ Вы, не обнаружила въ его душѣ тѣхъ первозданныхъ гранитовъ, на которые

въ дни праздничнаго счастья такъ блаженно осѣдаетъ наша обычно столь утомительно крутящаяся въ пустотѣ жизнь.

Я написалъ ему большое письмо. Отъ всей души хотѣлъ бы ему помочь справиться съ его неуравновѣшенностью, но рѣшительно не знаю, какъ это сдѣлать. А между тѣмъ его письмо снова полно такой любви ко мнѣ и такой безжалостной по отношенію къ себѣ искренности, что я рѣшительно ощущаю свое неумѣніе помочь, какъ большую вину передъ нимъ.

Единственное, что заставляетъ меня крѣпко вѣрить, что онъ осилитъ въ концѣ концовъ неблагополучную сложность своей души, это то, что онъ не современный человѣкъ. Изъ своего страданія не сотворитъ кумира, свой душевный разладъ не осмыслитъ, какъ космическую борьбу Бога и дьявола, и свое постоянное самобичеваніе не превратитъ въ тайную привычку самовлюбленной позы.

Какое счастіе, Наталья Константиновна, что Вы, съ Вашей модной наружностью женщинъ Россети, но съ Вашей во многомъ столь старомодной душой нашихъ прабабушекъ, не встрѣтили на Вашемъ жизненномъ пути современнаго человѣка. На дняхъ во время автомобильной поѣздки съ англичанами въ Ассизи, я думалъ о возможности для Васъ такой встрѣчи и рѣшилъ, что она сдѣлала бы Васъ глубоко несчастной.

Вчера весь день провелъ въ Чартозѣ. На обратномъ пути долго сидѣлъ на бѣлой стѣнѣ и ѣлъ фиги. Небо было изумительно ясно. Внизу въ си-

нѣющемъ туманѣ мерцала Флоренція, кругомъ серебрились оливы и краснѣлъ листъ виноградниковъ. Гдѣ то тихо звонили колокола.

У меня было такъ хорошо на душѣ, какъ ужъ давно не было.

Да хранитъ Васъ Богъ

Вашъ Н. П.

Флоренція 15-го октября 1910 г.

Въ послѣднее время Россія все настойчивѣе напоминаетъ мнѣ о себѣ. Почти одновременно съ посланіемъ Алексѣя получилъ рядъ писемъ отъ отца и приглашеніе отъ Таниной подруги Марины погостить у нея хотя бы нѣсколько дней.

Я знаю Марину очень мало, но все же непремѣнно исполню ея просьбу. Таня ее такъ безконечно любила и судьба такъ крѣпко сплела нити нашихъ жизней, что я чувствую намъ другъ отъ друга уже никогда не уйти.

Впервые я увидѣлъ Марину въ Гейдельбергѣ на похоронахъ ея брата Бориса (черезъ три недѣли должно было въ Висбаденской церкви состояться его вѣнчаніе съ Таней); вторично четыре года спустя на пристани въ Ковно у двухъ гробовъ. Какъ случилось, что Таня утонула вмѣстѣ съ маленькимъ братомъ Марины — осталось не вскрытымъ. Но что значитъ невскрытость фактической стороны этого страшнаго событія, на ряду съ непостижимой тай-

ной его внутренней символики. Я не знаю, Наталья Константиновна, думали-ли Вы когда нибудь надъ тѣмъ, что Таня умерла въ моемъ отсутствіи, въ волнахъ того самаго Нѣмана, на берегу котораго она впервые встрѣтилась съ Борисомъ, котораго сразу же глубоко полюбила; умерла очевидно спасая его брата; умерла такимъ же жаркимъ августовскимъ полднемъ, какъ умеръ и онъ. У меня эта таинственная связь чиселъ и фактовъ постоянно лежитъ на сердцѣ, но я еще никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ о ней. Примите потому это письмо какъ знакъ моей послѣдней близости къ Вамъ, и если это Вамъ покажется нужнымъ, то простите мнѣ его.

Первую ночь послѣ похоронъ я провелъ у Марины. Она жила тогда вмѣстѣ со своимъ послѣднимъ оставшимся въ живыхъ семнадцатилѣтнимъ братомъ Сергѣемъ въ ветхомъ домикѣ внутри церковной ограды. Помню какъ мы втроемъ сидѣли въ гостиной, тускло освѣщенной маленькой лампой. Со стѣнъ смотрѣли портреты покойниковъ: Марининой матери и Бориса. Мы сидѣли почти молча, изрѣдка обмѣниваясь немногими случайными словами. Въ тишинѣ и полусвѣтѣ комнаты голосъ Марины звучалъ роднымъ и близкимъ, точно то былъ не голосъ другого человѣка, но отголосокъ собственной души.

Догорѣвшая лампа вспыхнула, продрожала и потухла. Комната погрузилась въ сумракъ; голоса замолкли, но души остались связанными какими то невидимыми, но явно ощутимыми нитями. Я думаю никто изъ насъ не могъ бы столь тихо пере-

ложить своей руки съ колѣнъ на ручку кресла, чтобы двое другихъ съ закрытыми глазами не почувствовали этой малѣйшей перемѣны позы.

Прошумѣлъ порывъ вѣтра, хлопнула балконная дверь, глухо прокатился далекій громъ. Часы медленно пробили одиннадцать.

Сережа всталъ и прошелъ къ себѣ въ комнату. Мы съ Мариной остались одни. Во мракѣ ночи погасли наши сложныя, изъ глубинъ разныхъ жизней къ одному и тому же часу прибредшія дневныя души. Единое въ насъ обоихъ страданіе сливало насъ въ единое на всю жизнь существо.

Первая блѣдная молнія на мгновеніе озарила окна и портретъ Бориса. Невольно вскинувъ голову, я вдругъ съ послѣднею ясностью почувствовалъ, какъ его печальный взоръ упалъ сквозь мои поднятые къ нему глаза на дно моей души и встрѣтился тамъ съ Таней.

Сухая гроза все усиливалась. Все чаще вспыхивали въ окнахъ бѣлыя стѣны церкви, въ которой всего только нѣсколько часовъ, — и все же уже цѣлую вѣчность тому назадъ, — стояли рядомъ два гроба и раздавалось «со святыми упокой».

Наконецъ по крышѣ рѣзко простучали первыя тяжелыя капли, а черезъ нѣсколько секундъ съ сокрушающей силой хлынулъ проливной дождь.

Часы пробили двѣнадцать, часъ, два, а вѣтеръ и дождь все усиливались и усиливались. Казалось, второй потопъ собрался еще разъ уничтожить грѣшное человѣчество.

Передъ моими глазами въ совсѣмъ почти тем-

ной, даже и рѣдкими зарницами не освѣщаемой больше комнатѣ все время слѣва направо, слѣва направо катились темныя волны Нѣмана; въ ушахъ стоялъ ихъ несмолкаемый плескъ о бортъ парохода, на которомъ я провелъ первую ночь у гроба Тани. Чувство какой то неизбывной вины передъ нею, какого то великаго грѣха тяжкимъ камнемъ давило душу.

Неужели я былъ неправъ въ томъ, что въ дни, когда Таня уже совсѣмъ приготовилась уйти вслѣдъ за своимъ Борисомъ, я вернулъ ее своею любовью къ жизни и счастью.

А если я былъ правъ, то почему же судьба привела любовь мертвеца къ такому полному торжеству надъ моею живою любовью?

Вѣтеръ и дождь стали стихать. Скорбное, влажное утро начало быстро свѣтлѣть за мокрыми стеклами оконъ.

Марина, о которой я какъ-то совершенно забылъ, до того были мы съ ней едины этою ночью, стояла въ открытыхъ балконныхъ дверяхъ и смотрѣла на кровавый въ туманѣ восходъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она тихо вышла.

Въ сосѣдней столовой послышались такіе странные послѣ страшной ночи, такіе непонятные звуки накрываемаго стола. Я всталъ и прошелъ въ столовую.

Высокая женщина въ черномъ платьѣ съ красивымъ блѣднымъ лицомъ, поднявъ на меня большіе темные глаза, спрашивала, совсѣмъ чужимъ

мнѣ, утреннимъ голосомъ, хочу ли я кофе съ молокомъ или чернаго?

Я отвѣчалъ, что хочу съ молокомъ, но не понималъ, кто она и зачѣмъ мы вмѣстѣ.

Писать больше не могу. Страшно усталъ, уже три часа утра.

Н. П.

Флоренція 22/9 октября 1910 г.

Сейчасъ двѣнадцать часовъ утра. Четыре года тому назадъ мы уже ѣхали съ Алексѣемъ въ открытой коляскѣ въ Медвѣдково, гдѣ по Танииному желанію было назначено вѣнчаніе.

Стоялъ одинъ изъ тѣхъ изумительныхъ, поздне-осеннихъ дней, которые совсѣмъ не «прекрасная погода», но живые символы спокойствія, блаженства и мудрости.

Миновавъ вокзалъ и забитый на зиму «кругъ», коляска въѣхала въ строевой сокольничій лѣсъ.

Отмелькали дачи, отзвенѣли трамваи, осталась позади и желтая желѣзнодорожная насыпь. Рѣдкимъ кустарникомъ приближались мы къ обнаженной березовой аллеѣ: черезъ нѣсколько минутъ коляска остановилась у замшенныхъ ступеней старинной церкви.

Я вошелъ въ церковь. Пустая, низкосводчатая и сумрачная, она была исполнена того же настроенія спокойствія, блаженства и мудрости, что и высокій солнечный день, которымъ я ѣхалъ въ нее.

Но это то же настроеніе было въ ней одновременно и чѣмъ то совершенно инымъ. (Недавно въ Ассизи при спускѣ изъ высокаго, свѣтлаго верхняго храма, расписаннаго жизнерадостными и природно-умиленными фресками Джотто, подъ своды нижняго этажа, гдѣ живопись потолка тонетъ во мракѣ, горятъ неугасимыя лампады и обликъ Чимабуевскаго Франциска еще такъ полонъ средневѣковой ночи, я въ переломѣ своего религіознаго настроенія снова пережилъ всю противоположность, но и все родство природной и церковной мистики и съ предѣльной ясностью вспомнилъ день своей свадьбы). Снопы косыхъ солнечныхъ лучей, падая изъ высокихъ узкихъ оконъ, прорѣзывали сумракъ церкви и лежали на полу большими свѣтлыми квадратами.

Я стоялъ направо отъ входа и ждалъ Таню. Я ждалъ ее съ такой радостью и въ такомъ волненіи, что не услышалъ стука подъѣзжавшей кареты и не замѣтилъ какъ Таня появилась въ притворѣ.

Когда же наши глаза встрѣтились, она, вся затканная бѣлымъ солнцемъ, въ бѣлой фатѣ и въ бѣлыхъ цвѣтахъ, уже стояла въ церкви. Подъ ея бѣлыми ногами дрожалъ и лучился солнечный коверъ. Хоръ вдохновенно встрѣчалъ ея душу: «гряди, гряди голубица».

Бѣлая «голубица» опустила глаза и сдѣлала одинъ удаляющій ее отъ меня шагъ: солнечный коверъ мгновенно выскользнулъ изъ подъ ея ногъ и вся она словно померкла.

Черезъ нѣсколько минутъ священникъ соединилъ передъ аналоемъ мою и Танину руку.

Не знаю почему, но этотъ моментъ Танинаго прохожденія сквозь солнце мимо меня въ послѣднее время все чаще вспоминается мнѣ и все больше и явственнѣе исполняется какого то тайнаго смысла.

Часовъ въ 7 вечера мы поѣхали на вокзалъ. На красномъ небѣ стояли гряды золотыхъ облаковъ. Москва привѣтно мерцала въ золотой пыли. Слиткомъ чистаго золота ярко лучился куполъ Храма Спасителя.

Когда мы подъѣзжали къ Сокольничьему лѣсу, солнце стояло уже совсѣмъ низко, лишь самыя макушки сосенъ пламенѣли въ послѣднихъ лучахъ.

Скоро совсѣмъ стемнѣло. Въ просѣкахъ парка зажглись голубые фонари. Мимо, со звономъ и грохотомъ неслись ярко освѣщенные, переполненные трамваи. «Какъ хорошо, что мы съ тобой одни, что въ церкви не было постороннихъ и что люди въ огняхъ летятъ мимо насъ», сказала Таня, крѣпко сжимая мои руки.

Наша карета (двумѣстная, обитая синимъ сукномъ и съ гранеными стеклами, — я какъ сейчасъ вижу ее передъ собой), остановилась у Брестскаго вокзала. Веселый, тучный носильщикъ ловко перекинулъ черезъ плечо наши чемоданы и почти бѣгомъ повелъ намъ къ нашему вагону.

Поѣздъ быстро несся въ холодную ночь. Въ черномъ окнѣ, словно низвергнутыя съ небесъ

опальныя звѣздныя души, кружились крупныя золотыя искры; залитое мягкимъ разсѣяннымъ свѣтомъ купэ было исполнено той острой тайны поѣзда, что съ такою глубиною вскрыта Толстымъ въ «Аннѣ Карениной».

Таня сидѣла противъ меня. Ея лицо надъ букетомъ желтыхъ розъ у чернаго въ золотыхъ искрахъ окна на фонѣ краснаго бархата сіяло незабвеннымъ вдохновеніемъ: и счастьемъ и скорбью.

Я не знаю, Наталья Константиновна, хорошо ли Вы помните Таню? Ея простое, русское лицо округлый жестъ, родной московскій говоръ, небольшіе, но изумительно живые каріе глаза и удивительную, никогда ни у кого невиданную мною улыбку, побѣждавщую внезапностью своего появленія и своею солнечностью.

Главное, помните ли кромѣ этого внѣшняго облика Тани, за который ее всѣ такъ просто и искренне любили, ея второй, болѣе внутренній обликъ, какъ бы вписанный въ четкія черты перваго неуловимыми для невнимательныхъ взоровъ линіями — помните ли неожиданно-изступленныя удареній и мертвыя паузы ея рѣчи, внезапныя окаменѣнія жеста, обаятельно индивидуальное и все же типично-нервное подергиваніе вокругъ губъ, мгновенное скорбное озареніе счастливаго лица и ту предѣльную обнаженность и хрупкость всего существа, въ которой такъ выразительно объединялись всѣ эти отдѣльныя черты ея второй, внутренней внѣшности.

Ничто такъ убѣдительно не свидѣтельствуетъ о той великой радости жизни, которую таитъ въ себѣ молодость, какъ ея упорное стремленіе преувеличивать духовную цѣнность страданія.

Когда я познакомился съ Таней, мнѣ было двадцать лѣтъ. Помню, какъ меня сразу же таинственно взволновало выраженіе болѣзненной скорби, которымъ затрудненно дышало ея простое и какъ будто счастливое лицо.

Спустя два года, когда я увидѣлъ ее уже послѣ смерти Бориса, темный жилецъ ея души, тяжелый, нервный недугъ, окончательно держалъ ее въ своихъ властныхъ и жестокихъ рукахъ. Временами онъ надолго уводилъ ее въ какія то невѣдомыя сферы, двоилъ ея сознаніе, погружалъ въ таинственный сонъ, заставлялъ забывать все прошлое, приподымалъ завѣсу надъ будущимъ...

Внезапная и страшная смерть Тани глубоко потрясла меня, но совершенно невыносимое страданіе поднялось у меня въ душѣ позднѣе, когда перечитывая Танинъ дневникъ, я сталъ понемногу догадываться о томъ, что никогда не приходило мнѣ въ голову за нашу короткую жизнь.

Я очень любилъ свѣтлую, здоровую и счастливую Танину душу, но влюбленъ я былъ не въ нее, а въ ея жуткій недугъ. Такое отношеніе къ Танѣ я очевидно переживалъ какъ правду и цѣлостность моей любви. Во всякомъ случаѣ я имъ никогда не мучился и никогда не думалъ надъ нимъ. Какую же страшную муку причинялъ я ей тѣмъ, что разрѣ-

шалъ себѣ остро наслаждаться злосчастнымъ надломомъ ея души.

Болѣя и страдая, она послѣдними остатками своего здороваго инстинкта жизни отчаянно боролась съ наступавшимъ на нее мракомъ; я же съ наивной жестокостью надламывалъ въ ней ея волю къ здоровью и счастью, надламывалъ тѣмъ, что никогда не скрывалъ отъ нея, какъ мнѣ безумно начинало нравиться ея лицо какъ разъ въ тѣ минуты, когда оно блѣднѣло подъ гипнотизирующимъ взоромъ темнаго жильца ея души.

Послѣднія мгновенья Таниной жизни были безусловно мгновеніями страшной борьбы между ея свѣтлой душой, которую я не сумѣлъ полюбить, и ея призрачнымъ недугомъ, который таинственно питалъ мою влюбленность. Бросившись въ воду на помощь утопавшему Колѣ, она очевидно, сразу же у берега впала въ тотъ свой глубокій обморокъ-сонъ, который часто нисходилъ на нее въ минуты большого волненья.

Наталья Константиновна, въ послѣднихъ глубинахъ моей страстной любви къ Танѣ, я нѣкогда такъ блаженно пронзался этимъ нисхожденіемъ, что теперь, когда оно вмѣстѣ съ Танинымъ сознаніемъ погасило и ея жизнь, я не могу не чувствовать себя соучастникомъ Нѣмана въ страшномъ дѣлѣ ея убійства.

Но ради Бога — почему, зачѣмъ я пишу Вамъ объ этомъ. Какъ я могу, какъ я смѣю объ этомъ писать!

Прощайте. Н. П.

31 декабря 1910 г.

Поѣздъ несется съ невѣроятною быстротой. Писать очень трудно и я прошу извиненія за неразборчивость почерка. Въ Базелѣ вышли послѣдніе пассажиры и я совершенно одинъ не только въ своемъ купэ, но кажется во всемъ вагонѣ.

Вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ какъ я послалъ Вамъ послѣднее письмо. Хотѣлъ не писать больше. Мучила вина передъ Таней. Томилъ полный разладъ съ самимъ собою: глухая вражда къ прекрасной Флоренціи, страстная тоска по заснѣженнымъ далямъ Россіи и, быть можетъ, понятная Вамъ подозрительность по отношенію къ тайной волѣ этой тоски.

Хотя сейчасъ передо мною и мерзнетъ шампанское, хотя на меня и смотрятъ принесенные на вокзалъ милою Екатериной Львовною флорентійскія фиги, хотя купэ и наполнено дымомъ гаванской сигары, хрупкій прахъ которой таинственно дышетъ огненными жабрами, во мнѣ нѣтъ и нѣтъ новогодняго настроенія: — нѣтъ звона, нѣтъ пѣсни, нѣтъ праздника. Есть только жестокая новогодняя честность съ самимъ собою, да горькое чувство итога, грани и опустошенности.

Но я не такъ все пишу, Наталья Константиновна, и все не о томъ! У меня на сердцѣ камнемъ лежитъ событіе, о которомъ рѣшилъ было не писать Вамъ, о которомъ все время не зналъ разскажу ли когда нибудь при свиданіи. Но вотъ что то сдви-

нулось въ душѣ; я пишу и уже знаю, что напишу все.

То письмо, въ которомъ писалъ Вамъ о своей винѣ передъ Таней, дописывалъ въ очень тягостномъ настроеніи. Надписавъ конвертъ, я вышелъ на улицу. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, лилъ дождь, было почти совсѣмъ темно. По пустыннымъ улицамъ изрѣдка проплывали черные накрененные зонты. На душѣ стало совсѣмъ невыносимо. Но вотъ я вошелъ въ тепло натопленное, ярко освѣщенное почтовое отдѣленіе, вынулъ изъ кармана письмо и передалъ его чиновнику. Черезъ минуту онъ вручилъ мнѣ квитанцію. Я живо представилъ себѣ, какъ Вы въ Москвѣ расписываетесь въ полученіи «заказного» и волны свѣта и мрака, счастья и угрызеній совѣсти одновременно пошли по душѣ.

Когда я вернулся домой и, подойдя къ столу, вдругъ замѣтилъ, что Танинъ портретъ сдвинутъ съ мѣста(я очевидно отставилъ его, когда писалъ Вамъ), меня больно пронзила уже не разъ мелькавшая во мнѣ мысль, не есть ли та искренность, съ которой я въ послѣднее время разсказывалъ Вамъ о Танѣ, измѣна ея памяти и предательство нашей любви.

Привычнымъ жестомъ попытался я было отогнать отъ себя эту страшную догадку, но на этотъ разъ она не сдалась и не исчезла.

Тогда я взглянулъ ей прямо въ глаза и, какъ то ни разъ со мной бывало, вдругъ понялъ все.

Я понялъ, что письма, въ которыхъ писалъ Вамъ о Танѣ, были мнѣ внушены не моею тоскою

по ней, но моею тоскою по Васъ; я понялъ, что навязывалъ Вамъ свою преданность Танѣ въ качествѣ доказательства своего права на близость съ Вами, въ цѣляхъ укрѣпленія въ Васъ долга Вашей близости ко мнѣ.

Ужасъ, допустить себя до такого самообмана. Большій ужасъ внезапно вскрыть его въ себѣ: — увидать свои воспоминанія объ умершей въ распоряженіи своихъ мечтаній о живой.

Наталья Константиновна, все послѣднее время мучился я этимъ открытіемъ, котораго не принимала душа. Если бы годъ тому назадъ мнѣ кто нибудь сказалъ, до чего я дойду въ своемъ предательствѣ Таниной памяти, я почелъ бы такое пророчество за величайшую клевету.

Но вотъ исполнились сроки; извилистыми тропами пробрались въ душу какія то невѣдомыя силы и все перевернули въ ней. Въ величайшей растерянности стою я передъ самимъ собою и не понимаю, что же я за существо, если нѣтъ въ моей душѣ грани между страданіемъ и наслажденіемъ, между вѣрностью и измѣной, между искренностью и лицемѣріемъ, между жизнью и смертью.

Еще вчера, родная, я ни за что не написалъ бы Вамъ этого письма. Его мнѣ внушила новогодняя ночь, ночь исповѣдница, ночь пророчица, странная призрачная ночь, изъ года въ годъ наполняющая душу ожиданіемъ чуда и обручающая ее вѣчности, — ночь, изъ года въ годъ своимъ звономъ о новомъ счастьѣ предающая все прожитое забвенію и наполняющая душу горькою скорбью.

Горше чѣмъ когда либо была сегодня моя новогодняя скорбь: величайшимъ преступленіемъ лежало на сердцѣ темное предательство Тани.

Но вотъ сейчасъ, послѣ признанья Вамъ, я чувствую себя словно перерожденнымъ. Моя скорбь окрылилась и въ душѣ поднялось пѣвучее новогоднее настроеніе: оно пророчитъ мнѣ нашу встрѣчу, оно даритъ меня предчувствіемъ Васъ.

Я знаю, это письмо темною бездною разверзнется у Вашихъ ногъ, истерзаетъ Васъ и отдалитъ отъ меня — и все же я радъ что оно написано, что черезъ какой нибудь часъ оно будетъ отослано Вамъ.

На что я надѣюсь — не знаю.

Быть можетъ на то, что надъ бездною душа окрыляется далями. Быть можетъ на то, что въ полетѣ она исцѣляется отъ своихъ мукъ... не знаю...

Поѣздъ замедляетъ ходъ. Какая то большая станція. Бѣгу опустить письмо. Съ Новымъ годомъ, Наталья Константиновна, съ новымъ счастьемъ.

Весь Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 8-го января 1911 г.

Вотъ я и снова въ Гейдельбергѣ. Сижу въ старомодной комнатѣ «Шридеровой» гостиницы, смотрю на темнѣющій въ сыромъ лиловомъ сумракѣ асфальтъ вокзальныхъ платформъ, на желтый циферблатъ свѣтящихся часовъ, на огни маневри-

рующихъ вдали паровозовъ и все думаю, думаю завѣтную Тургеневскую думу: «Дымъ, дымъ... дымъ».

Помните, Наталья Константиновна, какъ дума эта стучала въ головѣ Литвинова въ скорбный часъ его проѣзда черезъ Гейдельбергъ, когда въ его купэ смотрѣло то же окно «старинной Шридеровой гостиницы», у котораго я сегодня просидѣлъ не одинъ часъ, всматриваясь въ клубящійся дымъ моихъ воспоминаній.

Всѣ эти дни съ утра до вечера бродилъ по Гейдельбергу и его окрестностямъ. Онъ все такой же, какимъ я его впервые увидѣлъ десять лѣтъ тому назадъ, какимъ покинулъ, получивъ отъ Марины телеграмму о Таниной смерти.

Тѣ же веселыя толпы студентовъ-корпорантовъ въ пестрыхъ шапочкахъ и лентахъ, тѣ же хмурыя группы русскихъ евреевъ-эмигрантовъ, тѣ же самодовольные американцы въ ландо на набережной Неккара и по дорогѣ къ замку. Тѣ же разсыльные около университета и вокзала, тѣ же марши и вальсы въ кафэ.

Въ прокуренномъ «Perkeo» все тѣ же добродушно шумливые бюргеры, извѣчно раздѣленные на приверженцевъ «мюнхенскаго» и «пильзенскаго», все тѣ же засаленныя карты, все тѣ же вѣчные споры о канцлерѣ и бургомистрѣ.

Единственная новость, о которой мнѣ не безъ таинственности сообщилъ старинный знакомый, флейтистъ и оберкельнеръ, Шмидтъ — незаконная внучка у семидесятилѣтняго профессора оріенто-

логіи, всю свою жизнь внушавшаго веселымъ буршамъ радости небытія, но не справившагося съ жизнерадостностью собственной дочери. Не правда ли, какая остроумная месть жизни безжизненно академической проповѣди чужого религіознаго міросозерцанія.

Когда я пріѣхалъ въ Гейдельбергъ, мнѣ не было еще и двадцати лѣтъ. Никакими словами не передать мнѣ Вамъ, Наталья Константиновна, какой-то совершенно особой вдохновенности тѣхъ моихъ дней. Желаніе какъ можно глубже, какъ можно скорѣе все познать, пережить, постичь такъ страстно клокотало въ груди, что порою я начиналъ бояться какого то взрыва въ себѣ. Предчувствіе себя на вершинѣ жизни съ такой отчетливостью и страстью вскипало порою въ душѣ, что медленное восхожденіе казалось измѣной; душа требовала мгновеннаго взлета. Среди лекцій, на которыхъ я просиживалъ цѣлыми днями, вечерами надъ книгою я постоянно безвольно уносился душою въ какія то мечтательныя дали, возвращаясь же къ книгѣ, проклиналъ свое неумѣніе покорно и сосредоточенно работать.

Теперь, когда тѣ дни съ ихъ священными, съ утра освѣщенными, зимними аудиторіями, съ ихъ тихими вечерами надъ впервые открытыми страницами Платона или Шеллинга, съ ихъ отчаяньемъ понять высоко въ горахъ надъ городскими огнями, какъ это міръ мое представленіе, когда онъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ меня такой прочной устойчивостью и древнею мудростью, такъ далеко

отошли отъ меня, — теперь, когда десятилѣтнее общеніе съ памятниками науки и искусства уже успѣло породить въ моей душѣ ту профессіональную развязность (такъ называемую научную объективность), съ которою церковные сторожа снимаютъ во время богослуженія нагаръ со свѣчей и я уже вполнѣ владѣю высокимъ, но и грустнымъ искусствомъ не заглушать біеніемъ собственнаго сердца звучанія міра, — теперь, о теперь Наталья Константиновна, я бы съ величайшею радостью отдалъ все мое знаніе и все мое умѣніе за дифирамбическій восторгъ тѣхъ моихъ раннихъ «младенческихъ» дней.

Впрочемъ все это праздныя размышленія. Какъ бы душа ни стремилась вернуть себѣ потерянный рай, жизнь не знаетъ обратныхъ путей и никогда не возвращаетъ прошлаго, если не считать за возвратъ тѣ наши воспоминанія и мечты о немъ, которыми она часто такъ безжалостно отравляетъ наше настоящее и даже будущее...

9-го января.

Вчера много бродилъ въ горахъ. Стоялъ удивительный для здѣшнихъ беззимнихъ мѣстъ снѣжный, солнечный день. Пообѣдать забрался въ тихій незатѣйливый «Speierhof«». Поздоровавшись съ хозяйкой, радушной старушкой, сразу же узнавшей во мнѣ стараго знакомаго, я прошелъ въ тепло натопленное свѣтлое зальце, гдѣ въ качествѣ единственнаго посѣтителя усѣлся за своимъ любимымъ

столомъ у окна, выходящаго на обсаженную молодыми яблонями небольшую площадку лѣтняго кафэ.

На этой площадкѣ почти цѣлыхъ девять лѣтъ тому назадъ я впервые увидѣлъ Таню.

Сіяло прекрасное майское утро, блаженно напоенное медвяными ароматами цвѣтущихъ липъ. Повсюду раздавался веселый птичій щебетъ и звонкое жужжаніе пчелъ. За круглымъ столикомъ, (какъ странно, что нельзя узнать за какимъ изъ тѣхъ, что сейчасъ нагромождены другъ на другѣ въ стеклянной галлереѣ), я увидѣлъ спиною ко мнѣ знакомую мужскую фигуру въ че-су-чѣ, а напротивъ нея дѣвушку въ бѣломъ платьѣ и большой панамѣ съ длинной желтой вуалью. На снѣжно-бѣлой скатерти стола, на красно-желтомъ пескѣ вокругъ него, на че-су-чѣ костюма дрожали круглыя золотыя пятна. На оживленномъ лицѣ дѣвушки сіяла счастливая солнечная улыбка.

Боже мой, въ какой безконечной дали предстало вчера предо мной то блаженное майское утро, и какъ трепетно дорого, какъ безконечно близко было оно мнѣ... — близко своею далью. Такъ близокъ, такъ дорогъ бываетъ душѣ покидаемый берегъ родной земли...

Скажите, Наталья Константиновна, обрадованы ли Вы тѣмъ, что я такъ прямо и просто говорю Вамъ, что моя жизнь съ Таней превратилась для меня нынѣ въ хотя и очень дорогой, но все же и радостно покидаемый берегъ.

Я этимъ приливомъ правды въ міръ нашихъ

отношенiй, говоря откровенно, скорѣе обрадованъ, чѣмъ опечаленъ, и безконечно благодаренъ новогодней ночи, что она вдохновила меня на жестокую искренность съ самимъ собою и съ Вами.

Пусть эта искренность открыла мнѣ глаза на то, что у меня въ душѣ готовились свить себѣ гнѣздо предательство и лицемѣрiе; все равно — самый фактъ этого открытiя, пролившiй новый свѣтъ на всѣ переживанiя послѣдняго времени и такъ неожиданно выявившiй грѣховную первооснову моей души, внесъ нѣкоторое успокоенiе въ мою внутреннюю жизнь.

Быть можетъ такой поворотъ отъ осознанiя своего грѣха къ быстрому успокоенiю покажется Вамъ и странностью и грѣхомъ. Мнѣ же онъ вполнѣ понятенъ. Я его не разъ наблюдалъ и въ себѣ и въ другихъ, какъ совершенно неизбѣжный и внутренне, по моему, вполнѣ оправданный душевный ходъ. Вѣдь даръ сомопознанiя не только теоретическая способность, но и нравственная цѣнность: — готовность къ всегда мучительному надлому цѣльности своего мiроощущенiя, а потому нѣсколькими ступенями уже и готовность къ страданiю. Готовность же къ страданiю всегда успокаиваетъ и облегчаетъ вину.

Почему я раньше не понималъ, что мои письма къ Вамъ — ничто иное, какъ измѣна Танѣ и склоненiе Васъ къ измѣнѣ Алексѣю. Конечно потому, что внутренне не былъ еще готовъ къ отказу отъ одновременнаго наслажденiя и полнотою моей любви къ Танѣ, въ формѣ неомраченныхъ воспо-

минаній о ней, и цѣльностью моей любви къ Вамъ, подъ щитомъ лирической и бекорыстной дружбы.

Теперь, когда я подсмотрѣлъ хищническій замыселъ своей души и сознательно отказался отъ него, когда я понялъ неизбѣжность выбора, жертвы и предательства, усвоилъ долгъ своего грѣха, я спокоенъ и даже какъ-то внутренне оправданъ передъ собою.

Но Боже мой, Наталья Константиновна, если бы Вы знали, какъ мнѣ надоѣло, опостылѣло это мое постоянное «не могу не сознавать». Если бы знали Вы какъ много далъ бы я, чтобы перестать быть одновременно и анатомомъ и костюмеромъ своей собственной души. Скелетъ въ позѣ Нарцисса, что можетъ быть гнуснѣе этого образа, и что можетъ точнѣе опредѣлить сущность моей души.

Но только не всю сущность, Наталья Константиновна, вѣрьте, не всю. Я знаю, я чувствую, я вѣрю, наконецъ, что гдѣ-то глубоко во мнѣ плачетъ и гибнетъ ребенокъ, который можетъ быть спасенъ и взращенъ только Вами одной.

Пока кончаю. Буду ждать Вашихъ писемъ, Вашихъ рѣдкихъ, прекрасныхъ писемъ, которыя всегда съ такою силой стѣсняютъ мою душу единственнымъ «лирическимъ волненьемъ».

До свиданія, Наталья Константиновна, до скораго свиданія въ Москвѣ.

Цѣлую Ваши руки

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гайдельбергъ 18 января 1911 г.

Я очень боюсь Наталья Константиновна, что мой заѣздъ въ Гейдельбергъ окажется въ концѣ концовъ пустою затѣей. Боюсь, такъ какъ начинаю предчувствовать, что, сколько времени я ни проводилъ бы въ здѣшней библіотекѣ, я врядъ ли по настоящему продвину свою работу. Очевидно я могу успѣшно работать только при условіи полной одержимости интересующимъ меня предметомъ. Одержимъ же я сейчасъ не столько стремленіемъ читать письма нѣмецкихъ романтиковъ, сколько желаніемъ получить письмо изъ Москвы.

Но я знаю, оно придетъ не скоро: — вѣдь для Васъ писать, все равно что болѣть. Ну что же, буду терпѣливо ждать и отъ нетерпѣнія писать Вамъ.

Знаете, Наталья Константиновна, за что я люблю нѣмецкую душу? — за полное отсутствіе въ ней всякой нарядности, всякой позы и всякаго охорашиванія, за ея уродливую выразительность и умную угловатость, однимъ словомъ за ея существенную мужественность.

Отчего я пишу Вамъ сейчасъ объ этой мужественности — не знаю. Вѣроятнѣе всего оттого, что мнѣ такъ надоѣла моя собственная женственность и оттого, что я не хочу писать Вамъ о томъ, о чемъ мнѣ хочется Вамъ писать.

Послѣдніе дни я себя чувствовалъ не хорошо, взволнованно и одиноко, такъ что мои здѣшніе друзья рѣшительно не знали какъ ко мнѣ подступиться.

Вчера утромъ по пути въ библіотеку ко мнѣ зашелъ мой большой пріятель Dehlis, здѣшній доцентъ философіи, очень талантливый человѣкъ о которомъ, помните, я много разсказывалъ Вамъ; онъ очень любилъ Таню. Замѣтивъ мое тяжелое душевное состояніе, онъ жертвенно рѣшилъ пропустить свои «Arbeitsstunden», и опустился въ кресло у письменнаго стола.

Смотря на меня нечеловѣчески преданными глазами, онъ смущенно и цѣломудренно началъ уговаривать не предаваться такъ всецѣло созерцанію смерти. Если бы Вы знали, Наталья Константивновна, какъ мнѣ было трудно и стыдно смотрѣть ему прямо въ глаза. Но сознаться, что я страдаю не отъ слишкомъ преданнаго созерцанія смерти, но отъ предательства и забвенія тайны ея, я ни за что бы не могъ. Передъ такимъ признаніемъ его суровая прямолинейная честность рѣшительно растерялась бы: онъ или не повѣрилъ бы, или на всю жизнь разочаровался бы во мнѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ оказался бы не правъ, я же виноватъ въ его неправотѣ.

Потерявъ надежду облегчить мою душу дружески откровенной бесѣдой о покойной Танѣ, онъ рѣшился развлечь меня философскимъ споромъ и началъ съ такой замѣтной для меня незамѣтностью наводить разговоръ на нашу вѣчную тему объ отношеніи философіи къ религіи и мистикѣ.

Сложна душа человѣка, Наталья Константиновна, а душа русскаго человѣка не только сложна, но и спутана. Я съ искреннею благодарностью слѣ-

дилъ за всѣми дружескими усиліями милаго Dehlis'а но одновременно во мнѣ росло и раздраженіе противъ него; съ тайнымъ злорадствомъ ждалъ я такого оборота его рѣчи, на который могъ бы обрушиться негодованіемъ, обидой или отчаяніемъ. И вотъ, когда онъ сказалъ, что не вѣритъ въ подлинность моего религіознаго переживанія и думаетъ, что страстная защита мистики означаетъ во мнѣ лишь эстетическое пристрастіе къ стилистическимъ формамъ романтическаго міросозерцанія, я вдругъ вскипѣлъ всѣмъ существомъ и произвелъ отчаянно безтактный славянофильскій натискъ, какъ на самого Dehlis'а, такъ и на всю разсудочно-немощную стихію современной Германіи.

Несмотря на всю лживость этого натиска, (Вы знаете я отнюдь не славянофилъ) мое волненіе было настолько искренно и сильно, что довело меня до тяжелаго истерическаго припадка.

Когда я очнулся на постели, было уже поздно. Лучи заходящаго солнца румянили желтые изразцы печи, въ комнатѣ сильно пахло валеріаномъ, на столикѣ необычайно громко тикали часы, а въ окнѣ жужжала муха. Голова кружилась. Въ словно избитомъ тѣлѣ чувствовалась страшная усталость, но на душѣ, какъ всегда послѣ припадка, было спокойно и мирно, туманно и все же свѣтло. Единственное, что мучило — это острый стыдъ передъ Dehlis'омъ и боязнь какъ бы онъ не обидѣлся.

На мой звонокъ вошла сама хозяйка. Передавъ записку Dehlis'а, въ которой онъ каялся въ своей безтактности и обѣщался завтра же зайти, она

освѣдомилась о моемъ здоровьѣ и о моихъ желаніяхъ. Я сказалъ, что чувствую себя вполнѣ здоровымъ и попросилъ крѣпкаго кофе. Обрадованная такимъ оборотомъ дѣла, почтенная вдова придворнаго тенора послѣ нѣкоторыхъ колебаній наконецъ спросила, не помѣшаетъ ли мнѣ назначенная на сегодня музыка(eine kleine Misikunterhaltung) въ честь помолвки ея дочери съ кандидатомъ правъ докторомъ Mônkeberg'омъ.

Поблагодаривъ ее за вниманіе и поздравивъ съ радостнымъ событіемъ, я сказалъ, что буду очень радъ послушать Dr Mônkeberg'a изъ своей комнаты.

Выпивъ кофе и полиставъ какой то романъ, я снова впалъ въ свое утреннее состояніе полусна, полузабытья.

Видѣлся мнѣ черный Нѣманъ подъ темнымъ беззвѣзднымъ небомъ. У сельской пристани маленькій пароходъ. Мы съ Алексѣмъ на пристани; — смотримъ на освѣщенныя восковыми свѣчами окна капитанской каюты. Въ каютѣ Танинъ гробъ въ зелени со склоненною надъ нимъ Мариною.

Волны рѣки ударяютъ о срубъ пристани, полъ пристани мѣрно вздрагиваетъ подъ ногами. Вѣчный ритмъ укачиваетъ душу и мнѣ кажется, что я совсѣмъ маленькій, что меня тихо баюкаютъ чьи то нѣжныя руки въ родной дѣтской передъ синими звѣздами субботнихъ лампадъ. Чьи то уста нѣжнымъ шопотомъ напѣваютъ тихія пѣсни. Но вотъ тихія пѣсни начинаютъ усиливаться, шириться, окрыляться, наполнять душу безысходной тоской...

Я прихожу въ себя на палубѣ парохода. Надъ рѣкою клубятся сизые туманы. На предразсвѣтномъ небѣ тихо догораютъ блѣднѣющія звѣзды. Алеша сидитъ со мною рядомъ, наклонясь ко мнѣ и взявъ мою руку онъ словно мать утѣшаетъ меня, маленькаго. Его нѣжныя слова доходятъ до меня какъ будто сквозь сонъ, сквозь туманъ...

Не то серебристыми туманами, не то цвѣтущими яблонями подымаемся мы съ Вами, Наталья Константиновна, къ какому то странному бѣлому зданію. Я узнаю его. Большая стеклянная терраса спускается къ блѣдносинимъ водамъ Виллафранкской бухты. Въ открытыхъ настежь дверяхъ стоитъ Таня вся въ бѣломъ, подъ бѣлой вуалью, не то невѣста, не то покойница...

Вздрагивая, я просыпаюсь со страшнымъ сердцебіеніемъ и прислушиваюсь: высоко надъ землей поютъ небесные просторы. Но мое блаженство длится недолго. Мгновенье... надзвѣздная пѣснь тяжелѣетъ и падучей звѣздой срывается внизъ... я слышу пріятный мужской голосъ, поющій Шумана...

Въ дверь стучатся. Входитъ сіяющая хозяйка и, ставя на столъ ужинъ, говоритъ: « Nicht wahr, Herr Doktor, der Herr Mœnkeberg singt doch einen schœnen Bariton . . . »

Ея слова, доносящіяся до меня словно съ противоположнаго берега, сразу высвобождаютъ душу изъ подъ гнета летаргическаго оцѣпенѣнія. Воспоминанія и галлюцинаціи покидаютъ ее, но оставляютъ невыносимую боль. Боль эта «словно въ

свое жало» собирается въ страшную тоску по Васъ.

Пишите же мнѣ скорѣе Наталья Константиновна.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 21-го января 1911 г.

Наталья Константиновна, избравъ мѣстомъ ожиданія Вашего отвѣта Гейдельбергъ, я пошелъ по пути наибольшаго сопротивленія моему чувству къ Вамъ. Гейдельбергъ весь полонъ воспоминаніями о нашей жизни съ Таней. Здѣсь образъ Тани неотступно стоитъ передъ моими глазами, и я знаю, если бы онъ таилъ въ себѣ запретъ моей любви къ Вамъ, то подъ каштанами Гейдельберга во мнѣ должна была бы возникнуть мысль объ отреченіи отъ Васъ.

Она не возникла и мои воспоминанія о Танѣ проявили по отношенію къ моимъ предчувствіямъ Васъ, не только полную уживчивость, но почти непонятную дружбу.

Я знаю, Наталья Константиновна, мы съ Вами разные люди и Вамъ врядъ ли до конца понятно то, что наполняетъ сейчасъ мою душу. Въ Васъ какимъ то чудомъ осталась жива мудрость античнаго міра. Вы не знаете тоски по безконечному на горизонтѣ, ибо Вы знаете блаженство пребыванія безконечнаго въ Васъ. Вы не пріемлете романтизма, этого немощнаго наслѣдника умирающаго христіанства, съ его грустно иронической улыбкой

надъ всякою дѣйствительностью, какъ надъ вѣчно неудачнымъ воплощеніемъ мечты. Для Васъ малоцѣнно все, что не спокойно, не ограничено, не воплощено. Вы любите полдень цѣльнаго чувства и Вамъ чужды лунныя ночи усложненныхъ переживаній, въ призрачной игрѣ которыхъ исчезаетъ иной разъ всякій реальный предметъ.

Все это я знаю, Наталья Константиновна, и даже больше: признаю, что Вашъ подходъ къ жизни значительнѣе и глубже моего, но что же мнѣ дѣлать, если я рожденъ запоздалымъ романтикомъ.

Читая, къ слову сказать, вчера вечеромъ одного изъ наиболѣе любимыхъ мною романтиковъ современности Reiner'a Maria Rilke, я набрелъ на поразившія меня строки:

« Vergangenes steht noch bevor
« Und in der Zukunft liegen Leichen ».

Будь я поэтомъ, я избралъ бы эти строки эпиграфомъ къ поэмѣ моихъ послѣднихъ Гейдельбергскихъ дней.

Къ сожалѣнію я не поэтъ, а всего только человѣкъ досадно обремененный необходимостью постояннаго самоанализа.

Разрѣшите же мнѣ, дорогая Наталья Константиновна, въ цѣляхъ обязательнаго для меня воздержанія отъ дальнѣйшихъ признаній, занять Ваше вниманіе слѣдующими соображеніями о родствѣ воспоминаній и мечты.

Не знаю какъ Вы, но я считаю память самою благородною душевною силою человѣка. Вспоми-

нать и облагораживать, это, по моему, почти одно и тоже. Преступленія нашей жизни память облагораживаетъ путями стыда и раскаянія, образы страсти путями охлажденія и одухотворенія. Значительныя переживанія, даруемыя намъ жизнью испещренными будничными случайностями, сгущаются памятью въ сплошные духовные массивы и даже сѣрость будней превращается ею изъ простой безцвѣтности въ цѣнный моментъ красочной сложности жизни.

Поистинѣ память является, по моему, и самымъ строгимъ судьей и самымъ талантливымъ зодчимъ нашей души. Какое счастье для человѣчества, что какъ разъ память есть въ насъ та сила, при помощи которой мы собираемъ наши разрозненныя переживнія въ цѣлостный обликъ жизни. Не будь этотъ сборъ дѣломъ памяти, кто изъ насъ могъ бы съ миромъ окончить предсмертную жатву свою.

Но если такъ, то вспоминать не можетъ значить просто возвращать себѣ въ сознаніе то, что нѣкогда было нашею жизнью. Украшай и облагораживай мы памятью точныя копіи изжитыхъ дней, что означало бы тогда все благородство ея, какъ не неизбѣжное въ насъ съ теченіемъ времени паденіе вкуса и нравственной требовательности?

Очевидно природа памяти много сложнѣе и таинственнѣе. Всматриваясь въ очень напряженную во мнѣ въ послѣднее время жизнь памяти, я подсмотрѣлъ, какъ мнѣ кажется, тайну ея.

Вспоминать — это значитъ, Наталья Константиновна, высматривать въ прошломъ его непрехо-

дящую идею, его безсмертную душу, высвобождать преображающей силой памяти эту душу изъ объятій той бренной дѣйствительности отошедшихъ дней, въ которой она была въ свое время въ гораздо большей степени загублена, чѣмъ воплощена, и одновременно силой мечты, всегда соприсутствующей памяти уже и творить этой освобожденной душѣ нѣкую новую, достойную ея, преображенную плоть. Тѣ переживанія, что мы называемъ мечтаніями и воспоминаніями, представляютъ собою въ сущности два отличныхъ, но нераздѣльныхъ момента единаго въ душѣ процесса, процесса допрашиванія нашей жизни о ея вѣчномъ смыслѣ, допрашиванія вѣчности о внутреннемъ достоинствѣ нашихъ дней, часовъ и путей.

Процессъ этотъ протекаетъ въ насъ весьма различно.

У меня бываютъ часы, когда я свято вѣрю въ то, что гдѣ-то въ вѣкахъ, быть можетъ, за гранью жизни моя душа была обручена съ Вѣчностью.

Въ такіе окрыленные часы душѣ все кажется возможнымъ и доступнымъ. Смѣло отдается она своимъ мечтамъ и свято вѣритъ въ ихъ осуществленіе. Вѣритъ, ибо знаетъ: мечты не пустыя фантазіи, но непреложныя пророчества прошлаго о будущемъ. Они сбудутся, они всегда сбывались. Мечты — нѣжнѣйшая листва на вѣчномъ деревѣ воспоминаній.

Но я знаю и другіе часы, часы малодушнаго невѣрія въ посвященность моей души вѣчности.

Слабымъ, бредовымъ шопотомъ мечтаетъ душа о своемъ будущемъ, но въ осуществленіе своихъ мечтаній не вѣритъ, не вѣритъ, ибо знаетъ — мечты пустыя фантазіи, въ будущее проэцированныя разочарованія. Они никогда не сбудутся, они никогда не сбывались. Мечты — облетѣвшіе листья вокругъ гнилого дерева воспоминаній.

О, если бы Вы знали, Наталья Константиновна, какія муки испытываетъ современная душа, и моя въ томъ числѣ, отъ постояннаго столкновенія начала вѣрующей мечты, дара творцовъ и художниковъ, съ началомъ разлагающей мечтательности, вѣчно снѣдающимъ всѣхъ эстетовъ и неврастениковъ.

Что дѣлать — каждой эпохѣ и каждому человѣку свое иго. Не отказываясь нести его, я все же надѣюсь облегчить себѣ ношу и Вы знаете, конечно, чѣмъ! Чѣмъ же какъ не постояннымъ пребываніемъ вблизи Васъ.

Наталья Константиновна, я началъ «излагать» Вамъ мысли о созвучіи мечты и воспоминанія съ тѣмъ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ объясненій въ любви. Конецъ моихъ размышленій привелъ, какъ видите, къ началу объясненія — очевидно любящаго всѣ пути ведутъ въ Римъ, а потому, чтобы быть послѣдовательнымъ, обрываю письмо.

Если оно вышло длиннымъ и скучнымъ, похожимъ скорѣе на статью чѣмъ на письмо, простите меня.

Причина этого въ томъ, что психологическій моментъ въ развитіи нашихъ отношеній требуетъ

отъ меня подавленія въ себѣ психологіи влюбленнаго.

Было ли бы мое письмо, — если бы я замѣнилъ эту психологію не философіей мечты, а чѣмъ либо другимъ, — болѣе коротко и менѣе скучно, я не знаю, — но сомнѣваюсь.

Отъ Вашего отвѣта жду разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 3 февраля 1911 г.

Цѣлый мѣсяцъ ждалъ я Вашего письма, Наталья Константиновна. Вчера утромъ оно наконецъ пришло. Хотя и заказное, но совсѣмъ тоненькое: двѣ десятикопѣечныя марки. Вѣрьте, это не упрекъ и даже не удивленіе, это простая внимательность моихъ глазъ ко всему, что дѣлаютъ Ваши руки. Письмо, какъ всѣ Ваши проявленія, удивительно похоже на Васъ. Я ждалъ его совершенно такимъ, какимъ оно оказалось, и все-же оно прозвучало во мнѣ тою же поражающей неожиданностью, какою отзываются наши души на вѣчные образы жизни: — на образы любви, смерти, солнца и ночей.

Поистинѣ, Наталья Константиновна, Вы совершенно своеобразное существо и все-же, разрѣшите мнѣ это прямо сказать Вамъ, Вы въ сущности почти не человѣкъ. Быть можетъ это значитъ, что Вы до конца и насквозь женщина, такая же древняя женщина, какъ сама Mutter Natur.

Ваши письма — вовсе не письма: ни мысли, ни чувства, ни слова... нѣчто совсѣмъ иное — они родныя мѣста, какіе то съ дѣтства знакомые, но въ жизни забытые лѣса, поляны, тропы.

И все же знаете, родная, не будь я сейчасъ увлеченъ мыслью, что тайна Вашей души — тайна завороженной, невластной надъ собою лѣсной глуши, я оскорбился бы Вашимъ письмомъ.

Какъ Вы могли принять въ себя всю мою взволнованность и не спугнуть со своей души ея тишины и спокойствія! Какъ Вы могли ощутить всю страстность моей любви и не отвѣтить на признаніе въ ней ни однимъ мановеніемъ, не склоняющейся, нѣтъ, но все-таки колеблющейся воли! Какъ Вы могли, наконецъ, явить въ своемъ письмѣ невѣроятную глубину вѣчной мысли и полное отсутствіе всякаго размышленія о нашемъ завтрашнемъ днѣ? Скажите мнѣ ради Бога, что все это значитъ въ порядкѣ человѣческихъ чувствъ? Обреченность уже разъ навсегда отдавшей себя души? Сверхчеловѣческое спокойствіе мудрости или безсознательный разсчетъ глубоко схороненнаго женскаго кокетства?.. Не сердитесь на меня, Вы вѣдь понимаете, что я въ сущности не говорю Вамъ того, что какъ будто бы все же и говорю? Вѣдь Вы понимаете, что всѣ мои вопросы и упреки, въ послѣднемъ счетѣ не о винѣ Вашей, но снова и снова о тайнѣ и красотѣ Вашей. Я вѣдь знаю, Вы не можете отвѣтить мнѣ на вопросъ, что значитъ Ваше письмо въ человѣческомъ планѣ: — обреченность,

мудрость или разсчетъ?. Не можете потому, что для Васъ этого плана вовсе нѣтъ.

А потому покончимъ, родная, съ моими вопросами. Они ничего не значатъ, хотя и говорятъ объ очень многомъ темномъ и нехорошемъ, — но, конечно, не въ Васъ, а во мнѣ.

Завтра буду продолжать писать, а сейчасъ пойду пройдусь по Неккару.

Цѣлую Ваши руки, дорогая, и душевно благодарю за Ваше прекрасное, грустное, нѣмое письмо.

Н. П.

Гейдельбергъ 5-го февраля 1911 г.

Вчера со мной случилось невѣроятное событіе. Рѣшивъ пройти домой не долиной Неккара, а горами, я, несмотря на всюду разставленные столбы съ надписями — заблудился.

Когда я послѣ многочасового блужденія сталъ уже въ сумеркахъ спускаться въ какую то долину, то былъ внезапно вознагражденъ судьбою за всѣ перенесенныя трудности: я кажется понялъ тайный смыслъ Вашего письма, какъ человѣческаго документа.

Не зная, какъ попаду домой, я началъ было отчаиваться, но вдругъ внизу въ туманѣ зажегся огонь, за нимъ другой, залаяла собака. Очевидно я спускался къ деревнѣ. Но дѣло не въ деревнѣ, дѣло въ томъ, что собака залаяла какъ то не по

здѣшнему, а съ какимъ то особымъ русскимъ завываніемъ. Завываніе это сразу перенесло меня въ какія то иныя мѣста.

Какъ то часто бываетъ, мнѣ вдругъ показалось, что все происходящее сейчасъ со мной уже однажды происходило во мнѣ, что такъ же и о томъ же когда то уже зажигались огни, что такъ же и о томъ же когда то завывала собака...

И тутъ я вспомнилъ знаете что, Наталья Константиновна, — нашу поѣздку въ Холмы.

Помните, какъ передъ спускомъ къ «Шанѣ» всѣ сошли съ линейки и пошли пѣшкомъ. Алексѣй съ Полонскими шелъ впереди: его звонкій высокій голосъ, какъ всегда что-то страстно доказывавшій, упорно оспаривалъ глухую тишину замкнувшагося за нами лѣса и минорное погромыхиваніе глухарей на пристяжныхъ. Вы, такая въ тотъ вечеръ невѣроятная, шли рядомъ со мной. Продолжая нашъ разговоръ о смыслѣ жизни и любви, мы, думается мнѣ, оба знали, что впервые говоримъ о Вашихъ отношеніяхъ къ Алексѣю. Разговоръ этотъ представляется мнй сейчасъ рубежомъ въ нашихъ отношеніяхъ. Въ его двойственномъ свѣтѣ я впервые почувствовалъ глубокую грусть Вашей души. Передъ тѣмъ какъ подойти къ поджидавшей насъ линейкѣ, Вы на минуту остановились у березы, и, смотря на горѣвшій внизу у парома костеръ, какъ то неожиданно сказали, что Вы не героиня, что любовь даръ, любовь пѣснь не для Васъ, что пути Вашей любви — пути труда и, если Богъ поможетъ, добра. Я не узналъ Васъ въ этихъ словахъ.

Правда въ нихъ прозвучала знакомая мнѣ красота вашей своеобразной отрѣшенности, но сильнѣе ея прозвучала въ нихъ какая-то не Ваша сознательность.

Вы, обаяніе которой всегда заключалось въ рѣдчайшемъ дарѣ никогда не говорить о волнующихъ Васъ вопросахъ односмысленными словами, но какъ то зацвѣтать о нихъ всѣмъ Вашимъ бытіемъ, вдругъ снизошли въ этихъ словахъ о трудѣ и добрѣ до какой-то нравственной формулы предстоящаго Вамъ жизненнаго пути.

Нѣтъ, думалъ я, садясь въ экипажъ рядомъ съ Вами, такія души какъ Наталья Константиновна не раскрываютъ своей правды и сущности въ формулахъ, и если въ нихъ уже дѣло дошло до осознанія своихъ жизненныхъ путей, то это вѣрнѣйшій признакъ, что почва жизни подъ ними колеблется.

Въ тотъ вечеръ я впервые подумалъ, какъ бы Вашъ бракъ съ Алексѣемъ не сталъ ущербомъ Вашего бытія. Я подумалъ это, но конечно не рѣшился высказать моихъ мыслей вслухъ. Не признался я Вамъ въ нихъ и въ своихъ послѣднихъ письмахъ, хотя, быть можетъ, самый фактъ написанія ихъ и равносиленъ такому признанію.

Но все это сейчасъ не важно, сейчасъ мнѣ важно сказать Вамъ, что, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ нахлынувшихъ воспоминаній, письмо Ваше озарилось новымъ смысломъ.

Если я Вамъ еще третьяго дня писалъ, что Вы геніальное существо, но совершенно не человѣкъ,

что я не понимаю, что значитъ Ваше письмо, какъ размышленіе о нашемъ завтрашнемъ днѣ, то сегодня этихъ недоумѣній во мнѣ больше нѣтъ.

Поскольку мои письма изъ Флоренціи — настроенія и мысли, Вы отвѣтили на нихъ такъ, какъ отвѣчать умѣете только Вы; но поскольку они, кромѣ того, а быть можетъ и прежде всего, цѣлый рядъ опредѣленныхъ ходовъ на шахматной доскѣ жизни Вы отвѣтили знаете чѣмъ? Отказомъ играть со мной въ шахматы. Почему? Потому что шахматы—игра въ короля и королеву,—Вы же не героиня, не королева и форма геніальной игры противорѣчитъ Вашей жизненной формулѣ труда и добра.

Развѣ не такъ? Развѣ я не правъ въ томъ, что Вы не приняли моихъ писемъ, какъ писемъ къ Вамъ и о Васъ, что узнавъ въ какую-то, я знаю, приходившую къ Вамъ минуту искренности и сосредоточенности себя самою въ моихъ мысляхъ о Васъ, Вы вдругъ смутно, но остро почувствовали: «нѣтъ, это не я. Николай Федоровичъ ошибается и въ себѣ и во мнѣ». Доказывать мнѣ этой ошибки Вы не стали, но Вы ее въ Вашемъ отвѣтѣ молчаливо учли. Конечно, все происходило въ Васъ не такъ, какъ я пишу, много глубже, тише, темнѣй и сокровеннѣй, но все же, учитывая мое злосчастное свойство неизбѣжно чеканить все, къ чему прикасаюсь не только умомъ, но и чувствомъ, Вы должны сказать, что и въ общемъ и въ тайномъ я правъ.

Заканчивая эти строки, я не льщу себя надеждой получить на нихъ письменный отвѣтъ. При Вашей органической нелюбви къ письменному столу,

Вы, конечно, не возьметесь за перо за двѣ, три недѣли до нашего свиданія въ Москвѣ.

Склоняясь, такимъ образомъ, передъ необходимостью долгаго ожиданія отвѣта, я не склоняюсь передъ его отрицательнымъ содержаніемъ.

Я жду отъ Васъ героическаго самоопредѣленія и твердо вѣрю, что рано или поздно Вы вскроете въ себѣ любовь, какъ даръ священныхъ пѣсенъ, и похороните подъ нимъ все, что создавали во имя долга и труда.

Не думайте, Наталья Константиновна, что я съ легкимъ сердцемъ высказываю эти пророчества. Моя громадная любовь къ Алешѣ, его, еще гораздо большая къ Вамъ и ко мнѣ, а главное, идея Вашей взятой на себя по отношенію къ нему задачи, все это я глубоко чувствую и въ Васъ, и въ себѣ, и въ немъ; всѣмъ этимъ, вѣрьте, тяжко болѣю. Если же боль эта не звучитъ въ моихъ письмахъ съ должною глубиною, то это происходитъ скорѣе всего по причинѣ инстинктивнаго желанія не омрачать послѣднихъ дней своей относительной безотвѣтственности.

Вѣдь съ момента Вашего, мною ожидаемаго, героическаго самоопредѣленія нравственная атмосфера моей жизни невѣроятно утяжелится. Не скрою отъ Васъ, что въ предчувствіи этого утяжелѣнія, я нынче утромъ малодушно размечтался, чтобы Богъ помогъ Вамъ убить въ себѣ героиню.

Но это была только одна минута слабости, Наталья Константиновна, только одна. Мнѣ показа-

лось, что такъ будетъ легче и Вамъ и Алексѣю и мнѣ. Ради Бога простите мнѣ ее и примите это письмо, въ которомъ я сказалъ Вамъ такъ много окончательнаго и непоправимаго, какъ доказательство моей полной готовности мужественно идти навстрѣчу тому большому, радостному и страшному, что насъ ждетъ впереди. Да хранитъ Васъ Богъ.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 29-го февраля 1911 г.

Дорогая Наталья Константиновна, отославъ Вамъ послѣднее письмо отъ пятаго февраля, я было немедленно рванулся вслѣдъ за нимъ въ Москву. Но «взявъ въ соображеніе», какъ говорятъ солидные люди, что мнѣ уже подъ тридцать лѣтъ, что у меня сѣдѣющіе виски и вполнѣ опредѣленныя жизненныя задачи и интересы, я устыдился своей лирической рѣзвости и порѣшилъ остаться вѣрнымъ своему первичному плану пробыть по крайней мѣрѣ еще мѣсяцъ въ Гейдельбергѣ.

Впродолженіе этого мѣсяца я положилъ себѣ не писать Вамъ.

Почему? Я думаю Вамъ это ясно. Въ послѣднихъ письмахъ я сказалъ Вамъ много такого, что Вы, какъ Алешина жена, не имѣли никакого права, а, можетъ быть, и никакого желанія слушать.

Понявъ это, я почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти. О, конечно, не въ томъ, что былъ съ

Вами искрененъ, но въ томъ, что, ощущая эту искренность какъ оружіе борьбы за Васъ, обнажилъ его не въ живой бесѣдѣ съ Вами, въ которой одного Вашего взора было бы достаточно, чтобы заставить меня умолкнуть, но въ перепискѣ, которою самъ обрушился на Васъ во всеоружіи своей свободы, но о которой зналъ, что Вы сможете участвовать въ ней лишь въ роли беззащитнаго, нѣмого адресата.

Рѣшивъ не писать Вамъ, я первые три, четыре дня чувствовалъ себя сносно, но затѣмъ во мнѣ поднялась такая тоска, что я не зналъ куда дѣваться и что дѣлать: садиться ли за большое письмо Вамъ, или спѣшить скорѣе въ Москву. И вотъ въ самый разгаръ всѣхъ этихъ сомнѣній, вчера подъ вечеръ, получаю Вашу открытку. Вы не можете себѣ представить, до чего я ей обрадовался; особенно маленькой припискѣ къ лѣвому углу; этому мимолетному признанію, что Вы «очень ждете» моего возвращенія, хотя и продолжаете думать, что опредѣленіе Васъ какъ героини «неправильно».

О, что мнѣ за дѣло до Вашихъ думъ, родная, разъ въ моемъ сердцѣ звучитъ Ваше признаніе, что Вы «очень» ждете моего возвращенія. Господи, Вы ждете, да еще «очень» нашего свиданія, а я подавляю въ себѣ желаніе писать Вамъ о своей любви — что за нелѣпая экзальтація совершенно чуждаго мнѣ морально-педагогическаго паѳоса.

Да, Наталья Константиновна, безпрестанно вспоминая въ послѣднее время нашу прошлогоднюю жизнь въ Москвѣ, я нѣсколько разъ совсѣмъ

близко подходилъ къ предположенію, что не только самъ былъ въ Васъ въ то время влюбленъ, но что и Вы, будучи Алешиной невѣстой, имѣли ко мнѣ не одну только дружескую склонность. Нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, объективныя данныя такого безотвѣтственнаго, на первый взглядъ, поведенія моей памяти, я и предложу завтра на судъ Вашей зоркости и совѣсти, съ надеждой, что Ваша зоркая женская совѣсть не превратитъ моихъ прозрѣній въ слѣпую смѣлость мужской самонадѣянности.

Милая, если бы Вы знали какъ мнѣ сейчасъ не только радостно, но весело, и какъ во мнѣ сейчасъ мертвы заключительныя слова моего послѣдняго письма, что я мужественно пойду навстрѣчу тому страшному, что насъ ждетъ впереди. О, я конечно, понимаю, что страшное нашего будущаго какъ разъ въ томъ то и кроется, что мнѣ сегодня такъ безгранично весело; весело потому, что мой инстинктивный порывъ къ Вамъ, воспользовавшись совсѣмъ, быть можетъ, случайною и малозначащею припискою на Вашей открыткѣ замышляетъ усадить Васъ черезъ нѣсколько дней на Вашъ грандіозный кожаный диванъ... читать исторію нашей любви.

Но, понимая все это, я всего этого сердцемъ и кровью не чувствую. Сердцемъ и кровью я сейчасъ чувствую только одно — тотъ порывъ мнѣ навстрѣчу, который, я знаю, неизбѣжно охватитъ Васъ послѣ прочтенія исторіи нашей любви.

Какъ Вамъ, однако, нравятся діалектическія скачки жизни.

Двѣ недѣли тому назадъ я рѣшилъ прекращеніемъ нашей переписки пресѣчь мое самовольное вторженіе въ Вашу душу и нашу любовь, и вотъ, въ результатѣ этого рѣшенія, Вы будете черезъ пять дней читать исторію нашей любви.

Поистинѣ пути любви такъ же неисповѣдимы, какъ пути самого Господа, что впрочемъ, ввиду ея божественной природы, совсѣмъ не удивительно.

Однако, Наталья Константиновна, мнѣ кажется пора кончать это письмо: что то ужъ слишкомъ весело и легковѣсно потекли его мысли...

Помню, въ дѣтствѣ, когда ужъ очень развеселишься и расхохочешься, старая няня Саша всегда говаривала: «успокойся, Коленька, посиди смирно, а то день-деньской все смѣямши да смѣямши, какъ бы къ вечеру не расплакаться».

Господи, неужели нянина мудрость, не разъ оправдывавшаяся по отношенію къ маленькому Колѣ, оправдается и по отношенію къ взрослому Николаю Федоровичу, и Вы причините мнѣ въ отвѣтъ на «исторію нашей любви», обѣщанную Вамъ моими сегодняшними веселыми строками, горькую боль позднихъ вечернихъ слезъ.

Ну до свиданія родная. Завтра буду весь день писать Вамъ.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 21-го февраля 1911 г.

Дорогая Наталья Константиновна, получивъ отвѣтъ на Вашу открытку, Вы, я думаю, отнесли мою угрозу «изложить» Вамъ исторію нашей любви къ тому чрезмѣрно веселому настроенію, въ которомъ я съ Вами бесѣдовалъ въ послѣдній разъ, и порѣшили про себя, что содержаніе моего письма окажется много скромнѣе его наименованія.

Таковымъ оно конечно и окажется. Исторіи нашей любви я Вамъ не напишу по той простой причинѣ, что наша любовь еще не имѣетъ своей исторіи.

Какія отношенія соединятъ насъ въ будущемъ — неизвѣстно. Въ прошломъ же насъ соединяютъ всего только нѣсколько мгновеній внезапнаго душевнаго обнаженія другъ передъ другомъ.

Постараюсь, родная, напомнить Вамъ ихъ. Быть можетъ они за это время исполнились и для Васъ того пророческаго смысла, который открыла въ нихъ моя мечтательная память.

Мы втроемъ шли липовой аллеей Луневскаго парка. Кажется была суббота, такъ какъ, помнится, звонили колокола. Вы, затаенная и сосредоточенная, шли все время нѣсколько впереди, не только не участвуя въ разговорѣ, но, казалось, даже и не вслушиваясь въ него. Не будь вѣчные мотивы шуршащей осенней листвы и закатной печали надъ сирымъ жнивьемъ въ тотъ вечеръ какъ то особенно одухотворены невыразимымъ сходствомъ съ Вами,

мы съ Алексѣемъ чувствовали бы себя, вѣроятно, совсѣмъ одинокими и покинутыми.

Алексѣй былъ не только какъ всегда взволнованно оживленъ, но какъ то исключительно неуравновѣшенъ и встревоженъ. Его рѣчь судорожно металась отъ мысли къ мысли.

Каждую свою фразу онъ перегружалъ образами совершенно противоположныхъ умозрительныхъ перспективъ. Каждые два, три случайныхъ факта, надсаживающимися ударами діалектическаго темперамента безотвѣтственно развертывалъ въ совершенно химерическія теоріи. Онъ говорилъ не только обо всемъ подрядъ, но рѣшительно обо всемъ вмѣстѣ: о проклятіи родиться русскимъ человѣкомъ и о «православіи» англичанъ; о своемъ неумѣніи жить и о своей ненависти къ хрюканью всеевропейскаго благополучія; объ обаятельности китайцевъ и гнусности «япошекъ»: объ апокалипсисѣ перваго поцѣлуя и о саркофагѣ двуспальныхъ брачныхъ ложъ...

Его рѣчь была крайне оригинальна: нѣкоторыя фразы взвивались блестящимъ staccato, другія строились долго и медленно, въ мучительныхъ поискахъ непокорныхъ словъ; словно вырывались изъ земли. То тутъ, то тамъ вспыхивали Танины больныя ударенія и мертвыя паузы. Чрезмѣрный, угловатый, нѣсколько растрепанный жестъ былъ выразителенъ, но аритмиченъ. Блѣдное, сухое и аскетически страстное лицо, къ которому пошелъ бы кардинальскій нарядъ, то каменѣло въ темномъ ужасѣ, то оживало въ безпомощной дѣтской улыб-

кѣ. А все вмѣстѣ: стиль и смыслъ рѣчи, лицо и жестъ было исполнено того большого страданія, въ неспособности на которое я Вамъ столько разъ каялся.

Наталья Константиновна, не мнѣ бы писать Вамъ Алешинъ портретъ: зоркость влюбленности должна бы быть глубже зоркости дружбы. Но въ томъ то и дѣло, что еще не рѣшенъ вопросъ: кто изъ насъ былъ связанъ съ Алешей узами влюбленности, кто узами дружбы.

Въ тотъ вечеръ я, во всякомъ случаѣ, опредѣленно любовался Алешей. Я сейчасъ помню свое увлеченіе портретностью его лица, выразительной изступленностью его парадоксовъ, химеричностью его міросозерцанія, всею эстетической законченностью его образа.

А Вы? Вы упорно шли впереди насъ. Вы ни разу не обернулись къ намъ лицомъ, ни разу не подняли на Алексѣя своихъ любующихся глазъ. Въ тотъ вечеръ я недоумѣвалъ почему. Теперь мнѣ ясно. Вы не могли такъ какъ я любоваться имъ, потому что Вы много глубже меня страдали за него. Страдали въ предчувствіи, что его крайняя нервная взвинченность неизбѣжно кончится (какъ ужъ не разъ кончалась) тяжелымъ припадкомъ того отчаянія, избавленія отъ котораго онъ такъ страстно ждалъ на путяхъ своей любви къ Вамъ и которое Вы ему обѣщали.

Мы подошли къ пруду. Сойдя по гнилымъ ступенькамъ въ лодку, Вы опустились на скамейку

у руля и, опустивъ на зеленую поверхность пруда букетъ желтыхъ кленовыхъ листьевъ, начали медленно и задумчиво водить имъ по водѣ. Алексѣй всталъ недалеко отъ меня, прислонившись плечемъ къ дереву. Послѣдняя часть нашего разговора, касавшаяся вопросовъ страсти и любви, очевидно, сильно взволновала его. Онъ былъ очень блѣденъ и упорно молчалъ.

Вдругъ по его лицу пробѣжала не то легкая судорога, не то напряженная улыбка. Голова рѣзко откинулась назадъ; правая рука типично-русскимъ студенческимъ жестомъ отбросила со лба длинную прядь «нигилистическихъ» волосъ и онъ прерывистымъ, слегка задыхающимся голосомъ поставилъ въ упоръ вопросъ, уже тогда крайне меня поразившій. «Какъ это такъ сдѣлать человѣку, чтобы забыть безуміе и восторгъ перваго приближенія къ женщинѣ»? «Но зачѣмъ же забывать, Алеша», началъ было я свое возраженіе, какъ онъ вдругъ съ внезапной рѣзкостью оборвалъ меня восклицаніемъ: «Да неужели же ты не понимаешь, что съ этимъ восторгомъ въ душѣ нельзя жить, что въ немъ откровеніе о смерти. Неужели ты не понимаешь, что первый отроческій поцѣлуй — это обѣщаніе любви избавить меня отъ жизни, обѣщаніе, котораго жизни никогда не сдержать. О я знаю, ты мнѣ отвѣтишь, что подлинная мудрость должна любить въ жизни метафизическій привкусъ смерти; но я не пріемлю этой утонченной кухни: вѣдь для меня смерть — не траурный ангелъ съ генуэзскаго Campo Santa, а та ненамыленная петля, въ ко-

торой мой пьяница-дѣдъ съ большого веселья въ амбарѣ повѣсился»...

Наступило общее молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ Алексѣй уже другимъ, упадшимъ голосомъ добавилъ. «Ты меня, Николай, съ собою не сравнивай; какъ бы тяжело жизнь ни сложилась, тебѣ все же жить будетъ много легче, чѣмъ мнѣ. Почему? — Да потому, что у тебя душа комфортабельно обставлена, всего въ ней много и всему есть свое мѣсто. Благополучія въ тебѣ много, Николай, хоть и мистическаго, а все же благополучія. На худой конецъ ты одинъ своею жизнью пройдешь. А я — я себѣ не хозяинъ. Отступись отъ меня Наталья — и я сразу же, какъ перестоявшееся тѣсто, скисну и опаду»... И онъ съ громадной, благодарной нѣжностью посмотрѣлъ въ Вашу сторону.

Почувствовавъ на себѣ этотъ взоръ, Вы медленно подняли голову и первый разъ за всю прогулку посмотрѣли прямо въ лицо Алексѣю. Мнѣ никогда не забыть выраженія Вашихъ глазъ: сколько въ немъ было умной кротости, сколько смиряющей нѣжности, сколько тишины и поручительства. Не забыть мнѣ и Вашего жеста, не забыть какъ подняли Вы и протянули навстрѣчу Алексѣю въ пустой отверстой ладони правой руки невидимый даръ терпѣнья и силы. При этомъ, и это самое существенное, въ какомъ то главномъ смыслѣ Вы ни одну минуту, ни одной своей чертою не были похожи на ту женщину, что я сейчасъ нарисовалъ. Вы были безконечно изящнѣе и проще моихъ словъ о Васъ. Вы были такъ просты, какъ един-

ственныя произнесенныя Вами въ отвѣтъ на рѣчь Алексѣя слова: «не надо Алеша, не надо».

Наталья Константиновна, за годъ нашей разлуки я пришелъ къ совершенно новому ощущенію Вашихъ отношеній къ Алексѣю. Я думаю, что въ моемъ сознательно тщательномъ разсказѣ о нашей Луневской прогулкѣ, въ подчеркиваніяхъ и заостреніяхъ его, Вы достаточно ясно услышали мою «новую ноту». Я не скрываю: мой разсказъ, конечно, не только передача былого, но сверхъ того и формула той, простите меня, въ концѣ концовъ все-таки внутренней неправды, на которой это былое было Вами и Алексѣмъ построено. Да, родная моя, я и Васъ и Алексѣя сознательно обвиняю въ великомъ преступленіи, въ предательствѣ священной природы любви ея гуманнымъ задачамъ. Не разрѣшать своей любви любованья страданіями любимаго, и, зная отроческій поцѣлуй какъ откровеніе о смерти, мечтать о бракѣ, какъ объ исцѣленіи отъ боли жизни, — это ли не значитъ казнить великое безуміе любви маленькимъ разумомъ жизни.

Наталья Константиновна, представляя себѣ Васъ за чтеніемъ моего письма, я ясно вижу, какъ при послѣднихъ словахъ Ваши отнюдь не демоническія брови демонически уходятъ вверхъ подъ пепельныя пряди волосъ и какъ недоумѣвающе смущенная улыбка скорбною тѣнью ложится на ясное затишье Вашего лица.

Покойной ночи, родная. Если я причинилъ

Вамъ этимъ письмомъ боль — простите меня. Завтра буду продолжать писать.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 22-го февраля 1911 г.

Дорогая Наталья Константиновна, вспомнится ли Вамъ все то, что я такъ хочу Вамъ напомнить.

Въ началѣ Страстной недѣли я какъ то зашелъ къ Вамъ на Тверскую. Горничная сказала, что кромѣ Васъ никого нѣтъ дома. Обрадованный этимъ сообщеніемъ, я быстро прошелъ столовую, гостиную и постучался въ Вашу дверь. Въ отвѣтъ на мой стукъ, я услышалъ Ваше привычное, привѣтливое «войдите». Въ тотъ вечеръ меня привела къ Вамъ острая душевная тоска и я долго разсказывалъ Вамъ о Таниномъ глубокомъ чувствѣ Страстной недѣли, о ея дѣтской привязанности къ пасхальной заутренѣ, о томъ, какъ мы встрѣчали съ нею наши двѣ Пасхи: первую въ Ниццѣ, вторую въ Москвѣ...

Въ передней раздался звонокъ. Не желая никого видѣть кромѣ Васъ, я сталъ быстро прощаться. На секунду задержавъ мою руку въ своей, Вы, слегка краснѣя, сказали: «можетъ быть Вы придете въ субботу въ нашу церковь, а оттуда къ намъ разговѣться. У насъ никого кромѣ своихъ не бываетъ, но Вамъ мама будетъ рада».

Съ чувствомъ глубокой благодарности пожалъ я Вашу руку и вышелъ изъ комнаты.

Въ передней я встрѣтился съ Лидіей Сергѣевной. Она повторила Ваше приглашеніе. Я понялъ, что Вы уже говорили съ ней обо мнѣ. Я понялъ, что раньше, чѣмъ я пришелъ къ Вамъ со своею болью, Вы уже думали надъ тѣмъ, какъ бы въ день Великаго Праздника смягчить ее во мнѣ. И мое чувство глубокой признательности Вамъ наполнилось новымъ и нѣжнымъ смысломъ.

Вы, Алеша и я вернулись изъ церкви послѣдними. Войдя въ переднюю (помните, какъ празднично-тревожно, воздухомъ, ладаномъ и духами пахли верхнія платья на вѣшалкахъ) мы услышали доносящійся изъ столовой веселый гулъ голосовъ.

Раздвинутый столъ былъ убранъ цвѣтами. Вы въ длинномъ, бѣломъ, суконномъ платьѣ, свѣтлая, задумчивая и кроткая, молча и радостно христосовались со всѣми. Похристосовавшись съ Алешей, Вы подошли ко мнѣ. Ваша благоухающая рука съ вѣткой бѣлой сирени между большимъ и указательнымъ пальцемъ (я все навѣкъ запомнилъ) легко легла на мое плечо и Ваши уста чистою прохладой трижды обожгли мои губы. Въ отвѣтъ на Ваше почти беззвучное, вѣрующее и все-таки волнующее многосмысленное «Христосъ Воскресе» я поднялъ на Васъ глаза. Вы прекрасно смутились и протянули мнѣ маленькое шоколадное яйцо на голубой лентѣ...

Черезъ нѣсколько дней Вы съ Алешей вечеромъ зашли ко мнѣ. Ему нужно было переговорить

со мной о моихъ обязанностяхъ шафера. Очень не любя всякіе разговоры о своей свадьбѣ и даже какъ то стыдясь ихъ, Вы и на этотъ разъ предоставили всѣ рѣшенія намъ, а сами отошли къ моимъ книжнымъ полкамъ и стали разсматривать книги. Невольно слѣдя за Вами, я замѣтилъ, какъ Ваши щеки слегка порозовѣли, когда Вы, поднявъ голову къ верхней полкѣ, открыли на ней Вашъ пасхальный подарокъ. Почувствовавъ, несмотря на то, что Вы стояли ко мнѣ спиной, мой пристальный взоръ на себѣ, Вы невольно повернули голову въ мою сторону. Въ эту минуту я ясно прочелъ въ Вашемъ взорѣ, просіявшемъ мнѣ черезъ плечо и нѣсколько исподлобья, не только смущеніе, ласку и благодарность, но и нѣчто гораздо болѣе тайное и глубокое. Я прочелъ въ немъ Ваше смутное ощущеніе того, что Вы и я — мы: другъ другу цѣлый міръ и противъ цѣлаго міра невольный заговоръ.

Наканунѣ свадьбы часовъ въ пять вечера Алеша зашелъ ко мнѣ и, несмотря на мое сопротивленіе, уговорилъ пойти къ Вамъ. Не безъ смущенія входилъ я въ Вашу переднюю. Однако онъ такъ весело постучался въ Вашу дверь, а Вы такъ привѣтливо поднялись намъ навстрѣчу, что во мнѣ сразу же умерло непріятное чувство несвоевременности своего появленія.

Чувство умерло, но мысль осталась и я прекрасно помню, какъ, принимая изъ Вашихъ рукъ стаканъ чая, я почти неожиданно для себя самого, полушутя, но и полусерьезно, спросилъ Васъ, не

кажется ли Вамъ страннымъ мое сегодняшнее появленіе.

«Нѣтъ... почему же»?.. замедленно прозвучалъ Вашъ отвѣтъ, очевидно отзываясь своею замедленностью на безсознательно учтенную Вами сложность моего вопроса.

«А ты о чемъ думаешь»? отозвался Алексѣй. «Явно о томъ, — отвѣчалъ я ему, — что если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы предпочелъ нынѣшній вечеръ провести съ Натальей Константиновной вдвоемъ».

«Я тебя понимаю» — медленно началъ Алексѣй, закуривая, какъ сейчасъ помню, папиросу и прислушиваясь, склонивъ голову на бокъ, къ первому весеннему дождю.

«Быть вдвоемъ это конечно прекрасно. Но въ этой формулѣ слово «быть» быть можетъ важнѣе слова вдвоемъ. Коли дѣло уже пошло на откровенность, такъ я скажу тебѣ. Любви между нами много — онъ посмотрѣлъ на Васъ — очень много, больше моей душѣ, во всякомъ случаѣ, врядъ ли бы вынести. Но вотъ бытія, бытія, той напряженности жизненныхъ струнъ, которая такъ изумительна въ тебѣ, — этого бытія во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. Послѣднее же время мы съ Наташей такъ привыкли, въ этомъ смыслѣ, жить за твой счетъ, что когда мы теперь остаемся вдвоемъ, нашей любви нехватаетъ твоего бытія».

При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ Алексѣемъ безъ малѣйшей горечи, съ ему одному временами свойственной простодушнѣйшей искрен-

ностью, вошла Лидія Сергѣевна и позвала обѣдать. Садясь за столъ рядомъ съ Вами, я чувствовалъ, что Вамъ Алешина рѣчь была не совсѣмъ пріятна: для Вашего сакраментальнаго чувства жизни въ ней было слишкомъ много обнаженнаго бытія.

Вскорѣ послѣ ужина Алеша сталъ прощаться (онъ спѣшилъ куда то по неотложному дѣлу своего патрона), я естественно поднялся вмѣстѣ съ нимъ; но онъ весело положилъ свои руки на мои плечи и, со словами «тебѣ-то куда спѣшитъ», почти насильно усадилъ меня обратно въ кресло. Я остался. Часа три длилась наша бесѣда: ни одной мысли и даже ни одной ея темы я не запомнилъ, но ея ритма и ея мелодіи я не забылъ до сихъ поръ. Она была, если хотите, совсѣмъ не значительна и все же, Вы помните, каждое ея слово было исполнено какого то тайнаго значенія. Какъ я тепрь понимаю, она была съ моей стороны въ какомъ то тончайшемъ смыслѣ предательствомъ Алексѣя. Была ли она съ Вашей измѣной ему? Отвѣчая за Васъ нѣтъ, я все же спрашиваю Васъ: могли ли Вы ни единымъ помысломъ, ни единымъ трепетомъ не измѣнить Алексѣю, мѣняя въ тотъ вечеръ свое отношеніе ко мнѣ и даже больше, — мѣняясь въ своемъ ощущеніи меня.

Наталья Константиновна, мнѣ не нужно говорить Вамъ, что всѣ мои вопрошанія объ очень сокровенномъ, что я твердо увѣренъ, что по крайней мѣрѣ на девять десятыхъ ихъ глубины, проведенные нами послѣ ухода Алеши часы, заполнились тѣмъ же содержаніемъ, какимъ они могли бы за-

полниться и въ его присутствіи. Но вотъ на глубинѣ послѣдней десятой мы съ Вами въ чемъ то согрѣшили, — можетъ быть въ томъ, что минутами были другъ съ другомъ если и не до конца откровенны, то все же до конца искренни.

Въ столовой часы пробили половину второго. Пора было уходить. Не вставая съ дивана, я наклонился къ Вашей рукѣ и поцѣловалъ ее. Я поцѣловалъ ее еще разъ. Она продолжала какъ мертвая покорно покоиться въ моей рукѣ.

Я поднялъ на Васъ глаза. Ваше лицо было строго, сосредоточенно, почти вдохновенно, но въ ту минуту внутренне обращено не ко мнѣ. Другимъ: блѣднымъ, растеряннымъ и моимъ увидѣлъ я его въ передней, когда, подавая мнѣ въ послѣдній разъ Вашу милую руку, Вы почти прошептали, «Николай Федоровичъ, помните, мы разстаемся друзьями. Если Вы не повысите въ Алешѣ его чувства жизни, мнѣ одной его не спасти».

На слѣдующее утро (было еще довольно рано) я шелъ вверхъ по Тверской. Разсѣянно шаря глазами по плетущимся въ гору пролеткамъ, я вдругъ увидѣлъ, какъ мнѣ показалось, надъ спущеннымъ верхомъ одной изъ нихъ Вашу шляпу. Ускоривъ шагъ и нагнавъ извозчика какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ трогалъ рысью, я убѣдился, что мое чаяніе не обмануло меня.

Въ элегантномъ синемъ костюмѣ, въ большой шляпѣ, въ свѣтлыхъ весеннихъ перчаткахъ, Вы показались мнѣ совсѣмъ иною, чѣмъ я привыкъ Васъ видѣть и ощущать. Въ Вашемъ обликѣ въ то

утро совсѣмъ не звучали такіе яркіе въ Васъ мотивы тяготѣющей возрожденской красоты. Но зато въ немъ неожиданно выразительна была хрупкая, дѣвичья гамма печальной осенней прозрачности, перламутровой мутности и какого-то тонкаго хрустальнаго звона. О, если бы Вы знали, Наталья Константиновна, сколько скорби и сколько изящества прочелъ я въ день Вашего торжества въ Вашемъ на секунду мелькнувшемъ мнѣ блѣдномъ профилѣ, въ Вашихъ поникшихъ плечахъ, длительно таявшихъ передо мною въ лиловой мглѣ влажнаго, весенняго утра.

Въ очень простомъ платьѣ цвѣта слоновой кости, съ единственной вѣткой флеръ д'оранжа у ногъ, въ длинной фатѣ по монашески скрывающей щеки и лобъ, съ выраженіемъ омертвѣлаго волненія на блѣдномъ лицѣ низко склоненномъ къ цвѣтамъ, быстро вошли Вы въ ярко освѣщенную церковь. Меня, какъ молнія, поразила и эстетическая законченность Вашего образа и его глубокій внутренній надломъ. И вотъ, словно откликаясь на такое мое ощущеніе Васъ, Вы вдругъ съ несвойственною Вамъ стремительностью жеста откинули голову назадъ и нѣсколько вправо и одновременно какъ бы отстранили отъ себя, покоившійся на сгибѣ лѣвой руки большой Алешинъ букетъ. На этомъ мои воспоминанія гаснутъ. Въ дальнѣйшемъ сумракъ памяти раздвигается слѣдующей картиной. Я стою позади Васъ и, держа надъ Вашей головой тяжелый вѣнецъ, съ глубокой нѣжностью смотрю на ярко освѣщенное снизу, дѣтски умилен-

ное лицо Алексѣя. Мы двигаемся вокругъ аналоя; я стараюсь увидѣть Ваше лицо; мнѣ виденъ только контуръ лба и щеки, но я всѣмъ своимъ существомъ чувствую, что оно не такое, какимъ я видѣлъ его полчаса тому назадъ, я чувствую, что оно спокойно и кротко, легко оживлено плавнымъ душевнымъ волненіемъ.

Наталья Константиновна, я не знаю сумѣю ли Вамъ передать, какъ сложно и странно чувствовалъ я себя во время Вашего вѣнчанія. Съ одной стороны въ душѣ господствовали отчетливость и благополучіе: я чувствовалъ полноту благожелательнаго отношенія къ Алексѣю и безкорыстнаго ощущенія Васъ; остро чувствовалъ то ярко освѣщенныя большими люстрами, то схороненныя въ темныхъ углахъ красоты старой церкви и не только внимательно вслушивался въ прекрасные вѣнчальные напѣвы, но и разлагалъ ихъ умомъ и ухомъ на смыслы и звуки...

Но съ другой стороны, какъ то минуя мое настоящее «я», гдѣ то надъ головой и мимо души стремительно неслись самые разнообразные и неожиданные мысли и образы. То меня волновала грубость работы вѣнчальныхъ вѣнцовъ, то надъ Вашимъ шлейфомъ назойливо вспоминались туалеты Сарры Бернаръ въ «Дамѣ съ камеліями». Долго стояла передъ глазами осень Булонскаго лѣса. Подъ скорбной листвой Медвѣдковская церковь. Мы съ Таней вѣнчаемся. Но вмѣсто Тани рядомъ со мною Вы, я нѣжно пожимаю подъ эпитрахилью Вашу руку. Алеша держитъ надъ Вами вѣнецъ. Я

дѣлаю усиліе, чтобы проснуться со сна на яву. Сонъ исчезаетъ. Во внезапно проясненномъ сознаніи отчетливо прочерчивается вопросъ: почему я безъ всякаго чувства утраты иду вслѣдъ за Вами, почему не ревную Васъ къ Алексѣю? Вопросъ остается безотвѣтнымъ. Я гляжу на Алексѣя. У него въ манжетѣ сибирскій хризопразъ. Хри-зо-празъ, — нѣсколько разъ подрядъ повторяю про себя странное, словно неузнаваемое слово. и вдругъ вижу сибирскій трактъ, партіи каторжныхъ. А что, если Алешу сошлютъ въ Сибирь?..

Моя рука слабѣетъ и неуклюжая, круторебер-ная корона почти совсѣмъ опускается на Вашу прическу.

«Вы устали, Николай Федоровичъ, дайте я замѣню Васъ», слышу я за спиной голосъ, передаю кому-то вѣнецъ и отхожу въ сторону.

Дальше все снова погружается во мракъ.

Вѣнчаніе кончено. Вокругъ Васъ и Алеши толпится много народа. Вамъ обоимъ пожимаютъ руки, обнимаютъ, цѣлуютъ, слышны возгласы, смѣхъ. Я подхожу къ Вамъ однимъ изъ послѣднихъ. Я трижды цѣлую Алешу и крѣпко жму его руки, мы долго смотримъ другъ другу въ глаза. Моя совѣсть абсолютно молчитъ: — мои галлюцинаціи отнюдь не мои чувства. Я приближаюсь къ Вамъ, наклоняюсь надъ Вашей рукой, но Вы быстрымъ, встрѣчнымъ движеніемъ подымаете ее на мое плечо и Ваши уста снова, какъ послѣ заутрени, холодомъ об-

жигаютъ мои губы: вѣдь мы съ Вами друзья и что было, того не было, повинуюсь я Вамъ и тихо отхожу въ сторону.

Въ тотъ же вечеръ Вы уѣзжаете заграницу. Я жду Вашего возвращенія. Какъ только узнаю, что Вы вернулись, спѣшу къ Вамъ. Мой приходъ для Васъ неожиданенъ. Вы очень странно, радостно и растерянно поднимаетесь мнѣ навстрѣчу, и, послѣ мгновенной заминки во всемъ существѣ, быстро и отверсто протягиваете мнѣ Ваши милыя, по локти обнаженныя руки въ легкихъ, широкихъ рукавахъ. Крѣпко пожимая и цѣлуя ихъ я чувствую, что мы съ Вами по старому — мы, и разспрашиваю о Вашемъ путешествіи. Ваши отвѣты быстры и оживленны. Крупные блики весенняго солнца свѣтло лежатъ на большихъ полированныхъ поверхностяхъ тяжелой гостиной краснаго дерева, а изъ столовой доносится веселый стукъ и звонъ накрываемаго стола. У меня безконечно просто и легко на душѣ.

Приходитъ Алеша, прямо изъ суда, во фракѣ. Онъ не только въ хорошемъ настроеніи, онъ безпечно и шумно веселъ, какъ бываютъ веселы только дѣти и тяжелые меланхолики. Ему совсѣмъ не понравилась косолапая, приземистая Финляндія, но зато окончательно плѣнила Данія, этотъ сѣверный Парижъ. Онъ боялся, что патронъ будетъ недоволенъ его опозданіемъ, но тотъ, наоборотъ, былъ крайне любезенъ и поручилъ ему первое отвѣтственное дѣло, которое онъ только что блестяще выигралъ. Ему страшно нравится внѣшне солид-

ная ситуація супруга, и онъ легкомысленно готовъ нести всѣ ея внутреннія затрудненія.

Я конечно остаюсь у Васъ обѣдать, какъ раньше бывало у Вашей матушки. У себя за столомъ Вы очаровательная хозяйка и мы съ Алексѣемъ искренне любуемся Вами. Алеша достаетъ бутылку вина и предлагая тостъ за нашъ «тріумвиратъ» тутъ же рѣшаетъ, что мы обязательно сегодня же, всѣ втроемъ, ѣдемъ къ Вамъ на дачу въ Лунево. Онъ почти мѣсяцъ не видѣлъ меня и чувствуетъ рѣшительную потребность въ нѣсколькихъ «шприцахъ бытія». Однако до поѣзда остается сорокъ минутъ, а обѣдъ еще не конченъ. Алеша легкомысленно рѣшаетъ спокойно допить кофе и ѣхать въ автомобилѣ. «Правда по нашимъ средствамъ это почти безуміе», весело прибавляетъ, онъ, съ какимъ то забавнымъ жестомъ по Вашему адресу, «но, во-первыхъ, я благородный потомокъ московскихъ Титъ Титычей, а, во-вторыхъ, гдѣ-то у Ничше сказано, что нѣтъ любви безъ безумія, но нѣтъ и безумія безъ смысла».

Мы вызываемъ автомобиль, допиваемъ кофе и добрыми европейцами, любуясь прекраснымъ днемъ, дружно и весело катимъ въ Лунево.

Вечеръ, — я не буду подробнѣе напоминать Вамъ его, онъ не сыгралъ въ исторіи нашей любви никакой роли — проходитъ въ тѣхъ же оживленныхъ тонахъ радостной дружеской встрѣчи.

Совсѣмъ инымъ было слѣдующее утро. Проснувшись рано я вышелъ на балконъ. Стояло скромное, русское, майское утро. Взявъ было со стола

свѣжій номеръ «Русскихъ Вѣдомостей», я не распечатавъ положилъ его обратно и сошелъ въ садъ. Выйдя за калитку я сѣлъ на скамейку. Внизу въ долинѣ ласково голубѣла туманная излучина рѣки. На томъ берегу нѣжно зеленѣли молодые овсы, лиловѣла свѣжая пашня.

У меня за спиной послышались легкіе шаги. Я обернулся и поднялся Вамъ навстрѣчу.

Тихая и ясная, какъ пробудившее Васъ весеннее утро, Вы медленно приближались ко мнѣ. «Здравствуйте, Николай Федоровичъ, ну какъ Вы спали»? ласково прозвучало Ваше привѣтствіе. «Спасибо, прекрасно». — «Самоваръ уже поданъ, но, я думаю, мы минутку подождемъ Алешу» предложили Вы, опускаясь на скамейку и набрасывая на плечи легкій шелковый шарфъ. Мы сидимъ рядомъ, Вы что-то разсказываете мнѣ. Временами Вы подымаете на меня Ваши глаза: все тѣ-же изумительно правдивые глаза всѣхъ Вашихъ милыхъ дѣтскихъ фотографій. Я разсѣянно слушаю, что Вы говорите, но напряженно прислушиваюсь къ подымающемуся въ душѣ новому таинственному ощущенію Васъ: — къ ощущенію еще не растраченной, еще колышащейся подъ синимъ шарфомъ ночной теплоты Вашего тѣла, и свѣжести рѣчной воды на Вашемъ блѣдномъ, утреннемъ лицѣ, къ ощущенію хрупкости и чистоты Вашей безсонной ночи, проведенной подъ одною кровлею со мною и настороженной быстроты Вашего ранняго, дѣвичьяго вставанія.

Наталья Константиновна, вспоминая всею, вотъ

сейчасъ заново хлынувшей въ душу тоскою по Васъ, какъ мы сидѣли съ Вами тогда на скамейкѣ, я недоумѣваю, какъ я могъ уѣхать заграницу не зная, не чувствуя, что неизбѣжно полюблю Васъ. Вѣдь Вы были такъ близки мнѣ, такъ безконечно близки, какъ каждую Божью весну бываютъ заново милы душѣ: прогрѣвающаяся земля и первые ландыши невиные и тревожные...

Послѣдніе дни передъ моимъ отъѣздомъ мы съ Вами подолгу проводили вмѣстѣ. Со свойственною Вамъ душевною внимательностью и хозяйственною распорядительностью, собирали Вы меня въ дорогу: закупали кой какія вещи, помогали укладывать остающіяся въ Москвѣ книги... Дѣлали Вы все это легко и незамѣтно, и такія непокорныя въ общеніи со мной, вѣчно пропадающія куда-то, ни во что не укладывающіяся вещи безпрекословно и быстро слушались Вашихъ зоркихъ глазъ и точныхъ рукъ.

Утромъ въ день моего отъѣзда, Вы, какъ всѣ послѣдніе дни, были у меня.

Когда дюжіе Ступинскіе ломовые вынесли послѣдніе ящики, намъ обоимъ — не правда ли, Наталья Константиновна, вѣдь обоимъ — стало какъ то очень грустно.

Почему? Не потому ли, что у насъ отнималось житейское оправданіе нашей лирической вины?

Вы стали собираться домой. Я вышелъ съ Вами проводить Васъ до дому. Дойдя до Васъ мы повѐрнули обратно къ Никитинскимъ воротамъ. Какъ

медленно мы съ Вами ни шли, къ Никитинскимъ воротамъ мы все-же скоро пришли.

Какъ долго мы съ Вами не ждали обязательно пустого трамвая, пустой трамвай все-же неожиданно быстро пришелъ.

Наше прощанье было быстро и пусто. Я вскочилъ на заднюю площадку. Раздался звонокъ, трамвай вздрогнулъ и двинулся внизъ по бульвару. Вы какъ прикованная застыли на мѣстѣ.

Если бы Вы знали, Наталья Константиновна, какъ печальны, въ первую секунду трамвайнаго бѣга были Ваши глаза, какъ печальны во вторую — Ваши прощающіяся не постившіяся руки, какъ печальны въ послѣднюю — тающіе конкуры Вашей фигуры, той Вашей утренней фигуры, въ синемъ костюмѣ, въ большой шляпѣ, въ свѣтлыхъ весеннихъ перчаткахъ!

Вечеромъ на вокзалѣ собралось довольно много людей: — изъ всѣхъ друзей и добрыхъ знакомыхъ не было только Васъ одной. Пріѣхавшій однимъ изъ первыхъ Алеша передалъ мнѣ Вашъ привѣтъ и сообщилъ отъ Вашего имени, что Вы еще за обѣдомъ собирались ѣхать съ нимъ, но къ вечеру почувствовали себя не совсѣмъ здоровой и рѣшили остаться дома. Страннымъ образомъ и онъ и я были въ тотъ вечеръ одинаково увѣрены, что головная боль единственная причина Вашего непріѣзда на вокзалъ. А Вы, Наталья Константиновна, были-ли Вы тогда такъ же увѣрены въ этомъ, какъ я сейчасъ увѣренъ въ обратномъ?

Ну вотъ, Наталья Константиновна, я и напи-

салъ Вамъ исторію нашей любви. Быть можетъ она покажется Вамъ исторіей того, чего никогда не было. Мнѣ будетъ это очень больно, но придется покориться. Мое глубокое убѣжденіе въ присутствіи мечты въ воспоминаніяхъ лишаетъ меня, къ сожалѣнію, возможности защищать въ своемъ лицѣ безпристрастіе Пимена.

До скораго свиданія, родная. На дняхъ черезъ Вильну ѣду въ Москву.

Шлю Вамъ весенній привѣтъ и цѣлую Ваши милыя, прошлогоднія руки.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Гейдельбергъ 25 февраля 1911 г.

Дорогая Наталья Константиновна, собственно говоря, я долженъ былъ уже вчера покинуть Гейдельбергъ, но не покинулъ его, потому что, сидя передъ открытыми чемоданами, не столько укладывалъ въ нихъ свои вещи, сколько перелистывалъ любимыя книги, перечитывалъ старыя письма и пересматривалъ фотографіи: путешествовалъ, однимъ словомъ, не въ даль, а въ прошлое и вѣчность.

Ахъ эти несвоевременныя путешествія, какъ часто они уже мѣшали моему продвиженію по рельсамъ жизненныхъ необходимостей!

Что дѣлать? — я неисправимый романтикъ, и притомъ, къ сожалѣнію, романтикъ самаго подозрительнаго типа: не столько жрецъ героической мечты, сколько жертва разслабляющей мечтательности. Въ качествѣ послѣдняго, я и оказался вчера

вечеромъ въ моментъ отхода поѣзда на Берлинъ въ плѣну у своихъ безпорядочныхъ размышленій надъ безпорядкомъ своей комнаты. Вамъ это странно, Наталья Константиновна, но согласитесь, есть что-то совсѣмъ особенное и истощающее душу въ обликѣ покидаемаго нами жилья.

Пока ваша комната имѣетъ свой обычный, будничный видъ, пока ваши вещи, обезличенныя ея деспотическимъ порядкомъ, молчатъ по своимъ мѣстамъ, вы не чувствуете вокругъ себя ихъ сложныхъ и своеобразныхъ душъ. Но стоитъ вамъ внести чемоданы, какъ все внезапно мѣняется. Десятокъ любимыхъ книгъ, задумчиво молчавшихъ на полкѣ, вдругъ заполнятъ и полъ и постель и стулья: нѣсколько связокъ писемъ, цѣломудренно таившихся въ глубокихъ ящикахъ письменнаго стола, лежатъ уже и на самомъ столѣ и на комодѣ и на окнахъ. Откуда то появляются забытыя фотографіи, свѣтлыя весеннія перчатки (если вы переѣзжаете зимой) или свитеръ и шлемъ (если вы переѣзжаете лѣтомъ) давно умершіе часы со сломанной стрѣлкой, настольный календарь съ отмѣтками предстоявшихъ къ исполненію и не исполненныхъ вами обязательствъ и, наконецъ, если вы человѣкъ, не лишенный благородной сентиментальности, увядшая роза или пробка отъ шампанскаго съ дружеской надписью на ней.

И вотъ, какъ люди открываютъ иной разъ другъ другу въ вагонахъ и каютахъ такія тайны, въ которыхъ они даже сами себѣ никогда не признались бы въ своихъ скучныхъ осѣдлыхъ кварти-

рахъ, такъ и вещи вашей комнаты, въ моментъ переселенія со своихъ тихихъ, насиженныхъ мѣстъ въ чемоданы, начинаютъ разсказывать длинныя и обыкновенно скорбныя повѣсти своихъ дней.

Они говорятъ, а вы ихъ не торопите, хотя бы у васъ въ карманѣ и лежалъ заранѣе взятый билетъ. Вы ихъ слушаете: любовно, внимательно, но одновременно и безучастно, такъ, какъ нѣмыя стѣны каютъ и купэ, быть можетъ, слушаютъ исповѣди взволнованныхъ пассажировъ.

Наступаетъ вечеръ, комната наполняется сумракомъ, вещи постепенно умолкаютъ и исчезаютъ въ немъ. Въ душѣ же отъ всѣхъ ихъ рѣчей рождается странное настроеніе оцѣпенѣнія и погруженности: — настроеніе сладостное и скорбное, мечтательное и тлетворное, пѣвучее и бездѣйственное.

Но какъ-ни-какъ укладываться надо. Вы зажигаете электричество и открываете чемоданы. Друзья пути и дали, открытые и пустые какъ будущее, они льютъ вамъ въ душу совсѣмъ иные зовы, чѣмъ шопоты вашихъ любимыхъ вещей. Въ этихъ зовахъ и вызовъ жизни и призывъ къ борьбѣ. Зовы эти встаютъ надъ бездѣйственнымъ оцѣпенѣніемъ вашей души, и въ ней подымается тревожная борьба между прошлымъ и будущимъ, между итогами иканунами, между предательскимъ желаніемъ забыть и рыцарскимъ долгомъ запомнить, но и между тлетворнымъ желаніемъ все помнить и долгомъ мужественности: наконецъ забыть.

Вотъ въ какихъ настроеніяхъ, колебаніяхъ и размышленіяхъ опоздалъ я вчера на вокзалъ.

Быть можетъ это опозданіе было простою случайностью, а быть можетъ и тайною попыткою Таниного Гейдельберга въ послѣдній разъ повернуть меня лицомъ къ моему прошлому.

Ну до свиданья, Наталья Константиновна. Какое невыразимое счастье знать, что это послѣднее письмо, что черезъ нѣсколько дней я уже буду у Васъ въ Москвѣ.

До свиданія родная, до свиданія

Весь Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Вильна, 2-го марта 1911 г.

Дорогая Наталья Константиновна, хотя мы съ Вами дней черезъ пять и увидимся, я все же хочу написать Вамъ.

Вильна прозвучала въ моей душѣ настолько неожиданно и сложно, что я хочу еще до нашей встрѣчи подробно разсказать Вамъ обо всемъ, что я здѣсь пережилъ.

Я подъѣзжалъ къ Вильнѣ 28-го подъ вечеръ. Поѣздъ медленно подходилъ къ вокзалу. Я стоялъ у окна, и, смотря на проплывающее передъ глазами кладбище, мучительно недоумѣвалъ: что же это значитъ, что я въ роскошномъ вагонѣ среди разговоровъ и смѣха неудержимо двигаюсь мимо погружающейся въ ночь могилы моей жены, Татьяны Переслѣгиной, какъ непонятно гласитъ надпись на крестѣ.

Переночевавъ въ гостиницѣ, я хотѣлъ пойти на кладбище, но потомъ, ничего какъ то не перерѣшая, отправился сначала къ Маринѣ.

Ея маленькій деревянный домикъ показался мнѣ зимой подъ голыми сучьями стараго тополя еще гораздо печальнѣе и отрѣшеннѣе, чѣмъ лѣтомъ. Входъ оказался незапертымъ. Не звоня прошелъ я въ переднюю, столовую. Проведенная въ этой комнатѣ послѣ похоронъ ночь, темными волнами такъ и хлынула въ душу.

Не думая, что Марина дома, я, помедливъ нѣсколько минутъ, все же постучался въ дверь ея комнаты.

«Войдите» — я вошелъ. Марина ждала меня, хотя очевидно не ожидала столь скораго пріѣзда. Быстро поднявшись мнѣ навстрѣчу, она, не подавая руки, обняла и поцѣловала.

Поцѣлуй этотъ, скорбный и нѣжный, былъ страстнымъ поцѣлуемъ женщины, но женщины цѣлующей не меня — кого?.. Мнѣ померещились смеженныя вѣки умершаго міра. Поцѣлуемъ этимъ я былъ одновременно и отстраненъ и призванъ.

Мы сѣли. Начался разговоръ: я тщательно избѣгалъ малѣйшаго прикосновенія ко всему, что могло бы сдѣлать его существеннымъ и значительнымъ.

Я чувствовалъ въ Маринѣ своего судью и чувствовалъ себя передъ нею виноватымъ.

О, конечно, со дня Таниной смерти не прошло ни одного дня, чтобы я не вспоминалъ ея. Но чѣмъ были всѣ мои воспоминанія? Пышными цвѣтами на

могилѣ. Но цвѣты на могилѣ, развѣ это не побѣда жизни надъ смертью? Не забвеніе умершей?

Смотря на Марину, я понялъ: — вспоминать не значитъ помнить.

Вспоминать — значитъ быть душою съ нѣкогда живой — жить послѣ встрѣчи со смертью. Помнить — значитъ быть душою съ умершей — умирать въ объятіяхъ жизни.

Марина — она помнила, помнила мать, братьевъ и Таню.

А я — я все забылъ, забылъ среди воспоминаній.

Нашъ разговоръ оборвался. Заговорили какъ то вдругъ обозначившіяся въ раннихъ сумеркахъ вещи. Синѣвшіе за окномъ сугробы полиловѣвъ глухо придвинулись къ стѣнамъ флигеля; не по столовой большая, со дня смерти Марининой матери онѣмѣвшая рояль внезапно прочернѣла къ намъ въ комнату какимъ то траурнымъ мракомъ; какъ то по новому ощутился Марининъ письменный столъ чернаго дерева съ фигурами слоновъ по угламъ. На немъ гіацинты — кажется, любимые цвѣты Будды. Надъ нимъ портреты отошедшихъ въ небытіе.

А среди всего этого она сама, Марина, въ черномъ домашнемъ платьѣ похожемъ на подрясникъ, съ небольшими распущенными волосами по немощнымъ плечамъ, съ лицомъ спокойнымъ какъ византійская икона и тайно тревожнымъ какъ Блоковскій стихъ.

Третьяго дня мы съ Мариной ходили на клад-

бище. Всю дорогу шли молча и мнѣ невѣроятно отчетливо вспоминались Танины похороны.

Жара, пыль, пригородъ, колышащіяся драпировки катафалка, блѣдный заостренный профиль идущаго со мною рядомъ Алексѣя. Сквозь запахи можжевельника и розъ неотступный, приторный и густой какъ глицеринъ запахъ тлѣнія.

На душѣ глубочайшій мракъ, а на фонѣ его рядъ обостренно четкихъ, словно впившихся въ его глубину своими деталями, внѣшнихъ впечатлѣній: три бѣлолицыя куклы въ перекосившемся окнѣ грязной парикмахерской, — подъ низкими воротами два сближенныхъ еврейскихъ профиля въ патріархальныхъ бородахъ, — на перекресткѣ какой то франтъ въ лимонныхъ перчаткахъ и лиловыхъ носкахъ.

Потомъ каменная ограда, порядокъ и благообразіе желтыхъ кладбищенскихъ дорожекъ среди зеленыхъ могилъ. Церковь, плавное похаживаніе батюшки, позвякиваніе кадила, запахъ ладана, возгласы, хоръ...

Въ душѣ длительное наростаніе боли, мгновенія непереносимаго отчаянія, послѣдней предсмертной тоски. Затѣмъ внезапное облегченіе, тишина, почти что покой. Какъ будто бы боль прорвала своею непомѣрною тяжестью душу, выпала изъ нея и затихла въ глухихъ нѣдрахъ всего болящаго и скорбящаго міра.

Два гроба, одинъ за другимъ медленно выплываютъ надъ головами на паперть.

Торжественною пѣснью судьбы стихаютъ подъ

синими сводами іюльскаго дня такіе человѣческіе въ церкви голоса хора. По высокому небу, высоко надъ зеленью березъ блаженно проносятся легкія облака. Я вижу, что серебряные кресты на черной ризѣ священника блестятъ уже гдѣ то внизу по дорогѣ къ могилѣ, но я медлю спускаться со ступеней паперти. Прислушивающаяся къ себѣ самой душа нежданно прорастаетъ чудомъ: въ ней умираютъ боль и тишина и вся она вскипаетъ восторгомъ смертельнаго боя съ судьбой, восторгомъ о свободѣ и вѣчности.

....

Съ кладбища мы возвращаемся съ Мариной подъ руку. Она молчитъ, я думаю о Васъ. «А знаете, прерываетъ она мои мысли, вы очень сильный человѣкъ, Николай Федоровичъ. Я замѣтила въ день Таниныхъ похороиъ одинъ вашъ взглядъ, одно ваше движеніе и тогда же почувствовала, что мы васъ скоро потеряемъ, поняла, но не повѣрила»...

Мы останавливаемся у калитки. «Зайдемте», предлагаетъ Марина... Я прохожу за ней.

Лампа горитъ въ одной только столовой. Въ Марининой комнатѣ топится печь. Огненные отсвѣты судорожно трепещутъ на полу и стѣнѣ. Продрогнувшая на кладбищѣ Марина садится въ низкое кресло у самой печки. Въ ея глазахъ вспыхиваютъ огненныя точки. Я сижу противъ нея и долго всматриваюсь изъ своего темнаго угла въ печальныя

глуби этихъ странно освѣщенныхъ глазъ. Наконецъ я рѣшаюсь — почему рѣшаюсь? — и спрашиваю Марину въ чемъ же моя сила, почему она думаетъ, что сила это должна удалить насъ другъ отъ друга.

Въ отвѣтъ на эти слова Марина повернулась ко мнѣ. Огни въ ея глазахъ сразу потухли, лицо почти совсѣмъ слилось съ сумракомъ комнаты. Словно отъ имени этого безликаго сумрака странно прозвучали ея замедленно отчетливыя, врѣзавшіяся мнѣ въ память слова: «Есть люди, для которыхъ вся жизнь смерть. Это не боль и не бѣдность, это только полынь на душѣ. Все остается — и счастье и любовь и страсть, но все становится горькимъ на вкусъ. Я думала, что Танина гибель приведетъ васъ къ намъ. И эта надежда меня почему то радовала... Но вы ушли отъ насъ, ушли сильно и властно. Куда? — я не знаю. Вы простите, что я такъ откровенна съ вами, но вѣдь мы такъ много говорили съ Таней о васъ; и тогда, когда она съ вами уходила отъ Бориса, и потомъ, когда несмотря на всю свою любовь къ вамъ, чувствовала «нашу» полынь у себя на душѣ и такъ тяжело сомнѣвалась въ своемъ правѣ быть вами любимой».

Послѣднія слова Марина произнесла въ глубокомъ раздумьѣ. Въ нихъ не было для меня ничего новаго и все же они тяжело легли на мою душу, и уже готовый отвѣтъ такъ и не поднялся съ души.

Странное настроеніе этого глухого разговора у печки неожиданно смѣнилось къ концу нашего

длиннаго съ Мариной дня, совершенно инымъ, хотя тончайшими нитями все же и связаннымъ съ первымъ. Въ дѣтствѣ бываютъ такъ связаны долгія слезы съ внезапной улыбкой. Ради этой улыбки я, быть можетъ, и пишу Вамъ, Наталья Константиновна, это длинное письмо, хотя право минутами сомнѣваюсь есть ли о чемъ и писать. Но какъ бы то ни было начавъ, надо кончать.

Не дождавшись моего отвѣта, Марина встала съ кресла и, высокая, какъ то зябко прошла въ столовую. Мы сѣли ужинать. И вотъ, — свѣтъ ли послѣ мрака, привычный ли діалогъ застольныхъ жестовъ, крѣпкій ли житейскій тонъ поющаго самовара, цѣломудренная ли боязнь заново прикоснуться къ тому большому, что только что умерло въ неожиданно вспыхнувшемъ и оборвавшемся разговорѣ, — не знаю, — но только мое ощущеніе Марины окрасилось какими то новыми полутонами. Впервые почувствовалъ я въ этотъ вечеръ себя, ее и нашу близость въ какомъ то новомъ конкретно-житейскомъ медіумѣ, впервые ощутилъ не захваченную мистеріей смерти, психологическую авансцену Марининой души, впервые радостно понялъ, что съ этой красивой, много видавшей и много думавшей женщиной можно такъ просто сидѣть вмѣстѣ, такъ интересно говорить рѣшительно обо всемъ случайномъ, о Римѣ и Бальзакѣ, о Шуманѣ и Вячеславѣ Ивановѣ...

Вотъ, Наталья Константиновна, и весь мой грѣхъ, въ немъ я Вамъ и каюсь. Я знаю, я не имѣю

ни малѣйшаго права считать это покаяніе своимъ долгомъ, но я все-таки льщу себя надеждой, что я уже могу считать его своимъ правомъ.

Ну, до свиданья, родная. Послѣ завтра окончательно выѣзжаю въ Москву. Въ четвергъ вечеромъ, часовъ около восьми буду у Васъ на Никитской. Безумно радуюсь увидѣть Васъ и поцѣловать Ваши руки.

Вашъ Николай.

ЧАСТЬ II.

Москва, 27-го мая 1911 г.

Наташа, Ты конечно уже все знаешь отъ Алексѣя. Все произошло совершенно неожиданно. Вчера послѣ музыки, когда Лидія Сергѣевна увела Тебя къ себѣ, мы съ Алексѣемъ остались вдвоемъ въ гостиной.

Я сразу замѣтилъ, что онъ очень взволнованъ и хочетъ что-то сказать мнѣ. Не знаю, какъ это случилось, но я самъ спросилъ его въ чемъ дѣло. Онъ на мгновеніе смутился, но потомъ какъ-то весь выпрямился душой и сказалъ: «Да, Ты правъ, я даже хотѣлъ писать Тебѣ въ Гейдельбергъ. Что-то у насъ не ладно съ Натальей: — все какъ будто бы и хорошо, а все-таки все какъ-то не то; въ чемъ дѣло — никакъ не пойму. Можетъ быть Ты ее лучше знаешь, можетъ быть оно со стороны и виднѣе... Если что чувствуешь, понимаешь... скажи, помоги... Я совершенно запутался...

Что мнѣ было дѣлать, Наташа? Я помнилъ наше рѣшеніе — Алешѣ скажешь все Ты; помнилъ

Твое, такое невѣрное по моему, убѣжденіе, что сказать нужно будетъ только тогда, если твердо рѣшишь что уйдешь; помнилъ и то, что еще вчера утромъ Ты мнѣ говорила, что никогда не рѣшишься уйти. Но помня все это, я въ отвѣтъ на прямой Алешинъ вопросъ, по всей своей совѣсти, не могъ промолчать. Я сказалъ ему, что знаю, почему у Васъ не все благополучно, я сказалъ ему, что Ты любишь меня...

Наташа, Наташа — надо было видѣть предѣльное изумленіе Алексѣя, чтобы повѣрить тому, чему я все время какъ-то не вѣрилъ: полному отсутствію въ немъ какихъ бы то ни было подозрѣній.

Поблѣднѣвъ какъ полотно и закрывъ лицо обѣими ладонями, онъ большими шагами, съ опущенной головой, направился было къ двери, но вдругъ остановился посреди комнаты, повернулся ко мнѣ и съ лицомъ, восторженно просвѣтленнымъ, какого я еще никогда не видѣлъ на немъ, какъ-то безъ голоса произнесъ: «ну, что же... это еще лучшее, что могло случиться со мною... все-таки Ты... Можетъ быть я Тебя люблю больше ея! Бери же ее... бери. Отдамъ, если только воистину любишь... какъ я!..». Онъ подалъ мнѣ руку; я крѣпко пожалъ ее и быстро, боясь встрѣчи съ Тобой и Лидіей Сергѣевной, пробѣжалъ черезъ корридоръ въ переднюю. Алеша самъ громко захлопнулъ за мною дверь...

Теперь, что будетъ дальше Наташа? Я не только предчувствую, я тврдо знаю: на высотѣ своего вчерашняго порыва Алешѣ, конечно, не удержать-

ся. Его вчерашній восторгъ завтра же опадетъ отчаяньемъ. Приведетъ ли его это отчаянье къ отказу отъ вчерашняго рѣшенія, я не знаю, но допускать — допускаю вполнѣ. Во всякомъ случаѣ оно выростетъ, при Твоемъ къ нему отношеніи, въ его величайшую силу, въ цитадель послѣдней борьбы за Тебя. Сказать ему, добровольно отступающемуся отъ Тебя, гибнущему безъ борьбы, что Ты дѣйствительно меня любишь и уходишь ко мнѣ — Ты, боюсь, не найдешь въ себѣ силы. Вѣдь ужъ сегодня, знаю я, Ты снова чувствуешь себя, какъ никогда, необходимой Алексѣю; вновь и вновь пытаешься ощутить эту безысходную необходимость, какъ любовь, а Твою прекрасную любовь ко мнѣ, какъ грѣхъ, навожденіе, соблазнъ, какъ не Твою судьбу.

Какая ужасная во всемъ этомъ неправда, Наташа. Скажи, неужели же Ты никогда не преодолѣешь ея, неужели же мы разстанемся? Неужели же забудемъ другъ друга? Да, да, Наташа, только не надо обманываться! Если разстанемся, то и забудемъ! Возрастъ нашего вѣка таковъ. Для насъ и въ счастьи-то вѣрность подвигъ, и въ несчастьи же... нѣтъ... нѣтъ...

Добродѣтельно уступить Тебя Алексѣю, а самому, собравъ въ печальную урну раненаго сердца нетлѣнный прахъ своей несостоявшейся любви, прожить всю жизнь «подъ сѣнью гробовой...» нѣтъ, Наташа, на это я не способенъ! Моя любовь гораздо больше, чѣмъ только поэзія и мечта о какомъ-то иномъ мірѣ. Она в л а с т ь этого иного, мечта-

емаго міра надъ здѣшнимъ, надъ нашимъ. Если я не сломлю всѣхъ Твоихъ сомнѣній и не приведу Тебя къ себѣ я долженъ буду сказать себѣ, что я Тебя никогда не любилъ. Но этого, клянусь, я никогда не скажу!

Наташа, въ моемъ сердцѣ сейчасъ только одна мольба къ Тебѣ. Передъ тѣмъ, какъ обѣщать Алешѣ, что останешься съ нимъ, спроси себя въ послѣдній разъ: въ силахъ ли долгъ замѣнить даръ? Наташа, я знаю какъ Тебѣ сейчасъ невыносимо тяжело. Но я знаю и то, что самообманъ не дастъ ни Тебѣ, ни Алешѣ ни облегченія, ни исхода. Такъ не обманывай же себя и пойми, что изъ долга — дара не выкуешь. Сейчасъ Алексѣю нужно, конечно, только одно, чтобы Ты осталась съ нимъ. На все остальное онъ пока согласится надѣяться. Всякая борьба близорука и живетъ созерцаніемъ видимой цѣли. Но завтра, когда борьба кончится и передъ нимъ встанетъ вопросъ, — во имя чего она велась, — онъ спроситъ Тебя: любишь ли Ты его, счастлива ли съ нимъ, забыла ли меня? Что Ты отвѣтишь ему? Наташа, Ты цѣльная изъ цѣльныхъ, Ты женщина изъ женщинъ, Ты не осилишь передъ лицомъ этихъ сомнѣній цѣльнаго, женскаго «да». Тебѣ придется или упорно молчать, вѣрнѣе отмалчиваться, или многое, слишкомъ многое объяснять. Но и то и другое будетъ въ Тебѣ одинаково ложно, ибо вся Ты прекрасное и короткое «да» — «да» бытію и жизни, «да» счастью и любви!

Наташа, любовь — это праздникъ, а долгъ это

— трудъ. Что значитъ трудиться надъ праздникомъ? Не будетъ надъ этимъ трудомъ благословенія. Не принесетъ онъ счастья ни Тебѣ, ни Алешѣ. Любовь, Наташа, единственна, любовь ни съ чѣмъ ни сравнима. Гдѣ ея всей сразу и навсегда нѣтъ, тамъ къ ней никогда не придти: дружба, жалость, жертва, подвигъ — все это совсѣмъ не то, это все человѣческое благоустройство, и только. Любовь же совсѣмъ иное, любовь жестокій восторгъ, вырывающій возлюбившихъ изъ міра всѣхъ человѣческихъ правдъ и обязанностей и отдающій ихъ души и жизни высотѣ и свободѣ звѣзднаго неба! Не предавай же звѣздъ, Наташа!

Твоя вѣрность — преступная вѣрность: она измѣна любви. Подумай, повѣрь, пойми: любовь гораздо большее, чѣмъ Твое счастье, на которое Ты вольна соглашаться, отъ котораго вольна и отказываться. Передъ ликомъ истины — она нетлѣнная идея, передъ лицомъ Твоей жизни — она Твой единственный долгъ!

Разсыльный уже ждетъ въ передней, я не могу больше писать. Я хочу какъ можно скорѣе бросить это письмо на «мою» чашу, колеблющихся сейчасъ у Васъ, на Никитинской, вѣсовъ. Прошу Тебя потому только еще объ одномъ. Не рѣшай Алешиной судьбы одною Т в о е й волей. Призови себѣ въ помощь ту простую, голую правду, которую Ты такъ упорно скрывала все послѣднее время отъ Алексѣя; скажи ему все, что было между нами, и пусть онъ самъ съ открытыми глазами участвуетъ

въ рѣшеніи своей судьбы. Скажи ему, что не разъ говорила мнѣ, что обвѣнчана съ нимъ волею къ его спасенію и нѣжной лаской, меня же любишь безумьемъ и радостью; скажи ему, какъ, сидя на его письменномъ столѣ у окна, мы оба одинаково бывало не хотѣли, чтобы изъ переулка показалась его фигура и въ передней раздался его звонокъ; скажи, какъ, сидя со мною на диванѣ, Ты соединяла щитомъ Твоихъ ладоней наши лбы, чтобы глаза наши свѣтились другъ другу во маркѣ. Скажи о томъ вечерѣ, когда я впервые услышалъ набатъ въ Твоей крови, а въ Твоемъ сердцѣ тихое торжественное пѣніе.

Но надо, надо кончать. Каждая минута промедленія сейчасъ для меня «смерти подобна». Вотъ еще только что. Вчера, прощаясь со мною, Алеша, по моему, еще не зналъ, что Твои губы и руки — мои. Такою онъ Тебя передъ собою не видѣлъ. Мои слова, что Ты любишь меня, которымъ онъ правда сразу и до конца повѣрилъ, онъ все же принялъ лишь за мое внутреннее знаніе. При Твоемъ безконечномъ вліяніи на него, Ты, быть можетъ, еще и вольна свести мое признаніе почти на нѣтъ. Но Ты вѣдь не сдѣлаешь этого Наташа, — нѣтъ? Обнимаю, цѣлую Тебя и жду... жду... звонка, письма... А можетъ быть и Тебя? Тебя самое, Тебя всю, Тебя навсегда!

Весь Твой Николай.

Москва, 28-го мая 1911 г.

Наташа, я думаю Ты должна была остаться довольной мною. То, что я обѣщалъ Тебѣ вчера ночью, я выполнилъ, кажется, съ должнымъ усердіемъ и даже мастерствомъ. Въ дѣлѣ Твоего отступничества отъ нашей любви ради Алешинаго спасенія, которое Ты, несмотря на всѣ мои доводы, все же сочла себя обязанной совершить, я былъ сегодня, не правда ли, не только покорнымъ, но и стойкимъ пособникомъ?

Родная, если слова эти дышатъ нѣкоторою себялюбимою горечью, то прости мнѣ ее; но, право же горько, нестерпимо горько было мнѣ сегодня, послѣ этого ужаснаго разговора втроемъ, уйти отъ Тебя навсегда — хотя сердце рѣшительно не вѣритъ этому — безъ послѣднихъ пятнадцати минутъ наединѣ, безъ послѣдняго объятья, безъ послѣдняго поцѣлуя!

Согласись, что Алешинъ отказъ мнѣ въ этихъ минутахъ былъ ужасною жестокостью слабости и отчаянья. Да, да, мое вчерашнее предсказаніе сбылось, и сбылось много быстрѣе и круче, чѣмъ я самъ того ожидалъ.

Ахъ Наташа, Наташа, скажи, какая же умная правда въ томъ, что вмѣсто того, чтобы пойти вотъ сейчасъ къ Тебѣ со всѣмъ, что кипитъ на сердцѣ, я долженъ писать это послѣднее письмо, разрѣшенное мнѣ Алексѣемъ въ обмѣнъ на обѣщаніе не видѣться больше съ Тобой? Нѣтъ въ

этомъ правды, все это ложь. Но, конечно, все всегда одно къ одному: все безуміе жизни въ томъ, что она такъ отчаянно логична!

Однако, это уже философія. Философствовать же мнѣ сейчасъ право кажется ни къ чему. Философствуя можно писать безъ конца. Безъ конца же писать, когда все уже кончено, не правда ли, это почти глупо, Наташа: сколько ни философствуй, сколько ни пиши, — все равно письмомъ жизни не продлишь, словами судьбы не измѣнишь. Одно мнѣ все же нужно Тебѣ сказать; мнѣ нужно объяснить, почему я, такъ долго боровшійся съ Твоимъ нежеланіемъ говорить Алексѣю о нашей любви, вчера ночью, когда Ты позвонила мнѣ, прося во всемъ подчиниться Тебѣ, рѣшилъ согласиться на Твою просьбу и пойти вмѣстѣ съ Тобою на спасеніе Алексѣя обманомъ.

Наташа, Ты помнишь какъ мы были съ Тобой (это было 17 го марта) на концертѣ въ Маломъ залѣ Благороднаго Собранія? Ты помнишь, какъ во время антракта мы какимъ-то совершенно непонятнымъ образомъ попали на гулкіе хоры Большого зала. Внизу жутко зіяла черная бездна; громадная вблизи люстра тяжело, словно грозя сорваться, повисла надъ самыми нашими головами; вдали глухо шумѣла толпа. На этихъ странныхъ темныхъ хорахъ, мимо насъ впервые совсѣмъ, совсѣмъ близко прошла наша Судьба. Я ее первый увидѣлъ и спросилъ Тебя: «видѣла»? Понявъ съ полуслова, Ты отвѣтила «да» и, словно испугав-

шись чего-то, взяла меня подъ руку и быстрыми, нервными шагами заторопилась къ выходной двери . . .

Провожая Тебя домой, я всю дорогу снова говорилъ о томъ, что почти съ самаго моего пріѣзда стало главною темой всѣхъ нашихъ разговоровъ, что я не понимаю, какъ Ты, съ Твоими глазами, можешь бояться свѣта и правды въ своей жизни, можешь скрывать отъ Алексѣя, что любишь меня. Весь мой натискъ Ты выдержала, какъ всегда, молча и лишь въ послѣднюю минуту, послѣ того какъ мы уже окончательно простились, еще разъ остановила меня и медленно, медленно, какъ-то необыкновенно трудно сказала: «Ахъ Николай, когда слушаю Тебя, всегда соглашаюсь съ Тобой, но только останусь одна, какъ снова чувствую — не смѣю я всей правды открыть Алексѣю, не смѣю потому, что, что Ты ни говори, вся правда все-таки Алешѣ смерть, а мнѣ счастье...».

Не во всякій часъ бываетъ, оказывается, понятенъ душѣ человѣка смыслъ всякаго слова. Послѣдняго, глубиннаго смысла Твоихъ словъ я въ ту весеннюю, въ ту мартовскую ночь не понялъ. Но вчера, когда я съ бьющимся сердцемъ ожидалъ Твоего отвѣта и въ головѣ кружили событія послѣднихъ мѣсяцевъ, мнѣ вдругъ стало ясно, что Ты потому боролась противъ моей воли сказать Алексѣю всю правду, что эта правда боролась за Тебя, за то Твое счастье, на которое Ты «одна во всемъ виноватая» не могла признать за собой ни малѣйшаго права. «Обманывая», какъ я жестоко

упрекалъ Тебя, Алексѣя, Ты не лжи хотѣла и не покоя, но исцѣленія для Алексѣя и искупленія для себя. И какъ знать, въ какомъ-то своемъ смыслѣ, Ты, быть можетъ, и была, и осталась права. Скажи Ты все Алексѣю, и большое, по своему глубокое и таинственное сплетеніе Вашихъ жизней было бы уже давно разрублено. А сейчасъ, благодаря Твоему «преступному» молчанію, передъ Тобой все еще стоитъ возможность превратить намѣченное было судьбой несправедливое распредѣленіе счастья между имъ и нами въ справедливое распредѣленіе страданія между всѣми нами тремя.

Наташа, состояніе моей души вчера ночью, когда мнѣ открылось все это новое, и по своему глубочайшее содержаніе Твоего отношенія къ Алексѣю, было очень сложно. Цѣлостность моей воли къ порабощенію Твоей совѣсти моимъ взглядамъ на жизнь была, быть можетъ, впервые, надломлена. Минута, въ которую я услышалъ Твой телефонный звонокъ, была минутой проникновенной, но и растерянной: я уже не видѣлъ только одной, своей правды, — двѣ правды противостояли другъ другу — моя и Твоя; и я, въ вопросѣ Твоего отношенія къ Алексѣю рѣшилъ подчиниться Твоей. Неизбѣжныя разочарованія, которыя, я знаю, ждутъ Тебя на Т в о и х ъ путяхъ, приведутъ Тебя сами ко мнѣ. Я въ Твой возвратъ ко мнѣ вѣрю, Наташа, я Тебя жду

Ну вотъ самое главное сказано. Теперь еще только одно. Быть можетъ, объ этомъ лучше было бы не говорить, ну да ужъ все равно. Хочется раз-

статься съ Тобою въ полной прозрачности, ничего не утаить, что болитъ на сердцѣ. Наташа, любимая, пойми меня и прости мой горькій упрекъ Тебѣ. Получивъ отъ меня согласіе во всемъ подчиниться Тебѣ, послѣ того, какъ я уже сказалъ Алексѣю, что Ты любишь меня, Ты должна была, по моему, взять на себя хоть какую-нибудь долю отвѣтственности за мое внезапное признаніе: вѣдь правда его была не моя только правда, но наша. Ты должна была среди всѣхъ отрицаній и умолчаній ужаснаго сегодняшняго утра все же какъ-то сказать Алексѣю, что были въ Тебѣ минуты, когда къ Твоей душѣ подступали волны соблазна и искушенія, безсильныя передъ твердыней Твоей воли и жизни, но все же не окончательно нѣмыя передъ настороженнымъ слухомъ какихъ-то Твоихъ тайныхъ ожиданій. О, я понимаю, сдѣлай Ты это, Ты затруднила бы себѣ исцѣленіе Алеши, но Ты создала бы для меня хоть какую-нибудь возможность достойнаго отступленія, и къ горечи нынѣшняго утра не присоединила бы еще и всѣхъ униженій его! Наташа, меня жгутъ эти униженія! Вѣдь если бы Алексѣй, говоря мнѣ сегодня при Тебѣ, что Ты не подтвердила ему, что любишь меня, вѣрилъ бы въ глубинѣ своего сердца только Тебѣ, мое положеніе было бы ужаснымъ, было бы смѣшнымъ Но къ счастью не все защищало Твою гуманную любовь къ Алексѣю противъ нашей священной любви. За меня была тайная ревность Алексѣя, уже навѣки зароненная мною въ его сердце, его блѣдное, осунувшееся за ночь лицо, его срывающійся на высо-

кихъ нотахъ голосъ, его лѣвая рука, съ неподвижно впившимися въ сердце пальцами и безпрестанно подергивающимся локтемъ, за меня были Твои страдающіе глаза и Твоя доверху застегнутая лиловая кофточка ученицы восьмого класса!

Наташа, въ нашихъ взглядахъ на жизнь мы часто измѣняемъ себѣ, своими взглядами мы часто боремся противъ себя; но въ тѣхъ мелочахъ, которыя мы совершаемъ бездумно, почти инстинктивно, мы неизмѣнно вѣрны себѣ. Кончая это письмо, я съ нѣжнымъ восторгомъ цѣлую Твои милыя руки за то, что безразлично перебирая платья сегодня утромъ въ гардеробѣ, онѣ безсознательно выбрали эту давно не ношенную Тобою старенькую дѣвичью кофточку. Цѣлую и глаза Твои, такіе сегодня скорбные, такіе во-внутрь сосредоточенные, во-внѣ разсѣянные и испуганные.

Дай Богъ Тебѣ правды и силы.

Весь Твой Николай

Москва, 25-го іюня 1911 г.

Вчера встрѣтилъ Лидію Сергѣевну. Отъ нея узналъ, что моя радость одна уѣхала «отдохнуть» въ Звенигородскій Монастырь. Мнѣ сразу стало все безповоротно ясно: мѣсяцъ Твоей работы надъ возсозданіемъ Вашей жизни съ Алексѣемъ кончился тяжелой неудачей. Пристругать другъ къ другу его тайную ревность и Твою тайную мечту Тебѣ не удалось. Онъ все страстнѣе и пытливѣе, все строже

и тише допрашивалъ Тебя. Ты же все невиннѣй и глуше, все краснорѣчивѣе и безпомощнѣе молчала.

Наконецъ, Вамъ стало невмоготу другъ съ другомъ, и вотъ, послѣ долгихъ, горькихъ мученій, Ты рѣшила, что Тебѣ необходимо на время остаться одной.

Я счастливъ, что Ты выбрала мѣстомъ Твоего послѣдняго рѣшенія не Лунево, что было бы такъ естественно, такъ какъ Вамъ уже давно пора на дачу, а тихую монастырскую гостиницу, съ видомъ на бѣлыя стѣны и золотой куполъ, на нѣжную у стѣнъ мураву, на старыя надъ стѣнами березы... Въ этомъ снова сказалась Твоя дружественная мнѣ тоска по своему загубленному дѣвичеству, что въ утро нашей разлуки такъ вдумчиво прикрыла Твои бѣдныя плечики старенькой гимназической кофточкой.

Наташа, родная, повѣрь мнѣ: — не надъ чѣмъ Тебѣ больше думать и нечего Тебѣ больше рѣшать. Сердце Твоего сердца уже все давно рѣшило за Тебя. Тебѣ еще долго не перестать страдать, но страдая, Тебѣ уже неизбѣжно идти за Твоей настоящей любовью, идти ко мнѣ, идти за мной!

Наташа, это письмо не безчестность. Правда, я обѣщалъ Алексѣю не писать Тебѣ больше одного письма, но обстоятельства, въ которыхъ я далъ свое обѣщаніе, нынѣ уже не тѣ. Сейчасъ, послѣ того, какъ я узналъ, что Ты въ Звенигородѣ, мнѣ до конца ясно, что я не только правъ, что пишу Тебѣ, но больше, что я обязанъ въ ближайшіе же

дни увидѣть Тебя. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Тебѣ, я посылаю письмо и Алешѣ. Я пишу ему, что за истекшій мѣсяцъ убѣдился, что не хочу жить безъ Тебя, что Ты не можешь жить съ нимъ, что онъ не смѣетъ бороться за Тебя, что все это я безповоротно рѣшилъ, а потому сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы сломить и Твое вчерашнее рѣшеніе остаться съ нимъ, и Твою сегодняшнюю нерѣшительность стать моею.

Война за Тебя объявлена, объявлена и Алексѣю и Тебѣ!

Я знаю и вѣрю, Наташа, что Алексѣй безъ Тебя ни жить, ни дышать не могъ и никогда не сможетъ. Я безусловно преклоняюсь передъ глубиною его большого и сложнаго чувства къ Тебѣ, но назвать это чувство священнымъ именемъ любви — нѣтъ, на это я никогда и ни за что не соглашусь. Вѣчныя Алешины сомнѣнія и вопросы, вся безвольная проблематика его «быть или не быть», его ставка на Тебя, какъ на послѣднюю карту жизни, все это, Наташа, еще не любовь. Все это только еще встрѣча двухъ сердецъ на темныхъ перепутьяхъ жизни. Любовь же совсѣмъ, совсѣмъ иное: она не только встрѣча полюбившихъ сердецъ другъ съ другомъ, но и одновременная встрѣча каждаго изъ нихъ съ крылатымъ геніемъ любви. Отсюда ея магія, ея преображающая сила, ея красота; отсюда тотъ ея легкій, никакимъ законамъ земного притяженія неподвластный танецъ душъ, о которомъ Ницше такъ слѣпительно сказалъ: «Ich würde nur an einen Gott glauben, der zu tanzen verstuende» . . .

Встрѣчи съ геніемъ любви у Алексѣя не было; потому и Ваша встрѣча не была встрѣчею въ любви. Насъ же съ Тобою связываетъ тайна одновременной встрѣчи съ любовью и потому Тебѣ отъ меня не уйти, какъ не уйти Тебѣ отъ смерти!

Вотъ уже мѣсяцъ, Наташа, какъ я жду Тебя, какъ изъ часа въ часъ, изъ мгновенья въ мгновенье, изъ вѣчности въ вѣчность. мечтаю о восходѣ Твоего огненнаго сердца надъ сумракомъ моей мечты. О если бы знала Ты, сколько видѣній волнуются сейчасъ у меня въ груди и жаждутъ пасть къ Твоимъ ногамъ, къ подножью Твоихъ взоровъ...

Но Ты еще на распутьѣ; если и не въ кельѣ, то все же въ тихой комнатѣ монастырской гостиницы. Алеша печаленъ и скорбенъ: въ немъ крѣпнетъ предчувствіе, что любви его не избѣжать великаго пострига. Пусть потому не поднимутся нынѣ со дна души моей крылатыя слова моей страсти, до восторга торжественныя, до злости веселыя, тихія и умиленныя до нѣмоты.

Слушай! — сейчасъ за моими окнами въ объятьяхъ знойнаго вѣтра на востокъ сгибаются, на востокъ трепещутъ серебристые тополя. Поверни же навстрѣчу вѣтру Твою голову и услышь крылья крови моей! Развѣ не правъ я, Наташа, что люблю, что хочу Тебя! Развѣ не Твое пылающее сердце обезумѣвшимъ пульсомъ мечется сейчасъ во всемъ моемъ тѣлѣ, развѣ не я одинъ только знаю, какъ должны быть взлелѣяны дни Твои, какъ должна быть воздвигнута жизнь Твоя, какъ должны про-

звучать съ высоты ея Твои утреннія, Твои вечернія зори!

Слушай, слушай, Наташа! Заклинаю Тебя — довольно безумной борьбы. Что ни дѣлай, кому ни молись, намъ другъ отъ друга никуда не уйти—мы другъ другу все: и рожденье, и жизнь, и смерть! Пойми, въ любви нѣтъ простора для выбирающей воли и мысли. На вершинѣ любви, на двухъ пядяхъ горячей земли ея, мы должны стоять бездумны и радостны, съ руками простертыми къ небу! Мои руки простерты къ Тебѣ, Наташа. Земля подъ стопами горитъ! Приходи же скорѣе — я жду.

Николай.

Москва, 2-го іюня 1911 г.

Жизнь и страсть моя — въ комнатѣ, которую Ты покинула всего только нѣсколько часовъ тому назадъ, рукою, еще хранящей память о Твоихъ духахъ, съ головою, кружащеюся отъ сладостнаго вина Твоихъ взоровъ, съ ощущеніемъ хрусталя Твоихъ холодѣющихъ устъ у себя на губахъ — что я могу дѣлать, какъ не писать Тебѣ вослѣдъ, что я счастливъ, какъ не былъ еще никогда.

Сегодня утромъ, когда увидѣлъ Тебя въ передней такую блѣдную, такую никлую, такую измученную, когда услышалъ въ отвѣтъ на мой порывъ къ Тебѣ: «не надо, родной, онъ такъ страдаетъ» и поднесъ къ губамъ Твою мертвую руку въ полу-

сдернутой съ нея сѣрой перчаткѣ — могъ ли я думать, что такъ ярко разгорится первый день нашей жизни.

Наташа, я знаю, нѣтъ тѣхъ словъ, что могли бы сказать Тебѣ какъ свѣтло, какъ вознесенно, какъ блаженно сейчасъ у меня на душѣ. Вѣчная боль моей жизни: угнетенность вѣсомостью вещей, бренностью міра, стыдомъ своей смертности — все это далеко отлетѣло отъ меня. Я себя чувствую безсмертнымъ, огненнымъ духомъ; во мнѣ все ликуетъ и поетъ; все вокругъ меня — и Маша, приходившая за посудой, и тополи за окномъ — рѣетъ, проплываетъ и кружится, словно въ мірѣ нѣтъ больше ни ногъ, ни корней, а есть только крылья. Да, я всегда зналъ, предчувствіемъ зналъ, что возможна любовь, какъ великое преображеніе міра, но лишь сегодня впервые повѣрилъ я, что пророчествамъ моего сердца суждено будетъ сбыться. Тяготѣющей землѣ женщиной, прелестно смущенной передъ лицомъ страсти за бреннаго человѣка въ себѣ вошла Ты сегодня въ мою комнату; невѣсомымъ, преображеннымъ существомъ одною «душою и формою» покинула Ты меня.

Нынѣ, Наташа, готовъ я на отчаянный вызовъ всѣмъ мудрствующимъ и молящимся. Нынѣ я знаю: страсть — единственный магическій жестъ человѣчества, въ которомъ доступно ему подлинныхъ вещей обличеніе, единое Царство Божіе, земное и небесное вмѣстѣ...

Потому, всѣмъ разумомъ и всѣмъ безуміемъ моей любви заклинаю Тебя: не откладывай объяс-

ненія съ Алексѣемъ. Тѣмъ, что Ты сегодня утромъ, обѣщавъ, что мы не увидимся, все же была у меня, Ты отрѣзала себѣ всѣ пути отступленія. Мы сейчасъ на порогѣ страшныхъ часовъ. Угроза, такъ безжалостно занесенная измученнымъ Алексѣемъ надъ Твоею головою — ужасна. Сказать Тебѣ, не вѣрь ему и не бойся, я, несмотря на все мое желаніе помочь Тебѣ не скажу. Но вотъ что Ты должна знать: передъ тѣмъ, какъ писать Тебѣ, я, ничего еще не зная о томъ, какъ Алексѣй отпускалъ Тебя въ Звенигородъ, цѣлую ночь рѣшалъ этотъ же чудовищный вопросъ; и для себя я его рѣшилъ. Сейчасъ я готовъ на все, на любыхъ путяхъ жду я Тебя и любыми путями жизни и смерти пойду я къ Тебѣ. А тамъ, пусть будетъ, что будетъ.

Весь Твой Николай.

P. S .Завтра обязательно пришли мнѣ хотя бы самую кратчайшую записку о томъ, какъ Вы разстались съ Алексѣмъ.

Москва, 29-го іюня 1911 г.

Вчера весь день перечитывалъ присланныя Тобою пять словъ. Весь день ждалъ Твоего звонка, самъ звонить не рѣшался, да и не знаю куда, къ Вамъ ли на квартиру, или къ Лидіи Сергѣевнѣ. Не дождавшись, пошелъ вечеромъ къ Твоей Готѣ, узнать отъ нея что-нибудь болѣе подробное...

И нужно же было всему случиться такъ, какъ оно случилось. Нужно же было Алексѣю какъ разъ третьяго дня не попасть къ шести домой, а до поздняго вечера задержаться въ городѣ. Съ семи до двѣнадцати ночи ждала Ты его одна, пока рѣшилась, наконецъ, позвонить Готѣ и попросить, чтобы она пришла къ Тебѣ. Чего, чего, злосчастная, Ты только не передумала, не перечувствовала за эти вѣковѣчныя пять часовъ. О, какъ я себѣ все ясно представляю! Сначала Ты какъ каменная стояла у окна съ однимъ только страхомъ въ сердцѣ, какъ бы изъ переулка не показалась фигура Алексѣя; но когда прошелъ часъ, пошелъ другой, а онъ все не шелъ, въ душѣ рядомъ съ первымъ страхомъ поднялся второй, худшій: — отчего не идетъ, гдѣ можетъ быть, ужъ не случилось ли чего-нибудь страшнаго... Наконецъ, когда стало темно, Ты отошла отъ окна и, забившись въ уголъ дивана, вся превратилась въ слухъ, каждую секунду ожидая, что вотъ-вотъ Алешинъ ключъ чуть слышно повернется въ англійскомъ замкѣ. Такъ застала Тебя Готя — въ большомъ платкѣ, въ страшномъ припадкѣ лихорадки: худую, блѣдную, съ громадными горящими глазами.

Какъ Вы встрѣтились съ Алешей, какъ онъ принялъ извѣстіе, что Ты была у меня, окончательно рѣшивъ уже въ Звенигородѣ разстаться съ нимъ, что Вы говорили въ спальнѣ — разговоръ былъ, по Готинымъ словамъ, очень не дологъ, — обо всемъ этомъ она ничего не могла мнѣ сказать; да я и не разспрашивалъ.

Но что было въ передней, Наташа? По Готиному отрывочному разсказу, нѣчто непонятное, кошмарное. Будто бы Алексѣй выбѣжалъ изъ спальни съ проклятіями на устахъ и, схвативъ съ вѣшалки пальто и шляпу, хотѣлъ бѣжать не простившись съ Тобою. Ты же, бросившись передъ нимъ на колѣни и обнявъ своими руками его ноги, просила простить и благословить... Наташа, неужели это правда? Неужели правда и то, самое страшное, что передъ тѣмъ, какъ придти въ себя, остановиться и поднять надъ Твоею головою свою крестящую руку, съ тѣмъ изступленнымъ отъ муки и злобы лицомъ, о которомъ Готя не можетъ говорить безъ слезъ, Алексѣй проволокъ Тебя — не рыдающую, а тихую, нѣмую, за своей ногой нѣсколько шаговъ по полу передней!

Нѣтъ, я не могу этому вѣрить! Если же все это правда, то чѣмъ, какою любовью выжгу я изъ Твоей памяти эти ужасныя, эти безумныя минуты?

Наташа, родная моя, я не знаю, хватитъ ли у меня силъ, послѣ всего, что я вчера узналъ, сдержать данное Тебѣ обѣщаніе не увидѣть Тебя еще до отъѣзда. Такъ хочется взять Тебя на руки и укачавъ Твою израненную, измученную душу, молча посидѣть надъ Тобою, послѣ долгихъ безсонныхъ ночей, наконецъ, тихо уснувшею. Да хранитъ Тебя Богъ. Цѣлую Тебя, мою бѣдную.

Твой Николай.

Москва, 1-го іюля 1911 г.

Какая неописуемая мука знать, что Ты въ Москвѣ, каждымъ біеніемъ сердца рваться къ Тебѣ, и добровольно отказываться отъ свиданія.

Но что дѣлать — Ты права, эту жертву мы должны принести Алешѣ. Сознаніе причиненной ему боли, сознаніе, что я цѣлыхъ три мѣсяца, по какимъ бы то ни было причинамъ, все же обманывалъ его, тяжелымъ камнемъ гнететъ мою душу; и я не могъ бы, самъ не могъ бы, если бы даже и не было на то Твоей воли, быть сейчасъ съ Тобою, сейчасъ, когда время не кинуло еще и первой пригоршни земли въ вырытую нами въ душѣ Алексѣя могилу.

Моя совѣсть чиста, Наташа. Но чиста только такъ, какъ она была бы чиста у Авраама, если бы Богъ не остановилъ его занесенной надъ сыномъ руки: при всей чистотѣ — она вся въ крови и слезахъ.

Если бы Алеша по старому любилъ меня, если бы по старому вѣрилъ мнѣ, если бы Ты уходила отъ него не со мною, но съ моимъ двойникомъ, я знаю, я доказалъ бы ему, что онъ жертва не вѣроломной лжи, но трагической жизни; я думаю, я спасъ бы его душу отъ того ожесточенія, въ которое, я знаю, она сейчасъ погружается; я вернулъ бы его жизни если и не ея счастье, то все же ея смыслъ и достоинство. Но какъ, какъ, Наташа, вернуть мнѣ себѣ Алексѣя, какою тропою пробраться сейчасъ къ нему въ сердце, какъ вызвать на его

лицѣ то выраженіе, съ которымъ онъ принялъ мою вѣсть о Твоей любви ко мнѣ? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Я вѣдь знаю, и Ты не скажешь, и Ты не научишь и руки моей помощи никто за меня ему не протянетъ.

Вся надежда на время и на него самого. Для насъ же съ Тобой возможно только одно оправданіе: всей своей жизнью доказать ему, что какъ бы глубока ни была правда страданія, правда счастья всегда глубже ея.

« Weh spricht vergeh
« Doch alle Lust will Ewigkeit . . . »

. . . .

Да, Наташа, долженъ сообщить Тебѣ, что то, чего Ты боялась, но чего я желалъ — состоялось. Вчера я былъ въ Штабѣ и узналъ, что мы съ Алексѣемъ будемъ отбывать и въ этомъ году лагерный сборъ не только одновременно, но и въ одной и той же бригадѣ. Къ счастью только въ разныхъ дивизіонахъ. Ежедневная жизнь наша будетъ протекать въ полной раздѣленности, но на обще-бригадныхъ ученьяхъ и стрѣльбахъ мы съ нимъ будемъ неизбѣжно встрѣчаться лицомъ къ лицу. Для моихъ смутныхъ надеждъ на какое-то возстановленіе нашихъ отношеній, перспектива этихъ обязательныхъ встрѣчъ очень желанна. Если мнѣ и не удастся вернуть себѣ Алешину душу, все же онъ самъ будетъ подъ моимъ внимательнымъ, забот-

ливымъ надзоромъ. Ты можешь быть совершенно спокойна. Обо всемъ, что увижу, услышу, почувствую, буду срочно и подробно сообщать Тебѣ.

Думаю, что наше рѣшеніе Твоего отъѣзда съ Готей на Кавказъ, самое правильное, что мы могли выдумать. Если бы Ты осталась въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подъ Москвою — это была бы страшная пытка для Алексѣя. То же, что Ты на цѣлые два мѣсяца становишься одинаково невидимой какъ для него, такъ и для меня, должно, по моему, какъ ни какъ, облегчить его страданія: умирить ревность и смягчить страданія его души.

Ну, до свиданія, дорогая. Черезъ два мѣсяца мы встрѣчаемся на вокзалѣ въ Боржомѣ! Не знаю какъ доживу до этой встрѣчи. Одна надежда, что Богъ поможетъ каждому изъ насъ свершить свой долгъ, свой путь.

Какъ хорошо, что Ты ѣдешь съ Готей. Ей, доброй, несчастной и веселой женщинѣ мнѣ можно довѣрить Тебя. Да хранитъ Тебя Богъ.

Твой Николай.

P. S. Скажи, если бы я все же рѣшился пріѣхать проводить Тебя на вокзалъ — было бы это большимъ преступленіемъ? Вокзалъ, люди, Готя, вагонъ, всего только нѣсколько минутъ разговора и одинъ поцѣлуй руки, развѣ это то свиданіе, которое Ты обѣщала Алексѣю отложить до Твоего возвращенія?

Москва, 5-го іюля 1911 г.

Наташа, милая, какъ я радъ, что, послѣ долгихъ колебаній, все же рѣшился поѣхать проводить Тебя на вокзалъ. Рѣшился, правда, такъ поздно, что какъ ни гналъ извозчика, пріѣхалъ всего только за нѣсколько минутъ до второго звонка, и такая досада: такъ долго не могъ найти Вашего вагона. Если бы не внезапная вспышка Готинаго единственнаго смѣха изъ открытаго окна, я, вѣроятно, проискалъ бы еще дольше. И откуда у нея такой смѣхъ, когда такъ печальна ея жизненная повѣсть.

Но, кажется, что-то не то все пишу, хотя право не знаю, есть ли для влюбленнаго хоть какая-нибудь разница между «тѣмъ» и «не тѣмъ».

Да, съ одной стороны все случилось какъ-то страшно скоро и просто, съ другой — все было безконечно сложно и длилось, длилось цѣлую вѣчность

Подумать только, что уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Таня познакомила меня съ застѣнчивой, девятнадцатилѣтней курсистской, принесшей къ воротамъ Бутырской тюрьмы передачу ея брату и своему тайному жениху, — и годъ, какъ я написалъ Тебѣ свое первое письмо изъ Флоренціи, какъ письма къ Тебѣ превратились въ единственный смыслъ, единственную радость моей жизни!

Но все-таки Наташа, зачѣмъ Ты уѣхала?

Такъ пусто, такъ грустно стало въ Москвѣ!

Ну прости, ну не буду; я вѣдь все понимаю, все одобряю, и я горжусь, и я любуюсь Тобой

Если бы Ты могла сегодня на вокзалѣ взглянуть на себя моими глазами, какую бы Ты увидѣла въ себѣ новую красоту! За недѣлю, что мы не видѣлись, Ты страшно измѣнилась: — похудѣла и словно выросла. Цвѣтъ лица, совсѣмъ больной, напомнилъ мнѣ изсиня-желтый цвѣтъ мутнаго, мертваго жемчуга, глаза, оттѣненные синевой, углубились: стали большими и темными, главное же, надъ всѣмъ существомъ, этотъ знакомый мнѣ съ предсвадебнаго утра, скорбный, хрустальный звонъ осенней прозрачности. Но въ нашемъ прощаньи была минута: вся осенняя скорбь Твоей души внезапно освѣтилась улыбкой таинственно свершающагося въ Тебѣ выздоровленія: печальные глаза загорѣлись счастливымъ взоромъ, румянецъ счастья загорѣлся на впалыхъ щекахъ.

Эта минута была безконечно прекрасна! Благодарю Тебя за нее и цѣлую Тебя, мое тихое чудо, цѣлую сердце Твое...

Родная, я знаю, если нужно будетъ умереть за меня — Ты умрешь, но какъ бы мнѣ ни было нужно, чтобы Ты часто и много писала — писать Ты мнѣ все равно по настоящему не будешь. Я знаю эту Твою черту и страшно ее въ Тебѣ люблю. Но все же умоляю Тебя, какъ только пріѣдете въ Цеми, заставь себя сразу же написать мнѣ какъ доѣхали и какъ устроились. Напиши, какъ можно подробнѣе, гдѣ поселились, налѣво ли отъ станціи или направо; живете ли въ штукатуренномъ камен-

номъ первомъ этажѣ, или деревянномъ второмъ, одной изъ немногихъ приличныхъ Цемскихъ дачъ. Я долженъ ясно представлять Тебя, — Твои движенія, жесты, позы, взоры, — въ опредѣленной, и до послѣдней мелочи извѣстной мнѣ обстановкѣ. Иначе я умру съ тоски: я не могу ни думать о Тебѣ, ни писать Тебѣ въ слѣпую. Я не могу не знать, бываетъ ли солнце въ Твоей комнатѣ утромъ ил ивечеромъ? Кипитъ ли Твой самоваръ на террасѣ или на балконѣ? Что растетъ и что цвѣтетъ около Тебя въ палисадникѣ и какія Ты взяла съ собою платья?

Не помню сейчасъ, кто-то изъ нѣмцевъ гдѣ-то изрекъ, что «любовь отличается отъ дружбы тѣмъ, что въ любви мы отдаемъ другому все, а въ дружбѣ только лучшее въ насъ». Мнѣ кажется эта мысль безконечно вѣрна и глубока. Въ томъ, что любовь совсѣмъ не идеалистична, но конкретна и мистична, какъ разъ и таятся всѣ ея восторги и муки: восторги объ инфернальномъ Грушенькиномъ мизинчикѣ и муки о большихъ Каренинскихъ ушахъ.

Однако, родная, какъ ни интересна эта тема и какъ ни велика радость бесѣды съ Тобою, мнѣ необходимо кончать это письмо.

Передъ отъѣздомъ въ лагерь, необходимо еще многое сдѣлать, да и кое съ кѣмъ повидаться. Ѣхать же надо самое позднее завтра съ утреннимъ поѣздомъ. И такъ я уже пропустилъ всѣ льготные сроки. Какъ бы не вышло съ мѣста же большой непріятности. Боже мой, до чего мнѣ не по душѣ

какія бы то ни было повинности — воинскія же въ особенности.

Покойной ночи, дорогая. Сердечный привѣтъ Готѣ и милому моей душѣ Кавказу: немолчному шуму его водопадовъ, его оборваннымъ, но величественнымъ всадникамъ съ орлиными лицами и осиными таліями, его серебрянымъ, какъ въ Сіеннѣ, воламъ, съ прекрасно разведенными, точеными рогами, античными профилями и густо подведенными, какъ у актрисъ, печальными, покорными глазами

Твой Николай

Лагерь при селѣ Клементьевѣ,

9-го іюля 1911 г.

Здравствуй, счастье мое!

Въ Можайскъ пріѣхалъ, какъ и разсчитывалъ, 6-го утромъ. Нанялъ тройку разбитыхъ одровъ, запряженныхъ въ Ноевъ ковчегъ; однако, на бубенцахъ, на кнутѣ и на водкѣ какимъ-то чудомъ мигомъ долетѣлъ до «Сельцовъ». Сельцы эти совершенно отвратительная деревушка на восемнадцать, торчащихъ среди голаго поля, избъ. Версты на двѣ кругомъ ни холма, ни лѣска. На горизонтѣ ни холма, ни купола. Пыль, скука, жара и торчащія къ небу тупыя мортирныя морды.

Адъютантъ дивизіона принялъ меня очень любезно. Несмотря на то, что я прибылъ послѣднимъ и съ большимъ опозданіемъ, онъ устроилъ меня одного въ чистой половинѣ довольно опрятной избы.

Изъ трехъ, предложенныхъ мнѣ фельдфебелемъ, новобранцевъ, я выбралъ себѣ въ денщики простодушнаго, долговязаго и молчаливаго пермяка, Семена, который, кажется, совсѣмъ не ожидалъ такого успѣха своей незатѣйливой личности и очень пораженъ и обрадованъ.

Мой хозяинъ, совсѣмъ еще молодой мужикъ, веселый, упитанный московскій лихачъ. Его жена — ловкая, спорая работница — почти Некрасовская крестьянка-красавица: все хозяйство на ней. Дѣтей, слава Богу, только двое. Оба мальчика, въ мать. Выгоду моего пребыванія у нихъ и Иванъ Трофимовичъ и его Катерина прекрасно сознаютъ. Начищенный самоваръ у нихъ всегда «подъ парами», палисадникъ подъ моими окнами выметенъ и моя комната прибрана

Съ моимъ Семешей Катерина весела, но строга. Зоветъ его «растяпой» и, работая за него на меня, заставляетъ таскать себѣ воду и рубить хворостъ. Онъ не «надивуется» на шустрый московскій народъ и, кажется, скоро начнетъ вздыхать по Катеринѣ.

Что касается начальства и товарищей, то все здѣсь обстоитъ тоже крайне благополучно. Людей, правда, мало, но много уютнаго, веселаго, добродушнаго офицерскаго персонажа. Мой командиръ, уже немолодой, но лихой подполковникъ, вѣрятно, горе-артиллеристъ, такъ какъ, по его собственному признанію, до безумія любитъ въ своемъ дѣлѣ лошадей, но ненавидитъ — пушки. Третьяго дня, когда я уходилъ отъ него послѣ

представленія, я былъ неожиданно атакованъ его совсѣмъ молоденькой супругой — типичной провинціальной меломанкой — которая, безповоротно рѣшивъ на основаніи моего бритаго лица, что мы съ ней будемъ ставить Клементьевскіе любительскіе спектакли, тутъ же заставила своего мужа заявить, что я могу быть въ этихъ цѣляхъ освобожденъ отъ строевыхъ занятій.

Какъ Тебѣ нравится эта чарующая легкость нашей русской жизни?

Вотъ, родная, Тебѣ и полная картина внѣшней обстановки моей новой жизни. Алешу пока не видѣлъ и ничего о немъ не слышалъ. Знаю только, что его дивизіонъ стоитъ въ деревнѣ «Агафонихѣ» всего только въ верстѣ отъ «Сельцовъ», и что онъ, пріѣхавъ на два дня раньше меня, поселился въ крайнемъ домѣ у Афимьи кривой, и не одинъ, а съ двумя какими-то прапорщиками москвичами. Все это узнала моя развѣдчица — Катерина.

Ну, Наташа, кончаю. Это письмо за письмо не считаю, написалъ его только, чтобы Ты знала, что я въ Клементьевѣ, и что мнѣ писать надо по адресу: Можайскъ. Артиллерійскій лагерь при селѣ Клементьевѣ, деревня Сельцы. Скоро буду писать по настоящему. Умоляю Тебя, не безпокойся за Алешу. Я почему-то абсолютно увѣренъ, что ничего страшнаго не случится. Жду Твоихъ писемъ. Да хранитъ Тебя Богъ.

Твой Николай.

Вчера отецъ прислалъ мнѣ изъ деревни верховую лошадь. Если бы Ты знала до чего я счастливъ! Какъ дуракъ хожу и смотрю на нее каждые полчаса. Она нѣсколько сдорожена, такъ что я ее еще не пробовалъ, но, судя по всему, должна быть очень хороша. Послѣзавтра велю съ утра осѣдлать и отъ всѣхъ мортиръ, солдатъ и товарищей уѣду куда-нибудь въ лѣсъ, въ даль, за Москву-рѣку... прямо къ Тебѣ въ Цеми!

Сельцы, 11-го іюля 1911 г.

Ахъ, Наташа, Наташа, — воскресенье, іюль, а на дворѣ съ утра совсѣмъ неожиданная осень и будни: дождь, холодъ, туманъ. Моя душа тоже словно въ туманѣ: глухою тревогой осязаетъ она въ себѣ свою тайну, свой космическій корень, но постичь этой тайны, но увидать своего корня не можетъ. На брежжущихъ окраинахъ сознанья, то и дѣло что-то вспыхиваетъ и гаснетъ... Словно тамъ кто-то проноситъ бьющійся въ вѣтрѣ факелъ...

Даже мечта о Тебѣ не уноситъ меня сегодня къ Тебѣ на Кавказъ, а сидитъ какъ сова съ подрѣзанными крыльями противъ меня и какъ-то загадочно смотритъ на меня своими слѣпыми глазами.

Послѣ обѣда ѣздилъ верхомъ по направленію къ Можайску. Далеко за Клементьевымъ встрѣтилъ дивизіоннаго вѣстового. Но никакой вѣсти отъ Тебя въ его почтовой сумкѣ не оказалось.

Когда я на обратномъ пути подъѣзжалъ къ Клементьевскому парку, изъ глубины его, съ террасы офицерскаго собранія неслись разметанные вѣтромъ звуки военнаго окрестра, какъ всегда исполненные для меня какою-то не понимающей себя тоской. Подъѣхавъ къ коновязи, я слѣзъ съ лошади и, съ тайною мечтой встрѣтить Алешу, направился черезъ всю террасу къ буфету купить себѣ папиросъ. Терраса была биткомъ набита народомъ, но Алексѣя не было. Да онъ, конечно, и не могъ тамъ быть!

Странное у меня сейчасъ къ нему отношеніе, Наташа. Я уже писалъ Тебѣ, что чувствую, какъ онъ меня ненавидитъ, но очевидно не понимая изъ глубины собственной души этой ненависти, я какъ-то по настоящему не вѣрю въ нее. Каждый день я съ тайной, страстной тревогой жду неожиданной встрѣчи съ нимъ. Не только всѣхъ проѣзжающихъ вдали офицеровъ, но даже и солдатъ, я, словно влюбленный, все время принимаю за него. Вотъ уже третій вечеръ я выхожу по нѣскольку разъ за околицу и смотрю есть ли у него въ окнѣ свѣтъ, или нѣтъ. Пока своими глазами не увѣрюсь, что его яркая лампа, висячая молнія, потушена, рѣшительно не могу заснуть.

Наташа, какъ бы я ни былъ ненавистенъ Алексѣю, я не могу перестать всѣмъ существомъ тянуться къ нему. Онъ для меня — Твое полудѣтское счастье, Твоя мука и Твой грѣхъ, Твоя борьба и Твоя побѣда; здѣсь, въ Клементьевѣ — онъ для меня Ты. Ну какъ же мнѣ не любить его со всею

тою трепетностью, съ которою я люблю Тебя, мою жизнь.

Но и помимо Тебя; Алексѣй вѣнчалъ меня. Онъ хоронилъ со мною Таню. Онъ писалъ мнѣ послѣ ея смерти такія безгранично-преданныя, такія прекрасныя письма. Онъ такъ любилъ меня; — неужели же онъ думаетъ, что сможетъ просто не знать меня: не видѣть, не говорить, внутренне больше не жить со мной? Это безумная и это бездарная мысль, Наташа.

Послѣ всего, что между нами было, при всемъ, что между нами есть, никакая ненависть ко мнѣ не поможетъ ему отдѣлить въ себѣ себя отъ меня. Хотѣть меня убить — это онъ воленъ. Но не чувствовать меня самымъ себѣ близкимъ существомъ — это внѣ его силы и внѣ его власти.

И я думаю, Наташа онъ такъ же напряженно слѣдитъ за мною, какъ я за нимъ, и такъ же, какъ я, готовится къ нашей встрѣчѣ. Встрѣча эта будетъ для обоихъ насъ безконечно мучительна, и все же, я вѣрю, она принесетъ обоимъ великое облегченіе, ибо невыносима та ложь, въ которой мы сейчасъ живемъ, дѣля видъ, что мы никогда не знали другъ друга.

Во вторникъ назначена общебригадная стрѣльба. Съ величайшимъ напряженіемъ, съ надеждой и со страхомъ жду я встрѣчи съ Алешей. Какъ только вернусь съ полигона, обо всемъ напишу Тебѣ.

Жду Твоего письма.

Твой Николай.

Сельцы, 14-го іюля 1911 г.

Нѣсколько часовъ тому назадъ я вернулся съ бригадной стрѣльбы. Алешу видѣлъ, но не такъ, какъ ожидалъ: — хотя и близко, но совершенно мелькомъ. Возможность примиренія сегодняшняя встрѣча все же отодвинула куда-то въ даль...

Возвращаясь съ полигона одинъ (я отпросился у командира заѣхать на почту отправить Тебѣ письмо заказнымъ), я увидѣлъ передъ собою облако пыли... Черезъ нѣсколько секундъ — дула мортиръ, лошадиные крупы, солдатскіе спины. Въ полномъ строевомъ порядкѣ возвращалась со стрѣльбы какая-то батарея. Еще только поравнявшись съ хвостомъ ея, я почувствовалъ тревожный ударъ въ самое сердце, почти въ ту же секунду я увидѣлъ Алешину спину.

Боже, до чего онъ измѣнился, Наташа. Такой видимой, такой внѣшней перемѣны я и по Твоимъ словамъ никакъ не представлялъ себѣ. Не только отъ того вдохновеннаго Алексѣя, который уступалъ мнѣ Тебя, но и отъ никлаго и скорбнаго. котораго я видѣлъ въ послѣдній разъ, не осталось ни одного намека.

Голову онъ остригъ наголо. Лицо у него почернѣло, осунулось и заострилось какъ у покойника. Злое и измученное, оно не показалось мнѣ на этотъ разъ тѣмъ сложнымъ, одухотвореннымъ и скорбнымъ Алешинымъ лицомъ, къ которому я такъ привыкъ за послѣдній годъ. Въ сѣдлѣ онъ сидѣлъ какъ-то выпрямленно и мертво, словно дере-

вянный, ничѣмъ не связанный ни съ лошадью подъ собою, ни съ людьми вокругъ себя, совсѣмъ одинокій..

Обходя батарею рысью и поровнявшись съ нимъ, я со страннымъ чувствомъ приложилъ руку къ козырьку. Несмотря на то, что Алексѣй ѣхалъ въ строю и былъ обязанъ отвѣтить мнѣ тѣмъ же, онъ этого не сдѣлалъ. Въ ту секунду, когда онъ въ обгонявшемъ офицерѣ узналъ меня, онъ побагровѣвъ быстро отвернулся въ сторону и мертво опустилъ на поводья инстинктивно дернувшуюся было къ козырьку руку...

Встрѣча эта, совсѣмъ не такая, какъ я себѣ ее представлялъ, произвела на меня очень сложное впечатлѣніе, Наташа. Не скрою отъ Тебя, что обликъ того внѣшне изуродованнаго и заостреннаго въ злобу Алексѣя, котораго я обогналъ сегодня, какъ-то умалилъ мое представленіе о его страданіи и охладилъ мой порывъ къ нему. Мнѣ не хочется сейчасъ ни писать ему, ни пойти къ нему съ тѣмъ, чтобы умолить или заставить себя выслушать. Сейчасъ мнѣ ясно, что онъ ничего не въ силахъ понять, такъ какъ онъ ничего не чувствуетъ кромѣ себя и своей боли; проблемы же жизни и страсти не видитъ. Мнѣ остается потому только ждать, пока она во весь свой ростъ снова встанетъ передъ его мыслью и совѣстью. Тогда я увѣренъ, онъ до конца пойметъ и оправдаетъ насъ.

Теперь къ Тебѣ моя мольба, родная. Будь мужественна и тверда. Надъ письмомъ этимъ напрасно не отчаивайся. Ты сдѣлала то, что Ты должна

была сдѣлать. Послѣдствія же нашихъ поступковъ не въ нашей власти. Душевное состояніе Алексѣя сейчасъ, конечно, очень тяжелое, но, я увѣренъ, далеко не такое опасное, какъ было. Багровая злоба и ненависть не тѣ чувства, что уводятъ изъ міра. Алексѣй могъ бы покинуть его или въ тихомъ чувствѣ глубокой, гнетущей тоски, или въ чувствѣ какого-то восторженнаго освобожденія отъ послѣднихъ жизненныхъ связей. Ни на то, ни на другое онъ сейчасъ не способенъ. Сейчасъ онъ, по моему, борется за свою будущую жизнь отступленіемъ на чуждую ему позицію обыкновеннаго человѣка.

Увидавъ его сегодня, я вполнѣ успокоился за него. «Обыкновенный человѣкъ» начало рѣшительно непобѣдимое ни для какого нравственнаго страданія; для Алеши же самого, это начало вполнѣ безопасно: «обыкновеннымъ человѣкомъ» онъ можетъ на время стать, но никогда не сможетъ имъ навсегда остаться, и я увѣренъ, мы его еще вернемъ къ себѣ. Увѣренъ, Наташа, а потому, отдыхай на Кавказѣ если и не радостно, то спокойно. Изъ нашей двухмѣсячной разлуки пролетѣло уже восемь дней. Каждый изъ нихъ тянулся цѣлую вѣчность, но все же недѣля мелькнула какъ мигъ.

Боже, какъ я хочу увидѣть и обнять Тебя, какъ хочу доказать Тебѣ, что быть счастливымъ не право, но долгъ человѣка. Какъ хочу своею любовью успокоить Твою совѣсть и разрѣшить Твои сомнѣнія въ полетъ и пѣсни нашихъ дней.

Твой Николай.

Сельцы, 17-го іюля 1911 г.

Наташа, милая, девятаго Ты пріѣхала въ Цеми. Двѣнадцатаго Ты навѣрное писала мнѣ. Вчера я долженъ былъ получить Твое письмо, но я его не получилъ. Черезъ часъ я иду обѣдать въ собраніе и твердо увѣренъ, что у меня на тарелкѣ будетъ лежать конвертъ, что я увижу Твой почеркъ, не красивый, но такой четкій и ровный. Если мои мечты не сбудутся, я приду въ отчаянье. Хочу, хочу Твоихъ единственныхъ, прекрасныхъ, невнятныхъ словъ и Твоей тихой подписи «Наташа Твоя»!

Вчера я провелъ день въ полномъ одиночествѣ. Во время обѣда внезапно надвинулись тучи — желтыя, мглистыя. Березки въ палисадникѣ «Собранія» — единственныя на всю деревню — встрѣпенулись, закачались, пригнулись... Столбы пыли смерчемъ пронеслись по дорогѣ; въ какую-нибудь минуту вся деревня словно вымерла. Разразилась страшная гроза.

Часамъ къ шести все успокоилось. Мнѣ страшно захотѣлось лѣса, луговъ, полей и я послалъ за лошадью. Ее привели нарядную и взволнованную грозой. Она пошла подо мной горячо и послушно въ радостномъ ощущеніи своей кровной силы и красоты. Послѣ получаса ѣзды я уже былъ у опушки Огарковскаго лѣса. Просѣка свѣтилась далью и солнцемъ. Малоѣзженная лѣсная дорога бѣжала передо мной какъ-то особенно душевно и затаенно. Въ колесахъ и лужахъ весело синѣли плотные ку-

ски омытаго грозою неба. Зелень — нѣжная, свѣтлая, влажная, роняя тяжелыя, радужныя капли, нѣжными шорохами вслушивалась въ тишину. Какая-то непонятная, запоздалая кукушка вдругъ надъ самымъ ухомъ начала мнѣ отсчитывать безконечное количество счастливыхъ лѣтъ... Я ѣхалъ въ восторженномъ упоеніи, каждымъ ударомъ своего сердца цѣлуя мечту о Тебѣ!

Лѣсъ кончился — на зеленомъ холмѣ показалось «Огарково».

Полуразрушенный, деревянный ампиръ, съ наглухо забитыми окнами; когда-то умно и любовно разбитый, запущенный садъ; поросшій крапивой дворъ — и ни одной живой души кругомъ, точно все не дѣйствительность, да еще подмосковная, а такъ, не то сонъ, не то страница Тургеневской повѣсти...

Въ Цеми непремѣнно захвачу съ собой и прочту Тебѣ «Дворянское гнѣздо», «Фауста» и «Клару Миличъ». По моему Тургеневъ изумительный художникъ для тѣхъ, кто еще владѣетъ тайною его чтенія. При всемъ своемъ теоретическомъ скептицизмѣ, онъ какъ художникъ все же явный метафизикъ. Любовь и смерть для него не только процессы въ человѣческихъ душахъ, какъ для Толстого, но живыя, метафизическія существа, ангелы.

Но возвращаюсь къ своему дню. Обогнувъ Огарковскій садъ, я повернулъ къ Клементьеву, съ разсчетомъ вернуться въ Сельцы черезъ Агафониху. Неудержимо тянуло еще разъ увидѣть Алешу.

Посреди Агафонихи нѣсколько разъ останавливалъ лошадь, подолгу закуривая незажигавшуюся папиросу, но всѣ ухищренія были тщетны. Ни среди офицерской молодежи, игравшей передъ «Собраніемъ» въ городки, ни за самоваромъ, кипѣвшимъ на крыльцѣ у Афимьи кривой, я его не нашелъ. Дѣлать было нечего. Я тронулъ лошадь и поѣхалъ домой. Передо мной надъ темной полосою лѣса печально пылала заря. Въ Сельцахъ подъ гармонику и волынку переливалась заунывная, солдатская пѣсня... Переѣзжая вбродъ уже подъ самыми Сельцами небольшую рѣченку, я увидѣлъ на бревнахъ, приготовленныхъ для чинки моста, спиною ко мнѣ трехъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ Алеша. Ты не можешь себѣ представить какъ я обрадовался! — Еще секунда, и я бы окликнулъ его... Но вспомнилось его багровое, изуродованное лицо и я отвернувшись молча проѣхалъ мимо...

Какое безуміе, что онъ хочетъ не знать меня, того единственнаго человѣка, который въ себѣ самомъ знаетъ тотъ восторгъ и то отчаяніе, которое будетъ сегодня ночью пылать надъ нимъ, которому тихое имя Наташа.

Не знаю, можетъ быть я уродъ, но я клянусь Тебѣ, — если бы Ты осталась съ Алексѣемъ, онъ все же остался бы самымъ близкимъ мнѣ послѣ Тебя человѣкомъ, и мы вечеръ за вечеромъ проводили бы въ лагерѣ вмѣстѣ.

А можетъ быть это и не случайность, что въ то время, какъ я выслѣживалъ Алешу въ Агафонихѣ, онъ направлялся къ моимъ Сельцамъ. Надѣять-

ся на это еще боюсь, но и отказаться отъ надежды не смѣю.

Ну, надо кончать, родная. Семенъ зоветъ обѣдать, я же иду получать Твое письмо. Прости, что мало пишу Тебѣ. Цѣлыми днями хожу съ простертыми къ Тебѣ руками, а писать не могу, будто влюбленныхъ рукъ опустить на бумагу не смѣю.

Да хранитъ Тебя Богъ.

Твой Николай.

P. S. Мое сердце не обмануло меня. Получилъ Твое письмо. Цѣлую Тебя за любовь Твою. Завтра же пишу Тебѣ, сейчасъ не могу приписать ни слова. И такъ уже незаконно задерживаю вѣстового. Онъ можетъ не поспѣть къ почтовому.

Сельцы, 18-го іюля 1911 г.

Наташа, счастье мое священное, ночь, о которой написала мнѣ: — вечерній балконъ, буйволы, эти полумифическія существа на водопоѣ, низкія, горячія, лучистыя звѣзды на изсиня черномъ небѣ и внезапный, торжественный надъ снѣжными вершинами разсвѣтъ, отъ котораго Ты поспѣшила въ нашу занавѣшенную комнату спасти Твою тайную мечту обо мнѣ въ тревожныя видѣнія предутренняго полусна, наполнила мою душу такимъ блаженствомъ и такой тоской по Тебѣ, для которыхъ нѣтъ и не можетъ быть словъ.

Не знаю и не пойму, какъ умудрилась Ты такъ правдиво и такъ прекрасно, съ такимъ большимъ искусствомъ разсказать мнѣ о любви своей и о ея

весь міръ преображающей силѣ. Неужели же быть художникомъ только и значитъ быть до конца исполненнымъ единымъ и цѣлостнымъ чувствомъ? Съ безкнечною нѣжностью, съ безконечною благодарностью цѣлую я Твои милыя руки за тѣ слова, что прислали онѣ мнѣ нѣжно начертанными на тѣхъ же дорогихъ моему сердцу листкахъ, что бѣлыми голубями прилетали бывало ко мнѣ во Флоренцію въ мою одинокую комнату на via Cavur.

... Ахъ Наташа, какъ сейчасъ все могло бы быть невѣроятно прекрасно, если бы не Алексѣй!.. То, что уйдя отъ него Ты взяла себѣ на душу тяжелый грѣхъ, я оспаривать, конечно, не стану; Твой грѣхъ — мой грѣхъ. И повѣрь, что я его мучительно чувствую, хотя живу имъ, конечно, далеко не съ тою серьезностью и не на той глубинѣ, какъ Ты. И все-таки Наташа, я съ Тобою не согласенъ; я готовъ голову дать на отсѣченіе за непоколебимое свое убѣжденіе, что, взявъ на душу нашъ грѣхъ, мы тѣмъ самымъ лишь исполнили нашъ прямой долгъ. Думать, что грѣхъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть содержаніемъ нашего долга, страшный моралистическій оптимизмъ, родная. Только потому, что наше нравственное сознаніе постоянно наталкивается на неразрѣшимое въ немъ самомъ, трагическое противорѣчіе нравственно обязательнаго грѣха, оно и не завершается въ себѣ самомъ, но неизбѣжно восходитъ къ сверхнравственной идеѣ религіознаго искупленія.

Что мы съ Тобой въ той или иной формѣ, вѣ-

роятно, заплатимъ судьбѣ и за нашъ грѣхъ и за наше счастье, объ этомъ я часто думаю, но мысль, что Ты должна была остаться съ Алешей для спасенія его жизни и счастья, мнѣ еще никогда не приходила въ голову. О счастьѣ не будемъ и говорить. Единственное нравственное цѣнное счастье состоитъ въ мукахъ творческаго отношенія къ жизни и ни у кого никѣмъ не можетъ быть отнято. Всякое же другое счастье ни къ какимъ вопросамъ долга и совѣсти никакого отношенія не имѣетъ, ибо никакой духовной цѣнности само въ себѣ не таитъ.

Но не только спасеніе Алешинаго счастья не могло быть Твоимъ долгомъ, Наташа, не могло имъ быть и спасеніе его жизни. Лишь потому могло оно казаться Тебѣ нравственно обязательнымъ, что Ты всегда была увѣрена, что, спасая Алешину жизнь, Ты не убиваешь моей. А что если бы Тебѣ не было дано и этой увѣренности? Неужели же и обрекая меня гибели, сочла бы Ты себя обязанной спасать Алешину жизнь? Нѣтъ, Наташа, въ такую Твою трагическую судьбу я повѣрить могу, но не въ такой Твой долгъ, ни даже въ такое Твое право. Ни одинъ смертный своею волею не смѣетъ рѣшать кому быть въ жизни счастливымъ, кому быть несчастливымъ, кому оставаться въ живыхъ, кому ложиться въ могилу.

Долгъ же человѣка совсѣмъ въ иномъ. Какъ странно, что даже исполнивъ его, Ты все еще не сумѣла понять его. Наташа, повѣрь, я не умствую, я пишу съ послѣднею искренностью; — уходя отъ

Алеши, Ты вѣдь не къ счастью Твоему только влеклась, но покорно шла за голосомъ Твоей совѣсти, за велѣніемъ долга. Клянусь Тебѣ, кто бы ни увидалъ Тебя въ то утро, когда, вся вдохновенье, вся даръ и благодать любви, пріѣхала Ты ко мнѣ изъ Звенигорода, всякій почувствовалъ бы, что передъ нимъ не своевольная преступница, но судьбою ко грѣху приговоренная праведница.

Прости, дорогая, что я все снова и снова возвращаюсь къ этимъ нашимъ вѣчнымъ вопросамъ. Но что же мнѣ дѣлать, если чувствую, что Ты все еще не согласна со мною, что сердце Твое все еще чувствуетъ себя побѣжденнымъ тамъ, гдѣ оно имѣло бы право торжествовать свою побѣду. Повѣрь Наташа, нѣтъ высшаго долга для человѣка, чѣмъ долгъ осуществленія отпущеннаго ему небомъ дара. Каждый даръ небесъ жизнь облагаетъ тяжелымъ бременемъ. Умѣть нести бремя своего дара и среди всѣхъ превратностей судьбы всегда оставаться самимъ собою, вотъ въ чемъ верховный долгъ всякаго человѣка.

Я очень далекъ отъ безотвѣтственной проповѣди произвола, самоублаженія и всякаго ненавистнаго мнѣ дешеваго аморализма. То, въ чемъ я пытаюсь убѣдить Тебя, по самому моему глубокому убѣжденію, единственно возможный, ибо единственно объективный, этическій путь.

Развѣ даръ человѣка не самое объективное въ немъ, не то высшее начало, въ которомъ онъ перерастаетъ себя, которымъ врастаетъ въ міръ объ-

ективныхъ идей, которымъ связуетъ себя съ современниками, съ потомками и со своимъ собственнымъ безсмертіемъ.

Я знаю, Ты скажешь, что все это такъ для великихъ людей: — мыслителей и художниковъ, но не такъ для обыкновенныхъ смертныхъ, прежде всего не такъ для Тебя. Не вѣрно, Наташа; тутъ никогда не соглашусь я съ Тобою. Мыслители не только тѣ, что пишутъ системы, но прежде всего тѣ, что свою жизнь послѣдовательно строятъ на ненаписанныхъ ими системахъ, и художники не только тѣ, что создаютъ художественныя произведенія, но прежде всего тѣ, которые ихъ изживаютъ или ими становятся. Среди тѣхъ, кого Ты называешь обыкновенными людьми, очень много большихъ дарованій, т. е. людей всѣмъ своимъ существомъ предназначенныхъ къ служенію Идеѣ. Въ этомъ служеніи — ихъ верховный долгъ, въ уклоненіи отъ него — ихъ величайшее преступленіе.

Теперь о Тебѣ, о Твоемъ дарѣ и о Твоемъ долгѣ, Наташа. Видишь ли, во мнѣ уже давно нѣтъ больше сомнѣній, что Ты рождена съ совершенно единственнымъ даромъ любви въ душѣ: — ни жалости, ни помощи, ни самопожертвованія, ни врачеванія, но именно любви, той настоящей любви, которая, естественно неся въ себѣ всѣ эти свои гуманныя черты, все же безконечно высоко подымаетъ надъ ними ту священную вершину свою, съ которой только и открывается человѣку обѣтованная земля его метафизическихъ чаяній и его религіозной тоски.

Голоса этого Твоего дара, этой Твоей любви Алеша, какъ бы онъ къ Тебѣ ни былъ привязанъ, не только пробудить, но даже и услышать въ Тебѣ никогда бы не могъ. Того, что Твоя любовь несетъ мнѣ, Царствія Божія, Алешѣ на путяхъ любви, я знаю, никогда не обрѣсти. Въ любви послѣдняя глубина для него навѣки закрыта. Онъ не мистикъ и не эротикъ; какъ человѣкъ онъ женщинѣ только другъ, какъ мужчина — онъ только страстный темпераментъ. Послѣднія же духовныя достиженія лежатъ для него не на путяхъ любви: быть можетъ на путяхъ церкви, въ которую онъ временами какъ-то припадочно пытается вѣрить, быть можетъ на страдальческихъ путяхъ его революціонной вѣры и борьбы...

Если бы Ты осталась съ нимъ, Ты неизбѣжно уронила бы Твой даръ священной любви, т. е. не исполнила бы своего верховнаго долга. Разрывъ съ нимъ былъ потому для Тебя нравственно обязателенъ, внѣ всякой зависимости отъ какихъ бы то ни было его возможныхъ для Алексѣя послѣдствій.

Въ томъ же, что Твой даръ любовь, а не жертва и не помощь, Ты не имѣешь ни малѣйшаго основанія сомнѣваться. Всякій даръ, всякій талантъ всегда мѣтокъ, четокъ и увѣренъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и путяхъ. Гдѣ эта четкость и увѣренность въ четырехъ годахъ Твоей жизни съ Алешей? Все сплошь — колебанія, сомнѣнія, страданія, надрывы, муки и проблемы, а въ результатѣ всего измѣна, въ сущности уже подъ вѣнцомъ. На-

сколько все это убѣдительно, какъ трагическое вступленіе къ Твоей настоящей, роковой любви, настолько же все это не то, подъ знакомъ жертвы и помощи. Теперь вспомни себя съ того, въ сущности все предрѣшившаго вечера, когда Ты мнѣ послѣ Флоренціи сама открыла парадную дверь и мы, взволнованно поздоровавшись, вдругъ какъ-то странно ощутили, что мы не обнялись и не поцѣловались... Съ того дня не прошло еще и пяти мѣсяцевъ... Все было противъ Твоей любви ко мнѣ. Но вотъ все осилено и сметено. Остатки старыхъ убѣжденій еще томятъ и мучаютъ душу, но направлять ее уже болѣе не направляютъ, вести не ведутъ. Неужели же, радость и жизнь моя, Ты во всемъ этомъ не чувствуешь четкой и вдохновенной руки большого дарованія, послѣ долгихъ блужданій, наконецъ-то нашедшаго свой единственный, вѣрный путь.

Знаешь, Наташа, сейчасъ мнѣ почему-то (впрочемъ ассоціація ясна) вспомнился одинъ изумительный человѣкъ. Познакомился я съ нимъ шесть лѣтъ тому назадъ въ Мюнхенѣ и мѣсяца три почти каждый день бывалъ у него. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти. Какъ лунь бѣлый, въ громадной бородѣ и кудряхъ вокругъ лысины, съ лицомъ строгимъ по своимъ чертамъ, но очень ласковымъ по своему выраженію. Если хочешь представить его себѣ, вспомни Дюдеровскаго Іеронима. Былъ онъ большой мастеръ, граверъ по дереву, и весь свѣтился благоговѣйной любовью къ своему мастерству и къ своимъ бѣлымъ пальмовымъ до-

скамъ. Думаю, что если бы я вдругъ увидѣлъ нимбъ надъ его головой, я бы ничуть не удивился. Поразительно было въ немъ то, что его любовь къ своему искусству не была только профессіональною страстью, но живымъ, религіознымъ центромъ исключительно мудраго отношенія къ людямъ и къ жизни. Смотря, бывало, какъ онъ выбираетъ доску для новой работы, какъ внимательно вращаетъ ее въ наморщенныхъ, старческихъ пальцахъ, какъ ласково проводитъ по ней чуткой, желтой ладонью, я не разъ думалъ, что если бы всѣ люди уподобили свое отношеніе къ жизни его отношенію къ своему матеріалу, если бы всѣ мы поняли, что каждый предстоящій день и часъ представляетъ собою бѣлую доску, готовую принять въ себя напечатлѣніе творческаго духа, если бы всѣ мы пробудили въ себѣ настоящихъ художниковъ жизни, какъ мой старикъ, вдохновенныхъ въ своихъ концепціяхъ и разсчетливыхъ въ своемъ мастерствѣ, если бы стали мудрыми граверами по самому благородному и благоуханному дереву, по вѣчному древу жизни, то всѣ нравственные вопросы разрѣшались бы одновременно и легко и глубоко помимо всякихъ скрижалей, заповѣдей и законовъ.

Не знаю, не хочу сейчасъ думать, быть можетъ и есть сферы жизни, въ которыхъ моя артистическая этика не вполнѣ примѣнима, гдѣ необходимы штампы мертваго морализма — законы и правила, но на вершинахъ духа, и прежде всего на вершинахъ искусства, имъ не мѣсто, Наташа, не мѣсто потому и въ любви. Ибо что же любовь, какъ

не религіозная вершина глубочайшаго искусства — жизни. Полюбить другъ друга, развѣ это не значитъ избавить другъ друга отъ всего случайнаго и безформеннаго, пластически завершиться другъ въ другѣ, обрѣсти строгій ритуалъ жизни, отчеканить и вознести діалогъ своихъ чувствъ, стать другъ другу матеріаломъ и формою, лицомъ и судьбою, стать другъ другу залогомъ безсмертія!

Если мы такъ полюбили, то наша любовь гораздо больше, чѣмъ только н а ш а любовь; она тотъ образъ Божьяго совершенства, что мы съ Тобою были призваны другъ черезъ друга осуществить для міра и утвердить надъ міромъ. Наша любовь — нашъ вкладъ въ дарохранилище міра. И этимъ вкладомъ Алексѣй обязанъ быть счастливъ, какъ обязанъ быть счастливъ всякій человѣкъ тѣмъ, что гдѣ-то и кѣмъ-то рождается въ мірѣ нѣкій образъ абсолютнаго совершенства, какъ обязанъ каждый человѣкъ и страдать отъ того, что гдѣ-то и кѣмъ-то такой образъ погашается въ мірѣ.

Если у Алексѣя не хватаетъ силы исполнить этотъ свой долгъ и онъ вмѣсто того, чтобы испытывать сейчасъ хотя бы только и радость, испытываетъ о д н о только страданіе, то это понятная человѣческая слабость. Жалѣть его и душою болѣть за него Тебѣ, конечно, не только естественно, но даже и обязательно; думать же, что Ты должна была, измѣнивъ долгу Твоего дара и дару Твоей любви, остаться съ нимъ, не только не естествен-

но, но — прости меня, родная, — преступно и грѣшно..

Писать больше не могу; я сегодня дежурный по дивизіону и мнѣ надо смѣнять караулъ. Люди уже выстроены...

Съ болью отрываюсь отъ неоконченнаго письма. Съ грустью возвращаю Тебя Кавказу: Твоимъ буйволамъ, Твоимъ ночамъ и Твоему балкону.

Люблю Тебя и жду Тебя.

Твой Николай.

Сельцы, 21-го іюля 1911 г.

Дорогая Ты моя, вѣдь знаю же я, что раньше чѣмъ дней черезъ восемь-десять послѣ перваго письма мнѣ второго ждать никакъ не приходится, а вотъ ноги сами носятъ меня каждый день передъ обѣдомъ въ канцелярію, гдѣ въ это время разбирается почта, чтобы недовѣрчивыя руки могли сами перебрать всѣ конверты и глаза сами убѣдиться, что письма отъ Тебя еще нѣтъ.

Съ этимъ горестнымъ убѣжденіемъ въ душѣ я вотъ уже третій день спѣшу какъ можно скорѣе отобѣдать, дабы между обѣдомъ и вечерними занятіями снова перечесть Твое первое, такое длинное для Тебя письмо.

Хотя я отвѣчалъ Тебѣ на него въ день моего дежурства, т. е. въ день въ сущности свободный отъ всякихъ занятій, я все же смогъ отозваться только на Твои сомнѣнія, касающіяся Алеши, на все

остальное все-таки не хватило времени. Задерживать же письмо не хотѣлось: слишкомъ радостно волновалось въ душѣ представленіе, какъ Ты получаешь, распечатываешь и читаешь мое письмо.

Какая Ты милая и какая Ты смѣшная, Наташа. Пишешь, да еще совершенно серьезно, что не понимаешь, какъ я могъ полюбить Тебя, такую обыкновенную и малоинтересную, зная такъ много особенныхъ, умныхъ, красивыхъ и увлекательныхъ женщинъ.

Что мнѣ на это отвѣчать Тебѣ, родная? Будь я французъ, или еще лучше, итальянецъ, я началъ бы, конечно, немедленно клясться, что Ты самая умная, самая красивая, самая интересная и самая увлекательная женщина, которая была когда-либо рождена смертною матерью, и что я Тебя люблю за эту Твою превосходную степень. Но, къ несчастью, я совсѣмъ не французъ и совсѣмъ не итальянецъ. Къ вѣчно мучающей себя русской крови во мнѣ примѣшаны только еще какія-то капли тяжелодумной германской. Къ тому же, дѣдъ мой ученикъ Гегеля, я самъ недавно изъ Гейдельберга. Мудрено ли, послѣ всего сказаннаго, что у меня нѣтъ другого исхода, какъ, попросивъ у Тебя извиненія за нелюбезность, попытаться серьезно отвѣтить на очаровательное недоумѣніе Твое.

Съ тѣмъ, что Ты совсѣмъ обыкновенная женщина, я согласиться никакъ не могу, но зато охотно соглашаюсь со вторымъ Твоимъ утвержденіемъ. Причемъ, однако, прошу мнѣ повѣрить, что если бы Ты принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, кото-

рыхъ мы, мужчины, ощущаемъ интересными, Ты была бы гораздо болѣе обыкновенна, чѣмъ Ты есть на самомъ дѣлѣ. Повѣрь мнѣ, Наташа, интересныхъ женщинъ очень много, а вотъ такихъ, какъ Ты — нѣтъ.

Интересныхъ, и даже очень интересныхъ я зналъ не одну: онѣ всѣ разныя, но все же отрава въ нихъ всегда одна и та же. Самое первое впечатлѣніе отъ нихъ — всегда до боли интенсивно, но самое послѣднее ощущеніе ихъ — всегда смутно какъ сонъ. Это призрачныя, неуловимыя женщины съ какимъ-то блуждающимъ душевнымъ центромъ и тающими контурами образа. Онѣ сами въ себѣ раздвоены и потому въ нихъ все противорѣчиво: онѣ живутъ только любовью, но ихъ любовь всегда въ ссорѣ съ ихъ жизнью; каждую минуту своего счастья онѣ неизбѣжно заостряютъ горечью, но зато и къ страданьямъ своимъ напряженно прислушиваются и слышатъ въ нихъ не только боль, но и блаженство: какую-то сладостную, далекую музыку. Пока онѣ не влекутъ къ себѣ, онѣ вызываютъ нѣжность и даже жалость: есть въ нихъ какая-то обреченность, какая-то предопредѣленность къ саморазрушенію; но какъ только дрогнуло сердце и отдалось мареву ихъ обаянія, начинается глухая борьба. Въ свою страсть эти странныя женщины всегда вносятъ поединокъ, въ свою любовь — мщенье и ненависть. Ихъ глаза обыкновенно страстнѣе и геніальнѣе ихъ губъ; не потому ли ихъ мечты всегда невоплотимы, предчувствія настороженны, чувства тревожны и руки нервны. Онѣ поч-

ти всегда женщины съ очень широкими духовными интересами, съ острымъ, но безотвѣтственнымъ вкусомъ и съ большимъ артистическимъ темпераментомъ. Ихъ письма — всегда эпистолярная литература. Изрѣдка онѣ встрѣчаются среди большихъ, настоящихъ актрисъ. Въ нихъ много блеска, онѣ декоративны, но въ нихъ нѣтъ тишины и исполненія. Онѣ пробуждаютъ страшную тоску по любви, но любви сами не знаютъ и любви никому не несутъ. Для большинства среднихъ мужчинъ онѣ не соблазнительны: слишкомъ сложны и непосильны. Вокругъ нихъ нѣтъ потому той напряженно-любовной атмосферы, которая окружаетъ «такъ называемыхъ» интересныхъ женщинъ: «столичныхъ львицъ», провинціальныхъ «милыхъ барынекъ» и духоблудствующихъ дѣвицъ.

Но ничего не даря всѣмъ, онѣ и одному никогда не даютъ всего. Сквозь ихъ сердца всегда протекаютъ нѣсколько сложныхъ чувствъ. Вблизи нихъ всегда страдаетъ нѣсколько утонченныхъ, артистичныхъ, но безвольныхъ, женственныхъ мужчинъ. Мнѣ кажется, что Екатерина Львовна, о которой писалъ Тебѣ изъ Флоренціи, была въ свое время такою моей интересною женщиной. Быть можетъ, что-то отъ нея скажется и въ Маринѣ, когда ея жизнь уйдетъ изъ подъ знака смерти и встанетъ подъ знакъ любви.

Надѣюсь, что выводъ излишенъ. Я полюбилъ Тебя, а не интересную женщину потому, что интересную невозможно любить. Интересная женщи-

на — переживаніе, но не жизнь; событіе, но не бытіе. Любовь же цѣлостная, единая жизнь, навѣкъ отданная подлинному, абсолютному бытію.

Женщина исполненная любви не интересна потому, что она гораздо больше чѣмъ интересна: она значительна, существенна, священна. Не умаляя называемаго, интереснымъ можно называть только предпослѣднее, временное, частичное. Все же послѣднее, вѣчное и цѣлостное опредѣленіемъ этимъ неизбѣжно принижается и обезцѣнивается.

Для проблемы не позоръ быть интересной, но рѣшеніе ея должно быть истиннымъ. Мечтать объ интересной жизни естественно, но объ интересной смерти — кощунственно. Интересное солнце — безсмыслица, но интересное освѣщеніе — вполнѣ понятная мысль. Такъ и въ любви, Наташа. Съ интересною женщиною, не умаляя любви и себя, можно имѣть романъ. Романъ—категорія эстетическая. Но называть романъ любовью — нельзя, не умаляя любви и себя: любовь категорія религіозная. И какъ романъ не похожъ на любовь, такъ и интересная женщина не похожа на женщину, которая подлинно любитъ и подлинно любима.

Такая женщина внутренне сосредоточена, собрана и цѣлостна; внѣшне спокойна, тиха и ровна. Красива ли она, или не красива, она всегда прекрасна, но никогда не прелестна, такъ какъ успокоенная красота ея никому не льститъ и никого не прельщаетъ. Таинственная, и какъ бы во внутрь отозванная, она подобна тѣмъ, торжественно освѣщеннымъ, но ревниво занавѣшеннымъ окнамъ, за

которыми прохожій угадываетъ пѣвучій, красочный, праздничный міръ, но въ которыхъ видитъ только однѣ тѣни.

Въ отличіе отъ всѣхъ интересныхъ, острыхъ, отравляющихъ, но въ любви все же безблагодатныхъ женщинъ, женщина, дѣйствительно исполненная любви, никогда не создаетъ вокругъ себя никакой усложненной, эротической атмосферы. Ея любовь — кругъ безконечнаго радіуса, вокругъ котораго немыслимъ потому никакой окружающій міръ. Женщины, въ особенности интересныя, ее часто ненавидятъ, потому что безсознательно завидуютъ ей. Мужчины въ нее влюбляются рѣдко, потому что влюбчивость большинства изъ нихъ корыстна и инстинктивно устремлена по линіямъ наименьшаго сопротивленія. Зато ее всегда страстно любятъ дѣти и ею часто любуются безкорыстные взоры художниковъ и стариковъ.

Она не художница, не писательница, не поэтесса и ужъ, конечно, совсѣмъ не актриса. Какъ бы она ни была образована, умна и душевно тонка, ея душа въ какомъ-то послѣднемъ смыслѣ все же всегда враждебна культурѣ и творчеству, какъ имъ враждебны земля и церковь.

Такова, Наташа, эта моя неитересная женщина, которую я узналъ и навѣкъ полюбилъ въ Тебѣ, которая, я надѣюсь, излѣчитъ меня отъ «интереснаго человѣка» во мнѣ, сосредоточитъ мою жизнь на существенномъ и значительномъ моей души, въ которой я обрѣту свою цѣло-

стность и свою вѣчную память; покой, достоинство и мудрость своего смертнаго часа.

Кажется, родная, мое объясненіе, почему я полюбилъ Тебя, а не интересную женщину, вышло серьезнѣе моихъ намѣреній, но зато оно вышло быть можетъ и любезнѣе того, что Ты отъ меня ожидала.

Цѣлую Тебя, любовь моя, и умоляю писать. Если Твое слѣдующее письмо, какъ я боюсь, будетъ отвѣтомъ на мое, то мнѣ его ждать еще цѣлую вѣчность! Черезъ четыре дня у насъ снова стрѣльба. Если увижу Алешу, сейчасъ же напишу Тебѣ.

За это время ничего о немъ не слышалъ и не встрѣчалъ его. Ну, до свиданья мое счастье.

Твой Николай.

Сельцы, 26-го іюля 1911 г.

Очень вчера былъ странный день, родная. Я видѣлъ Алешу. И даже больше: между нимъ и мною произошло нѣсколько очень сложныхъ и почти жуткихъ встрѣчъ; притомъ нѣмыхъ: мы не только не сказали другъ другу ни одного слова, но даже взглядывая другъ на друга, все же ни разу не взглянули другъ другу въ глаза, не обмѣнялись взорами. Все было между нами глухо, какъ перестукиваніе черезъ стѣну, но при этомъ — все вплотную: душа въ душу, непріязнь въ непріязнь и то-

ска въ тоску. Началось все во мнѣ съ громадной надеждой, а кончилось все скверно, стыдно и какъ-то совсѣмъ случайно. Сейчасъ у меня въ душѣ выжжены всѣ надежды. Не думаю, чтобы наши отношенія съ Алешей скоро наладились. Чувствую, что вчерашній день разъединилъ насъ со страшной и нелѣпой жестокостью. Разскажу Тебѣ, моя бѣдная, все съ самаго начала, а Ты рѣшай сама, какъ лучше знешь.

Отославъ Тебѣ послѣднее письмо, я пошелъ въ собраніе. Тамъ оказалось неожиданно людно и шумно: офицеры другихъ частей, коньякъ, гитара... Какой-то пружиной своей души, Ты знаешь, я и это все за что-то люблю. Въ этотъ же вечеръ мнѣ было какъ-то особенно «по себѣ»; все казалось пріятнымъ, всѣ люди представлялись милыми.. Въ такомъ настроеніи всегда внушаешь къ себѣ довѣріе и симпатію. Какой-то молоденькій, хлышеватый поручикъ съ женской браслеткой на лѣвой рукѣ рѣшительно влюбился въ меня: на зарѣ онъ уже стоялъ передо мной на колѣняхъ и умолялъ, чтобы я подалъ прошеніе о переводѣ въ ихъ дивизіонъ, т. к. ихъ прапорщики всѣ «зеленая тоска» и «крамольники». Одинъ же изъ нихъ (тутъ онъ назвалъ Алешу) все время до того якшается съ солдатами, что командиръ рѣшилъ установить за нимъ тщательный надзоръ, который и поручилъ ему, поручику Александру Бржезинскому.

Сообщеніе это страшно взволновало и удивило меня. Алексѣй вѣдь не мальчикъ, онъ опытный, осмотрительный работникъ, и вдругъ дать себя вы-

слѣдить въ какія-нибудь двѣ-три недѣли... Что это? Полная нервная развинченность или бреттерство, вызовъ судьбѣ? Но вѣдь дѣло, которое онъ дѣлаетъ не его дѣло, а въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ, дѣло всего народа! Чувство отвѣтственности за каждый свой шагъ было въ немъ всегда очень повышенно и остро...

Само собою разумѣется, Наташа, что разыгравъ передъ элегантнымъ Бржезинскимъ густопсоваго черносотенца и пригласивъ его какъ-нибудь на дняхъ же заѣхать ко мнѣ, выпить вина и разсказать о своихъ успѣхахъ, я поспѣшилъ домой, разбудилъ Семешу, велѣлъ ставить самоваръ, заварить кофе, а самъ сѣлъ писать Алешѣ.

Написавъ о Бржезинскомъ, я хотѣлъ было запечатать конвертъ, но не смогъ. Начавъ писать, я съ такой силой вошелъ въ ощущеніе нашихъ прежнихъ отношеній, къ тому же и радость оказать услугу, быть можетъ спасти его, такъ волновала меня, что казалось невозможнымъ не сказать всего того, чѣмъ все послѣднее время только и жила душа.

Я писалъ съ трехъ утра до самыхъ занятій, т. е. до девяти. Написалъ обо всемъ, о чемъ писалъ Тебѣ и просилъ отвѣтить мнѣ только одной фразой, сказать только одно, что ни Ты, ни я не стали въ его глазахъ другими людьми, чѣмъ были, что винить онъ меня не винитъ, но видѣть не можетъ, потому что мой видъ причиняетъ ему слишкомъ сильную боль...

Окончивъ и запечатавъ письмо, я послалъ его

въ Агафониху съ Семеномъ, надписавъ на конвертѣ, что прочтеніе обязательно, такъ какъ рѣчь идетъ въ первую очередь не о немъ и не обо мнѣ, но объ очень важномъ для него дѣлѣ.

Семенъ вернулся черезъ 2 часа и сообщилъ. «Письмо ихъ благородіе прочли, отвѣта, приказали передать, — не будетъ».

Все сразу почернѣло передъ глазами. Пронзительная боль горькою судорогой передернулась надъ душой. Что-то въ сердцѣ оборвалось, что-то другое упрямо и злостно взметнулось...

Вчера въ три часа дня я съ волненіемъ подъѣзжалъ къ полигону. До открытія стрѣльбы оставалось еще съ полчаса. Высшаго начальства еще не было, но большинство батарей было уже на мѣстахъ. Офицеры группами стояли и прохаживались около наблюдательной вышки. Какъ только наша батарея заняла свое мѣсто и раздалась команда «слѣзай», я спѣшно передалъ свою лошадь ѣздовому и пошелъ къ вышкѣ отыскивать Алешу. Зачѣмъ — я Тебѣ сказать не могу. Никакого плана у меня ни въ душѣ, ни въ головѣ не было. Никакого разговора я бы самъ съ Алексѣемъ не началъ, но мнѣ нужно было почему-то сейчасъ же убѣдиться, тутъ онъ, или нѣтъ. Я обошелъ всѣ группы, перездоровался со всѣми знакомыми, но Алексѣя не нашелъ: какая-то надежда погасла въ душѣ, вдругъ стало скучно... Я пошелъ искать его лошадь. Не успѣлъ я дойти до выстроенныхъ позади батарей зарядныхъ ящиковъ, какъ мнѣ бросилась въ глаза до мельчайшихъ подробностей съ первой встрѣчи

запомнившаяся, большая, гнѣдая, бѣлоногая кобыла Алеши.

Подойдя къ водившему ее фейерверкеру, я спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ «ихъ благородіе». «А вотъ они», — указалъ онъ мнѣ на небольшой березовый кустъ, саженяхъ въ трехъ отъ меня. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ остановился отъ какой-то спазмы ужаса и удивленія въ сердцѣ! Передо мной лежалъ Алеша; но совсѣмъ не тотъ близкій, родной человѣкъ, что, полулежа на Твоемъ диванѣ, длинноволосый, жестикулирующій и весь какой-то растрепанный, съ такою милою, дѣтскою улыбкой нервно и горячо бывало спорилъ со мною, а совсѣмъ, совсѣмъ иной.. Не Алеша лежалъ передо мной, а лежало подъ кустомъ длинное чужое тѣло; самое же странное то, что лежало враждебное мнѣ, мужское тѣло Твоего мужа, Наташа... Обутыя, несмотря на двадцатиградусную жару, въ душные, смазные сапоги и широко, циркулемъ раскинутыя на скошенной травѣ ноги, протянутыя по швамъ и какъ-то неудобно вывернутыя ладонями кверху руки, синяя, наголо стриженная голова, небритая, жестокая, судорожная челюсть и мятая фуражка на разстегнутой груди...

Не думаю, чтобы Алеша спалъ, скорѣе, услышавъ мой голосъ, онъ рѣшилъ притвориться спящимъ... Не знаю, сколько времени стоялъ я глядя на него... Но все же одну минуту прислушивался я къ какому-то совсѣмъ новому чувству въ себѣ... Нѣтъ, это была не ревность, это было совсѣмъ другое чувство страннаго оскорбленія за Тебя и ка-

кой-то непріязненной брезгливости... Чайная роза Твоего подвѣнечнаго платья, облачная тайна Твоей монашеской фаты, хрустальный звонъ Твоей души, и это нескладное, запущенное, мертво распростертое тѣло!..

Послѣ стрѣльбы начальство собрало все офицерство вокругъ себя. Офицеры нашего дивизіона стояли уже въ кольцѣ обреченныхъ генеральскому разносу когда Алексѣй со своими только еще подходилъ къ вышкѣ подъ руку съ Бржезинскимъ, который, очевидно, разсказывалъ ему что-то очень веселое и которому онъ широко улыбался своею плѣнительною, дѣтскою улыбкой. Какъ только ихъ группа встала противъ нашей, Алеша съ явною демонстраціей наклонился сначала къ уху Бржезинскаго, а затѣмъ вызывающе и странно посмотрѣлъ на меня: одновременно и въ упоръ и все же какъ на стѣну...

Нѣтъ, Наташа, я не ошибаюсь, взоръ этотъ значилъ, да и могъ значить только одно: «ты думалъ такъ просто поймать меня на удочку; ошибся, довольно — больше я тебѣ уже никогда и ни въ чемъ не повѣрю».

Что же это такое, Наташа, что за отчаяніе! Скажи, какъ могъ Алексѣй, зная меня, дойти въ своей ненависти до того, чтобы подумать, что я ни съ того, ни съ сего, обвиню человѣка въ шпіонствѣ, чтобы создать себѣ поводъ для желательнаго мнѣ письма. Вѣдь это болѣе, чѣмъ только чудовищно, это безуміе, Наташа, это полное помѣшательство! Или и это по Твоему объяснимо тою

ревностью, тою черною кровью которую Вы, женщины, почему-то всегда защищаете, какъ священную тѣнь любви?

Когда кончился разборъ стрѣльбы и командиръ отпустилъ насъ по домамъ, я сѣлъ на свою Ракету и въ тяжелыхъ мысляхъ шагомъ поѣхалъ къ Сельцамъ. Мысль, что я несмотря на всѣ свои усилія никакъ не могу сообщить себя человѣку, который еще два мѣсяца тому назадъ считалъ меня не только самымъ близкимъ своимъ другомъ, но чуть ли ни самымъ лучшимъ существомъ въ мірѣ, не могу только потому, что Богъ привелъ мнѣ полюбить его жену, никакъ не укладывалась ни въ умѣ, ни въ сердцѣ. «Ну, что же, быть можетъ я люблю Тебя больше ея, бери же ее, если любишь, какъ я», при этомъ свѣтлое, почти святое лицо... и вдругъ — совершенно дикій конецъ: — не хочу знать, не хочу разговаривать, довольно, не обманешь!.. Ну, скажи мнѣ Наташа, вѣдь Ты лучше меня знаешь Алексѣя, если бы я разсказалъ ему годъ тому назадъ нашъ съ Тобою романъ, перемѣнивъ имена героевъ, развѣ бы онъ не былъ всецѣло на нашей сторонѣ ,развѣ не нашелъ бы своихъ, какъ всегда изощреннѣйшихъ словъ для защиты моей «артистической этики», для возвеличенія Твоего, единственнаго образа? Нашелъ бы, увѣряю Тебя, что нашелъ бы. Да, наконецъ, вѣдь онъ же убѣжденный соціалистъ, страстный проповѣдникъ женской свободы и свободной любви. Откуда же такой безконтрольный безудержъ въ отрицаніи всѣхъ своихъ убѣжденій и вѣрованій? Откуда же такое

изступленіе въ тихомъ, обывательскомъ тупичкѣ? Ты знаешь, я увѣренъ, онъ и подбородокъ-то пересталъ брить только оттого, что ему опостылѣла моя актерская, лицемѣрная, европейская бритость.

Какой ужасъ, Наташа, какой срывъ и проьалъ. Но самое страшное то, какъ все вчера кончилось. Только не пугайся, родная, ничего страшнаго не произошло, а случилась какая-то совершенно дикая, стыдная, нелѣпость.

Я ѣхалъ шагомъ, куря, отдавъ лошади поводья. Вдругъ сзади меня раздался топотъ крупнаго галопа. Не успѣлъ я оглянуться, какъ Алеша поровнялся со мной и пронесся мимо. Моя Ракета внезапно вырвалась и въ два прыжка настигла Алешину лошадь. Въ ту же секунду, какъ я хотѣлъ задержать Ракету, Алеша, оглянувшись черезъ плечо, два раза вытянулъ нагайкой свою бѣлоногую кобылу и карьеромъ понесся впередъ. Тутъ во мнѣ что-то взвилось... Что-то отъ лютыхъ, охотничьихъ инстинктовъ отца, отъ кровнаго сердца «Ракеты», отъ своего собственнаго: къ чорту тонкость и психологію; я стиснулъ колѣни и зубы, выбросилъ тѣло и руки впередъ и вихремъ, какъ мимо столба пронесся мимо Алешинаго казеннаго плебея...

За версту до Агафонихи, когда я уже снова ѣхалъ шагомъ, Алексѣй зачѣмъ-то вторично обогналъ меня мелкой рысью. Его лицо было искажено злобой, правая рука все еще судорожно сжимала нагайку. Лошадь была вся въ мылѣ; очевидно

ей серьезно досталось за ея тучную кровь и спеленутыя, мохнатыя ноги. Цѣлую версту я ѣхалъ позади Алеши, саженяхъ въ двухъ, трехъ отъ него. Стыдъ, лютый стыдъ за пошлый символизмъ сорвавшейся сцены раскаленнымъ желѣзомъ жегъ душу. Минутами вдругъ казалось: такъ просто поровняться и окликнуть... Но весь прожитой день мертвой стѣной уже прочно стоялъ между нами, и въ глубинѣ своей сердце уже твердо знало: пока что, все, если и не навсегда, то все же надолго кончено...

Показались Сельцы. Свернувъ съ дороги я какъ всегда поѣхалъ скошенными, крестьянскими усадьбами, отгороженными другъ отъ друга изгородями въ двѣ, три слеги. Взволнованная скачкой «Ракета» слегка горячилась, но брала всѣ препятствія, вплоть до высокаго сѣнного вала изумительно чисто и четко. Подъѣхавъ къ конюшнѣ и передавъ ее вѣстовому я, несмотря на доставленныя мнѣ ею угрызенія совѣсти, не безъ благодарности потрепалъ ея ганашистую шею.

Семенъ уже давно ждалъ меня. Въ третій разъ подогрѣтый самоваръ уютно кипѣлъ на столѣ въ палисадникѣ. Хлѣбъ, масло, вишни и заложенный карандашомъ томъ Вольтера, все было приготовлено тщательно и заботливо. Напившись чаю, я удобно усѣлся въ камышовое кресло, закурилъ папиросу и, спустивъ въ душѣ желѣзный занавѣсъ надъ всѣми событіями дня, надъ его ужаснымъ, оскорбительнымъ, к о н ч е н о, — не только въ спокойномъ, но почти что хорошемъ настроеніи, пріят-

но чувствуя во всемъ тѣлѣ легкую усталость, съ удовольствіемъ принялся за «Вавилонскую принцессу». Такъ я просидѣлъ вплоть до поздняго вечера.

Наташа, милая, всѣмъ существомъ своимъ чувствую я, какую горькую боль причинить Тебѣ это письмо и въ особенности описаніе вчерашняго вечера. Чувствую я и то, до чего жестоко съ моей стороны, схоронивъ въ душѣ любимый образъ моего Алеши, сразу же перейти къ очереднымъ дѣламъ, усѣсться въ кресло, закурить папиросу и утѣшиться вишнями и «принцессой». Но что же мнѣ дѣлать родная? Каковъ есть, такимъ и умру. Тутъ — моя основная черта: пока вѣрю въ побѣду, всѣми средствами борюсь противъ врага, но побѣжденный, сразу же съ инстинктивною жаждою самосохраненія, сосредоточиваю всѣ силы на желаніи забыть проигранную борьбу и побѣдившаго врага. Бой за Алешу мною проигранъ; проигранъ потому, что его «черная кровь» убила въ его душѣ всѣхъ моихъ союзниковъ; любовь ко мнѣ въ его сердцѣ сейчасъ такъ же мертва, какъ мои мысли мертвы въ его головѣ. Для меня онъ сейчасъ непобѣдимъ. Пусть его потому для меня просто не будетъ. Но, конечно, я извергаю изъ своей души лишь бритоголоваго и мѣднокраснаго прапорщика, квартирующаго въ Агафонихѣ у Афимьи кривой; съ Алешей же я не разстаюсь. Память о немъ я свято схороню въ своей душѣ и въ чудо воскресенія нашей любви никогда не перестану вѣрить.

Быть можетъ, Наташа, все это покажется Тебѣ странно элементарнымъ и мало понятнымъ во мнѣ, повинномъ скорѣе въ разъѣдающей сложности переживаній, чѣмъ въ элементарномъ жизненномъ здоровьѣ.

Но видишь ли, страстно любя всяческую сложность жизни, я очень не люблю осложненій мѣшающихъ мнѣ жить. Тутъ во мнѣ дѣйствительно есть какая-то освобождающая жестокость.

Нѣжно цѣлую Тебя и прошу простить всѣ мои недобрыя, темныя чувства.

Твой Николай.

Сельцы, 28-го іюля 1911 г.

Не знаю, моя родная, за что, но только судьба злостно преслѣдуетъ мое самое нѣжное чувство. Напряженность, съ которой я ожидаю Твоихъ писемъ, составила мнѣ въ дивизіонѣ, какъ это ни странно, репутацію страшнаго чревоугодника. Дѣло въ томъ, что почта не разносится у насъ по домамъ, а раскладывается къ обѣду по приборамъ. Не ясно ли, что я прихожу въ собраніе первымъ, чтобы какъ можно раньше получить Твое письмо. Однако мысль, что такое мое предобѣденное волненіе можетъ относиться не къ буфету, а къ почтовому конверту, для здѣшней публики, конечно, совершенно недопустима; въ результатѣ чего я и прозванъ Петромъ Петровичемъ Пѣтухомъ.

На эту ироническую шутку судьбы я, впрочемъ, не въ претензіи. Горше то, что въ моемъ распоряженіи только одно средство преодолѣть волненіе ожиданія Твоихъ писемъ: цѣлыми днями писать Тебѣ! Согласись сама, развѣ это справедливо со стороны судьбы? — Вознаграждать Тебя за Твое молчаніе письмами и казнить меня за мои письма Твоимъ молчаніемъ! Дорогая, умоляю, пиши же почаще! Сегодня уже десятый день съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ Твое послѣднее письмо. Знаешь, если бы Ты была согласно моей классификаціи женщина «интересная», а не «значительная», я рѣшительно заподозрилъ бы Тебя, что Ты стилизуешься подъ «значительную» и ставишь Твою переписку со мной подъ мистическій знакъ знаменитой Тютчевской строфы:

«Какъ сердцу высказать себя?
«Другому какъ понять тебя?
....
«Взрывая возмутишь ключи
«Питайся ими и молчи!..».

Все это безконечно вѣрно, Наташа, но къ счастью только для философовъ и поэтовъ, но не для влюбленныхъ. Вѣдь мнѣ нужны не чувства Твои и не мысли: онѣ и такъ всегда со мною! А бумага, которая лежала у Тебя подъ руками, конвертъ, который при помощи мизинца правой руки заклеили Твои уста, почеркъ Твой, правда не очень красивый, но четкій, напоминающій факсимиле

Тургенева, и запахъ Твоихъ духовъ... Но ради Бога, не сдѣлай только изъ всего сказаннаго послѣдняго вывода, и не вздумай прислать вмѣсто письма надушенную страницу Тургеневской повѣсти, переписанную на Твоей честной, простой бумагѣ и вложенную въ Твой постоянный, узкій конвертъ.

Уже половина перваго, Наташа, спѣшу въ собраніе. Вѣроятно почта уже разсортирована и разложена по приборамъ. Думаю, что мои игривыя соображенія на грустную тему о Твоемъ долгомъ молчаніи родились во мнѣ въ предчувствіи того, что сегодня я обязательно получу Твое письмо. За милыя строки его заранѣе цѣлую Твои тихія руки. Сегодня вечеромъ послѣ занятій буду продолжать письмо. Насчетъ Алешиной «агитаціи» не безпокойся, родная. Она оказалась довольно безвредной. Бржезинскій установилъ только, что Алеша безъ разрѣшенія командира (очевидно не зная, что таковое требуется) давалъ солдатамъ книжки, въ числѣ ихъ Горькаго и Толстого. Командиръ, сдѣлавъ ему выговоръ, кажется успокоился, хотя наблюденія за нимъ пока что не отмѣнилъ...

... Какъ только вошелъ въ собраніе, увидѣлъ у своего прибора письмо. Но... не отъ Тебя, какъ ждалъ, а совершенно неожиданно отъ Марины.

Несмотря на разочарованіе, съ которымъ разорвалъ конвертъ, я прочелъ вложенные въ него листки съ большимъ интересомъ. Очень своеобразный, хотя нѣсколько литературный и современный языкъ, много тонкихъ мыслей и много какого-то

подводнаго рельефа въ настроеніи, чувствѣ и во всемъ письмѣ.

Больше всего Марина пишетъ о Танѣ. Недѣли за двѣ до Таниной смерти между ними былъ, оказывается, очень странный, и со стороны Тани, во всякомъ случаѣ, предѣльно искренній разговоръ. Марина касается его сдержанно и глухо, но мнѣ все ясно. Очевидно Таня на большомъ нервномъ подъемѣ много, но какъ всегда темно и нѣсколько хаотично разсказывала Маринѣ о моихъ взглядахъ на жизнь и любовь. Марина пишетъ, что, несмотря на ея сіяющее лицо и радостное признаніе въ своемъ «незаслуженномъ» счастьѣ, на нее было грустно и больно смотрѣть, и не потому только, что она съ почти болѣзненнымъ упорствомъ высказывала свою боязнь оказаться не на высотѣ моихъ взглядовъ на бракъ, но потому, что она не осознавала уже зародившейся въ ея сердцѣ тревожной боязни, что я окажусь не на высотѣ ея безконечной любви.

Покойный Борисъ — вотъ человѣкъ, который по мнѣнію Марины могъ бы составить Танино счастье. Любя ее не для себя, но прежде всего для нея самой, онъ, успокоивъ и вылѣчивъ, крѣпко и просто поставилъ бы ее въ жизни какъ мать и жену. Онъ — да, но не я, для котораго ея «смертельная болѣзнь очевидно была все-таки ея живымъ обаяніемъ» и «ея разстроенные нервы интересно диссонирующими струнами». Если бы Таня и не умерла, она стала бы глубоко несчастной, такъ какъ рано или поздно я, по мнѣнію Марины, все равно ушелъ бы отъ нея.

Все это «выяснилось, правильнѣе почувствовалось, или, быть можетъ, только показалось» ей, Маринѣ, послѣ долгихъ раздумій надъ моимъ послѣднимъ пребываніемъ у нея въ Вильнѣ, пребываніемъ, о которомъ она вспоминаетъ въ своемъ письмѣ какъ-то очень осложненно: скорбно, почти покаянно, но одновременно не безъ покорности какой-то проснувшейся въ ней мечтѣ...

Не знаю, Наташа, можетъ быть я очень ошибаюсь, но мнѣ почему-то кажется, что рѣшеніе Марины чѣмъ-то связано съ тѣмъ, какъ мы возвращались съ кладбища, какъ сидѣли и говорили у печки, однимъ словомъ съ той, все еще звучащей и въ моихъ ушахъ, мелодіей, о которой я писалъ Тебѣ изъ Вильны.

Переѣздъ въ Москву для Марины вещь и душевно и практически, конечно, не легкая и не простая, и я очень потому сомнѣваюсь, чтобы онъ дѣйствительно состоялся. Но, во всякомъ случаѣ, она черезъ недѣлю на нѣсколько дней пріѣзжаетъ въ Москву, чтобы осмотрѣться, подать прошеніе о зачисленіи Сережи въ университетъ и пріискать квартиру. Во всемъ этомъ она, совсѣмъ не знающая Москвы, очень проситъ меня оказать ей посильную помощь. Просьбой этой я въ настоящее время крайне затрудненъ, такъ какъ изъ лагеря никакой отпускъ, конечно, невозможенъ. Все, что я могу сдѣлать, это съѣздить на одно воскресенье въ Москву, представить Маринѣ Павла Васильевича и попросить его замѣнить меня. У него очень широкое знакомство, хорошій мѣсячный извозчикъ, и

онъ большой Донъ-Жуанъ. При наличіи этихъ особенностей своей личности, онъ сдѣлаетъ для Марины больше, чѣмъ сдѣлалъ бы я.

Тебѣ и Алешѣ Марина шлетъ привѣтъ, пишетъ, что она очень рада предстоящему знакомству съ Тобой, о которой много слышала отъ Тани и Алеши. Могу себѣ представить, какъ она будетъ поражена всѣмъ происшедшимъ! Пока кончаю, родная. Съ послѣднею тоскою жду Твоего письма. Цѣлую.

Твой Николай.

Сельцы, 6-го августа 1911 г.

Милая Ты моя, страшно сказать, уже больше недѣли не писалъ я Тебѣ. И стыдно сказать, не писалъ, потому что былъ занятъ подготовкой большого лагернаго праздника. Состоится онъ передъ самымъ концомъ сбора. Начнется съ офицерскихъ скачекъ; послѣ скачекъ спектакль въ Клементьевѣ, а вечеромъ — «грандіозный балъ».

Меня уже давно втягивали во всѣ эти затѣи, но до самаго послѣдняго времени я всячески уклонялся. Прорвала мой тщательно укрѣпленный фронтъ жена моего батарейнаго командира, помнишь, та остроносенькая меломанка, о которой какъ-то писалъ Тебѣ.

На слѣдующій же день, какъ я отослалъ Тебѣ послѣднее письмо, она ворвалась ко мнѣ со всей труппой и, приказавъ оторопѣвшему Семену не-

медленно же ставить самоваръ, низверглась на меня бурнымъ водопадомъ словъ: спектакль никакъ не ладится, до генеральной какая-нибудь недѣля... Я литераторъ, бритый человѣкъ, и не хочу помочь.. это не по товарищески... ея мужъ такъ хорошо ко мнѣ относится — это безсердечно, это возмутительно! Если гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ. Она больше не хочетъ просить, она начинаетъ дѣйствовать!...

Я не успѣлъ произнести въ отвѣтъ ни одного слова, какъ моя комната была превращена въ сцену, а мнѣ пододвинуто «режиссерское кресло» и врученъ «режиссерскій экземпляръ»; дальше все въ такомъ же темпѣ. Не успѣлъ еще я занять своего кресла, какъ Любовь Ивановна уже начала свою «большую» сцену съ поручикомъ Гришинымъ, своимъ любовникомъ, тайнымъ по пьесѣ и явнымъ по жизни.

Какъ это ни странно, но сѣвъ въ «режиссерское кресло» я невольно вошелъ въ навязанную мнѣ роль. Отъ отдѣльныхъ указаній и разъясненій перешелъ мало-по-малу къ показыванію, а отъ показыванія (тряхнувъ стариной) къ исполненію, подъ суфлера, цѣлыхъ сценъ и чуть ли не дѣйствій.

Любовь Ивановна играла плохо, но ухватисто: беззастѣнчиво, бойко и жизненно. Я пытался было ей разъяснить, что это не то, что за дѣйствительное объясненіе въ любви, контробандой проведенное въ формѣ сценическаго діалога, одинъ актеръ Малаго театра былъ на генеральной репетиціи лишенъ роли, до того это было скверно, но ничего не по-

могало: — она продолжала играть съ двойной самоувѣренностью «старой любительницы» и «Карачевской львицы».

Кончилась эта импровизированная репетиція импровизированнымъ ужиномъ. Было уже за полночь, когда вся наша компанія подъ предводительствомъ поручика Гришина ввалилась въ уже темное офицерское собраніе. Съ шумомъ подняли вѣстовыхъ, зажгли двѣ жаркія «молніи», на столѣ мигомъ очутились какіе-то спеціально офицерскіе консервы — скумбрія въ томатѣ, баклажанная икра и еще какія-то ненормальности — черезъ нѣсколько минутъ на громадныхъ сковородахъ уже шипѣла яичница и, наконецъ, появилось главное — кофе, коньякъ, гитара...

Началась типично русская офицерская ночь: безпутная, слезливая, гитарная, что-то выстукивающая и вызванивающая ошпоренными каблуками, къ двумъ часамъ уже пьяная, уже заплетающаяся ногами и языкомъ, но все еще куда то несущаяся, гикающая, взвизгивающая и подергивающая плечами, ночь пошлая, провинціальная, убогая, но все таки чѣмъ то связанная съ тѣмъ нашимъ, никакому европейцу недоступнымъ, міромъ, о которомъ пляшутъ Наташа Ростова у дядюшки, Грушенька въ Мокромъ, цыганка Груша передъ очарованнымъ странникомъ, о которомъ, рыдая, рокочутъ романсы Апполона Григорьева и Александра Блока, въ которомъ безысходно буйствуетъ Паратовское Поволжье Островскаго и о которомъ тоскуетъ и мечтаетъ провинція Чехова...

И вотъ, Наташа, съ этой первой репетиціи и начались всѣ мои, далеко еще не конченныя мытарства. Всемогущая Любовь Ивановна добилась таки черезъ своего мужа, что уже на слѣдующій день «приказомъ по бригадѣ» я былъ назначенъ «въ помощь полковнику Потрескину на предметъ содѣйствія организаціи праздника лагернаго сбора». Прочитавъ вечеромъ приказъ, я рѣшилъ на слѣдующее же утро отправиться къ бригадному съ протестомъ и просьбой отмѣнить распоряженіе, но когда я въ девять часовъ утра вышелъ изъ своей избы, то къ палисаднику уже подъѣзжалъ парный экипажъ, а въ немъ Любовь Ивановна... «Куда такъ рано?» — Оказывается, въ Москву за костюмами, и у нея записка на мое имя отъ полковника Потрескина: «ввиду Вашего назначенія въ мои помощники, прошу съѣздить въ Москву за костюмами и париками. Вамъ въ помощь поѣдетъ предсѣдательница нашего «кружка любителей сценическаго искусства» Любовь Ивановна Синицына». Дѣлать было нечего — приказаніе прямого начальника.

Сѣлъ и поѣхалъ въ Москву. Не правда ли, почти водевиль: — «Если женщина захочетъ, то поставитъ на своемъ». Такъ меня и завертѣло: репетиціи, костюмы, гримъ, декорированіе скаковой бесѣдки, закупка призовыхъ жетоновъ и т. д., и т. д. Любовь Ивановна, съ головой ушедшая въ организацію праздника, ни на шагъ меня не отпускала отъ себя, и мы цѣлыми днями носились между Клементьевымъ, гдѣ репетировался спектакль и полигономъ, гдѣ скаковой павильонъ спѣшно расцвѣ-

чивался флагами, розетками и пальметами.

Увѣренъ, что слухи о моей организаціонно-художественной дѣятельности и о моихъ ежедневныхъ поѣздкахъ съ Любовью Ивановной уже давно дошли до Алеши, и живо представляю себѣ, какою они наполнили его обидой, какимъ презрѣніемъ ко мнѣ, какою жалостью къ Тебѣ. И дѣйствительно, если посмотрѣть со стороны, да еще недоброжелательнымъ взоромъ, то получается картина болѣе чѣмъ пошлая. Разбить жизнь ближайшаго друга, взять у него безконечно любимую жену и, пользуясь ея отсутствіемъ, тутъ же, на его глазахъ начать волочиться за какой-то напудренной, замусоленной, многороманной барынькой — ну развѣ можетъ быть что-нибудь болѣе подлое и безвкусное!

Увѣренъ, родная, что объяснять свое поведеніе мнѣ Тебѣ не приходится и оправдываться передъ Тобою мнѣ тоже излишне. Но, конечно, не потому, что все понять — все простить, а потому. что ни понимать, ни прощать — нечего. Алешу же мнѣ очень жаль. Приди мнѣ нѣсколько раньше въ голову, что мое времяпрепровожденіе можетъ стать для него источникомъ мученій, я, конечно, оказалъ бы большее сопротивленіе натиску Любови Ивановны. Но что дѣлать — не пришло! Я очень хорошо умѣю смотрѣть на себя со стороны, но очень плохо — смотрѣть на себя чужими глазами, хотя бы и столь хорошо извѣстными мнѣ, какъ Алешины.

Помнишь, Алешу и раньше всегда коробила стилистика моего отношенія къ женщинѣ. Ему все-

гда казалось, что по существу и сама въ себѣ всякая женщина — только человѣкъ; женщина же въ женщинѣ — ея темная и принижающая встрѣча съ мужчиной. Я всей этой благородно-идейной точки зрѣнія никогда не принималъ и мнѣ всегда казалось, что все это такъ для нравственно честныхъ, но артистически бездарныхъ мужчинъ, инстинктивно понимающихъ, что своей земнородной чувственности имъ никогда не окрылить звѣздными далями небеснаго эроса. Для меня женщина — прекрасное превышеніе человѣка. Относиться поэтому къ женщинѣ просто, какъ къ человѣку — то же самое, что не замѣчать поэта въ Пушкинѣ. Если бы въ часъ воскресенія изъ мертвыхъ небо вернуло мнѣ Тебя не женщиной, а человѣкомъ — это было бы злою насмѣшкой надъ моей вѣрой въ безсмертіе. Но все это, конечно, не значитъ, что я не способенъ на безпроблемную дружбу съ женщиной.

Я очень люблю умныя, дружескія отношенія между мужчинами, которыя, конечно же, ощущаю не общечеловѣческими, а специфически мужскими (въ Россіи ихъ мало, страна геніальная въ любви, Россія бездарна въ дружбѣ). Но развѣ это что-нибудь говоритъ о моей эротической ненормальности? Совершенно такъ же ничего не говоритъ о чувственномъ влеченіи ко всѣмъ женщинамъ мое живое ощущеніе всего женскаго: женскаго склада ума и тембра женской души, нерва женскаго темперамента и методовъ женскаго кокетства.

Относиться къ Любови Ивановнѣ, какъ къ человѣку, было бы дѣломъ совершенно фантастиче-

скимъ; не менѣе фантастическимъ было бы, впрочемъ, и отношеніе къ ней, какъ къ женскому уму, душѣ и темпераменту, ибо Любовь Ивановна Синицына, по сценѣ Черкасская, не только не человѣкъ, но и не женщина, а всего типичная барынька, которыхъ въ провинціи очень много, и которыя всѣ на одинъ фасонъ. Всѣ онѣ любятъ пеньюары, капоты, пестрыя татарскія туфли и татуировку (сердце, пронзенное стрѣлой) на рукахъ своихъ воздыхателей. У всѣхъ у нихъ въ гостиныхъ горятъ лампы подъ красными абажурами, а на рукахъ кровавые рубины. Всѣ онѣ со страстью терзаютъ въ своихъ цыганствующихъ носоглоткахъ Панинскіе романсы, всѣ высоко вскидываютъ надъ клавишами аккомпанирующія руки, обязательно страстно глядя при этомъ въ какой-нибудь темный уголъ, гдѣ отвѣтно попыхиваютъ и подрыгиваютъ красноголовыя папиросы... При всей своей романтикѣ, онѣ, однако, очень расчетливы, и я не думаю, чтобы какая-нибудь страсть къ поручику или штабсъ-капитану могла той же Любовь Ивановнѣ помѣшать своевременно превратиться въ подполковницу, а потомъ столь же своевременно и въ генеральшу.

Однако, Богъ съ ней, съ Любовью Ивановной; и съ чего это только она привязалась ко мнѣ. И такъ цѣлыми днями возишься съ ней..

Сейчасъ тихая ночь, на столѣ тихая лампа, за дверью на дворѣ фыркаетъ лошадь и пожевываютъ коровы, мы съ Тобою вдвоемъ, а я опять съ чего-то о романсахъ, рубинахъ и всякой ерундѣ. А все Алеша! Ударила меня сегодня по головѣ мысль,

какъ бы ему не привидѣлось, что я «увлекаю» Любовь Ивановну, а то и самъ увлекаюсь ею. Стало отъ этой мысли и очень грустно и очень больно; стало безконечно жаль Алешу, но одновременно поднялась въ душѣ и досада: и на него — неужели можетъ подумать, и на себя — зачѣмъ связался съ этимъ праздникомъ. Такъ и написалъ это, совсѣмъ какое-то не то письмо.

О главномъ же и не написалъ. Главное то, родная, что нашему свиданію грозитъ отсрочка на двѣ недѣли. Ходятъ слухи, что послѣ лагернаго сбора нашъ дивизіонъ приметъ участіе въ маневрахъ. Пока я объ этомъ не думаю и Ты не думай. Вѣдь думать — значитъ накликать. Пока я твердо держусь вѣры, что 16-го, т. е. черезъ десять дней, я покину лагерь и, пробывъ въ Москвѣ не больше двухъ дней, помчусь на Кавказъ.

Владикавказъ; Военно-Грузинская дорога на автомобилѣ; Тифлисъ, въ немъ эта глупая, послѣдняя, пустая ночь, почти рядомъ съ Тобою; на слѣдующее утро Боржомъ — въ Боржомѣ Ты. Потомъ съ Тобою на маленькомъ поѣздѣ въ горы, къ намъ, въ Цеми, въ Твою комнату, въ Твои объятья! Господи, какъ жду я этого святого часа... Пробудемъ мы съ Тобою на Кавказѣ, думается мнѣ, мѣсяца два.

А потомъ, не задерживаясь въ Москвѣ, проѣдемъ прямо къ отцу, на Оку. Онъ намъ не будетъ мѣшать: онъ чудесный чудакъ, а мы привеземъ ему въ домъ нашу чудесную любовь, и мы прекрасно поймемъ другъ друга.

Въ двухсвѣтномъ залѣ нашего дома будутъ ночи, какихъ Ты нигдѣ не видала — совершенно фантастическія. Луннаго свѣта столько, что кажется онъ льется не съ неба, а прямо изъ баллады Бюргера или Жуковскаго. Главное: — нѣтъ того чувства, что ночь за окномъ, а ты въ домѣ. Сидишь у камина и кажется, что стереоскопически-четкія, старыя, приземистыя , вѣтвистыя яблони, похожія подъ снѣгомъ на какіе-то гигантскіе голубые кораллы, стоятъ не за окномъ, а въ комнатѣ. Подыми только руку — и онѣ осыпятся тебѣ прямо на голову...

Послѣ зимы наступитъ весна. Это Тебѣ, впрочемъ, извѣстно. Но что Тебѣ совершенно не извѣстно, это то, до чего Ты будешь прекрасна на маленькомъ нашемъ, часамъ къ 10-ти утра уже совершенно тѣнистомъ балконѣ, въ свѣтломъ платьѣ, среди бѣлой сирени, съ тою утренней росною прохладой въ тѣлѣ и въ ясныхъ, спокойныхъ, дѣтскихъ Твоихъ глазахъ, что впервые такъ плѣнила меня въ то майское утро въ Луневѣ, когда въ голубой своей шали Ты подошла ко мнѣ у калитки Вашего сада!...

Но знаешь, Наташа, какъ бы Ты ни была хороша весною и лѣтомъ, въ первые настоящіе, глубоко-осенніе дни (окна уже вставлены и замазаны, печки топятся выдержанными зимними дровами, въ передней пахнетъ нафталиномъ, и Ефимъ съ почты въѣзжаетъ во дворъ въ кожанѣ, на забрызганной грязью лошади съ коротко подвязаннымъ хвостомъ) — въ первые осенніе дни Ты снова похоро-

шѣешь, такъ какъ снова станешь совсѣмъ иной: изъ лѣтней превратишься въ осеннюю; Ты поблѣднѣешь, потому что съ лица и рукъ совсѣмъ сойдетъ загаръ, выростешь и станешь стройнѣе, потому что осеннія платья темнѣе, а зимніе каблуки хотя бы на одинъ сантиметръ выше лѣтнихъ.

Оттого что осенью Ты будешь больше и сосредоточеннѣе играть, чѣмъ играла лѣтомъ — пѣвучѣе станутъ Твои движенья и глаза; оттого что осенью чаще будешь читать Пушкина, (развѣ не ясно, что Гоголя надо читать лѣтомъ, а Пушкина осенью), станешь ясною, сосредоточенною и мудрою, какъ Пушкинскій октябрь..

Всѣ эти перемѣны произойдутъ не только въ Тебѣ для меня, но и во мнѣ для Тебя. Оттого, что станемъ мы осенью другъ другу иными и новыми, иною и новою станетъ и наша любовь. А обновленіе любви насъ крѣпче привяжетъ другъ къ другу.

Господи, до чего Таня какъ-то смѣялась, когда я пытался ей доказать, что въ моемъ представленіи я по осени, снявъ пальто и надѣвъ шубу, хорошѣю ровно настолько, насколько весною, снявъ шубу и надѣвъ пальто, хотя бы шуба и была очень хорошая, а пальто совсѣмъ дрянное.

Сейчасъ я безконечно счастливъ, радость моя: всѣ мои, Тобою покоренные демоны, не то отлетѣли отъ души, не то такими безпомощными котятами свернулись гдѣ-то на днѣ ея, что мнѣ ихъ не видно и не слышно, легко надъ ними шутить и совершенно невозможно серьезно съ ними считаться.

Но все же скажи, развѣ въ моемъ наблюденіи надъ каждому извѣстною радостью переоблаченія въ октябрѣ и апрѣлѣ совсѣмъ не страшна эта вѣчная тоска человѣка по вѣчно новому и иному въ себѣ? И развѣ совсѣмъ не страшна моя предвкушаемая страсть къ Твоему зимнему, лѣтнему и снова осеннему образу? Развѣ все это не значитъ, что даже самая вѣрная любовь живетъ измѣной, хотя бы только измѣной себѣ самому съ самимъ собою, другъ другу съ другъ другомъ, своей весенней любви со своею осеннею влюбленностью?

Всего этого я сейчасъ не чувствую, но въ головѣ эти мысли все же вертятся. Моя голова — самый постылый мой демонъ, самый живучій мой врагъ. Хорошо жить людямъ съ холодными, умными головами, съ регуляторами сердца на плечахъ.

У меня не такъ. У меня всѣ страсти и все безуміе въ головѣ. У меня, можно сказать, очень сердечная голова.

Ну, родная, кончаю. 4 часа утра, играетъ пастухъ, выгоняютъ стадо... Надо ложиться. Цѣлую Тебя, мою милую, быть можетъ только что тихо заснувшую на своей тахтѣ подъ открытымъ окномъ. Цѣлую руки Твои.

Твой Николай.

Сельцы, 8-го августа 1911 г.

Милая, родная, бѣдная Ты моя Наташа. Вчера отослалъ Тебѣ письмо; въ немъ съ такимъ крѣп-

кимъ чувствомъ нашего счастья, такъ безотвѣтственно весело развивалъ Тебѣ мою теорію объ измѣнѣ внутри вѣрности, объ измѣнѣ Тебѣ съ Тобою, писалъ всякую ерунду о Любови Ивановнѣ, а сегодня получилъ Твое, такое совсѣмъ иное по своему настроенію, такое какое-то надъ чѣмъ-то остановившееся, такое грустное письмо.

Очень, очень мнѣ жаль и больно и досадно, что нельзя вернуть вчерашняго болтливаго письма, что нельзя послать вмѣсто него другое, и главное, что я такъ не понялъ и не учелъ того, какъ должны были лечь на Твою душу всѣ мои послѣднія письма; главное, конечно — Алеша.

Право же, Ты напрасно такъ печалишься о томъ, что Алеша повернулся ко мнѣ не только глубокою скорбью, но и темною злобой и что наши отношенія попали въ такой безысходный тупикъ. Я много думалъ всѣ эти дни надъ этимъ поворотомъ и, кажется, понялъ, что иначе Алешѣ нельзя было ко мнѣ повернуться. Нельзя не только въ смыслѣ простой психологической естественности, но и глубже: — въ смыслѣ оздоровленія всей его внутренней жизни. Понять, что Твой уходъ отъ него не зло, но истина, что во всемъ случившемся никто не виноватъ — это ему сейчасъ не подъ силу. Но если уже быть кому нибудь виноватымъ, то кому же, какъ не мнѣ? Не ему же? Придти къ заключенію, что самъ взорвалъ свою жизнь, этого сердцу не вынести.

И не Тебѣ же? Въ спасеніи правды и красоты Твоего образа весь смыслъ и пафосъ его тепереш-

ней борьбы. Вѣдь Ты и уйдя отъ него осталась всей его жизнью. Выходъ только одинъ — взвалить всю вину на меня. Превратить меня въ мелкаго обольстителя, умѣло обошедшаго всѣми правдами и неправдами Твою невинную душу. Такое пониманіе, быть можетъ, единственное, которое, разрушая Алешино будущее, не разрушаетъ тѣмъ самымъ его прошлаго; обрубая вѣтви его жизни, не подрубаетъ ея корней.

Съ такимъ Алешинымъ отношеніемъ ко мнѣ я внутренне уже примирился родная. Прежняго это мое примиреніе, конечно, не возстановитъ, но мнѣ отъ него все таки легче; пусть же будетъ легче и Тебѣ. Если озлобленнымъ искаженіемъ моего поведенія Алеша спасетъ сейчасъ свою жизнь, то не намъ же съ Тобою ему доказывать, что онъ ошибается. Пусть ошибается. Когда ошибка эта перестанетъ быть ему жизненно необходимой, онъ самъ первый откажется отъ нея. Конечно, лежать мостомъ подъ ногами у человѣка — дѣло не легкое, даже и сознавая, что переносишь его черезъ бездну. Отсюда и вся моя «закидка» въ послѣднемъ письмѣ объ Алешѣ. Но сейчасъ у меня уже отлегло отъ сердца. Не печалься же слишкомъ и Ты. Тебѣ легче понять Алешу, чѣмъ мнѣ, хотя бы уже потому, что для Тебя ревность не только понятное, но и священное чувство, а вѣдь въ концѣ концовъ ея одной достаточно, чтобы принять нашъ разрывъ.

Но знаешь ли что, радость моя, слышится мнѣ, что печаль Твоего письма не только о томъ, что я писалъ Тебѣ объ Алешѣ, но и о чемъ-то иномъ. Дай

Тебя смутило извѣстіе о пріѣздѣ Марины и содержаніе ея письма.

Своимъ смущеніемъ Ты ставишь мнѣ очень большіе вопросы. Будемъ же до конца откровенны другъ съ другомъ.

По пріѣздѣ въ Москву изъ Европы, я былъ такъ ошеломленъ Твоимъ явленіемъ мнѣ, и жизнь наша сразу же окрылилась такимъ бѣшенымъ темпомъ, что не было у насъ времени разсматривать налетѣвшую на насъ бурю и уговариваться другъ съ другомъ о томъ, чего ждать намъ отъ нея и чего въ ней страшиться.

Только разъ, въ самомъ началѣ, еще до первой зарницы въ Твоихъ глазахъ, до первыхъ глухихъ раскатовъ въ моей крови, вдругъ завертѣвшихъ для насъ весь міръ вокругъ перваго поцѣлуя, говорили мы съ Тобою о сущности любви и почему ея сущность трагична. Было это въ связи съ моимъ разсказомъ о Вильнѣ, о Маринѣ и съ моею попыткой дать Тебѣ почувствовать то, что я знаю въ себѣ, какъ ядъ и мелодизмъ безлюбаго любовнаго соблазна. «Мы говорили», впрочемъ неточно, говорилъ я одинъ; Ты же только очень внимательно слушала, но ничего не оспаривала, и ни на что не отвѣчала. Тогда я надъ этою, мнѣ очень привычною, безотвѣтностью не остановилъ ни своего раздумья, ни даже своего вниманія. Но вчера, когда читалъ и перечитывалъ Твое письмо, такое сосредоточенное и въ своей неожиданной грусти такое самостоятельное, я понялъ, что не отвѣчала Ты мнѣ не потому, что была со мною согласна и не по-

тому, что несогласіе Твое не имѣло отвѣта. Нѣтъ, отвѣтъ у Тебя былъ, отвѣтъ у Тебя есть и отвѣтъ настолько опредѣленный, что, знаю, мнѣ не легко будетъ не то чтобы его сломить, этого не хочу я, милая, — но хотя бы только сочетать съ моими навыками и жить, и чувствовать, и думать, и двигаться въ любви.

Черезъ двѣ недѣли въ любимомъ моемъ «Цеми» мы съ Тобою обо всемъ этомъ говорить не будемъ. Черезъ двѣ недѣли въ глиняномъ домикѣ Твоего стрѣлочника-осетина расцвѣтетъ рай, самый настоящій, съ первозданнымъ небомъ надъ первозданною землей; рай, по которому мы будемъ бродить, еще чувствуя на тѣлѣ теплое прикосновеніе только что создавшихъ насъ Божьихъ перстовъ, въ которомъ всѣ образы міра будутъ склонять передъ нами свои головы, ожидая отъ насъ своего нареченія именемъ нашей любви. Но если такъ будетъ, потому что такъ уже было и такъ есть, то откуда же грусть Твоего письма и откуда и о чемъ нѣмой вопросъ этой грусти?

Отъ ревности онъ, Наташа, и о ревности онъ, и спрашиваетъ онъ меня о томъ — встрѣтится ли намъ въ нашемъ раю среди цвѣтовъ, деревъ подъ райскими звѣздами также и женщина и наречемъ ли мы и ее именемъ нашей любви.

Большая надежда моей усталости и моей жажды счастья — что не увидимъ; но эта надежда вся на Тебя и на чудо. Въ томъ же, какъ мнѣ до сихъ поръ дано было жить въ любви, любить любовь и

постигать ее, такая встрѣча для насъ почти неизбѣжна.

Мнѣ не легко писать Тебѣ объ этомъ, Наташа, я чувствую, какъ жестока моя искренность, но не отрекаться же мнѣ отъ нея во имя жалости! Въ любви искренность всегда выше жалости: — искренность только убиваетъ, жалость лжетъ. Для меня нѣтъ потому выбора. О, во сколько же разъ благороднѣе убить любовью свою и чужую жизнь, чѣмъ допустить чтобы жизнь, этотъ тайный шулеръ, обыграла любовь!

А потому, родная, прими мою исповѣдь. Не знаю, почему, вѣроятно потому, что у каждаго изъ насъ одна мать и одна смерть, но единство явно является высшимъ требованіемъ нашего духа, гдѣ бы онъ ни дышалъ. Духъ требуетъ единства, но міръ противостоитъ духу и возстаетъ на него неисчислимымъ многообразіемъ своихъ обликовъ.

Въ этой противоположности причина того, почему человѣческое познаніе — вѣчная борьба между духомъ и міромъ, единствомъ и множественностью, цѣльностью души и ея богатствомъ, почему человѣческое творчество всюду и всегда трагедія и раздвоеніе.

На своихъ вершинахъ любовь: и творчество и познаніе. Потому и ея трагедія все та же исконная трагедія всякаго человѣческаго гнозиса — раздвоеніе.

Ты для меня сейчасъ не только в с е въ мірѣ, Ты для меня в е с ь міръ. Только въ Тебѣ я цѣлостенъ и только въ Тебѣ міръ для меня единъ.

Только въ Тебѣ я познаю себя и только въ себѣ, Тобою созданномъ — міръ. Иначе я сейчасъ Богъ, чтобы это было не такъ, но я увѣренъ, что не могу. Но въ томъ, что не могу иначе, не только моя правда передъ любовью, но и неправда моей любви передъ міромъ. Ибо для меня — весь міръ, Ты для міра все же лишь часть его.

Любить весь міръ только въ Тебѣ значитъ противъ многаго возставать и отъ многаго отрекаться, какъ въ мірѣ, такъ и въ себѣ.

Во всякой любви неизбѣженъ потому часъ, въ который ею отверженный міръ начнетъ возставать на нее.

Сначала мнѣ будетъ мало любви: Тобою во мнѣ отвергнутый міръ начнетъ возставать на Тебя мужскою моею жаждою творчества и мужскою моею жаждою одиночества. Но этими силами никогда ему съ моею любовью къ Тебѣ, конечно, не справиться. Все высланное противъ Твоей любви Ты, съ геніальностью свойственной только женщинѣ, будешь превращать въ высокій куполъ надъ нашей любовью: въ ея славу и ея откликъ. Тогда Тобою отвергнутый во мнѣ міръ возстанетъ на Тебя своею новою силою: не жаждою творчества и одиночества, но жаждою другой женщины, и покажется мнѣ, что мнѣ мало не только любви, но въ любви мало Тебя.

Уже сейчасъ думать и писать обо всемъ этомъ не только жестокость, но и безуміе, сплошное, послѣднее... Но такъ именно и надо, Наташа. Если что можетъ спасти любовь отъ смерти, то только бе-

зуміе. Не буреносное безуміе страстей, его одного мало, а систематическое безуміе всей жизни въ любви, всѣхъ чувствъ и мыслей о ней.

Безумныя же мои чувства и мысли о любви тѣ, что побѣда надъ тою женщиной, въ образѣ которой возстанетъ на Тебя Тобою отверженный міръ, возможна только на тѣхъ же путяхъ, на которыхъ, я знаю, Ты будешь побѣдоносно бороться противъ искушенія меня соблазнами одинокаго творчества...

Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, безуміе не превращается въ лукавство, и клянусь, не право измѣны выговариваю я себѣ!

Послѣ Марининаго письма о Танѣ у меня часто сжимается сердце при мысли о прошломъ... Быть можетъ Таня, защищая меня, не совсѣмъ меня понимала, другой она все же была человѣкъ. Боюсь, что временами бывало ей очень тяжело и одиноко со мною.

Но Ты, Наташа, вѣрится мнѣ, Ты все поймешь, поймешь и то главное, что ту невѣдомую, вторую, которая уже сейчасъ тревожитъ Твою ревность, Ты должна будешь какъ-то принять въ нашу жизнь, потому, что войдетъ она къ намъ порожденіемъ Твоего же грѣха передъ жизнью, неприкаянною душою отвергнутаго Тобою во мнѣ міра, Твоимъ призрачнымъ двойникомъ, Твоей собственной тѣнью. И въ томъ, что это будетъ такъ, скажется не случайный недостатокъ нашей любви, но верховный законъ всякой человѣческой страсти, ибо одинъ только Богъ, Наташа, можетъ такъ стоять въ свѣ-

тѣ любви, чтобы не бросать на міръ своей тѣни. Нѣтъ, не въ ревнивой борьбѣ противъ своей собственной тѣни, не въ борьбѣ противъ совершенно неизбѣжной въ каждомъ мужскомъ сердцѣ тоски и мечты по ней великая задача женскаго строительства, но лишь въ борьбѣ за власть надъ этой мужской тоской, мужскою мечтою, мужскою жаждою иной любви. Въ предстоящей, быть можетъ, Тебѣ борьбѣ за Твою власть надъ моею мечтою, я буду Тебѣ, Наташа, вѣрнымъ и умѣлымъ помощникомъ. Буду, милая, потому, что давно уже знаю — моей любви, какъ и всему моему мужскому творчеству и постиженію, никогда не уйти изъ подъ знака трагическаго раздвоенія. Какъ міръ, въ которомъ мы любимъ — и предвѣчное единство и безконечная множественность, такъ и наша любовь — и велѣніе всю жизнь любить одну женщину — и соблазнъ каждое мгновеніе жизни стремить навстрѣчу каждой и всѣмъ.

Надѣюсь Ты понимаешь меня, Наташа, понимаешь, что не о томъ спрашиваю я, какъ человѣку одновременно любить двухъ женщинъ. Такое раздвоеніе далеко не всегда трагедія. Тамъ же, гдѣ оно дѣйствительно трагично, оно трагично совсѣмъ не какъ раздвоеніе между женщинами, оспаривающими во мнѣ одно и то же чувство, но прежде всего какъ раздвоеніе между двумя чувствами, оспаривающими единство моего сердца.

Иногда внезапный порывъ страсти къ давно любимой женщинѣ, вдругъ похорошѣвшей въ новомъ нарядѣ подъ чьимъ нибудь чужимъ взоромъ,

можетъ быть гораздо болѣе злостной измѣной, гораздо болѣе острой тоской по обновленію въ любви, чѣмъ иной длительный, сложный, но внутренне чуждый мелодіи измѣны романъ съ ея случайной соперницей. Я хочу сказать, Наташа, что трагедія любви не во всякомъ раздвоеніи между двумя женщинами, но лишь въ существенномъ раздвоеніи между тѣми двумя, изъ которыхъ въ одной мы любимъ единственную, а въ другой — единство всѣхъ.

Какъ же соединить эти двѣ любви? Какъ ихъ борьбою другъ противъ друга не взорвать единства своей жизни? На этотъ вопросъ, Наташа, въ нѣсколькихъ словахъ не отвѣтишь. Тутъ у меня въ душѣ цѣлый міръ, который я страстно люблю, мечтою о воплощеніи котораго только и живу, съ которымъ ни за что не разстанусь, или развѣ только въ послѣднюю минуту, разбивъ о него свою жизнь!

Главная моя вѣра въ томъ, что двѣ любви къ двумъ женщинамъ должны быть построены на какихъ-то совершенно различныхъ душевныхъ пластахъ.

Любовь къ Тебѣ, Наташа, должна быть верховною реальностью моей жизни, моимъ прочнымъ домомъ: подъ нимъ святая земля, надъ нимъ святое небо моей души. Въ немъ я останусь и по выносѣ тѣла моего изъ дому, — это навѣкъ.

Любовь же къ той, другой, не смѣетъ становиться реальностью. Ея правда — провалъ сквозь реальность: тоска, мечта, пустота, бредовые, весенніе шопоты вокругъ дома, мертвые остекленѣлые

глаза лунныхъ ночей за окномъ, холодные, пустынные, желтые по осени закаты, вьюжный плачъ и вой въ трубѣ и душѣ, жуткое ощущеніе привидѣнія въ домѣ и тревожное ожиданіе, нѣтъ ли кого на крыльцѣ...

Чувство дали неотдѣлимо отъ чувства дома. Домъ, не спасающій меня отъ навожденія дали, домъ, который мнѣ не щитъ и не крестъ, мнѣ внутренне и не домъ — не очагъ, не святыня. Потому мечта окончательно изгнать изъ своего дома вѣяніе дали, всегда неизбѣжно и борьба противъ самого дома, обреченіе себя на скитанье. Тѣмъ, что мы покинемъ старый нашъ домъ и построимся заново на далекомъ холмѣ, облюбованномъ изъ его же оконъ, мы скорбнаго чувства дали въ себѣ не убьемъ. Новыя дали въ новыя окна неизбѣжно возстанутъ и на новый нашъ домъ.

Все это значитъ, Наташа, что въ часъ, когда на крыльцѣ нашего дома появится женщина, съ глазами потемнѣвшими отъ усталости, съ запахомъ полыни на пальцахъ, которую ея руки нервно срывали въ горькихъ поляхъ, которыми шла она къ намъ, я сразу же узнаю въ ней посланницу дали. На крыльцо къ ней съ трепетнымъ сердцемъ выйду, но двери въ свой домъ передъ ней не распахну. Тревогу своихъ глазъ и печаль своего сердца ей отдамъ, но жизни своей ей не выдамъ, чтобы счастливой дѣйствительности не убить мечтой, а блаженства горькой мечты — воплощеніемъ.

Но я боюсь, милая, нѣжная, бѣдная Ты моя Наташа, что Ты скажешь мнѣ на это то же, что не

разъ говорила Таня, скажешь, что не сможешь быть счастливой, хотя бы только съ тѣнью своей соперницы на нашемъ крыльцѣ. Понимаю, родная, и все-же молю Тебя — прими меня въ Твою жизнь такимъ, каковъ я есть. Клянусь Тебѣ, всю свою волю направлю на то, чтобы своей тоски по отверженному Тобою въ моемъ сердцѣ міру никогда не встрѣтить въ образѣ женщины. Но если моя судьба возстанетъ на мою волю, и выйдя на тревожный стукъ подъ окномъ, Ты вдругъ увидишь на нашемъ крыльцѣ печальную, женскую тѣнь, не отвернись отъ нея, родная, вспомни все, что пишу я Тебѣ нынѣ, хотя и не отъ сердца моего, но все же отъ знанія о своемъ сердцѣ, угадай въ постучавшейся ту, о которой въ годы величайшаго счастья я не разъ подолгу простаивалъ съ Тобою у вечерѣющихъ нашихъ оконъ, о которой не разъ съ такимъ любимымъ Тобою волненіемъ читалъ тебѣ Блока, о которой по вечерамъ такъ часто слушалъ бывало «Карнавалъ» Шумана, изумительнымъ исполненіемъ котораго мнѣ одному, Ты еще невѣстой измѣнила Алешѣ, и протяни ей навстрѣчу Твои всепонимающія руки. Это единственный жестъ, достойный жены.

Моя жена — Ты всегда останешься Божіей жницею на моихъ поляхъ; какими бы всходами ни заколосилась моя жизнь — въ душѣ всегда будетъ тоска по Твоему серпу и вѣра, что все, что зрѣетъ во мнѣ, зрѣетъ только затѣмъ, чтобы умереть въ Твоихъ объятіяхъ, на лезвіи Твоей любви.

Наташа, вѣдь слышишь же Ты, что все это не

слова. Вѣдь понимаешь же Ты, что если все звучитъ одними словами, то лишь потому, что я пытаюсь говорить о почти несказуемомъ. Развѣ можно дѣйствительно понять, что значитъ моя «посланница далей», что значитъ отдать ей трепетъ своего сердца, не выдавая сердца своей жизни? Согласенъ что почти невозможно. Согласенъ, что все можетъ звучать почти бредомъ, и все же надѣюсь, что отравивъ Тебя имъ, я спасу нашу любовь какъ отъ окостенѣнія, такъ и отъ взрыва.

Для торжества любви — одной любви мало, Наташа! Мало совершенно такъ же, какъ мало одного вдохновенья для творчества. Любовь — прежде всего искусство. И какъ всякое искусство, требуетъ (въ наше время въ особенности). кромѣ вдохновенья, еще и умнаго разсчета и умѣлаго мастерства. Это не цинизмъ, дорогая, это только до конца серьезное отношеніе къ жизни и страстное отрицаніе въ подходѣ къ ней того диллетантизма, на которомъ она обыкновенно строится.

Не зная разницы между женщиной-женой и женщиной-маской, женщиной-лицомъ и женщиной-атмосферой; не зная, что цѣлостная мужская любовь всегда любовь къ обѣимъ и не владѣя искусствомъ ихъ внутренняго примиренія съ обязательнымъ подчиненіемъ всего атмосферическаго исповѣданію единаго лица, человѣку нашей эпохи никогда не разрѣшить величайшаго вопроса жизни, вопроса любви.

Я отсылаю Тебѣ это письмо, Наташа, съ твердою вѣрою въ то, что мы съ Тобою его разрѣ-

шимъ. Мы пришли къ нашей любви черезъ Танину смерть и Алешино страданіе. Безмѣрность нашей любви не только мѣра нашего счастья, но и мѣра страданья самыхъ намъ дорогихъ людей. Болѣе страшно и крѣпко наша любовь не могла быть завязана. Неужели же возможно, чтобы этой нашей духовной твердыни мы не могли уберечь отъ соблазна многоликаго міра?

Сможемъ, Наташа, сможемъ, въ это я свято вѣрю. Не надо только думать и ждать, что въ человѣческомъ мірѣ, гдѣ все борьба, воля и трудъ, одна любовь должна почему то глупенькою незабудкой бездумно расти у счастливо журчащаго ручейка. Думать такъ — значитъ съ самаго начала обрекать свою любовь гибели.

Прими же потому, моя Наташа, это мое сверхъ всякой мѣры сознательное, но за то и сверхъ всякой мѣры искреннее письмо, какъ вѣрный залогъ нашего во вѣки вѣковъ нерасторжимаго брака.

Всею своею душой и всѣми своими помыслами живу я въ Тебѣ, моя единая и святая любовь. Все, о чемъ сегодня писалъ Тебѣ, писалъ только въ заботѣ о правдѣ и счастьѣ нашей будущей жизни.

Весь Твой Николай.

Сельцы, 13-го августа 1911 г.

Если бы Ты знала, Наташа, какъ у меня сейчасъ странно и сложно на душѣ. Все еще не могу повѣрить, что вчерашній день, кончившійся для меня только сегодня послѣ обѣда, дѣйствительно

былъ, а не пригрезился мнѣ. Ужъ очень все случилось совсѣмъ, совсѣмъ неожиданно. Смогу ли вотъ только написать Тебѣ обо всемъ такъ, чтобы Ты все дѣйствительно увидѣла и поняла.

Усталъ я, милая, всю ночь не спалъ. Болитъ голова. Идетъ сильный дождь, писать на крыльцѣ нельзя, а въ избѣ очень душно, несмотря на восьмой часъ вечера.

Увѣренъ, что сколько бы Ты ни гадала, Ты никогда бы не догадалась, что вчера я, во-первыхъ, видѣлся съ Мариной, которая, прiѣхавъ въ Москву только въ субботу вечеромъ и не имѣя возможности вызвать меня, какъ я ей писалъ, на воскресенье, рѣшила сама прiѣхать къ намъ въ Клементьево повидаться со мной и съ Алешей, котораго всегда очень любила, а, во-вторыхъ, и съ нимъ самимъ! Я съ нимъ говорилъ немного, но онъ очень много говорилъ съ Мариной!

Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ. Самая атмосфера обѣихъ встрѣчъ настолько необыкновенна, что я думаю, мнѣ Тебѣ ничего не разсказать, если не начать разсказывать все съ самаго Адама, какъ говаривала бабушка.

Начало вчерашняго дня не предвѣщало никакой фантастики и «психологiи».

Вставъ поздно, я вышелъ на крыльцо въ самомъ ясномъ, самомъ дѣтскомъ настроенiи. Пахло мокрымъ березовымъ листомъ. Въ Ккементьевѣ только что отошла обѣдня, мимо шелъ народъ изъ церкви. Степенные, темные мужики, цвѣтистыя, говорливыя бабы, бѣлоголовые ребята...

Напившись чаю изъ лихого двухведернаго Катерининаго самовара съ мятою камфоркою набекрень, я часа два съ наслажденіемъ шатался по деревнѣ.

И г.г. офицеры и солдаты заботливо готовились къ скачкамъ: вездѣ чистились сапоги, кое-гдѣ досушивались гимнастерки, офицерскія лошади стояли по дворамъ вычищенныя и расчесанныя, какъ на парадѣ. Въ низкихъ окнахъ, подъ тяжелыми образами важно виднѣлись намасленныя мужицкія головы, коричневыя, сучковатыя руки съ блюдцами на пальцахъ.

Всюду и во всемъ, какъ медъ въ сотахъ, празднично стояла крѣпкая, густая, настоящая, бытійственная жизнь. И такою же стояла въ душѣ и наша любовь, родная. Все утро мнѣ такъ правильно и хорошо думалось о Тебѣ. Наша жизнь представлялась такою прочною, домовитою, съ далью въ открытомъ окнѣ, но съ заросшимъ крыльцомъ, съ самоваромъ, съ простотою, съ молчаньемъ, со всѣмъ тѣмъ, что въ концѣ концовъ только, быть можетъ, и нужно всякому подлинному человѣку.

Въ такомъ же прочномъ, простомъ и значительномъ, если хочешь, въ такомъ же метафизически бытовомъ настроеніи выѣхалъ я послѣ обѣда на скачки.

Синее небо. Среди веселаго, молодого березняка зеленая луговина; по яркой зелени бѣлыя солдатскія гимнастерки; въ ложахъ бѣлые офицерскіе кителя и свѣтлыя дамскія платья. Всюду трехцвѣт-

ные флаги, на высокой эстрадѣ зычно горящая на солнцѣ трубная мѣдь, бравурные марши, «зазывные вальсы», тревожные звонки, восторженныя рукоплесканья, чувство единаго, въ тебѣ и въ твоей лошади, сердца и чувство злого веселья, борьбы — ахъ, какъ все это было вчера радостно и звонко, Наташа.

Моя «Ракета» вполнѣ постояла за себя. Мы съ нею взяли два приза. Можешь себѣ представить, въ какомъ прекрасномъ настроеніи, весь пульсируя безоговорочнымъ, кровеноснымъ счастьемъ, возвращался я вмѣстѣ со всѣми офицерами нашего дивизіона со скачекъ.

И вдругъ уже при въѣздѣ въ Сельцы надъ самымъ моимъ ухомъ громовая команда извѣстнаго шутника и волокиты, капитана Головина: «г.г. офицеры... смирно... глаза влѣ.. во...». Покорно скосивъ глаза, я увидѣлъ недалеко отъ Катерининой избы, на тропинкѣ къ Агафонихѣ офицера и рядомъ съ нимъ женщину. Завидя нашу группу, Алеша поспѣшилъ проститься съ Мариной. Марина же медленно двинулась къ моему палисаднику. Входя черезъ минуту вслѣдъ за ней въ комнату, я услышалъ себѣ въ догонку ехидный возгласъ Головина: «это, братъ, не по товарищески... Смотри, приводи хоть вечеромъ!».

Не безъ волненія вбѣжалъ я къ себѣ, Наташа. На подоконникѣ, въ открытомъ окнѣ, съ низко опущенной головой, съ затемненнымъ лицомъ, какъ то очень никло, очень странно и неожиданно сидѣла Марина.

На мое, въ инерціи веселаго дня, веселое, громкое и, конечно же, радостное привѣтствіе, она подняла лицо, котораго мнѣ никогда не забыть: такимъ измученнымъ я его еще никогда не видѣлъ, хотя и видѣлъ Марину всегда около смерти.

Я протянулъ ей руку — ея рука, холодная и безсильная, послушно легла въ мою, но пожать ея, не пожала. На губахъ было какое-то слово, но до меня оно не дошло.

Нѣтъ, Наташа, такой встрѣчи я не ждалъ, не могъ ждать, и мнѣ совершенно непонятно, почему она должна была случиться такою!

Послѣ неожиданной этой встрѣчи, совсѣмъ тоже неожиданный, короткій, но въ подводныхъ своихъ глубинахъ, существенный разговоръ.

Началъ я его самъ, спросивъ Марину, очень ли она удивлена всему, что услышала отъ Алексѣя, совсѣмъ ли ничего не ждала?

«Удивлена — нѣтъ... Уже въ Вильнѣ почувствовала я въ Васъ что-то новое, что-то вытѣсняющее Танинаго Николая. Когда Вы показывали послѣднія Танины карточки, мнѣ было очень больно; казалось, что Вы ихъ недостойны, что Таня ближе мнѣ, чѣмъ Вамъ, что Вы слишкомъ въ жизни». Эти слова Марина произнесла какимъ-то до непонятности ровнымъ, безцвѣтнымъ голосомъ. Каждое слово было исполнено предѣльнаго волненія, но удареиія не было ни надъ однимъ. И лицо у нея въ это время было такое же, какъ голосъ: въ немъ все дрожало и все же оно было мертво и неподвижно, какъ камень, подъ рябью воды.

Лишь когда я отвѣтилъ, что ея чувство не обмануло ея, что я уже въ Вильнѣ внутренне хотѣлъ, чтобы все случилось именно такъ, какъ оно въ дѣйствительности и случилось, голова ея еще ниже опустилась на грудь, а изъ подъ рѣсницъ къ нервному рту быстро скользнула судорога. Повернувшись лицомъ въ садъ, Марина сорвала вѣтку березы и, желая скрыть дрожанье губъ, принялась зубами совлекать съ нея нѣжную коричневую кожицу.

Я стоялъ противъ нея; напряженно слѣдилъ, какъ горькая вѣтка березы все нѣжнѣе зеленѣла у ея горькихъ губъ и остро чувствовалъ на своихъ какую то странную терпкую горечь. Мелодія послѣдняго свиданія въ Вильнѣ, ночныя, странныя Маринины слова о людяхъ, для которыхъ вся жизнь только смерть, звучали въ памяти такою родною тревогой, Марина сидѣла на подоконникѣ такою близкою и милой, что оставалось, казалось, произнести только одно, не все ли равно какое, слово, чтобы высказать всю свою нѣжность и печаль о ней.

Такъ казалось, Наташа, но случилось все какъ то совершенно иначе.

Когда я спросилъ Марину, дѣйствительно ли она думаетъ, что все, что было въ Вильнѣ, было только о Танѣ, — это прозвучало какимъ-то почти грубымъ упрекомъ, прозвучало такъ, какъ будто бы я оспаривалъ ея право вступаться за Таню.

Въ отвѣтъ на мой вопросъ я услышалъ очень печальныя, словно просящія за что-то прощеніе,

безконечно ко мнѣ ласковыя Маринины слова: «Только, Николай Федоровичъ, не надо обиды, не надо, вѣдь я же, право, не съ поднятою головой передъ Вами сижу»...

На этомъ нашъ разговоръ оборвался. Было уже половина восьмого. Мнѣ было совершенно необходимо ѣхать въ Клементьево. Спектакль, перешедшій въ послѣднее время всецѣло въ мое вѣдѣніе, долженъ былъ начаться не позднѣе половины девятаго.

Мы сговорились съ Мариной, что она пойдетъ къ Алешѣ, а къ одиннадцати часамъ придетъ въ Клементьевскій паркъ.

Какъ только моя телѣжка выѣхала за околицу и по бокамъ мягкой, пыльной дороги замелькали ржаныя стойки, такія же крѣпкія, ладныя и густоволосыя, какъ возвращавшійся изъ церкви народъ, мнѣ сразу стало какъ то по утреннему хорошо на душѣ. Съ вершины Твоей любви и Твоего Кавказа свѣтомъ и силою провѣяли въ душу широкіе, блаженные просторы. Только что такой сложный, исполненный тревоги образъ Марины затихъ и отступилъ въ даль. Зато Алеша, о которомъ даже и не спросилъ ничего у Марины, какъ то незамѣтно приблизился, и не въ своемъ Агафонихинскомъ, а въ своемъ настоящемъ видѣ.

Если бы, Наташа, не эта моя способность внезапнаго возвращенія въ тотъ существенный центръ души, который одинъ только правильно освѣщаетъ ея дали, я бы, вѣроятно, уже давно взорвалъ свою единую душу тысячью своихъ душъ. Но эта спо-

собность во мнѣ предѣльно сильна и дѣйствуетъ съ гораздо большею увѣренностью, чѣмъ всѣ остальные инстинкты самосохраненія.

Можешь же себѣ представить, до чего я долженъ былъ гнусно себя чувствовать, вернувшись въ свой подлинный, душевный центръ со всѣми его большими вопросами, по пути на глупый любительскій спектакль.

Когда я пріѣхалъ въ Клементьево, тамъ царила полная паника. За опозданіе на меня посыпались тысячи упрековъ. Любовь Ивановна нервничала и капризничала отчаянно — костюмъ ей не нравился, парикъ ее старилъ, а гримироваться она ждала меня, хотя изъ Москвы былъ выписанъ самъ Чугуновъ. Головинъ, уже вошедшій въ роль водевильнаго остряка и хватившій для храбрости нѣсколько рюмокъ, отпускалъ на мой счетъ совершенно непотребныя остроты, пресѣчь которыя не было никакой возможности. Какой-то молоденькій офицерикъ, играющій выходную роль, возмущенно протестовалъ противъ нарисованныхъ усовъ и требовалъ наклейки. Завѣдующій собраніемъ, круглый, красный поручикъ Винченко врывался каждую минуту за кулисы съ оповѣщеніемъ, что его превосходительство ждетъ и барышни тоже просятъ поскорѣе, чтобы осталось побольше времени для танцевъ. И всѣ эти нервы, вопросы и просьбы аппеллировали почему то ко мнѣ; я же, во всемъ этомъ никакъ не заинтересованный, не имѣлъ даже возможности воскликнуть вмѣстѣ съ Агафьей Тихоновной: «пошли вонъ, дураки», а долженъ былъ

въ силу какой-то изначально мною допущенной ошибки гримировать Любовь Ивановну, успокаивать Винченко, выбѣгать къ нетерпѣливому превосходительству и взволнованнымъ барышнямъ. Все это я дѣлалъ, но дѣлая, себя проклиналъ и не столько за то, что такъ несвоевременно «влипъ» въ глупую исторію Клементьевскаго спектакля, сколько за весь тотъ строй своей души, благодаря которому, въ концѣ концовъ, только и «влипъ». Вѣдь всякая мелочь нашей жизни, если внимательно присмотрѣться, всегда обусловлена какою-нибудь существенною нашей чертою. Оттого каждый человѣкъ и несетъ отвѣтственность не столько за то, что онъ дѣлаетъ, сколько за то, что онъ есть.

Какъ только спектакль кончился, я вышелъ въ паркъ отыскивать Марину. Вечеръ стоялъ тихій, теплый, но, несмотря на звѣздное небо, темный. Она сидѣла, какъ мы и сговорились, на небольшой, обсаженной акаціей площадкѣ, подъ висячимъ желтымъ фонаремъ. Узнавъ ее издали, я, подойдя ближе, на секунду почти усомнился: — она ли? Передо мной сидѣла совсѣмъ новая женщина, которой я никогда не видалъ.

На ней было блѣдно-зеленое платье: на лицѣ, вмѣстѣ съ тѣнью свисавшей надъ самой ея головою вѣтки акаціи — дрожала улыбка, а въ глазахъ, въ самой печальной ихъ глубинѣ, чему то своему смѣялись лучистыя искры. Она была очень интересна и было въ ней что-то... японское.

Поздоровались мы очень просто, дружественно и сердечно. Новая Марина въ Марининомъ привѣт-

ствіи никакъ не участвовала, — словно часъ ея былъ еще впереди. Подчиняясь такой ея волѣ, я ничѣмъ не выдалъ своего удивленія ея новому облику; разговоръ нашъ сразу же влился въ естественное для него русло простой, оживленной, вполнѣ безпроблемной бесѣды.

Я предложилъ руку; мы пошли вглубь парка, сразу же заговоривъ объ Алексѣѣ, который, приведя Марину въ Клементьево, немедленно же ушелъ, сказавъ, что не останется, такъ какъ не желаетъ встрѣчаться со мною.

Все, что Марина говорила о немъ, было очень вѣрно и тонко; она вѣдь знаетъ его очень давно.

Но до чего же Марина другая женщина, чѣмъ Ты, Наташа, и до чего же она менѣе женщина, чѣмъ Ты. Главный догматъ ея міросозерцанія тотъ же, что и мой. Душа каждаго человѣка и для нея—многодушіе. А жизнь — невозможность изжить свои души. Она долго доказывала Алешѣ, что онъ не обманутъ, что обмана вообще нѣтъ, а всюду есть только «двойная душа». Но онъ этого, конечно, не принялъ; принять не хотѣлъ, скорѣе не могъ. Мнѣ очень понравилась Маринина мысль, что всѣ люди дѣлятся на такихъ, что изживаютъ души своего многодушія одну за другой, и на совершенно иныхъ, постоянно стремящихся къ полному аккорду своего многодушія. Первые, къ которымъ она причисляетъ и Алешу, живутъ постоянными катастрофами; всегда отъ чего-то отрекаются и къ чему-то стремятся; сжигаютъ свои корабли и чаютъ

новыхъ парусовъ. Для нихъ предательство своего прошлаго — единственно возможная форма развитія. Если бы всѣ ихъ души внезапно сошлись вмѣстѣ, они почувствовали бы себя преступниками или окончательно сошедшими съ ума.

Можешь себѣ представить, родная, что Алеша теперь искренне увѣренъ, что онъ меня всегда видѣлъ «насквозь», всегда былъ врагомъ моего «іезуитизма» и моей «сложности». Съ невѣроятною горячностью развивалъ онъ Маринѣ новую и какъ всегда парадоксальную теорію о лживости всякаго чувства, не могущаго быть названнымъ однимъ простымъ словомъ. По его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы его жизнь могла быть разсказана исключительно глаголами и именами существительными. Всюду, гдѣ существительное требуетъ прилагательнаго, гдѣ ядро слова разлагается въ атмосферѣ междусловія, начинается нравственная ложь. Что я совершенно растлѣнная душа, можно, какъ онъ говорилъ Маринѣ, доказать анализомъ моего стиля: въ моихъ письмахъ (а какъ онъ ихъ любилъ, Наташа, чего только не писалъ мнѣ въ отвѣтъ на нихъ) встрѣчаются иногда до пяти прилагательныхъ при одномъ существительномъ. Для него этого нынѣ вполнѣ достаточно. Въ связи со всѣми этими теоріями онъ ненавидитъ Достоевскаго за атмосферичность его порывистой и отчетливой фразы. Достоевскій для него не подлинно русскій писатель; русскій художникъ — Островскій. У него каждое слово во фразѣ, какъ рѣпа въ грядкѣ: вытянешь ее — и вся

тутъ и сладкая, и горькая, съ ботвой и корешками...

Разсказывала Марина все это очень хорошо. Мнѣ такъ и слышались знакомыя Алешины словечки и ударенія. Въ концѣ концовъ ея разсказъ меня очень успокоилъ: перерожденіе страданій въ теоріи — всегда признакъ душевнаго выздоровленія. Вѣдь жизнь была бы совершенно невыносима, если бы глубочайшія страданія нашей души не были бы одновременно и самыми интересными проблемами.

Тебя, по словамъ Марины, Алеша очень любитъ и ни въ чемъ не винитъ. Винитъ во всемъ только себя и никакъ не понимаетъ, какъ могъ не раскрыть Тебѣ глазъ на мою душевную холодность, праздность и «кичливую, гнилую нарядность, за которой, кромѣ смерти, никакой реальности нѣтъ». Это «кромѣ смерти» онъ повторилъ Маринѣ нѣсколько разъ. Означало ли это, что я несу смерть Твоему счастью и Твоей душѣ, или то, что я внутренне въ сущности давно уже мертвъ, я изъ Марининыхъ словъ не понялъ. Не поняла и она. Былъ же онъ вообще съ Мариной крайне оживленъ, остроуменъ, любезенъ и гнѣвныя тучи на его лицѣ не разъ прозрѣзала моя любимая, свѣтлая, дѣтская улыбка, совсѣмъ, совсѣмъ Танина.

О Тебѣ мы съ Мариной почти ничего не говорили — говорить о Тебѣ намъ что-то мѣшало. Все же я понялъ, что Марина Тобою очень интересовалась и что по разсказу Алеши у нея создалось о Тебѣ несовсѣмъ правильное представленіе. Очень

Тебя любя, Алеша никогда не чувствовалъ въ Тебѣ власти, разума и восторга высокаго полуденнаго солнца, всегда принималъ Тебя за лирическую, свѣтлую, свѣтелочную идиллію.

Очень интересенъ былъ мнѣ, Наташа, Маринінъ отвѣтъ на мой вопросъ, считаетъ ли она, что Алеша правъ въ своей характеристикѣ меня? Она отвѣтила, что во многомъ, что онъ говоритъ, есть своя истина, но что въ цѣломъ онъ все же глубоко неправъ: не понимаетъ, какая безысходная мука жить съ такою душою, какъ моя, не чувствуетъ, что во имя этихъ мукъ мнѣ многое простится. Я очень изумился этому отвѣту, но она его не пояснила; сказала только, что моя мука еще «вся впереди». При этихъ словахъ лицо ея снова стало такимъ, какимъ было въ Сельцахъ, а плечо какъ то сиротливо вздрогнуло у моей руки. Я попытался было связать эти загадочныя ея слова съ напряженностью нашей встрѣчи, но, явно что-то преодолѣвая въ себѣ, Марина энергично отклонила эту попытку: «не будемте объ этомъ говорить — т о й моей души все равно со мною сейчасъ нѣту».

«Какъ нѣту, развѣ не всѣ Ваши души всегда съ Вами?». Она въ большой задумчивости отрицательно покачала головой. Но черезъ минуту, когда мы большою аллей шли обратно къ собранію, какъ то странно — и грустно и задорно добавила: «вотъ, напримѣръ, въ Ваше Клементьево я взяла съ собой только двѣ души. Одною я сейчасъ шла рядомъ съ Вами: на эту мою душу Танинаго друга Вы можете всегда положиться, что бы между нами въ буду-

щемъ ни было; а вторая... а вторую Вы, кажется, замѣтили, не сразу узнавъ меня на скамейкѣ. Это... душа, которою я, въ сущности, никогда не жила, потому что мнѣ всегда такъ трудно жилось; сегодня, когда она издали услышала звуки оркестра, ей страшно захотѣлось танцовать. Иногда мнѣ кажется, что мнѣ не больше шестнадцати лѣтъ. Я началъ было что-то отвѣчать Маринѣ на эту ея странную рѣчь, но она меня не слушала; такты вальса уже кружились у нея въ душѣ, въ ея печальныхъ глазахъ уже снова чему-то своему смѣялись веселыя искры, и она все быстрѣе увлекала меня къ свѣтлымъ, поющимъ, гремящимъ окнамъ собранія...

Вальсировала Марина прекрасно, но шестнадцатилѣтней дѣвочки въ ней не было и слѣда. Въ моихъ рукахъ неподвижно лежала и стремительно куда-то неслась женщина съ губами, пылающими горечью, съ глазами, то набѣгавшими на меня темными волнами, то исчезавшими за горизонтомъ... подъ вѣками.

Мы танцовали уже долго, и голова начинала пріятно кружиться, придавая всѣмъ движеніямъ высшую легкость и увѣренность, когда въ дверяхъ на террасу я увидѣлъ Алешу. Багровое лицо его было черно, какъ туча, глаза горѣли зеленымъ, почти звѣринымъ огнемъ... Невольно замедляя темпъ, я наклонился къ Маринѣ сказать, что Алексѣй здѣсь и что лучше перестать танцовать, потому что онъ очень взволнованъ; но, уточняя свои «раз» дирижирующимъ колыханіемъ откинутыхъ

плечъ, Марина только стремительнѣе закружилась впередъ. Заканчивая туръ, мы снова приближались къ террасѣ, какъ вдругъ произошло нѣчто, для меня совершенно неожиданное. Не говоря ни слова, Марина выскользнула изъ моихъ рукъ и, быстро подбѣжавъ къ Алексѣю, обняла его, какъ для танца. Онъ смутился, растерялся и началъ было отказываться, какъ вдругъ раздался совершенно пьяный, безконечно милый и добродушный голосъ Головина: «ну и барыня, какъ старый гусаръ съ подставой танцуетъ!». Эта нелѣпая выходка очевидно разрядила въ Алешѣ какую-то напряженность: передо мной мелькнула его улыбка, а черезъ секунду онъ уже самъ мелькалъ съ Мариной въ отдаленномъ углу зала.

Какъ странно было на нихъ смотрѣть, Наташа. Среди голыхъ плечъ, золотыхъ погонъ, пылающихъ щекъ, щекочущихъ усовъ, млѣющихъ взоровъ, запаха пудры и щелканья шпоръ, среди всего веселаго, звонкаго, крутящагося міра расходящагося бала они оба, измученные и всему чужіе — Алексѣй въ смазныхъ сапогахъ, не успѣвшій даже отцѣпить своей солдатской шашки, и Марина, въ простомъ платьѣ — кружились и скользили предо мной такими окончательно непонятными выходцами изъ того безжалостно-подлиннаго, жестокаго міра, въ которомъ я видѣлъ ихъ послѣдній разъ вмѣстѣ у Танинаго гроба, что я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что самъ кружусь въ какомъ-то безуміи и ничего не понимаю, ни кто я, ни кто они, ни что вся наша, неизвѣстно вокругъ

чего кружащаяся и неизвѣстно куда несущаяся безумная, человѣческая жизнь!

Сколько времени они кружились, я не знаю, но казалось мнѣ — безъ конца. И все такіе же непонятные: Алеша — багровый, сосредоточенный и сумрачный, словно отравленный своею душой, Марина — блѣдная и отсутствующая, словно оставившая гдѣ-то свою душу.

Но вотъ оркестръ сталъ затихать; замеръ онъ какъ разъ въ ту минуту, когда Марина съ Алексѣемъ были совсѣмъ близко отъ меня. Переставъ танцовать, Марина, не выпуская Алешиной руки — у нея, очевидно, сильно кружилась голова — шатаясь, потянулась къ стоявшему рядомъ со мною стулу. Я поспѣшилъ ей подставить его и очутился лицомъ къ лицу съ Алексѣемъ.

Сердце мое страшно забилось и рука привычно поднялась къ его рукѣ. Если бы не Марина, Алеша, быть можетъ, не подалъ бы мнѣ своей — слишкомъ закинута была его голова и слишкомъ высоко вздернута лѣвая бровь надъ большимъ облачнымъ бѣлкомъ вокругъ колкаго зрачка, — но она съ такою скорбью посмотрѣла на него и такъ значительны были ея слова: «что Вы, Алеша, неужели же не всѣ мы одинаково виноваты и одинаково несчастны», что онъ, невольно подчиняясь ея волѣ, грустно улыбнулся и, ничего не сказавъ, крѣпко пожалъ мою руку.

Мы вышли на балконъ и пошли внизъ по аллеѣ къ рѣкѣ. До полнаго разсвѣта было еще далеко, но востокъ уже начиналъ свѣтлѣть и съ туманной рѣ-

ки дулъ свѣжій предразсвѣтный вѣтеръ. Мы всѣ слегка зябли. Марина шла между нами, ведя обоихъ насъ подъ руку. Говорили мы только объ давно прошедшемъ. Сегодня утромъ Таня была еще жива, Ты была еще Алешиной невѣстой, Марина мечтала о курсахъ въ Петербургѣ. Борисъ и я учились въ Гейдельбергѣ, однимъ словомъ, былъ счастливый 1904 годъ. Марина вспомнила о немъ съ задумчивой нѣжностью, Алеша съ восторгомъ. Марина говорила о Борисѣ и Танѣ, такъ, какъ будто и послѣ смерти они остались для нея живыми; Алеша — какъ будто бы они не умирали или онъ о ихъ смерти забылъ. Я же не говорилъ, я слушалъ и страшно волновался. Представь себѣ, послѣ всего, что здѣсь въ лагеряхъ было между мной и Алешой, вдругъ идти рядомъ съ нимъ, видѣть, какъ онъ улыбается, слышать его высокій голосъ и свѣтлый смѣхъ, развѣ это не чудо, родная? Конечно, въ душѣ я никогда не переставалъ вѣрить, что мы съ Алексѣемъ когда-нибудь снова попрежнему встрѣтимся, но что это случится такъ скоро — этого я не ждалъ.

Сейчасъ я вдвойнѣ счастливъ, Наташа: и воспоминаніемъ о нежданной встрѣчѣ съ Алешей, и предчувствіемъ того, какъ Ты будешь о ней читать и какъ будешь радоваться!

Немного грустно, конечно, и тревожно, что этотъ часъ былъ не только прежнимъ, но и исключительно часомъ о «прежнемъ», что не чувствовалось въ немъ возможности перекинуться къ настоящему и устоять передъ нимъ. Ты можешь себѣ

представить, дорогая, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы все было иначе. Но вѣры въ иную встрѣчу пока не слышу въ себѣ. Боюсь, что до настоящаго Алеши мнѣ уже завтра опять не докликаться. Это очень прискорбно, Наташа, но въ сущности естественно. Если-бы чудеса повторялись въ жизни, въ жизни не было бы чудесъ.

Часамъ къ пяти мы вернулись къ собранію. Мнѣ нужно было захватить свои вещи. Что тамъ творилось — не поддается никакому описанію.

Посреди зала, взволнованно перебирая ногами, стояла выигравшая первый призъ кобыла штабсъ-капитана Хакенстрема, которую нѣсколько человѣкъ старалось напоить шампанскимъ. Винченко, дирижируя оркестромъ, требовалъ, чтобы играли его душу, грозя, что «всѣхъ подъ ранецъ», если опять услышитъ вальсъ. А Головинъ водилъ на веревкѣ святыя мощи — длиннаго, малоголоваго подпоручика Петрова — и кропилъ по всѣмъ угламъ «святой водой вдовы Клико». Электричество призрачнымъ желто-зеленымъ свѣтомъ праздно горѣло въ утреннихъ сумеркахъ, вливавшихся въ открытыя окна вмѣстѣ съ пѣтушинымъ пѣньемъ.

За кулисами меня ждалъ Семенъ съ докладомъ, что Иванъ Трофимычъ уже давно подалъ лошадей. Была у меня полу-мысль, Наташа, проводить Марину на вокзалъ, но побоялся, что съ нами поѣдетъ Алеша. Возвращаться же съ нимъ вдвоемъ не рѣшился: не было увѣренности, что нетронутымъ привезу обратно такъ внезапно случившееся съ нами чудо.

Такъ и уѣхали они вдвоемъ. Посмотрѣлъ я имъ вслѣдъ, посмотрѣлъ и вслѣдъ ими поднятой пыли, послушалъ, какъ переѣхали они шагомъ черезъ мостъ и какъ за мостомъ снова зазвенѣлъ колокольчикъ; потомъ какъ-то невольно вернулся въ аллею, по которой мы только что ходили втроемъ. Медленно спустился къ рѣкѣ, прошелъ берегомъ до моста, тамъ сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ въ Сельцы.

Солнце уже взошло, но горизонтъ былъ весь затянутъ скучными тучами. Когда я подъѣзжалъ домой, уже начиналъ накрапывать мелкій, дѣловой дождь. Проводившая на станцію мужа и уже подоившая Катерина со старшимъ сыномъ сидѣла на крыльцѣ и чаевничала.

Мнѣ не хотѣлось ни спать, ни думать, и я подсѣлъ къ ихъ самовару. Удивительно, до чего независимъ въ своемъ самочувствіи русскій народъ! Вѣдь вотъ моя Катерина — баба, а послушала бы Ты, какъ она разговариваетъ; до чего свободно, достойно и естественно. Въ Германіи не всякой профессоршѣ въ пору.

Ну, счастье мое, до свиданья. Пора кончать письмо. Пока писалъ — все время поглядывалъ въ окно, не идетъ ли Алеша. Сейчасъ поздно, первый часъ ночи. Ясно, что больше ждать нечего. Можетъ быть заглянетъ завтра или пришлетъ хоть письмо.

Завтра, Наташа, окончательно рѣшается вопросъ объ участіи нашего дивизіона въ маневрахъ. Если не участвуемъ, то я послѣзавтра или самое позднее 16-го уѣзжаю отсюда въ Москву. Есть у

меня, впрочемъ, слабая надежда, что если бы наша часть и пошла въ Фили, насъ, прапорщиковъ, освободятъ и отпустятъ на всѣ четыре стороны. Въ концѣ концовъ вѣдь мы никому не нужны.

Еще разъ всею своею любовью нѣжно обнимаю Тебя, мою милую.

Твой Николай.

P. S. Маринѣ я написалъ записку къ Павлу Васильевичу, прося ей во всемъ помочь, что касается устройства въ Москвѣ. Думаю, впрочемъ, что она передумаетъ и скорѣе всего остановится на Петербургѣ. Не московская она женщина, совсѣмъ не московская. Во всемъ ея сегодняшнемъ настроенiи, такомъ для меня неожиданномъ, во всемъ ея сегодняшнемъ танцѣ, былъ приговоръ и былъ миражъ. Долженъ сказать, что во время танца съ нею, ея вальсъ ощущается гораздо болѣе совершеннымъ, чѣмъ когда смотришь на него со стороны.

Со стороны страстное Маринино чувство танца не достаточно чувствуется, но искаженiе его формы этою чрезмѣрною страстью сразу же видится.

Вотъ когда Ты танцуешь, дѣло обстоитъ много сложнѣе: никогда не знаешь, что прекраснѣе — танцовать ли съ Тобою, или смотрѣть, какъ Ты танцуешь съ другими. Ты очаровательными бѣлыми ножками танцуешь вальсъ, Марина зачарованной темной душой — свое страданiе. Твой вальсъ: прекрасное искусство — балетъ, Маринин: больная мистика — надрывъ.

Но я не могу больше писать, Наташа! Усталъ выписывать эти безсильныя буквы. Хочу Тебя и безконечной бесѣды съ Тобою.

Твой Николай.

Москва, 19-го августа 1911 г.

Слава Богу, все обошлось какъ нельзя лучше. Насъ отпустили уже 17-го къ обѣду, въ тотъ же день вечеромъ я выѣхалъ въ Москву. Вчера съ утра послалъ за билетомъ. Наплывъ публики страшный, но я получилъ цѣлыхъ два, чтобы быть одному въ купэ.

Хожу по Москвѣ и все время чувствую, какъ они горятъ у меня на сердцѣ. Еще нѣсколько мелкихъ дѣлъ, нѣсколько порученій отца, ночь въ Москвѣ, а затѣмъ: легкій запахъ окна, мягкія рессоры, услужливый проводникъ... И весь міръ этихъ привычныхъ ощущеній и еще навстрѣчу Тебѣ! Господи, какъ я счастливъ, Наташа!

Это письмо попадетъ въ Твои руки, вѣроятно, только на сутки раньше, чѣмъ Ты въ мои объятья! Потому пишу нѣсколько словъ. Писать Тебѣ превратилось въ абсолютную необходимость моей жизни. Не писавъ нѣсколько дней, рѣшительно не нахожу себѣ мѣста.

Вчера вечеромъ много бѣгалъ по Москвѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ты уѣхала, она страшно перемѣнилась: до края вся наполнилась Тобою.

Вашу квартиру, вѣроятно, сняли состоятель-

ные, безвкусные, степенные люди. Сужу по тому, что въ столовой и кабинетѣ работаютъ маляры, а въ дѣвичьей подъ граммофонъ заливается канарейка. Ничего особеннаго въ этомъ, конечно, нѣтъ, но для меня это почти непереносимо. Будь моя воля, никогда, никого не пустилъ бы больше въ Вашу квартиру! Ужасно я ревнивъ ко всему, съ чѣмъ связаны большіе часы моей жизни.

Проходя по Столешникову, все время чувствовалъ, какъ мы съ Тобою встрѣтились въ немъ въ тѣ страшные, мертвые дни, что наступили послѣ Твоего рѣшенія остаться съ Алешей. Знаю, что ты помнишь эту встрѣчу, но Ты не знаешь еще, моя жизнь, что она не была простою случайностью. Нѣтъ, не видавъ Тебя уже цѣлую недѣлю и окончательно измученный смертельною тоскою, я вышелъ на улицу съ твердою волею встрѣчи. Какія меня вели силы, я и сейчасъ не знаю, родная. Я и получаса не пробродилъ, какъ увидѣлъ Тебя съ Лидіей Сергѣевной, блѣдную до прозрачности, словно окаменѣвшую въ скорби и думѣ. Хотя шли Вы довольно быстро, Ты осталась у меня въ памяти совершенно неподвижною. Словно Тебя мимо меня пронесли.

Какое счастье, Наташа, что эти злосчастные дни прошли. Какъ страшно подумать, что все висѣло на волоскѣ! Не узнай я совершенно случайно, что Ты уѣхала въ Звенигородъ, — мы, быть можетъ, до сихъ поръ мучились бы въ безысходномъ тупикѣ Алешинаго страданія и Твоей жалости.

Да, я Тебѣ еще не сообщилъ, что, поѣхавъ

проводить Марину только на станцію, онъ укатилъ съ нею въ Москву, откуда и прислалъ на слѣдующій день рапортъ о болѣзни. Думаю, что рѣшилъ онъ такъ устроиться, чтобы избѣжать нашей вторичной встрѣчи. Что въ дѣйствительности онъ не былъ боленъ, это я знаю отъ Марины, которая оставила мнѣ записку, что во всѣхъ ея дѣлахъ ей помогалъ Алеша, такъ что любезностью Павла Васильевича ей воспользоваться не пришлось. Прошеніе въ университетъ она на всякій случай подала, но квартиры не сняла, потому что Москва ее «разочаровала».

Все случилось, такимъ образомъ, совершенно такъ, какъ я ждалъ. Наша встрѣча съ Алешей пока ни къ чему не привела и ничего не измѣнила. Очень мнѣ это больно, Наташа, очевидно, въ душѣ все же было больше надежды, чѣмъ въ сознаніи. Но что же дѣлать — будемъ снова ждать. Не можетъ же такая душа, какъ Алешина, не вернуться къ своей собственной истинѣ.

Какое счастье знать, что я пишу Тебѣ сегодня въ послѣдній разъ, что сегодня нашимъ письмамъ, Слава Богу, конецъ, что черезъ пять дней начнется настоящая жизнь.

Съ Кавказа я получилъ отъ Тебя всего только три письма. На многое очень важное Ты совсѣмъ не отвѣтила. У меня на сердцѣ такое чувство, будто я своими письмами затуманилъ Твое живое ощущеніе меня и Ты какъ то затонула въ себѣ.

Если я ошибаюсь — наше счастье. Наташа. Но если и не ошибаюсь — мнѣ не страшно, любовь

моя. Я знаю, какъ только Ты обнимешь меня, Твои руки сразу же поймутъ въ моей душѣ все то, что въ моихъ письмахъ, быть можетъ, смущало Твою тихую душу.

Твоимъ страстнымъ, все понимающимъ рукамъ повѣрятъ Твои довѣрчивые, дѣтскіе глаза, и всякое недоумѣніе, я въ это свято вѣрю, сразу же разсѣется въ Твоей душѣ, какъ запутанный предутренній сонъ.

Только бы быстрѣе вращалась земля вокругъ своей оси, только бы быстрѣй и быстрѣе неслись послѣдніе дни. Сердце мучительно бредитъ пылающимъ горизонтомъ твоей текинской тахты и стоящимъ въ немъ облакомъ свѣтлаго Твоего платья. О какъ жду я Твоихъ ликующихъ, лучащихся глазъ среди низкихъ кавказскихъ звѣздъ и душныхъ объятій Твоихъ волнующихся рукъ.

Твой Николай.

ЧАСТЬ III.

Калуга, 17 августа 1913 г.

Могу себѣ представить, радость моя, до чего Ты удивишься, когда завтра къ обѣду получишь это письмо. Но больше Тебя удивится, конечно, отецъ и ужъ навѣрное скажетъ «не понимаю я современныхъ мужей, — рюмки водки не успѣлъ выпить, а ужъ сѣлъ изливаться». Охъ, ужъ и будетъ онъ теперь Тебя изводить, Наташа. Очень онъ странный поклонникъ женской красоты: почему-то глубоко увѣренъ, что всѣ женщины въ сердцахъ хорошѣютъ. Чудакъ онъ, какихъ и въ Россіи немного. Хотя и совсѣмъ онъ другой человѣкъ, чѣмъ я, я его очень люблю и безконечно благодаренъ Тебѣ, что Ты рѣшила остаться дома пока онъ еще не совсѣмъ поправился и такъ много у него хлопотъ по хозяйству. Богъ дастъ, я черезъ мѣсяцъ вернусь; если же дѣло затянется, то Ты пріѣдешь въ Москву. Дольше мнѣ безъ Тебя не прожить.

Пока я живу въ одиночествѣ всего три часа, но уже испытываю величайшее затрудненіе: не мо-

гу никакъ рѣшить — хорошее или плохое предзнаменованіе, что гдѣ-то испортились пути, и нашъ поѣздъ обреченъ стоять въ Калугѣ, по крайней мѣрѣ, часа два, три, а можетъ быть и много больше. Какъ всегда, я и это непріятнѣйшее для всѣхъ пассажировъ обстоятельство склоненъ истолковывать въ самомъ пріятнѣйшемъ для меня смыслѣ.

Я очень твердо конечно знаю, что всѣ пути, удаляющіе меня отъ Тебя — пути, ведущіе къ гибели и крушенію. Что мы съ судьбою, въ этомъ отношеніи, только повторяемъ Твои мысли ясно и ни въ какой мѣрѣ и степени не удивительно, ибо въ Тебѣ — вся моя судьба внѣ мѣры и степени.

Все это какъ будто-бы и такъ, и все-же я чувствую, что мое истолкованіе желѣзнодорожной катастрофы какъ то слишкомъ примитивно и тяжеловѣсно. Твой подходъ къ случайностямъ и всякимъ инымъ событіямъ всегда сложнѣе и неожиданнѣе.

Если-бы Ты знала, какъ прекрасно Ты разсказываешь сказки, Наташа. Единственно, ради чего я, кажется, хотѣлъ бы имѣть сына — это ради того, чтобы послушать какъ бы Ты стала разсказывать ему про «Сестрицу Аленушку и братца Иванушку». Цѣлую Тебя мою радость, мою сказку, съ такою любовью разсказанную мнѣ старымъ волшебнымъ разсказчикомъ — Богомъ.

Скажи, Наташа, понимаешь-ли Ты, что значитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ отецъ встрѣтилъ насъ съ Тобою здѣсь, въ Калугѣ и мы поѣхали съ нимъ въ «Косатынь», прошло почти цѣлыхъ два года.

Каждый день, перелистывая у себя на столѣ календарь, я, конечно, все время отчетливо зналъ, какой истекаетъ годъ, мѣсяцъ день. Но знаніе знанію рознь. Пока человѣкъ своему знанію не удивляется, онъ ничего не знаетъ. Сегодня я страшно удивился, какъ быстро пролетѣло время. И стало мнѣ отъ этого и очень хорошо и все-же нѣсколько грустно. Ибо, что значитъ, что счастливые часовъ не наблюдаютъ, какъ не то, что, жадно читая книгу нашей жизни, смерть особенно быстро перелистываетъ самыя прекрасныя страницы ея. Прости, милая, что сразу же пишу Тебѣ такія скорбныя вещи. Но такъ ужъ самимъ Богомъ устроено, что красота скорбно поставлена въ жизни — я же сейчасъ весь въ мысляхъ о красотѣ нами прожитыхъ лѣтъ.

Какъ прекрасенъ былъ нашъ Кавказъ, Наташа, и какъ хорошо мы сдѣлали, что не остались на зиму въ Москвѣ, а проѣхали прямо въ Касатынь. Въ любви всегда оживаютъ воспоминанія ранняго дѣтства; разсказывать другъ другу о давно отшедшихъ дняхъ принадлежитъ вѣдь къ излюбленнѣйшимъ наслажденіямъ влюбленныхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Любовь стремится вдаль. Единственная же даль, не упирающаяся въ смерть, — это даль памяти. Господи, какъ я волновался, когда мы ѣхали со станціи домой, какъ не могъ дождаться того момента, когда войду, съ Тобою въ нашъ домъ, проведу по нашему саду, спущусь съ Тобою къ Угрѣ... Очень я все-же люблю нашу Касатынь, родная, люблю и Медынь, съ ея навозно-базарно-административною площадью, и Гончаровскій

паркъ въ «Полотняномъ заводѣ» съ бесѣдкою Пушкина, и вотъ этотъ залъ I и II-го класса, въ которомъ мы, кажется, надолго застряли. Въ немъ все такое знакомое и родное. Родной вотъ и этотъ круглый, тяжелыми, высокоспинными стульями съ рѣзными инициіалами С. В. Ж. Д. массивно обставленный столъ, за которымъ я сейчасъ пишу Тебѣ. За этимъ самымъ столомъ я маленькимъ мальчикомъ не разъ сиживалъ съ мамой въ ожиданіи Сызранскаго нашего поѣзда. Ѣздили мы съ ней одно время въ Калугу довольно часто. Мы жили широкою, гостепріимною жизнью и все необходимое для нея привозилось обыкновенно изъ Калуги. Сопровождалъ насъ всегда старый поваръ Авдѣй Ивановичъ, который въ сущности все и закупалъ, и которому мама меня обыкновенно «подкидывала». Сама-же она торопливо выбирала хорошаго извозчика и, расцѣловавъ меня, немедленно уѣзжала куда-то. Все-же обѣдать Авдѣй Ивановичъ всегда привозилъ меня къ ней въ гостиницу «Колоннъ». Послѣ обѣда мы уже не разставались до самаго поѣзда, бродя по городу и дѣлая послѣднія закупки.

Брата мама брала съ собою очень рѣдко, хотя онъ и былъ всего только на годъ моложе меня; я росъ «единственнымъ сыномъ». Если-бы мама была жива, Тебѣ было бы очень трудно съ нею. Страстная она была женщина и, думаю, очень ревнивая.

Странно, Наташа, — о чемъ, о чемъ мы съ Тобою только не говорили, а вотъ о мамѣ Ты зна-

ешь еще не все. Сейчасъ, напримѣръ, мнѣ вспоминается поѣздка въ Калугу, очень по моему для мамы существенная, о которой я Тебѣ не разсказывалъ, да о которой и самъ какъ-то давно не вспоминалъ...

Уже съ самаго утра у насъ въ домѣ было таинственно и тревожно. Отецъ отправлялся на охоту, наполняя и комнаты и конюшню и дворъ шумомъ, весельемъ и разносами.

Пообѣдавъ въ одиночествѣ, онъ высокими сапожищами громко простукалъ мимо нашей дѣтской по корридору и уѣхалъ на разгонной своей тройкѣ со своимъ любимымъ кучеромъ Никифоромъ, прозваннымъ за кроткій нравъ и степенную ѣзду «Господи помилуй». Мамѣ онъ не подавалъ никогда.

Обѣдали мы одни, такъ какъ мама къ столу не вышла, и страшно удивлялись громаднымъ порціямъ, которыя бралъ себѣ нашъ гувернеръ Ничке (кто ему мѣшалъ съѣдать такія-же при мамѣ и отцѣ, я до сихъ поръ никакъ не пойму). Послѣ обѣда Ничке засадилъ насъ раскрашивать картинки и требовалъ, чтобы мы ходили на цыпочкахъ, такъ какъ «die Mutter ist unwohl». Но это «unwohl» оказалось преувеличеннымъ. Фіолетя, какъ сейчасъ помню, какого-то пѣтуха, я вдругъ вздрогнулъ услышавъ прекрасный маминъ голосъ въ далекой гостиной. Бросивъ все, я выскочилъ въ корридоръ и, прошмыгнувъ въ гостиную, незамѣтно юркнулъ подъ рояль.

Сидѣть подъ роялемъ было для меня въ то

время совершенно неописуемымъ удовольствіемъ. Мнѣ казалось, что маминъ голосъ звучитъ подъ роялемъ какъ то особенно таинственно, что подъ роялемъ какъ то слышнѣе струнный звукъ инструмента, словно играютъ не только на роялѣ, но и на арфахъ. Особенно же нравились мнѣ маленькія мамины туфельки, то нажимающія то отпускающія педаль; помню, что я бывало по долгу не сводилъ съ нихъ глазъ. Какъ это ни странно, но эти часы подъ роялемъ были моими первыми вдохновенными часами.

Въ тотъ тревожный день, о которомъ пишу Тебѣ, мама пѣла особенно хорошо: чисто, скорбно и страстно. Я слушалъ ее съ бьющимся сердцемъ. Когда-же она неожиданно оборвала любимый мой романсъ на высоко взлетѣвшей нотѣ, я не выдержалъ и весь въ слезахъ прильнулъ къ ея затихшей на педали туфлѣ. Мама страшно испугалась (больше всего на свѣтѣ боялась мышей). Выскочивъ изъ подъ рояля, я уже приготовился къ строгому выговору, но, увидавъ меня, она все сразу-же поняла Гнѣвная складка на ея лицѣ мгновенно расправилась, она привлекла меня къ себѣ и, цѣлуя въ голову, тихо сказала: «ты всегда можешь слушать, когда я пою, только другой разъ входи такъ, чтобы я видѣла, а то я какъ нибудь испугаюсь во время пѣнія и такъ и останусь съ раскрытымъ на всю жизнь ртомъ». При этихъ словахъ, милые, сѣрые слегка слишкомъ круглые глаза ея засвѣтились нѣжною лаской; разсмѣявшись явно только для меня, она взяла съ пюпитра скомканный платочекъ,

чтобы вытереть имъ мои щеки, но свѣчи задула и пѣть, какъ я ни просилъ, уже больше не стала.

За сильно запоздавшимъ ужиномъ она ничего не ѣла, была разсѣянна и очень молчалива. Сказала только Ничке, что я завтра къ девятичасовому поѣду съ ней на станцію, и чтобы меня потеплѣе одѣли. Я очень обрадовался этому извѣстію, но проявить своей радости на этотъ разъ, не знаю почему, не посмѣлъ. Когда послѣ ужина мы съ братомъ подошли къ ней проститься, она поцѣловала меня крѣпче обыкновеннаго, но перекрестить насъ позабыла и до дѣтской, какъ дѣлала это каждый вечеръ, не довела.

Ночью мнѣ снилось ея пѣніе, а можетъ быть не снилось, а слышалось сквозь сонъ. Раньше двѣнадцати мама никогда не ложилась и пѣла охотнѣе всего по вечерамъ. Помню тревогу и грусть этой ночи.

На слѣдующее утро я уже сидѣлъ въ коляскѣ, а Авдѣй Ивановичъ на козлахъ, когда она вышла изъ парадныхъ стеклянныхъ дверей своею легкой походкой довольно полной женщины въ сѣромъ шелковомъ пыльникѣ поверхъ англійскаго костюма, въ сѣрыхъ перчаткахъ и въ маленькой шляпѣ съ моей любимой рябиной. Была она въ этомъ дорожномъ костюмѣ, запомнившемся мнѣ на всю жизнь, очень изящна, очень красива, и отъ нея нѣжно и таинственно пахло фіалкой.

Закутавъ намъ ноги плэдомъ и застегнувъ фартукъ, миловидная мамина горничная Лиза (мама всю жизнь не переносила вокругъ себя некраси-

выхъ людей) сказала «готово», съ козелъ раздалось «пускай», два конюха отпустили перебиравшихъ ногами пристяжныхъ, любимый маминъ кучеръ Яковъ, громадный красавецъ мужикъ съ холеною черною бородой, чуть нагнувшись впередъ, какъ-то особенно повелъ локтями, и мы съ мѣста же «бросились догонять дорогу», какъ шалую мамину ѣзду, съ которою вѣчно тщетно боролся отецъ со своимъ «Господи помилуй», остроумно называла вся наша дворня.

Такой летъ полагался у Якова до самаго Маслова. Только взлетѣвъ на масловскую гору, сдерживалъ онъ лошадей и уже до самой станціи ѣхалъ ровною, спорою рысью. Для меня такія поѣздки были величайшими праздниками. Все свое дѣтство я велъ упорнѣйшую и небезуспѣшную борьбу съ няньками, гувернантками и самимъ Ничке за право въ свободное отъ занятій время пропадать на своемъ любимомъ конномъ дворѣ..

Сейчасъ вокругъ меня оживленная людская толпа, шмурыганье сотни подошвъ и несмолкаемый гулъ; пахнетъ борщемъ, фритюромъ, табакомъ и пыльными чехлами, но я всего этого не чувствую. У меня и въ сердцѣ и въ глазахъ и въ ноздряхъ совсѣмъ другое...

Мы ѣдемъ тѣмъ же шишкинскимъ лѣсомъ, которымъ сегодня Ты провожала меня. Пахнетъ терпкой влажной осеннею прѣлью, острымъ лошадинымъ потомъ, взмыленнымъ ремнемъ, лакомъ пролетки и фіалкой. Въ бьющемся моемъ сердцѣ поютъ подобранные бубенцы, а въ усталомъ мозгу

утомительно пляшетъ, задѣвая кусты орѣшника, лакированный валекъ лѣвой пристяжной. Я сижу рядомъ съ мамой. Просунувъ свою руку подъ ея локоть, я крѣпко прижимаюсь къ нему щекой. Чувствую ея родное тепло, я изрѣдка робко подымаю свои глаза къ ея лицу. Ея брови сдвинуты, глаза чуть прищурены. Она очень блѣдна, смотритъ вдаль, мнѣ ее страшно жалко. Хочется что-то сказать, о чемъ-то спросить, но я не знаю что и о чемъ. Слова любви приходятъ много позднѣе ея самой, Наташа. То-же, что я тогда испытывалъ, было конечно первою моею любовью, и эта первая влюбленность въ таинственный образъ моей матери, быть можетъ, глубочайшій корень всѣхъ послѣдующихъ чувствъ.

Въ поѣздѣ мама всѣ два часа съ какою-то нарочитой тщательностью разсказывала Авдѣю Ивановичу, гдѣ и что ему надо будетъ купить: какой колбасы у Барута, какихъ консервовъ у Свѣшникова и т. д., и т. д. Сидя на откидномъ столикѣ у окна и смотря какъ бѣгутъ за стекломъ, чередуясь другъ съ другомъ, вбѣгающія къ горизонту дали и сбѣгающіе къ полотну лѣса, я испытывалъ безконечную, безотчетную грусть. Когда-же среди множества хозяйственныхъ наставленій услышалъ распоряженіе чѣмъ кормить меня за обѣдомъ, изъ чего сразу-же заключилъ, что мама будетъ обѣдать одна, я не выдержалъ и разрыдался.

Не понимая, что случилось, мама кинулась ко мнѣ, взяла въ свои руки мою голову, подняла ее и, все прочтя въ моихъ глазахъ, принялась съ та-

кою нѣжностью утѣшать меня, прося прощенія своими прекрасными сѣрыми глазами, что мои слезы потекли еще горячѣй, еще обильнѣй уже не только отъ жалости къ себѣ, но и отъ жалости къ ней.

Напрягая всю свою волю, я все-же никакъ не могъ перестать плакать, и все упорнѣе спрашивалъ маму, зачѣмъ же она взяла меня съ собою, разъ мы весь день не увидимся. На этотъ вопросъ у нея не было и не могло быть никакого понятнаго для меня отвѣта.

Безпомощно стоя передо мной, она дрожащею рукою вытирала мнѣ щеки душистымъ своимъ платкомъ и, смотря на меня глазами полными слезъ, какъ то очень странно, словно творя про себя молитву или заклинаніе, неустанно шептала какія-то тогда мнѣ мало понятныя, но отчетливо запомнившіяся слова: — «такъ нужно, Коленька, когда выростешь, все поймешь... Вину свою мнѣ все время нужно передъ собой видѣть. Будешь ты меня сегодня ждать, вотъ я и вернусь, вернусь непремѣнно! Ты не плачь, ты вѣрь, а то я сама въ себя вѣру потеряю»!

Говорила-ли мама со мной точно такими словами, я не знаю, Наташа, но пишу ихъ сейчасъ такъ, какъ будто мнѣ ихъ кто-то диктуетъ. Ихъ смыслъ, ихъ боль, ихъ надежда и ихъ отчаяніе — все это во всякомъ случаѣ точно до наимельчайшей черты.

Сейчасъ мнѣ вѣдь снова не больше девяти лѣтъ, и я чувствую, что совсѣмъ, совсѣмъ-бы не удивился, если-бы вдругъ распахнулись двери и я

увидѣлъ бы маму, возвращенія которой изъ города двадцать съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ я ждалъ съ такимъ послѣднимъ отчаяніемъ.

Вѣдь память гораздо больше, чѣмъ только память, Наташа. Настоящая память — реальное перевоплощеніе, величайшее чудо жизни, нерушимый залогъ и единственное доказательство безсмертія нашей души.

Въ ту поѣздку мы съ Авдѣемъ Ивановичемъ долго ждали «нашу барыню». Сказавъ, что вернется къ семичасовому, она вернулась только къ ночному курьерскому. Выпившій за обѣдомъ лишнюю рюмку и очень уставшій отъ города, Авдѣичъ прилегъ прикурнуть на диванѣ, а мнѣ велѣлъ сторожить короба съ закуской, чтобы «Боже упаси, чего не пропало».

Этотъ вечеръ, Наташа, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ вечеровъ всей моей жизни. Залъ I и II класса теменъ и пустъ. Горятъ всего только двѣ прикрученныя стѣнныя лампы, да при свѣчѣ за буфетомъ, бросая на стѣну огромную тѣнь, сидитъ за счетомъ и книгами какая то странная, нахохлившаяся фигура въ очкахъ. На диванѣ рядомъ со мной со стономъ, словно больной, храпитъ Авдѣй Ивановичъ. Какъ только онъ, переворачиваясь съ боку на бокъ, слегка затихаетъ, сейчасъ-же изъ тишины возникаетъ тревожное тиканье круглыхъ стѣнныхъ часовъ. Каждые полчаса они бьютъ зловѣще и неумолимо: девять ударовъ, ударъ, десять ударовъ, ударъ... Фигура кончаетъ считать; громко звенитъ тяжелой связкой ключей

и, призрачно прожестикулировавъ громадной рукой по потолку, задуваетъ свѣчку, темнѣетъ и пропадаетъ въ дальнемъ углу буфета.

Мнѣ жутко, затылокъ горитъ и сердце сжимаетъ отчаянный страхъ: — а что если и совсѣмъ не пріѣдетъ?

До курьерскаго остается всего только полчаса. Выходитъ какой-то человѣкъ и отпускаетъ лампы въ буфетѣ и на длинныхъ столахъ. Въ маленькія дверцы за буфетомъ два поваренка на полотенцахъ вносятъ громадный, мѣдный въ клубящемся парѣ самоваръ... Я рѣшительно задыхаюсь отъ волненія и уже не отрываю глазъ отъ часовъ. Недолитые стаканы чернаго кофе и стопочка плюшекъ уже разнесены по столамъ. Давно проснувшійся Авдѣй Ивановичъ нанявъ носильщика выноситъ наши короба на платформу, а мамы все нѣтъ и нѣтъ!

Вдругъ откуда-то издали на бьющееся мое сердце отчаянно налетаетъ заунывный, точно о чемъ-то предупреждающій свистъ. Секунда — и мелькая красными пятнами по занавѣшаннымъ окнамъ въ вокзалъ съ грохотомъ врывается курьерскій... Первый звонокъ!!!

За окномъ, спуская паръ тяжелыми толчками, могуче дышетъ уставшій паровозъ, и отъ его дыханія на моемъ столѣ нѣжно позваниваютъ хрустальные подвѣски конделябра (я сейчасъ слегка дотронулся до нихъ, Наташа. Они не обманули: съ абсолютною точностью воспроизвели памятный сердцу звукъ).

Авдѣй Ивановичъ вернулся, уговариваетъ сѣсть въ вагонъ: «можетъ мамаша прямо на платформу пройдутъ — оно на людяхъ можно проглядѣть. А въ вагонѣ непремѣнно встрѣтимся — потому перваго класса всего два вагона и всѣ вагоны гармоніей», но я отказываюсь наотрѣзъ. Умираю отъ волненія и двинуться отъ того стола, у котораго сговорились встрѣтиться, никуда не могу.

Но вотъ наконецъ, наконецъ-то, за секунду до второго звонка, появляется мама. Взволнованно оглядываясь по сторонамъ, она почти бѣжитъ ко мнѣ между двумя столами. Я со всѣхъ ногъ бросаюсь къ ней навстрѣчу. Она приподнимаетъ меня. Мы крѣпко обнимаемъ другъ друга. Въ ея волосахъ и вуали такъ свѣжъ ночной осенній воздухъ, на горячихъ щекахъ соленый вкусъ слезъ! Нѣсколько секундъ длится вѣчность совершенно непередаваемаго счастья!

Но вотъ надъ самымъ моимъ ухомъ внезапно раздается чужой, самоувѣренный и недовольный голосъ: «ну довольно, Маруся, довольно; надо торопиться въ вагонъ. Кончится тѣмъ, что Вы въ концѣ концовъ опоздаете!». Я подымаю голову и вижу, что за маминой спиной стоитъ высокій, гладко бритый, слегка сѣдѣющій мужчина, ловко одѣтый въ синюю поддевку, туго перетянутую узкимъ ремнемъ. У него наглые, темные, словно наступающіе глаза и громадныя бѣлыя красивыя руки, въ которыхъ онъ держитъ свѣжія офицерскія перчатки и желтый шикарный стэкъ. Не говоря худого

слова отвратительный этотъ господинъ фамильярно беретъ маму подъ-руку, сгребаетъ своею лѣвою ручищей мой судорожно сжатый кулакъ и съ озабоченнымъ видомъ друга-покровителя спѣшно выводитъ насъ на платформу. Ненавидя его всею душой, я изъ послѣднихъ силъ пытаюсь освободить свою руку; но мои усилія этому грубому великану совершенно не замѣтны. Онъ что-то очень оживленно по-французски говоритъ смущенной, грустной и непонятно послушной мамѣ, подводитъ насъ къ нашему вагону, помогаетъ мамѣ войти на площадку и, схвативъ меня подъ локти, безчувственно, словно пакетъ, подаетъ ей меня. Влетѣвъ затѣмъ въ наше купэ, онъ кладетъ на столикъ громадный букетъ красныхъ розъ, который кто-то подаетъ ему въ окно, обдаетъ маму наступающимъ взглядомъ наглыхъ глазищъ, цѣлуетъ обѣ ея руки, не замѣчая меня треплетъ по щекѣ съ непонятными мнѣ словами: «очень радъ былъ съ вами познакомиться, счастливый соперникъ», на довольно быстромъ уже ходу выскакиваетъ на платформу и оттуда снова привѣтствуетъ насъ головой и высоко поднятой надъ нею правой рукой, сжимающей стэкъ и перчатки. Ну прямо итальянскій теноръ, кончающій, отступая вглубь сцены, любимую публикой арію. Ненависть, внушенная имъ до сихъ поръ, каждый разъ оживаетъ въ душѣ, ко гда вспоминаю о немъ...

Въ купэ синій полумракъ. Я лежу на диванѣ головой къ окну. Сильно пахнетъ розами. Мама сидитъ рядомъ со мною и ласково уговариваетъ

постараться заснуть, чтобы ночью не клевать носомъ въ пролеткѣ.

Но о снѣ не можетъ быть и рѣчи: заснуть, оставить маму вдвоемъ съ нимъ — ни за что! Я ее такъ безконечно люблю, она такая красавица. Ея милая, своенравно закинутая назадъ голова устало прислонена къ спинкѣ дивана, изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ льется свѣтъ и губы пріоткрыты: — какъ почти всегда она что-то про себя напѣваетъ. Отъ ея руки знакомо пахнетъ фіалкой, кожей перчатки и пудрой. Я съ робкою нѣжностью цѣлую эту дорогую, родную мнѣ руку и весь горю нетерпѣливымъ желаніемъ спросить, кто былъ этотъ непріятный господинъ на вокзалѣ. Но вопросъ не сходитъ съ губъ: мѣшаетъ и гордость и ревность и дисциплинированность благовоспитаннаго ребенка. Но послѣ нѣкоторой борьбы я все же превозмогаю всѣ эти чувства и спрашиваю: «мама?» «Что Коля?» «Кто этотъ господинъ, съ которымъ Ты пріѣхала?» Ничего не было-бы естественнѣе, какъ отдѣлаться пустымъ отвѣтомъ взрослаго человѣка ребенку. Но пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, мама очевидно поняла, что мой вопросъ не былъ празднымъ любопытствомъ. Помолчавъ минуту, она отвѣтила мнѣ просто и серьезно, какъ взрослому другу: «это человѣкъ, котораго я очень люблю, Коленька».

Я какъ сейчасъ помню странно-спокойный, обреченный тонъ этихъ словъ, мучительно-больно всколыхнувшихъ всѣ мои мысли и чувства и на-

полнившихъ душу тысячью страшныхъ и невыносимыхъ сомнѣній.

Девятилѣтній ребенокъ гораздо болѣе сложное и, главное, зрѣлое существо, чѣмъ думаетъ большинство безпамятныхъ взрослыхъ. Я прекрасно помню, какъ послѣ внезапнаго маминаго признанія у меня сразу-же вспыхнулъ вопросъ: «а какъ же я?» Но этотъ вопросъ я тутъ-же стыдливо поборолъ въ себѣ и самъ почти удивился, когда послѣ долгихъ минутъ труднаго молчанія неожиданно смѣло спросилъ: — «а какъ же папа?».

Мнѣ думается, Наташа, что въ этомъ странномъ моемъ разговорѣ съ мамой, о которомъ мы съ ней одинъ только разъ вспоминали уже не задолго до ея смерти, всѣ вопрошанія мои доходили до ея слуха какъ ея же собственныя, вслухъ произносимыя сомнѣнія. Ужъ очень растеряны, искренни и непосредственны были ея не материнскіе мнѣ отвѣты, произносимые ею въ какой-то странной разсѣянности, точно въ разговорѣ съ самою собой.

«А какъ-же папа? Какъ же папа?» Съ этими моими словами на устахъ мама высвободила свою руку изъ моей, медленно встала, подошла къ окну и энергично вздернула желтую шторку. Сложивъ за спиной руки и слегка приподнявъ голову, она невидящими, широко раскрытыми глазами долго смотрѣла въ темноту. Потомъ снова опустилась рядомъ со мной на диванъ, низко нагнулась ко мнѣ и, ласково отбросивъ назадъ мои такіе-же непокорные какъ и у нея самой волосы, стала легкими

поцѣлуями быстро покрывать мой лобъ и глаза, приговаривая страннымъ, беззвучнымъ, какимъ-то вдыхающимъ шопотомъ все одни и тѣ-же слова: «какъ съ папой... — не знаю, мой милый, совсѣмъ, совсѣмъ не знаю... не знаю...». Я крѣпко обнимаю мамину шею и, спрятавъ лицо въ ея плечѣ, зажмуривъ для храбрости глаза, собравъ всѣ свои силы съ послѣднимъ напряженіемъ спрашиваю о самомъ для меня важномъ: «а какъ-же я? — Неужели Ты любишь его больше меня?» — «Если-бы любила больше, сегодня-бы не вернулась къ Тебѣ»... Мама нѣжно смѣется и, пытаясь развести мои руки, хочетъ взглянуть мнѣ въ глаза. Но мои руки сцѣплены крѣпко, лицо горитъ отъ стыда и волненія, и я чувствую — пока не кончу допроса — умру, но не покажу ей своего лица.

«А Ты больше не поѣдешь? Ты навсегда вернулась къ намъ съ папой?» — «Не знаю, Коленька» — «А вѣдь онъ такой непріятный, гадкій! Почему Ты его любишь?».

На этотъ вопросъ я такъ и не получилъ отвѣта, Наташа. Растерянно улыбнувшись мнѣ заплаканными глазами, мама обѣщала отвѣтить, когда выросту.

Но вотъ я выросъ, Наташа, скоро начну старѣть, а маминаго отвѣта такъ и не знаю и не узнаю уже никогда. Увѣренъ, что она до послѣдней минуты страстно искала его, и не нашла. Есть люди, которымъ выпадаетъ на долю всю жизнь изживать какія-то имъ самимъ чуждыя судьбы. Мама при-

надлежала къ нимъ. Оттого, быть можетъ, она и угасла такъ рано и такъ одиноко въ Лугано.

Очень хотѣлъ бы я, какъ нибудь поговорить объ этомъ съ отцомъ. Уже сколько разъ пытался я спросить его о мамѣ и Алексѣѣ Григорьевичѣ, но все боюсь подступиться. Что онъ маму изступленно любилъ, въ этомъ у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Скорѣе руку на медленномъ огнѣ сжегъ-бы, чѣмъ посмотрѣлъ на какую нибудь другую женщину. И сейчасъ, если онъ что либо любитъ кромѣ Касатыни, охоты и Моцарта, такъ только память о ней. Оттого и изъялъ изъ своего обихода все, что могло бы ее напомнить. Разъ навсегда «повернулъ выключатель», какъ онъ говоритъ. Я не знаю, Наташа, замѣтила-ли Ты, что этотъ свой выключатель онъ почему-то всегда поворачиваетъ правой рукой у лѣваго виска, странно наклоняя при этомъ набокъ свою упрямую, угловатую голову.

Пока подагра и бронхитъ у него не пройдутъ, Ты вѣрно будешь подолгу сидѣть у него въ кабинетѣ. Можетъ быть, Тебѣ откроетъ онъ свое сердце... Иной разъ мнѣ думается, что за послѣднее время онъ молчитъ уже больше изъ за настойчивости и по инерціи, самъ тяготясь своимъ одиночествомъ. Въ концѣ концовъ онъ хотя странный и противорѣчивый, но гдѣ-то все-таки и очень элементарный человѣкъ. Хранить-же на душѣ тайну для элементарнаго, дѣйственнаго человѣка, не искушеннаго въ тонкостяхъ разлагающаго самосозерцанія, должно быть дѣломъ очень нелегкимъ.

Ну, Наташа, надо кончать. Что-то все засуетилось кругомъ! Вѣроятно пути исправлены, и мы скоро, ѣдемъ. Простояли мы цѣлыхъ четыре часа. Кромѣ меня всѣ все время ворчали и нервничали; сейчасъ дѣлаютъ видъ, что имъ очень важно, что мы наконецъ двигаемся. А все вѣдь пустая выдумка. Хотѣлось бы знать, у кого изъ моихъ спутниковъ такъ существенна жизнь, чтобы какихъ нибудь четыре часа могли-бы дѣйствительно сыграть какую нибудь замѣтную роль.

Что касается меня, я очень благодаренъ судьбѣ за порчу желѣзнодорожныхъ путей. Часы, проведенные за этимъ письмомъ Тебѣ, навсегда останутся большими часами моей жизни.

Входя въ вокзалъ, я никакъ не думалъ, что покидать его мнѣ придется съ болью и благодарностью въ душѣ. Не въ первый разъ проѣзжалъ я вполнѣ уже взрослымъ человѣкомъ губернскій городъ Калугу, но раньше онъ мнѣ мало какъ-то говорилъ. Очевидно, не во всякій часъ жизни становится ясенъ душѣ таинственный смыслъ каждаго изжитаго часа.

Ну родная, второй звонокъ. Надо идти въ купэ, а ужасно не хочется. Со мною ѣдетъ страшно болтливый высоколиберальный генералъ, начинающій каждую фразу со словъ: «а вѣдь вотъ въ Европѣ». Обнимаю Тебя и цѣлую. Спѣшу страшно.

Твой Николай.

Москва, 19-го августа 1913 г.

Пишу Тебѣ, милая, какъ обѣщалъ — звено въ звено, чтобы все Твоему сердцу видно и слышно было.

Разстройство путей дало обильную пищу гражданскому негодованію и либеральной мечтательности ѣхавшаго со мной генерала. Но, какъ извѣстно, нѣтъ худа безъ добра: разозливъ меня и крѣпко надоѣвъ, онъ въ концѣ концовъ нагналъ на меня сонъ. Вставъ почти съ разсвѣтомъ, я устроился у проводника. Онъ поставилъ самоваръ и заварилъ кофе; доставъ сборникъ «Сирина» я сталъ читать Бѣлаго. Но читалъ недолго, бросилъ. Во многомъ Твое первое впечатлѣніе вѣрно. «Петербургъ» — вещь сильная, быть можетъ геніальная. Но читать его у свѣтлаго утренняго окна въ ощущеніи жизни и правды бѣгущихъ мимо тебя пахотъ, деревень, лѣсовъ и церквей — нельзя. Все это Бѣлаго просто напросто гаситъ. Его надо читать въ Петербургѣ, ночью, гдѣ-нибудь на четвертомъ этажѣ, въ полупустой комнатѣ, въ двойномъ свѣтѣ оплывающей свѣчи и занимающагося за окномъ туманнаго Петербургскаго утра.

Впрочемъ, Ты вѣдь знаешь, я вообще не люблю читать въ вагонѣ. Пока есть на что смотрѣть, мнѣ трудно листать однообразныя книжныя страницы. А гдѣ-же и когда бываетъ такъ, чтобы глазамъ не на что было смотрѣть?

Странное это, конечно, соображеніе для человѣка, ѣдущаго сдавать магистерскій экзаменъ, но

вѣдь и вся моя философія — защита жизни противъ построеній и живыхъ глазъ противъ точекъ зрѣнія. Только на зрѣніи, на созерцаніи возможно дѣйствительное вызрѣваніе души. Знаешь, мнѣ кажется, что та глава, въ которой я доказываю, что сущность подлинной философіи не столько въ постиженіи, сколько въ порожденіи бытія, что философъ не столько познающій, сколько предметъ познанія — написана достаточно убѣдительно.

Посмотримъ, что скажетъ факультетъ. Въ русской академической философіи господствуютъ другія вѣянія.

Впрочемъ эти разсужденія уже психологическій «кросингъ» эпическому повѣствованію, а потому возвращаюсь обратно.

Къ Москвѣ мы нагнали опозданіе, такъ что прибыли почти своевременно, около десяти утра.

Подъѣзжалъ я, какъ это ни странно, съ большимъ волненіемъ. Какъ ни какъ, вѣдь цѣлыхъ два года не былъ въ Москвѣ.

Есть въ лѣтней Москвѣ какой-то совсѣмъ особенный звукъ, какая-то трудно уловимая складка. Въ ней виднѣй мастеровой и торговый человѣкъ, параднѣе въ цвѣтной рубашкѣ дворникъ. На Ильинкѣ, Варваркѣ и Китай-городѣ собственныя пролетки все больше безъ верховъ, а кучера налегкѣ — въ картузахъ и поддевкахъ, а то и просто въ длинныхъ пиджакахъ. Всюду дѣловые люди, дѣловой стиль, все торопится. На Кузнецкомъ почти совсѣмъ нѣтъ нарядной московской барыни, на Никитской обтрепаннаго студента...

На Тверской, на Басманной, на Мясницкой — козлы и бѣлые смоленскіе мужики въ онучахъ и лаптяхъ; пахнетъ горячимъ асфальтомъ, стелется дымъ...

По окраинамъ, не разъѣзжающимся на дачу, — мелодичные распѣвы ярославскихъ и володимірскихъ продавцовъ «арбузовъ» и «вишеньи» и невнятное бормотаніе «князей». Въ подворотняхъ, по дворамъ — шарманки и дребезжащіе дисканты; мной разъ шмелиный гудъ слѣпыхъ...

Утромъ, на припекѣ у Пушкина какъ ящерицы на солнцѣ — грѣются какіе-то неопредѣлимаго происхожденія старушки и старички, пахнущіе прѣлой соломой изъ подъ антоновскихъ яблокъ; жуютъ свои безкровныя губы и задумчиво выводятъ на пескѣ большими парусиновыми зонтиками никому непонятные іероглифы изжитыхъ своихъ жизней...

Вечеромъ-же въ пріарбатскихъ переулкахъ раскрывается надъ хилой зеленью городскихъ палисадниковъ незанавѣшенное окно влюбленной консерваторки; льется въ лѣтнюю ночь бравурная розсыпь рапсодіи Листа, и замираетъ ничего не разрѣшающій, недоумѣнный вопросъ Шопеновскаго ноктюрна.

Стоишь бывало, пріѣхавши по маминымъ порученіямъ изъ Лунева и слушаешь, слушаешь, и такъ не хочется идти одному ночевать въ пустую, затянутую кисеей и пахнущую нафталиномъ квартиру, и такъ ждешь чего-то и такъ уносишься куда-то крылатымъ, восторженнымъ сердцемъ...

А навстрѣчу твоему гимназическому сердцу изъ за Доргомилова одинъ за другимъ несутся такіе же тревожно заунывные взрывы налетающихъ на Москву поѣздовъ.. Словно на что-то свое скорбно жалуются сирые въ ночи просторы, просясь пригрѣться у мерцающаго вдали костра, у всеобъемлющаго сердца освѣщеннаго города!..

Все это вспоминалось, отогрѣвалось и оживало въ душѣ, пока старенькій извозчикъ хитроумно, изъ переулка въ переулокъ, везъ меня съ Курскаго вокзала къ Вамъ на Тверскую.

У стеклянной двери магазина меня фамиліарно встрѣтилъ Вашъ Михайла, все еще не добившійся у Константина Васильевича права смѣнить свою синюю поддевку на «европейское платье» и очень отъ этого страдающій въ глубинѣ своей смердяковской души.

На верхней лѣстницѣ, еще не устланной по случаю «лѣтняго сезона» ковромъ, на порогѣ передней стоялъ, счевидно уже давно ожидая меня, самъ Константинъ Васильевичъ. Вбѣгая къ нему, я страннымъ образомъ видѣлъ себя сбѣгающимъ мнѣ навстрѣчу послѣ объясненія съ Алешей. Когда мы обнялись, я услышалъ какъ у Михайла хлопнула дверь и увидѣлъ себя быстро идущимъ внизъ по Тверской...

Взявъ подъ руку, Константинъ Васильевичъ повелъ меня прямо въ столовую. За время, что я его не видалъ, онъ по моему опредѣленно помолодѣлъ и похорошѣлъ. Очевидно дѣла его идутъ прекрасно, а только-что купленное имѣньице достав-

ляетъ громадную радость. Онъ весь свѣтится счастьемъ, добротой и благожелательствомъ.

Какъ всегда чистенькій, аккуратный и старомодный, въ традиціонно-сѣромъ костюмѣ, точно только что вышедшемъ изъ подъ портновскаго утюга, и большихъ круглыхъ манжетахъ, онъ маленькой своею ручкой крайне тщательно наливалъ мнѣ чай съ «деревенскими сливками» и, передавая черезъ широкій столъ не до краевъ наполненный стаканъ (чтобы не пролить), очень ласково взглядывалъ на меня Твоими карими глазами изъ подъ такихъ же какъ у Тебя, тщательно начертанныхъ въ формѣ accent circonflexe темныхъ бровей.

Въ продолженіе нашего длительнаго чая къ нему нѣсколько разъ приходили служащіе изъ мастерскихъ и магазина съ самыми разнообразными вопросами. Онъ разъяснялъ все крайне обстоятельно, назидательно, по отечески, очень гордясь, что почти всѣ мастера свои выученики изъ мальчиковъ, и явно обличая во всей своей хозяйской повадкѣ старинную доброкачественность своего духовнаго происхожденія.

Говорить съ нимъ, кромѣ какъ о «Корчагинѣ», сейчасъ ни о чемъ нельзя. И онъ и Лидія Сергѣевна только и живутъ ощущеніемъ, что осуществилась мечта всей ихъ жизни — куплено имѣніе: есть гдѣ умереть и что оставить дѣтямъ.

Когда я сказалъ, что никакъ не могу сразу же поѣхать въ деревню, что мнѣ прежде всего необходимо связаться съ университетомъ, Румянцевскимъ музеемъ, переговорить кое съ кѣмъ, а мо-

жетъ быть, если въ Москвѣ не все устроится, то и проѣхать въ Петербургъ, онъ опечалился какъ ребенокъ. Пришлось уступить и сговориться, что въ субботу я вмѣстѣ съ нимъ, хотя бы только на одно воскресенье, поѣду въ деревню.

Прiѣхалъ я въ среду. Завтра уже пятница. За одинъ день мнѣ конечно ничего не успѣть, но иначе нельзя было сдѣлать. Константинъ Васильевичъ страшно-бы на меня обидѣлся.

Ну до свиданья, родная. Надѣюсь у Васъ все благополучно. Сейчасъ уже 12 часовъ ночи. Отецъ, конечно, давно спитъ, Ты же сидишь въ моемъ кабинетѣ и если не пишешь мнѣ, то вѣрно читаешь или шьешь что нибудь и думаешь обо мнѣ. Мнѣ кажется, родная, что самымъ существеннымъ результатомъ моей поѣздки будетъ убѣжденiе, что наша любовь очень измѣнила меня. Уже сейчасъ, при мысли о Тебѣ, я чувствую какую-то не свою въ себѣ тишину. Христосъ съ Тобою, мое счастье. Цѣлую Тебя.

Твой Николай.

Корчагино, 22-го августа 1913 г.

Прiѣхалъ я, Наталенька, къ Твоимъ родителямъ на одинъ день, но вотъ живу уже третiй. Мою задержку Константинъ Васильевичъ поставилъ на очень серьезную ногу: невозможно гонять лошадей на станцiю и въ понедѣльникъ и въ среду. Если нельзя мнѣ остаться до среды, надо ему ѣхать въ

понедѣльникъ. А увезти его изъ Корчагина на два дня раньше было бы ужасною жестокостью. Ты не можешь себѣ представить, до чего онъ здѣсь счастливъ и трогательно милъ.

Выѣхали мы съ нимъ въ субботу рано, около четырехъ. Въ черномъ драповомъ пальто, большой плюшевой шляпѣ и при своей палкѣ, съ ручкою изъ слоновой кости, купленной имъ по случаю еще до женитьбы, о чемъ онъ не преминулъ разсказать мнѣ вѣроятно уже разъ въ двадцатый, онъ выглядѣлъ очень празднично и торжественно. Сѣвъ на сквернаго извозчика (лишній четвертакъ лучше на деревню истратить), мы прибыли на вокзалъ за добрые полчаса и сѣли въ совершенно пустой поѣздъ. Одноколейная Савеловская дорога, по которой я ѣхалъ впервые, учрежденіе очень подходящее ко всему вашему обиходу. Не желѣзная дорога, а какая-то почтовая карета. Пассажиры всѣ другъ другу знакомы. Константинъ Васильевичъ со всѣми кланялся и многимъ представляетъ меня: «мой зять — помѣщикъ Калужской губерніи». Приэтомъ слово помѣщикъ звучитъ у него вродѣ какъ графъ или князь. Веземъ мы съ собою невѣроятное количество коробовъ, пакетовъ — чуть ли не всего Филиппова и Бѣлова, что Константину Васильевичу очевидно доставляетъ большое удовольствіе. Показывая палкой на провисающія и противъ насъ и надъ нами сѣтки, онъ какъ то ласково, конфузливо и мечтательно объясняетъ: «вѣдь вотъ, кажется много, а съѣдимъ въ одинъ день; съ самой весны, какъ купили Корчагино, у насъ домъ по-

лонъ народу. И такъ, знаете-ли, всѣ себя хорошо чувствуютъ и такъ всѣмъ нравится»... Очень онъ страдаетъ, что Ты осталась въ Касатыни, и страшно ждетъ Твоего пріѣзда.

Выйдя изъ поѣзда, мы сѣли въ низкую, удобную, но довольно потрепанную пролетку, запряженную парой совершенно разбитыхъ лошадей, и медленно поѣхали по довольно унылому шоссе. На козлахъ въ новомъ халатѣ и такой же новой шапкѣ криво сидѣлъ хмурый, болѣзненный мужикъ, ни на минуту не перестававшій ворча и поругиваясь нахлестывать своихъ «рѣзвыхъ» коней. Всего этого Константинъ Васильевичъ совершенно не замѣчалъ. Онъ восторгался теплымъ вечеромъ, мечталъ, какъ въ воскресенье съ утра будетъ стричь акацію, и находилъ, что лошади самыя замѣчательныя: «хотя и любятъ кнутъ, зато удивительно спокойныя и знаютъ дорогу». На мое-же соображеніе, что если онъ не заставитъ Кузьму ѣздить внимательнѣе, то пролеткѣ долго не прослужить, онъ совершенно для меня неожиданно и окончательно вразрѣзъ со всей своей нелюбовью ко всему, что дѣлается «съ полрукъ», преблагодушно заявилъ, что нельзя же съ человѣка требовать внимательной ѣзды, когда «онъ больше тридцати лѣтъ на лошадиный хвостъ смотритъ». Точка зрѣнія поистинѣ замѣчательная. Если бы пріобрѣтеніе земли дѣйствовало на всѣхъ людей такъ, какъ подѣйствовало на Твоего отца, всякое христіанское государство должно бы каждаго гражданина принудительно награждать землей.

Отецъ Твой всегда былъ милымъ человѣкомъ, Наташа, но сейчасъ онъ сталъ прямо таки святымъ. Я пробылъ въ Корчагинѣ только 3 дня, но и за это короткое время убѣдился, что крестьяне его такъ же крѣпко любятъ, какъ злостно надуваютъ. Думаю, что званіе помѣщика станетъ ему въ немалую копеечку.

Отъ станціи до Корчагина верстъ двадцать. Вторая половина дороги много пріятнѣе первой. Вольно сбѣжавъ съ крутого холма мимо темносиняго озера, она сначала весело вьется полями; послѣднія-же 4-5 верстъ сумрачно тянется глухимъ еловымъ лѣсомъ, по выходѣ изъ котораго скатывается въ сырую туманную котловину, ныряетъ въ оврагъ, наконецъ, ласковыми лугами медленно взбирается въ гору къ березовой аллеѣ Корчагина.

Само же Корчагино — простой, небольшой домъ съ мезониномъ, старый яблочный садъ корней на сто, опрятныя службы, баня въ сирени, у терассы старый, сейчасъ очень красивый, красножелтый кленъ и величайшая гордость Константина Васильевича («изъ Межевого пріѣзжали снимать») — на полукруглой зеленой лужайкѣ передъ домомъ двѣ необычайно высокія и правильныя хвойныя пирамиды, состоящія изъ цѣлаго гнѣзда разновозрастныхъ елей.

Подъѣхали мы къ Корчагинскому балкону часовъ въ 8. На столѣ еще кипѣлъ самоваръ и всюду: за столомъ, на ступенькахъ, на перилахъ сидѣло много народу. Лидія Сергѣевна нарядная, пополнѣвшая, съ гладко причесанной и какъ всегда

немножко на бокъ наклоненной головой, радостно встрепенулась намъ навстрѣчу и, заключивъ меня перваго въ свои объятія, принялась цѣловать, взволнованно заглядывая мнѣ въ глаза. Она была очень тронута и еле сдерживала слезы. Много она вѣроятно за послѣдніе два года перестрадала и переволновалась изъ за насъ съ Тобою, родная.

Бракъ по любви, а черезъ годъ внезапный разрывъ съ мужемъ, открытое незаконное «сосуществованіе», и все вглухую, явочнымъ порядкомъ, безъ родительскаго совѣта и благословенія — какъ никакъ, для такихъ старомодныхъ, благообразныхъ людей, какъ Твои родители, это очень много. Не знаю, какъ только они все это вынесли! Что все сложится такъ хорошо, какъ оно сложилось, они, какъ мнѣ призналась сама Лидія Сергѣевна, никакъ не ожидали.

Извѣстіе, что мы повѣнчались въ Касатыни, пришло оказывается въ Москву въ тотъ же день, въ который рѣшался вопросъ о покупкѣ Корчагина. Родители Твои сильно колебались. Вѣдь искали домъ съ паркомъ, а тутъ вдругъ цѣлое имѣніе въ 100 десятинъ. Всѣ знакомые отговаривали: — трудно, хлопотно, далеко отъ Москвы. Молодежь Ваша тоже была противъ. Всѣ Ваши — соціалисты, а тутъ землю въ собственность пріобрѣтать... Родителямъ же Корчагино страшно понравилось. Растерялись они окончательно, и вотъ тутъ то вдругъ и пришла наша телеграмма. Такъ и рѣшили: «купить подъ счастливую руку». По моему Лидія Серсѣевна даже что-то писала намъ объ этомъ, но я

во всякомъ случаѣ тогда по настоящему не понялъ всего, что здѣсь происходило. Понялъ я все это только въ объятіяхъ Лидіи Сергѣевны, цѣловавшей меня и за то, что я причинилъ ея материнскому сердцу боль, и за то, что исцѣлилъ его отъ боли, и отъ раскаянья, что считала меня подлецомъ, и отъ радости, что въ концѣ концовъ я оказался все же порядочнымъ человѣкомъ, и отъ воспоминанія, какъ наша телеграмма рѣшила покупку Корчагина; главнымъ же образомъ она восторженно и нѣжно цѣловала меня за то, что я пріѣхалъ отъ Тебя и привезъ ей частичку Тебя и обѣщаніе, что Ты тоже пріѣдешь, и ощущеніе Твоего счастья и реальную возможность обнять Тебя во мнѣ.

Очень хорошо, душевно и глубоко встрѣтились мы съ Твоею матерью, Наташа. Любитъ она Тебя очевидно безконечно, и притомъ такою односмысленно ясной, материнской любовью. Ни тѣни ревности, ни даже простого соревнованія не почувствовалъ я въ ея отношеніи къ себѣ.

Моя мать была другой породы. Лидія Сергѣевна была бы ей во многомъ не только малопонятна, но и мало пріятна. Такихъ матерей она, бывало, не безъ презрѣнія называла «родительницами». Причемъ слово это звучало въ ея устахъ почти такъ же, какъ въ устахъ иныхъ порядочныхъ женщинъ «любовница»; какъ-то голо и физіологично. «Помните», говорила она намъ съ братомъ, когда бывала нами недовольна, «что я вамъ мать, а не только родительница, и знайте, что если вы не выйдете настоящими людьми, я отвернусь отъ васъ и за-

буду, что сама родила васъ». Сложная она была женщина, вся во всемъ перепутанная, но очень крупная и страстная. Знаешь, Наташа, съ тѣхъ поръ какъ заново увидѣлъ ее на вокзалѣ, она ни на шагъ не отходитъ отъ меня.

Но возвращаюсь къ Корчагину. Первый вечеръ прошелъ очень для меня интересно. Человѣкъ двѣнадцать собравшейся молодежи чувствовало себя очевидно какъ нельзя лучше. Всѣ были оживлены, веселы, красивы и явно связаны другъ съ другомъ и таинственными нитями перекрестной влюбленности, и общей атмосферой заговорщическаго покровительства всякому нарождающемуся чувству.

Въ темнотѣ теплаго вечера струны молодыхъ голосовъ на террасѣ звучали какъ-то особенно звонко и рокочуще; стройныя дѣвичьи фигуры на секунду появлявшіяся на свѣтломъ порогѣ столовой дышали какою-то особенной, встревоженной и ощущающей себя силой и граціей. Въ доносившихся изъ живой темноты сада отдѣльныхъ возгласахъ и вдругъ запѣваемыхъ фразахъ трепетно струилась древняя, хмѣльная тайна прекрасной первой влюбленности.

Константинъ Васильевичъ по старой привычкѣ сразу же послѣ ужина прошелъ къ себѣ въ спальню, а Лидія Сергѣевна устроилась съ томомъ Толстого за самоваромъ, заботливо пріоткрывъ дверь въ гостиную, чтобы услышать, если на другомъ концѣ дома заплачетъ внучка. Она чувствуетъ себя сейчасъ очень спокойно и счастливо: — вокругъ нея благополучно и закономѣрно совер-

шается жизнь. Если бы еще и Ты сидѣла съ нею, а въ дѣтской, рядомъ съ Фединой дочкой, спалъ-бы Твой сынъ, котораго она очень ждетъ, то все было бы въ окончательномъ и абсолютномъ порядкѣ.

Со своей belle fille онѣ живутъ очень складно, совмѣстно отстаивая противъ мужчинъ и молодежи какой-то свой, специфически женскій фронтъ. Лидія Сергѣевна очень довольна серьезнымъ вліяніемъ своего первенца на Лелечку и очень поражена, что изъ «экстравагантной» дѣвушки вышла такая образцовая жена и мать. Мнѣ же врядъ-ли нужно Тебѣ говорить, что я вижу все совершенно иначе. Вспоминая, какъ восторженно и изступленно Федя любилъ Елену Павловну, и какая она была хороводная, буйная веселая дѣвушка, норовистая, лукавая, съ низкимъ церковнымъ голосомъ и раскосымъ разрѣзомъ зеленыхъ глазъ, мнѣ какъ-то грустно смотрѣть на «образцовую мать» и на Федю за шахматами.

Я не хочу сказать, что они охладѣли другъ къ другу. Нѣтъ, другъ друга они, вѣроятно, любятъ больше, чѣмъ когда бы то ни было раньше, но любви къ любви въ ихъ любви уже больше не чувствуется!

Да, родная, сколько я ни смотрю кругомъ себя, я всегда вижу одно и то же. Любовь переноситъ все: — жестокость, охлажденіе, ревность, разлуку, измѣну, но одного она не переноситъ почти никогда — ребенка. И это такъ ясно всякому сердцу, воистину бьющемуся о тайнѣ любви.

Вѣдь любовь требованіе «вознесенія», а ребе-

нокъ ниспаденіе любви на землю. Любовь — чаяніе раскрѣпощенія души отъ тѣсныхъ объятій плоти, ребенокъ — ея воплощеніе. Патетика любви трагична и апокалиптична; въ ней ожиданіе того, что времени больше не будетъ. Ребенокъ же — идиллія, прогрессъ, утвержденіе любви на вѣчно убѣгающемъ горизонтѣ жизни.

Въ томъ, Наташа моя, величайшая загадка души человѣческой, что любовь живетъ только внутреннимъ тяготѣніемъ къ смерти, и сейчасъ же умираетъ, какъ только въ ней возникаетъ тоска по завѣщанію себя жизни. Въ метафизическомъ планѣ ребенокъ всегда свидѣтельство о творческомъ безсиліи любви. Всемогущіе боги и безсмертные художники творятъ; только смертные рождаютъ себѣ подобныхъ смертныхъ!

Ты вѣдь знаешь, я отнюдь не защитникъ современныхъ бездѣтныхъ браковъ. Борьба противъ безсилія и позора дѣторожденія правомѣрна исключительно на путяхъ духовнаго напряженія любви. На иныхъ путяхъ она только развратъ и кощунство.

Я знаю, съ того момента, какъ Ты скажешь мнѣ, что у насъ будетъ ребенокъ, я почувствую новую привязанность къ Тебѣ и горячую нѣжность къ милому, грядущему на насъ съ Тобою незнакомцу, но одновременно, родная, я со скорбью, которой почти-что боюсь въ себѣ, сразу же пойму и то, что наша любовь уже обезкрылѣла, что если и не нашимъ сердцамъ, то все-же сердцу нашей любви пора облачаться въ трауръ.

На землѣ есть много грустныхъ словъ и звуковъ, Наташа, но для меня нѣтъ ничего грустнѣе нетерпѣливаго дѣтскаго лепета: «мама, ма... ма». Въ особенности если мама молода, красива, печальна, и разсѣянные ея взоры по дѣвичьи задумчиво прикованы къ какимъ-то вдаль уплывающимъ парусамъ.

Въ глазахъ Елены Павловны всѣ паруса уже давно причалили къ берегу, но зато на всѣхъ парусахъ несутся навстрѣчу невѣдомымъ далямъ лучистые глаза очень похорошѣвшей Маруси. Когда два года тому назадъ она стояла вмѣстѣ со всѣми на платформѣ Курскаго вокзала, она была еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Съ тѣхъ поръ она очень перемѣнилась. Уже въ первый вечеръ я почувствовалъ, что она душа всей Корчагинской молодежи. Въ нее влюблено нѣсколько человѣкъ. Она во всѣхъ и ни въ кого. На первый взглядъ она кажется почти слишкомъ спокойнымъ существомъ, но на самомъ дѣлѣ въ ней все трепещетъ и поетъ, какъ трель неподвижно повисающаго въ высокомъ небѣ жаворонка.

Лидія Сергѣевна находитъ, что въ ней очень увеличилось сходство съ Тобою, я этого не нахожу; единственно, что напоминаетъ Тебя, это ея, прохладой и чистотой гордаго дѣвичьяго стыда, прелестно застекленная женская страстность. Я очень люблю это своеобразное сочетаніе и глубоко увѣренъ, что никто такъ не свидѣтельствуетъ о полной эротической бездарности нашего времени, какъ распространенное нынѣ убѣжденіе, что

стыдъ скорѣе сопутствуетъ безстрастію, чѣмъ страстямъ. Это конечно не вѣрно. Настоящая страсть глубоко стыдлива. На мое ощущеніе чувство стыда одна изъ интереснѣйшихъ метафизическихъ проблемъ, Наташа. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, оно быть можетъ самое человѣческое. Только человѣку, принадлежащему двумъ мірамъ, вѣдомо то предѣльно обостряющееся въ любви раздвоеніе между духомъ и тѣломъ, которое и составляетъ сущность стыда. Отъ боли этого раздвоенія человѣка избавляетъ только страсть. Страсть тотъ космическій пожаръ души, въ которомъ въ образѣ любимаго тѣла перегораетъ во прахъ бренный тяготѣющій землѣ міръ. Всякая страсть — реальная дематеріализація міра, и въ этомъ смыслѣ, верховная форма познанія. Міръ, не освѣщенный любовью — темное царство обреченныхъ могилѣ вещей; міръ въ свѣтѣ любви — нетлѣнное царство идей и свободы. Людямъ, лишеннымъ стыда, всего этого конечно никогда не понять...

Но возвращаюсь къ Марусѣ. Сначала она меня нѣсколько дичилась, но потомъ мы съ нею подружились. Лучистые глаза ея, если къ нимъ присмотрѣться, не по лѣтамъ задумчивы и печальны. Въ нихъ ясно чувствуется одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ, на которые жизнь никогда не даетъ отвѣта. Зато свѣжія, румяныя щеки, капризно надутыя губы и любопытные кончики перекинутыхъ на грудь тяжелыхъ, пепельныхъ косъ безконечно ребячливы. Мнѣ кажется, что въ этомъ сочетаніи

еще не превратившагося въ дѣвушку ребенка и преждевременно созрѣвшей въ женщину дѣвушки таится ея совсѣмъ особенное обаяніе. Сочетаніе это въ Марусѣ не внѣшне — въ немъ чувствуется діапазонъ ея души. Выросла она мало, но нѣсколько пополнѣла. Въ ея движеніяхъ много лѣни, но ходитъ она очень быстро. Ея маленькія, рѣзвыя и очень кокетливо обутыя ноги цѣлый день какъ-то до неуважительности быстро носятъ по дому и саду нѣгу ея плечъ и грусть выразительныхъ глазъ. Надѣюсь, дорогая, что заказанный мнѣ Тобою портретъ Тебя удовлетворитъ. Старался исполнить его въ стилѣ Твоихъ любимыхъ «миніатюръ».

Жаль, что Ты не переписываешься съ Марусей. Мнѣ кажется, она много думала о насъ съ Тобою. У нея на душѣ ясно чувствуется не осиленный ею и очевидно причинившій ей много страданій разладъ между хорошими, большими симпатіями къ Алешѣ, который у Васъ изрѣдка бываетъ и которому, мнѣ кажется, она очень нравится, и страстнымъ гимназическимъ увлеченіемъ Твоимъ «настоящимъ романомъ».

Меня она встрѣтила съ явно двоящимся ощущеніемъ: и съ чувствомъ острой заинтересованности мною и съ чувствомъ настороженной непріязни ко мнѣ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы, не умаляя высокаго авторитета нашего «поэтическаго романа», уничтожить непріязнь къ себѣ, не уничтожая симпатій къ Алешѣ.

Объ Алешѣ я къ сожалѣнію ничего существеннаго написать не могу. Съ Федей они внутренне

какъ то разошлись. Все-же кажется мнѣ, что его памятныя мнѣ слова, что ему безъ Тебя не прожить, слава Богу утратили всякій шансъ на осуществленіе. Изъ разсказовъ о немъ я понялъ, что начавшійся еще въ Клементьевѣ въ Алешѣ процессъ внутренняго возврата къ своимъ «біологическимъ» истокамъ все еще продолжается. Проигравъ въ Тебѣ ставку на свѣтлое будущее, онъ все упорнѣе пятится назадъ въ прадѣдовскіе амбары, обставляя какъ всегда этотъ инстинктивный процессъ всевозможными изощренными теоріями, доказательствами и проповѣдью. Отъ соціалистическихъ своихъ идей онъ внутренне, кажется, окончательно отрекся и никакой партійной работы больше не несетъ. Въ послѣдній разъ онъ даже говорилъ Федѣ, что ему пріятнѣе защищать уголовныхъ, чѣмъ политическихъ, потому что уголовные грѣшатъ съ голоду, а политическіе съ «жиру». «Домострой», которымъ онъ тщательно занимался въ истекшую зиму, по новѣйшему его мнѣнію, книга изумительной мудрости. Одинъ же изъ самыхъ глубокихъ образовъ русской литературы — непонятая всей либеральной критикой Кабаниха въ «Грозѣ», «мудрая игуменья быта», великая защитница таинства брака противъ иллюзіи и навожденія своекорыстнаго эротическаго либертинизма Катерины и т. д., и т. д.

Конечно, такой поворотъ совсѣмъ не неожиданность. Какъ всякій раненый звѣрь ползетъ умирать въ свою нору, такъ и человѣкъ въ тяжелыя минуты жизни инстинктивно стремится въ свою ду-

ховную берлогу. Темная же берлога духа — кровь, т. е., родъ, происхожденіе, завѣты предковъ, память дѣтства. У Алеши этотъ поворотъ выразился даже и внѣшне: онъ переѣхалъ къ своей матери, подлинной Кабанихѣ и внѣшне и внутренне, и, говорятъ, живетъ съ нею очень тихо и хорошо. А помнишь раньше — что ни день, то взрывъ! Очень очевидно трудно, даже и самому выдержанному человѣку не бить того камня, о который спотыкнулся. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ маленькія дѣти. Вотъ Алеша и бьетъ и клянетъ все, что ополчилось на его жизнь, и защищаетъ съ пѣною у рта то, что, какъ ему кажется, могло-бы его спасти: таинство брака и твердость Домостроя.

Конечно, все это онъ дѣлаетъ съ несвойственною другимъ людямъ запальчивостью и остротой; онъ вѣдь всегда былъ человѣкомъ съ лупой въ глазахъ и во всѣхъ своихъ міросозерцательныхъ проповѣдяхъ постоянно злоупотреблялъ какимъ-то интеллектуальнымъ фальцетомъ, какимъ-то навинчиваньемъ праздной выдумки на вѣрныя мысли. Сейчасъ эта черта въ немъ очевидно очень усилилась. Федя говоритъ, что онъ вообще больше попросту не разговариваетъ: или взвивается на собесѣдника проповѣдью, или обрушивается на него гнѣвомъ. Подъ всею этою стилистическою ложью есть, конечно, въ Алешѣ своя правда: — та исконная боль жизни, которую Ты хорошо знаешь въ немъ.

Хотя по всему, что я почувствовалъ и уловилъ и въ Марусиныхъ и въ Фединыхъ словахъ,

къ тому нѣтъ никакихъ основанiй, я все же крѣпко и упорно надѣюсь на то, что мы съ нимъ какънибудь все же встрѣтимся и снова существенно почувствуемъ другъ друга.

Ну, Наталенька, очевидно пора кончать это посланiе. Уже два раза стучали, надо идти пить чай и отправляться на станцiю. Константинъ Васильевичъ какъ всегда боится опоздать и потому высчитываетъ всѣ возможныя невозможности, которыя могутъ случиться въ пути, отъ ломки оси до провала моста включительно. Спѣшить же онъ, какъ Ты знаешь, не любитъ: ему хочется на свободѣ попить чайку, пройтись въ послѣднiй разъ паркомъ, обстоятельно со всѣми проститься, медленно одѣться, потихоньку ѣхать и по возможности минутъ за 30 прiѣхать на станцiю.

Хотя времени еще очень много, надо уважить старика и идти внизъ (живу я тутъ въ небольшой, низкой свѣтелкѣ).

Прожилъ я въ домѣ Твоихъ родителей прекрасно, Наташа: душевно, уютно и даже интересно. И въ жестахъ Лидiи Сергѣевны и въ бровяхъ Константина Васильевича и въ смѣхѣ Маруси и въ Фединой игрѣ на роялѣ и еще въ очень многомъ другомъ передо мною все время мелькала Ты, и потому всѣ чувствовались милыми, близкими, родными. И все же я уѣзжаю отъ Васъ не въ жизнерадостномъ настроенiи. Счастливо старѣющiе бабушка съ дѣдушкой, влюбленная молодежь и младенецъ въ колыбели, во всей этой благообразной полнотѣ неукоснительно свершающейся жизни мнѣ

всегда чувствуется какая-то безысходная грусть, какое-то тихое помѣшательство.

Облака, уплывающія куда-то надъ вершинами лѣса, выплывающая изъ подъ моста гладь рѣки, силуэтъ уходящаго въ море парохода, красный фонарь на послѣднемъ вагонѣ поѣзда — все это образы, съ ранняго дѣтства исполненные для меня безконечною тоскою. Чувства дали, удаленія не переноситъ моя душа — хотя этимъ чувствомъ въ концѣ концовъ только и живетъ. Все удаляющееся меня всегда повергаетъ въ глухое уныніе, все же наступающее веселитъ, и бодритъ душу. Вѣроятно, это ощущаютъ очень многіе люди. Извѣстно, какъ веселитъ душу приближающаяся гроза; извѣстно, что смерть въ бою совсѣмъ иное, чѣмъ смерть въ постели. И думается, главнымъ образомъ потому, что въ бою человѣкъ чувствуетъ, что на него надвигается смерть, а въ постели, что отъ него уходитъ жизнь. Также и всѣ хоронившіе близкихъ по опыту знаютъ, что самое страшное это возвращеніе въ домъ послѣ похоронъ. До похоронъ ощущеніе вошедшаго въ жизнь покойника сильнѣе ощущенія ушедшаго изъ жизни умершаго. Не то послѣ похоронъ. Послѣ похоронъ сердце наполняется страшною пустотою, чувствомъ, что теперь уже окончательно никого и ничего нѣтъ, что вслѣдъ за умершимъ ушелъ и покойникъ, вслѣдъ за жизнью ушла и смерть.

Прости, родная, что такими печальными размышленіями кончаю это письмо. Надѣюсь въ бли-

жайшіе дни получить отъ тебя извѣстіе. Очень хочется знать какъ у Васъ въ Касатыни идетъ безъ меня жизнь. Сердечный привѣтъ отцу. На дняхъ напишу обо всемъ, что ему можетъ быть интересно.

Крѣпко цѣлую Тебя, мою милую.

Твой Николай.

Москва, 26-го августа.

Вчера, Наталенька, получилъ Твое письмо. Цѣлую Твои милыя руки, такъ прилежно, четко, старательно исписавшія цѣлыхъ три листа. За всю нашу жизнь это первое настоящее письмо, полученное мною отъ Тебя. Не записочка, не обѣщаніе писать, не просьба простить, что долго не пишешь, а обстоятельный разсказъ о Твоей жизни безъ меня. Уже два года свѣтъ Твоей души изо дня въ день льется мнѣ въ душу, но отъ этого Ты становишься для меня съ каждымъ днемъ только непостижимѣе. Я всегда считалъ Тебя величайшимъ произведеніемъ искусства, но послѣ Твоего письма убѣдился, что Ты кромѣ того и большой художникъ. Твое письмо — какъ Твоя любовь, въ немъ нѣтъ начала и нѣтъ конца; запутанное какъ сама жизнь, оно одинаково любовно останавливается — какъ надъ большими событіями жизни, ткъ и надъ ея пустяками. Для Тебя все одинаково свято — какъ пыльная стопа жизни, такъ и ея умное лицо.

Строй нашей фразы — величайшій обличитель нашей души. Легко жить чужими мыслями, говорить чужими словами, украшать свою рѣчь чужими образами, но перемѣнить строй и ритмъ своей рѣчи почти такъ же мало возможно, какъ однимъ усиліемъ воли измѣнить свой собственный пульсъ. Я думаю синтаксисъ ничто иное, какъ умъ и духъ нашей крови. Читая Твое письмо, я такъ напряженно, счастливо и благодарно чувствовалъ въ каждомъ его оборотѣ и въ каждой его запятой Твою любовь ко мнѣ.

Ахъ, Наташа, Наташа, если бы Ты знала, какъ я совсѣмъ не могу жить безъ Тебя, какъ совсѣмъ, совсѣмъ не могу ходить безъ Тебя по улицамъ, сидѣть дома, смотрѣть на людей и разговаривать съ ними. Безъ Тебя я не то что одинъ, безъ Тебя меня вовсе нѣтъ. Что наши отношенія къ жизни во многомъ очень различны, какъ Ты и сама пишешь, намъ съ Тобою, конечно, не страшно. Страшно было-бы скорѣе обратное. Если бы наши точки зрѣнія, и главное точки зрѣнія на любовь когда нибудь окончательно слились — всѣ явленія нашей внутренней жизни потеряли бы всякій рельефъ, а наша любовь — свою тему. Но этого намъ съ Тобою бояться не приходится: если бы мы когда нибудь и дожили до полнаго сліянія нашихъ міросозерцаній, мы все-же остались бы при двухъ разныхъ взглядахъ на міръ, ибо къ міросозерцанію каждаго изъ насъ принадлежалъ-бы и тотъ путь, которымъ каждый шелъ навстрѣчу другому А путь, которымъ мысль приходитъ къ своей цѣли, навсе-

гда остается въ ней ея музыкой, т. е., ея послѣднею истиной.

Спасибо Тебѣ, родная, за музыку Твоего письма. Читая его, я съ нѣжною благодарностью вспоминалъ, какъ однажды жаркимъ полднемъ лежалъ на склонѣ той горы, къ которой былъ прилѣпленъ нашъ первый домъ (забылъ сейчасъ ея названье), радостно чувствуя, какъ сквозь мои нагрѣтыя вѣки въ меня вливается и всего меня заполняетъ красный солнечный звонъ. Въ этихъ минутахъ было такое Твое чувство безпамятнаго, бездумнаго, недвижнаго блаженства, что мнѣ было трудно разстаться съ нимъ, хотя бы и для того, чтобы спуститься къ нашей дачѣ. Когда я подходилъ къ балкону, Ты какъ разъ выходила на него. Какъ сейчасъ вижу подносъ въ Твоихъ рукахъ, а на немъ мѣдный чайникъ, подгорѣвшіе чуреки и кусокъ желтаго масла. Твои каріе глаза слегка жмурились отъ солнца, а на загорѣлыхъ щекахъ, словно на кожицѣ персика, нѣжнѣлъ пушокъ. Увидѣвъ меня Ты ловко поставила на столъ тяжелый подносъ и вся проголубѣвъ улыбкой, быстро вскинула мнѣ на плечи Твои нѣжныя, загорѣлыя руки. Ощутивъ на губахъ Твое росное, медвяное дыханіе, я закрылъ глаза и почувствовалъ: — отплываю... весь заполняюсь тихо звенящею дрожью, краснымъ безкрайнимъ маревомъ, древнимъ блаженствомъ, солнцемъ, Тобою...

Съ тѣхъ дней прошло уже два года. Но за это время наши первые дни стали только прекраснѣе. Какъ ягоды въ винѣ съ каждымъ годомъ становят-

ся хмѣльнѣе, такъ же сладостнѣй и хмѣльнѣе становятся въ памяти влюбленныхъ первые поцѣлуи.

Какъ странно, Наташа, съ самаго начала нашей жизни я не переставалъ доказывать Тебѣ своей правды, Ты же все время только молча противоставляла мнѣ свое бытіе — и все же побѣдила Ты. Не сама приблизилась къ моимъ мыслямъ, но меня приблизила къ своей душѣ. Увѣренъ, сейчасъ между нами была бы никакъ невозможна столь памятная намъ съ Тобою первая полуразмолвка. Помнишь, какъ хорошо мы сидѣли на вечерѣющемъ балконѣ? Какая стояла непередаваемая тишина, какъ несмолкаемо шумѣли водопады, какъ четко прочерчивались въ высокомъ небѣ далекія вершины горъ! Изрѣдка, глубоко подъ нами, пробѣгалъ словно игрушечный Боржемскій поѣздъ, а на сосѣднемъ току, неподвижно стоя въ маленькой плоскодонной лодочкѣ, запряженной парою огромныхъ буйволовъ, уже съ утра молотила какую-то сказочно-золотую пшеницу молодая красавица грузинка.

Мы съ Тобою молчали, но тѣмъ сильнѣе звучали въ нашихъ душахъ всѣ самыя мельчайшія черточки окружавшаго насъ непривычно-прекраснаго міра. Быть можетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свойствъ любви, что въ ней съ такою симфоническою полнотою звучатъ мелодіи всѣхъ явленій жизни.

Такъ было хорошо и вдругъ — почтальонъ и заказное письмо и Твоя радость и Твое разочаро-

ваніе: не долгожданное отъ Лидіи Сергѣевны, а совсѣмъ какое-то Тебѣ незнакомое.

Почему Марина написала мнѣ это странное письмо, къ чему относились вложенныя въ него строки Владиміра Соловьева и дѣйствительно ли я прочелъ ихъ Тебѣ съ такимъ личнымъ волненіемъ, какъ Тебѣ показалось — это я и до сихъ поръ не знаю, Наталенька, но думаю, что Тебѣ тогда померещилось нѣчто, чего у меня на душѣ не было. Ясно мнѣ лишь то, что тѣ хитроумныя теоріи счастливаго брака, которыя я въ тотъ злосчастный вечеръ съ такою жестокою страстностью развивалъ Тебѣ, нынѣ мертвы въ моей душѣ. Не то, чтобы я считалъ ихъ невѣрными, нѣтъ, но я не чувствую больше никакой нужды въ ихъ правдѣ.

Вѣрный себѣ, я не зарекаюсь, но не думаю, чтобы мои романтическія изощренности когда нибудь могли снова завладѣть мною. Слишкомъ существенна моя жизнь. Душа, какъ домъ среди занесенныхъ снѣгомъ пространствъ, блаженно прислушивается къ наполняющей ее тишинѣ. Твоею мягкою поступью въ милыхъ мѣховыхъ туфелькахъ по ней ласково ходятъ Твои прочныя мысли и ясныя чувства. Сейчасъ ничего мнѣ не надо кромѣ того, чтобы вѣчно длился нашъ солнечный касатынскій день. Послѣ долгихъ лѣтъ моихъ странствій такъ цѣлителенъ наполнившій душу покой, такъ значителенъ и аристократиченъ въ бытійственномъ своемъ консерватизмѣ.

Помнишь «Семейное счастье»? Тамъ есть фраза: «мнѣ было слишкомъ мало любить его, послѣ

того, какъ я испытала счастье его полюбить». Въ свое время она казалась мнѣ верхомъ мудрости. Сейчасъ во мнѣ что-то совсѣмъ иное, родная.

Проходя по всѣмъ нашимъ мѣстамъ, я не пережилъ никакого тоскующаго лирическаго волненія. Только болью и тревогой отозвались въ душѣ и окна Вашей квартиры и экипажное заведеніе Туркина, въ которомъ заказывалъ карету «подъ навѣсту» и церковь, въ которой стоялъ шаферомъ позади Алеши, и тотъ фонарь на Средней Кисловкѣ, въ свѣтѣ котораго такъ многое для насъ съ Тобою внезапно рѣшилось... И не въ томъ дѣло, милая (это я отчетливо чувствую въ себѣ), что утро нашей любви вставало въ печальномъ туманѣ, а въ томъ, что всякій полдень кажется мнѣ сейчасъ духовно глубже всякаго утра, всякій благодатно вызрѣвшій покой глубже трепетно-мечтательныхъ порывовъ. Мои-ли это чувства или только Твои во мнѣ, я не знаю, да и знать не могу, потому что сейчасъ отличить себя отъ Тебя не умѣю...

Утромъ прилежно и погруженно работать у себя въ кабинетѣ, все время чувствуя живую тайну Твоего невидимаго присутствія въ домѣ; затѣмъ, выйдя къ обѣду въ столовую, внезапно почувствовать, что и солнечный день за окномъ и тепло огромной голландки и глянецъ каляной скатерти и хорошее настроеніе отца и цвѣты на столѣ, все это Ты — Твоя забота, Твои руки и Твоя душа; послѣ обѣда выйти съ Тобою на лыжахъ въ синіе свер-

мающіе снѣга и возвращаясь съ сумеркахъ любоваться Твоими раскраснѣвшимися отъ мороза щеками, и веселыми огоньками въ глазахъ; а вечеромъ, что нибудь читать Тебѣ на большомъ диванѣ, не только удивляясь великому уму женской любви, но и предчувствуя, какъ вдругъ надъ нимъ сверкнетъ ея безуміе; и все это въ совершенно новомъ ощущеніи счастья. Въ ощущеніи его не какъ проносящейся надъ тобою перелетной птицы, а какъ послушнаго Тебѣ горячаго коня, чуткаго къ Твоей рукѣ и Твоему сердцу — вотъ то, непостижимое, что я постигъ въ Тебѣ моя Наташа. Господи, какъ хорошо.

Цѣлую Тебя мое счастье.

Твой Николай.

P. S. Мнѣ здѣсь вѣроятно придется нѣсколько задержаться, Наталенька. Но разъ у Васъ все идетъ хорошо и отецъ, Слава Богу, поправляется, то дней черезъ 10 Ты, думается, сможешь выѣхать. Страшно радуюсь на нашу поѣздку въ Петербургъ, безъ которой мнѣ кажется не обойтись. Обнимаю Тебя и цѣлую.

Твой Николай.

Москва, 30-го августа 1913 г.

За послѣдніе дни, родная, перевидалъ я безконечное количество людей. Послѣ нашей Косатынской тишины здѣшніе встрѣчи и споры доставля-

ютъ мнѣ большое удовольствіе. Страдаю только отъ того, что всюду бываю одинъ. Ради Бога собирайся скорѣе. Отецъ къ своей подагрѣ привыкъ, онъ съ нею и безъ Тебя справится. Вотъ только бы скорѣе проходилъ бронхитъ; я всегда боюсь за его легкія. Работы сейчасъ въ самомъ разгарѣ, и ему навѣрное не сидится дома. Передай ему, что я очень прошу быть осторожнымъ. Если расхворается всерьезъ — Тебѣ скоро не выбраться. Мнѣ же ѣхать одному въ Петербургъ очень не хочется. Москва, какъ ни какъ, свой городъ, да и у Константина Васильевича я живу какъ у Христа за пазухой: — знакомыя комнаты (въ Твоей ничего не тронуто), ваша Дуняша, которая все разспрашиваетъ о Тебѣ... А въ Петербургѣ будетъ тоска несосвѣтимая. Особенно если начнутся дожди и придется сейчасъ-же приступать къ экзаменамъ.

Вопросъ о томъ, гдѣ сдавать магистерскій, мнѣ еще несовсѣмъ ясенъ. Все-же думаю, что въ Петербургѣ дѣло сладится быстрѣе и легче.

Въ Москвѣ мы съ моей философіей врядъ-ли придемся ко двору. Здѣсь господствуютъ не только другія направленія, но больше — изживается совершенно другая эпоха; я сказалъ бы до-кантовская. Новаго для меня въ этомъ ничего нѣтъ, но все же я третьяго дня какъ то по новому почувствовалъ своеобразныя судьбы русской философіи.

Уже давно прошли мы и черезъ Гегеля и черезъ Шопенгауэра и черезъ романтику; черезъ Канта же не то что не прошли, а даже и не натолкнулись на него. Конечно критицизмъ настолько-же

меньше всякой подлинной метафизики, насколько запрещающая ветхозавѣтная совѣсть: — «не убій», «не прелюбы сотвори» и т. д., меньше положительнаго христіанскаго откровенія.

Все это безспорно вѣрно, и все же нельзя не видѣть, до чего опасно намъ русскимъ, по свойствамъ нашего національнаго характера, всякое устремленіе къ положительному откровенію внѣ критической совѣсти, до чего легко впадаемъ мы на этихъ путяхъ въ соблазнъ откровенной безсовѣстности.

Профессоръ Т., у котораго мнѣ пришлось бы экзаменоваться въ Москвѣ, замѣчательно умный и милый человѣкъ, но трансцендентальной совѣсти въ его размышленіяхъ, на мой слухъ, весьма недостаточно и философски понять другъ друга намъ было-бы, какъ мнѣ кажется, не такъ легко.

Кромѣ него перевидалъ я еще многихъ московскихъ философовъ. Вчера цѣлый вечеръ доказывалъ, что даже и отвергая правду Канта, нельзя проходить мимо его единственнаго мастерства, которое само по себѣ уже громадная правда. Но нѣтъ, не чувствуютъ люди, что Кантъ профессіонально, я сказалъ-бы даже ремесленно, для современной философіи совершенно то-же самое, что Сезанъ для современной живописи: — послѣдній большой мастеръ-революціонеръ, законодатель новаго стиля философствованія, на которомъ не обязательно останавливаться, но черезъ котораго необходимо пройти. Ну какъ можно читать Канта и не ощущать безмѣрной радости и удивленія: —

не думаетъ, а колдуетъ. Изъ щепотки извѣстныхъ фактовъ и нѣсколькихъ въ сущности даже старыхъ мыслей (Лейбницевскихъ, Юмовскихъ) вывариваетъ нѣчто совершенно новое, какое-то горькое, ядовитое зелье.

Возражали мнѣ, какъ Ты легко можешь себѣ представить, очень горячо, доказывая, что мой артистическій формализмъ глубоко чуждъ духу русской философіи, что русская стихія по преимуществу стихія религіозная, и что этимъ и объясняется малая формальная одаренность Россіи.

Что русская стихія по преимуществу религіозна — вѣрно, но что Россія формально не одарена — совершенно ни на чемъ не основанная выдумка.

А нагорные силуэты приволжскихъ городовъ? А покосъ міромъ? (чѣмъ не Далькрозъ!). А Шаляпинскія походки спускающихся подъ гору босыхъ мужиковъ? А вся чинная церемоніальность исконнаго русскаго быта? А истуканій русскій плясъ и многоголосый хоръ? — Неужели-же все это не говоритъ о совершенно исключительномъ въ своей непосредственности русскомъ чувствѣ формы? О немъ-же не только говоритъ, но уже кричитъ и все русское искусство! И Пушкинъ (цѣликомъ), и самоцвѣтность Гоголевскаго слова, и конструктивный динамизмъ романовъ Достоевскаго, и стереоскопическіе рельефы Толстого, и сложнѣйшая фактура стилизованной, коллекціонирующей всевозможныя «ужимки», «словечки», прозы Лѣскова, и крѣпостной театръ, и нашъ балетъ, и современная живопись, и современная литература вплоть до

Бѣлаго и Ремизова. Все это въ отличіе отъ большинства философскихъ произведеній моихъ оппонентовъ совсѣмъ не религіозно-міросозерцательное томленіе, а искусство: — прошедшее черезъ искусъ громаднаго, любовнаго, внимательнаго труда большое и зрѣлое мастерство, неразрывно связанное со всѣмъ западнымъ искусствомъ отъ Шекспира до Ницше и Бодлера. Все это настоящая иконопись русскаго духа, а не кустарныя издѣлія изъ подъ Троицы. Нѣтъ, что ни говори, но по моему лучше, религіозно глубже въ Богѣ стругать топорище, чѣмъ топоромъ тесать Бога. Помнишь «Запечатлѣннаго Ангела»? Какая святая, подвижническая любовь къ мастерству, къ матеріалу, техникѣ и черезъ все это къ Богу! Вотъ чего никакъ не хотятъ понять мои вчерашніе оппоненты. Рѣшительно въ русской философіи что-то неладно!

Въ чемъ тутъ дѣло — сказать трудно. Нигдѣ такъ много не философствуютъ, какъ въ Россіи, а философіи — нѣтъ. Впрочемъ аналогичные курьезы есть и въ другихъ странахъ. Германія — страна музыки, а какъ только нѣмцы невзначай запоютъ хоромъ, хоть святыхъ вонъ выноси; такъ же Италія — страна глубочайшей театральной традиціи, а театра нѣтъ; въ драмѣ не высидишь, опера лучше, но тоже страшное варварство.

Кстати о театрѣ. Въ послѣднемъ письмѣ забылъ написать Тебѣ, что по возвращеніи изъ Корчагина ходили мы съ Константиномъ Васильевичемъ въ Лѣтній Эрмитажъ смотрѣть Нарымова.

Собираясь «кутить», Константинъ Васильевичъ очень суетился и даже волновался. Вспоминалъ свою холостую жизнь, когда «частенько хаживалъ лѣтомъ въ сады», съ увлеченіемъ разсказывалъ о своемъ участіи въ комитетѣ по устройству первыхъ народныхъ гуляній въ Манежѣ, долго разсчитывалъ когда онъ въ послѣдній разъ былъ съ «Лидуней» въ театрѣ. Одѣвался онъ словно невѣста, цѣлую вѣчность, но зато ужъ и вышелъ изъ спальни такимъ заправскимъ стариннымъ щеголемъ, что я только ротъ раскрылъ. Обрадованный моимъ удивленіемъ онъ лукаво подмигнулъ своимъ темнымъ горячимъ глазомъ изъ подъ совсѣмъ такой-же какъ у Тебя брови, и, напѣвая модный въ «старинные годы» цыганскій романсъ, героемъ вышелъ въ переднюю, чувствуя, что онъ на что-то рѣшился. Оказывается, что какъ женился, такъ тутъ-же и бросилъ ходить въ сады: «Сначала денегъ лишнихъ не было, потомъ времени..., такъ и отвыкъ».

Нарымовъ игралъ изумительно. Россіи въ немъ больше чѣмъ во всѣхъ современно-славянофильскихъ писаніяхъ вмѣстѣ. Закроешь глаза — со сцены рѣкою тянетъ:—прохладой, просторомъ, ракитнымъ кустомъ... вотъ, вотъ, защелкаетъ соловей. А какая русская рѣчь — музыка. Дай ему что хочешь читать, букварь — у него Пушкинъ выйдетъ. Замѣчательнѣе-же всего—невѣроятная легкость громаднаго, грузнаго тѣла. Не тѣло, — а «пухъ Эола»; и потомъ жестъ — совсѣмъ особенный, въ другомъ актерѣ быть можетъ принципіально недопустимый,

не столько выражающій опредѣленную эмоцію, сколько все время что-то разсказывающій: жестъ глухонѣмого. Причемъ каждый палецъ самъ по себѣ, у каждаго своя физіономія.

Но все это внѣшнее важно, конечно, только какъ внутреннее. Не всякій художникъ по своимъ убѣжденіямъ метафизикъ, но подлинный талантъ самъ по себѣ всегда метафизиченъ по своему корню, по своему звуку, по своему дѣйствію. Нарымовъ тому прямое доказательство. Я съ нимъ встрѣчался не разъ. Человѣкъ по своему образованный, бывавшій въ Европѣ, но совсѣмъ простой и не мудрствующій. Послѣ спектакля любитъ поужинать, выпить, сыграть въ преферансикъ, побренчать на гитарѣ, помечтать о внучатахъ... А талантъ его на него не похожъ. Талантъ его настоящій большой философъ, всю жизнь работающій надъ великою темою оправданія и спасенія грѣшной человѣческой души.

Сколько ни видалъ Нарымова — всегда онъ играетъ сбившихся, пьяненькихъ, подленькихъ, павшихъ, грѣшныхъ, преступныхъ; оттѣнковъ у него безъ конца. Играетъ всегда мягко, безъ педали, но и безъ прикрасъ, безъ идеализаціи, со всею зоркою мѣткостью своего геніальнаго реализма. И все-же, кого-бы онъ ни игралъ, всякаго изъ своихъ жалкихъ, темныхъ героевъ онъ обязательно какъ-то оправдаетъ и спасетъ, каждому отвоюетъ въ сердцахъ зрителей и въ царствіи небесномъ и уголъ и койку. Такъ было и теперь съ Расплюевымъ. Всю проплеванность его души показалъ, но плюнуть на

своего героя никому не позволилъ. Громадный талантъ. Къ нему ни съ Кантомъ, ни съ Сезаномъ не сунешься, онъ самъ себѣ и Кантъ и Сезанъ.

Такъ онъ насъ съ Константиномъ Васильевичемъ растрогалъ, что мы рѣшили остаться поужинать. Усѣлись мы на стеклянной террасѣ за маленькимъ столикомъ у самыхъ перилъ. Вдали на открытой сценѣ, въ красныхъ огняхъ головоломно летали по воздуху какіе-то красные люди-рыбы. Подъ большими газовыми фонарями зеленовато мутнѣлъ плотный квадратъ спинъ равнодушныхъ московскихъ зрителей. За перилами на пыльной площадкѣ прилежно вертѣлась унылая карусель входной садовой публики. У насъ на террасѣ было какъ будто веселѣе. Отчаивалась рыдающая скрипка, словно въ забытьѣ замирали цымбалы, взлетали хохоты и пробки, постукивали тарелки, и кренясь словно велосипедисты на виражахъ, рѣзво носились между столиками привѣтливые московскіе половые.

Просидѣли мы съ Константиномъ Васильевичемъ долго, чуть-ли не до утра и время провели очень хорошо: по мужски, по родственному, каждый самъ по себѣ и всетаки вмѣстѣ. Закусивъ «подъ водочку» и выпивъ къ паровой осетринѣ бутылку вина, Константинъ Васильевичъ совсѣмъ переродился. Изъ милаго — сталъ талантливымъ, изъ дѣлового человѣка — фантазеромъ, и главное, изъ молчаливаго — очень разговорчивымъ. Разсказалъ онѣ мнѣ и о своей страстной влюбленности въ недосягаемую «Лидуню», и о вдохновенной рѣчи До-

стоевскаго на открытіи памятника Пушкина, и о томъ, какъ всю молодость пробился надъ осуществленіемъ мечты Леонардо окрылить человѣка, на что, по его убѣжденію, у него не хватило только шелку, и о томъ, какъ всѣ свои холостыя воскресенья протолкался на Сухаревкѣ, ища среди хламу всяческой старины...

Конечно, математическихъ знаній, вынесенныхъ изъ Заиконоспасскаго училища греческаго монастыря, хватить на постройку аэроплана никакъ не могло, но дѣло вѣдь не въ успѣхѣ, а въ талантѣ. Никогда и не подозрѣвалъ я, Наташа, что отецъ твой такой замѣчательный человѣкъ: — горячій, съ мечтой и съ полетомъ. Думается, что его заботы о семьѣ и заботы о немъ «Лидуни» пригасили его крылатыя мечты о крыльяхъ... По моему онъ свою «счастливѣйшую жизнь въ семьѣ» прожилъ какъ жукъ подъ стекломъ. Очень я радъ, родная, что Нарымовъ, музыка и вино помогли ему тряхнуть стариной и показать свою настоящую широкую душу.

Знаешь, я всегда удивлялся тому исключительному такту, съ которымъ Твои родители отнеслись къ нашему жестокому для нихъ роману. Послѣ вечера въ Эрмитажѣ я многое понялъ. Широта души всегда — и пониманіе міра и источникъ настоящей любви. Представь себѣ какой былъ-бы ужасъ, если-бы вмѣсто Твоихъ родителей мы имѣли дѣло съ Алешиной матерью, которая не только міра, но и самою себя не понимаетъ, давно уже забывъ о своей собственной молодости. Мнѣ кажется, что

если бы не ея все усиливающееся вліяніе, мы давно нашли-бы съ Алешей общій языкъ. Все время верчу въ душѣ большое письмо къ нему, но напишу-ли — не знаю: нѣтъ настоящей вѣры, что смогу сказать, потому что нѣтъ настоящей надежды, что онъ захочетъ услышать...

Можешь себѣ представить, Нат709ленька, что нашъ скромный выѣздъ произвелъ на Константина Васильевича, какъ это ни странно, нѣкоторое впечатлѣніе.

Вставъ на слѣдующее утро очень поздно, онъ вызвалъ къ чайному столу старшаго мастера и завѣдующаго; наставительно отдалъ цѣлый рядъ распоряженій, переспросилъ, поняли ли его, походилъ въ нѣкоторомъ волненіи по комнатѣ, принялъ соды и затѣмъ объявилъ мнѣ, что поѣдетъ въ Корчагино, такъ какъ ему давно надоѣло всю жизнь одну и ту же лямку тянуть. Я, конечно, не поскупился на серьезнѣйшіе доводы въ пользу его «леггокрылаго» рѣшенія и черезъ часъ мы съ нимъ были уже на вокзалѣ. Въ вагонѣ онъ вдругъ заволновался, не напутаютъ ли чего безъ него въ Москвѣ, найдетъ ли онъ извозчика на станціи, не перепугаетъ-ли всѣхъ въ Корчагинѣ; но дѣло было уже сдѣлано, поѣздъ тронулся, и онъ, смущенно улыбаясь, закивалъ мнѣ изъ окна.

Ну, родная, до скораго свиданья. Надѣюсь, что перспектива Петербургской жизни будетъ Тебѣ пріятнѣе Московской. Въ Москвѣ Тебя замучилъ-бы Алеша: вѣдь онъ изо дня въ день и жаждалъ и боялся бы встрѣчи съ Тобою. Да и жизнь среди

всѣхъ родныхъ и знакомыхъ показалась-бы намъ послѣ нашей тишины утомительной и разлучающей. А Петербургъ: — новый городъ, отсутствіе людей и воспоминаній — быть можетъ и станетъ тѣмъ продолженіемъ нашей Касатынской жизни, нашего «одиночества вдвоемъ», о которомъ Ты такъ нѣжно мечтаешь въ Твоемъ письмѣ, за которое я еще разъ «безъ конца» цѣлую Твои милыя рученьки.

Твой Николай.

Москва, 31-го августа 1913 г.

Сегодня съ утра льетъ дождь, и барометръ упорно идетъ налѣво. Не дай Богъ у Васъ то же самое. Отецъ волнуется, управляющему достается, на поденную никого не соберешь, и всѣ ждутъ отъ Тебя разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и умиротворенія всѣхъ страстей. Дома все-бы помогъ Тебѣ, а тутъ совсѣмъ нечего дѣлать. Въ квартирѣ сумрачно, за окнами гниль и нудь, Константина Васильевича нѣту, читать не хочется, дома сидѣть скучно и пойти ни къ кому не тянетъ; очень надоѣли люди...

Одно остается утѣшеніе сидѣть и весь день писать Тебѣ. Надѣюсь, что письмо не выйдетъ такимъ же дождливымъ и сумрачнымъ, какъ нынѣшній день и такимъ-же плоскимъ какъ эта надежда.

Я кажется уже упоминалъ, что проводивъ Константина Васильевича въ Корчагино, я поѣхалъ къ Полонскимъ, а потому и начинаю съ нихъ. Очень

у меня странное отношеніе къ этимъ внутренне мнѣ совершенно чуждымъ людямъ. Дѣлать у нихъ мнѣ нечего, а повидаться всегда тянетъ. Почему? Думаю, потому, что когда мы во время поѣздки въ Холмы впервые намеками говорили съ Тобою о нашей любви, передо мной все время маячила широкая, самоувѣренная спина Полонскаго, горячо спорившаго съ Алешей. Можетъ быть это грѣшно, но я многихъ людей люблю только за то, что въ существенную для меня минуту они случайно пересѣкли орбиту моей жизни. И Полонскій и его жена для меня въ сущности не люди, а только дорогія детали какого-то вѣчно живущаго во мнѣ душевнаго пейзажа. Ничего дурного я своимъ отношеніемъ имъ не причиняю, если не считать за грѣхъ то, что я ихъ невольно обманываю. Чувствуя при нашихъ рѣдкихъ встрѣчахъ, какъ я радъ ихъ видѣть, они конечно приписываютъ эту радость себѣ. Невѣрнаго тутъ ничего нѣтъ; они только не знаютъ, что я еще больше обрадовался бы встрѣчѣ съ тѣми тремя березами, у которыхъ начался нашъ первый съ Тобою разговоръ.

Вся нѣмецкая философія утверждаетъ, что каждый человѣкъ довлѣетъ себѣ, и что превращеніе его изъ самоцѣли въ средство есть начало всяческой безнравственности. Было-бы очень интересно разобраться въ вопросѣ, можно ли очень свойственное мнѣ превращеніе человѣка въ образъ, въ іероглифъ, въ памятку, разсматривать какъ частный случай превращенія его въ служебное средство. Никакимъ своимъ цѣлямъ я Полонскихъ слу-

жить не принуждаю, но самодовлѣющаго значенія они для меня тоже не имѣютъ. И въ этомъ быть можетъ есть легкій звукъ какого-то аморализма. Но что-же мнѣ дѣлать: — не любить ихъ я не могу, а сказать имъ, что они для меня — дорогія березы — тоже какъ-то нескладно; да и не поймутъ они правды такого отношенія къ людямъ. Я-же вѣрю, что между людьми, случайно прошедшими другъ мимо друга въ минуту одинаково большую для каждаго изъ нихъ, возможны отношенія не менѣе значительныя чѣмъ дружба и любовь. Встрѣчи въ память такихъ минутъ могутъ достигать исключительнаго напряженія и красоты.

Но все это, конечно, только между людьми тончайшаго внутренняго слуха, большого творческаго дарованія. Въ такихъ отношеніяхъ все зависитъ отъ того, чтобы не убить въ послѣдующихъ свиданіяхъ чувства первой встрѣчи, какъ мимолетной встрѣчи сумеречныхъ силуэтовъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, чтобы не попытаться уплотниться другъ для друга до живыхъ людей, не попытаться пойти проводить другъ друга до дому..

Живутъ Полонскіе, какъ жили и раньше: хлѣбосольно, шумно, безалаберно и безвкусно. Дача — Ноевъ Ковчегъ; въ саду — шары и гномы. На террасѣ день и ночь накрытый столъ, вѣчные политическіе споры и несмолкаемый міросозерцательный шумъ. Собираются у нихъ попрежнему всѣ, кому нечего дѣлать, кто любитъ поѣсть и самъ себя послушать. Я пріѣхалъ къ пяти часамъ и засталъ за самоваромъ знаменитаго думскаго соловья

Ладьянова, присяжнаго повѣреннаго Осокина, стайку пластическихъ дѣвицъ, какого-то молодого, но уже обласканнаго Москвою поэта-символиста, милую Ольгу Александровну съ мужемъ, которые Тебѣ очень кланяются, и еще цѣлый рядъ какихъ-то менѣе дифференцированныхъ существъ.

И Александръ Яковлевичъ и Варенька мнѣ страшно обрадовались. Посыпались вопросы одинъ за другимъ, отчасти совершенно имъ неинтересные, отчасти совершенно невозможные: — почему я не развожу цыцарокъ, не сѣю бѣлаго клевера, думаетъ-ли Алексѣй еще разъ жениться, кого Тебѣ больше хочется — мальчика или дѣвочку?.. Все это на очень быстромъ тэмпѣ, на шумѣ, на жестѣ, перебивая и заглушая другъ друга, но къ счастью и безъ малѣйшей заинтересованности отвѣтами собесѣдника. Ужасно странные люди! Сколько лѣтъ я ихъ знаю — всегда милы, сердечны, душевны. А на самомъ дѣлѣ ни жизни, ни души, ни сердца, а такъ, какая-то взбитая пѣна. И вокругъ нихъ такая-же жизнь, какъ въ нихъ самихъ. Послушала-бы Ты, какой только ерунды не пѣнилось въ этотъ вечеръ за чаемъ и ужиномъ. Цензовую Думу мы распустили, Распутина сослали, республику установили, классическій балетъ революціонизировали принципами Далькроза, Брюсова утвердили въ чинѣ чернаго мага, всѣ европейскіе курорты уничтожили, разработавъ планъ реорганизаціи Кавказскихъ водъ. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ мы слушали очень недурного піаниста, исполнявшаго Скрябина (въ музыкѣ Варенька чѣмъ-то что-то понима-

етъ) и смотрѣли доморощенныхъ босоножекъ, которыя карежились какъ береста на огнѣ, но наслажденія кажется никому не доставили. Я хотѣлъ было уѣхать вмѣстѣ со всѣми, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Какъ ни крутился, пришлось заночевать, разсказывать все слѣдующее утро про наше житье-бытье и возвратиться въ Москву лишь къ вечеру.

Я пріѣхалъ въ очень мрачномъ настроеніи, совершенно разбитый. Отвыкъ я отъ людей, родная, очень отвыкъ... Хотя, можетъ быть, мои отношенія съ людьми всегда были несовсѣмъ просты и нѣсколько двойственны. Съ одной стороны, я какъ будто-бы очень люблю людей: — и общество, и шумъ, и разговоры, и театръ. Гдѣ-бы я не жилъ, я всегда живу на людяхъ. Ужъ какъ Ты старалась поменьше знакомиться въ Цеми, и все же черезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда отбою не было отъ людей. Очевидно недаромъ меня причисляютъ къ тѣмъ мало симпатичнымъ людямъ, что именуются «душою общества».

Но все это только съ одной стороны; другая же заключается въ томъ, что постоянно страдаешь отъ первой. Въ концѣ концовъ я вѣдь ни города, ни общества не люблю; ни въ какихъ собраніяхъ и гостиныхъ, ни на какихъ обѣдахъ и чаяхъ самимъ собою не бываю. На людяхъ мнѣ весело, интересно, хорошо, и все же я почти всегда чувствую, что интересно и весело не мнѣ, а нѣкому моему, лишь отдаленно похожему на меня и мало мнѣ симпатичному родственнику во мнѣ. Длительной жизни

на людяхъ я совсѣмъ не выношу; и не потому, что мнѣ надоѣдаютъ люди, а потому что мнѣ рѣшительно становится противенъ этотъ мой родственникъ. Tête à tête'а со мной этотъ непріятный господинъ къ счастью совершенно не переноситъ. Достаточно мнѣ почувствовать тоску по уединенію, по природѣ, какъ онъ сейчасъ-же куда-то исчезаетъ. Самимъ собою я бываю пожалуй только въ деревнѣ и потому безмѣрно счастливъ, что у насъ съ Тобою есть наша глухая «Касатынь».

Она для меня спасеніе. И знаешь, не только отъ городского шума, но и отъ той горечи, съ которой для меня связано все мое отношеніе къ культурѣ и исторіи. Читая, — всегда чувствую, что что-то для меня навѣкъ потеряно, что какая-то глубочайшая глубина жизни похоронена въ прошломъ, что я сирота, не помнящій своей матери и потому не могущій утѣшиться доставшимся мнѣ богатымъ наслѣдствомъ...

Но достаточно оторваться отъ книги и выйти, особенно ранней весной, на террасу, какъ все мое самочувствіе сейчасъ-же мѣняется. Глубина жизни уже не въ прошломъ, а въ настоящемъ, не за спиной, а подъ ногами, я не исторгнутъ изъ нея, а несомъ ею, уже не сирота и наслѣдникъ, а младенецъ въ люлькѣ, которую качаетъ не такая-же, а т а - ж е с а м а я весна, которая жила на землѣ и при Эсхилѣ и при Франциске Ассизскомъ... — древняя, вѣчная, безсмертная, и вовсе не «сила природы» и не «время года», а родное любимое существо!

Помнишь, какъ мы съ Тобою пѣшкомъ возвращались отъ Гиреевыхъ? Во мнѣ этотъ вечеръ свернулся въ какое-то совершенно особенное ощущеніе. Тинистый запахъ воды; густой туманъ, въ немъ дремное жеванье и тяжелое по болотцу шлепанье спутанныхъ битюговъ. Ничего не видно: ни дороги, ни старыхъ нашихъ березъ, ни лошадей... И вдругъ надъ самымъ ухомъ громкое ржанье и въ двухъ шагахъ громадная, мифическая лошадиная морда, къ которой Ты такъ довѣрчиво и дружественно протягиваешь свою родную, теплую руку, которую я только-что цѣловалъ... И такое странное чувство, что всѣ мы: — и Ты и я, и наша любовь, и лошади, и березы, и рѣчка, такія родныя другъ другу существа, такое единоутробное въ парномъ молокѣ тумана — исконное Божіе Бытіе... Очень, очень былъ это особенный вечеръ! Ты устала, Тебя клонило ко сну, но ложиться одной не хотѣлось. Въ большомъ пушистомъ платкѣ, Ты полудремала на диванѣ, изрѣдка открывая глаза, чтобы убѣдиться, съ Тобой-ли я еще, не похитили-ли меня «злые вороги».

Я писалъ очень сосредоточенно, но ни на минуту не переставалъ чувствовать Твоего присутствія. Душѣ было такъ хорошо и спокойно въ туманной теплыни Твоего стерегущаго меня сна. Когда я кончилъ и подошелъ къ Тебѣ, Ты спала уже совсѣмъ крѣпко. Съ умиленіемъ и вниманіемъ, для которыхъ нѣтъ у меня словъ, разсматривалъ я рѣсницы Твоихъ сомкнутыхъ вѣкъ, грустную лодочку Твоей ладони у нѣжно розовѣвшей щеки,

синія жилки въ матовомъ, усталомъ вискѣ и маленькое, полуприкрытое волосами раскраснѣвшееся ото сна ухо. Какая благоговѣйно-прилежная работа, какая святая миніатюра, и все такое знакомое, такое милое, такое любимое: — кто она? Откуда? Не знаю какъ сказать это Тебѣ, но въ минуты наибольшаго углубленія нашей любви мнѣ порою кажется, что Ты нѣчто совершенно иное, чѣмъ всѣ люди, чѣмъ я; что Ты совсѣмъ не человѣкъ, а какое-то заговоренное таинственное существо, вѣщая священная кошка изъ тѣхъ, что такъ почитались въ древнемъ Египтѣ. Это совсѣмъ, конечно, не значитъ, родная, что Ты въ своемъ женскомъ образѣ таишь какія нибудь кошачьи черты.

Бьетъ два часа, надо ложиться. Завтра много дѣла. Ради Бога пріѣзжай скорѣе. Безъ Тебя все мое время скоро начнетъ уходить на письма къ Тебѣ. Старая Флорентійская болѣзнь!

Цѣлую Тебя, мою единственную.

Твой Николай.

Москва, 5-го сентября 1913 г.

Вчера, дорогая, получилъ Твое второе письмо. Словъ въ немъ правда немного, но взоры и улыбка въ немъ такіе Твои, что я весь день ходилъ самъ не свой. Со вчерашняго дня почтальонъ мой врагъ. Страшно боюсь какъ-бы онъ не принесъ письма

отъ Тебя. Если будетъ письмо — значитъ новая отсрочка.

Умоляю, держи отца построже. Я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ заново подпростудился-бы, лишь бы задержать Тебя въ Касатыни. Я очень радъ, что онъ съ Тобою началъ «оттаивать». Очень жду Твоихъ разсказовъ о вашихъ бесѣдахъ. Готовъ по возвращеніи изъ Петербурга чаще, чѣмъ дѣлалъ эту зиму, «подбрасывать» Тебя ему въ кабинетъ, но сейчасъ хочу, чтобы Ты не задерживалась ни одной лишней минутки.

Во-первыхъ, во мнѣ начинаетъ волкомъ выть тоска по Тебѣ, а, во-вторыхъ, хочется какъ можно скорѣе разрѣшить экзаменаціонный вопросъ. Задержекъ-же предстоитъ еще очень много. Первая уже та, что въ Корчагинѣ, гдѣ Тебя ждутъ съ невѣроятнымъ волненіемъ, придется пробыть, какъ ни какъ, по крайней мѣрѣ дней 10, а то и 2 недѣли; въ Петербургѣ тоже не все сразу наладится. Пока сговоришься съ факультетомъ, устроишься, начнешь работать, недѣли двѣ, а то и три пройдутъ непремѣнно. Уйдетъ время и на Марину, которая, какъ мнѣ почему-то кажется, сильно перемѣнилась. Страшно мнѣ важно, какъ Вы встрѣтитесь и какъ другъ другу понравитесь. Если не почувствуете родственной близости, мнѣ будетъ очень грустно. Вѣдь для меня Марина, которую я очень люблю, больше чѣмъ только Марина. Для меня она прежде всего осколокъ жизни съ Таней. Трудныя, обвиняющія воспоминанія объ этой мимолетной жизни въ послѣднее время какъ-то совсѣмъ отошли отъ ме-

ня. Осталась «вѣчная память». Вчера я въ этой памяти провелъ цѣлый день съ Таней въ странномъ чувствѣ, будто сама она вспомнила обо мнѣ.

Я всталъ раньше обыкновеннаго; о Танѣ совсѣмъ не думалъ. Около девяти пошелъ въ университетъ. Прохладный хрусталь осенняго утра былъ еще окутанъ туманными испареніями ночного дождя. Въ бульварномъ проѣздѣ внизъ къ Трубной дрожала нѣжная, золотистая мгла.

Хотя я и очень спѣшилъ, но сѣлъ почему-то на скамейку и затонулъ... Знаешь, какъ это со мной бываетъ. Когда я пришелъ въ себя: — вернулся на скамейку, на бульваръ, въ мысль, что я опаздываю, кресты на Страстномъ уже четко блестѣли въ синѣющемъ небѣ, колокольня тепло розовѣла и подъ мокрыми деревьями на пожелтѣвшихъ дорожкахъ играли въ огромный мячъ смѣющіяся дѣти... Четко стоя передъ глазами, крѣпкая, плотная, пестрая дѣйствительность эта въ душу однако не проникала. Въ душѣ заглушенно гудѣла какая-то странная, присутствующая пустота — тишина. Вдругъ она какъ-то изнутри вздрогнула, всколыхнулась; я почувствовалъ, что колыханіе это что-то глухо напоминаетъ мнѣ, что душа силится имъ что-то вернуть себѣ; что-то очень далекое. Что — я не знаю, но чувствую, что откуда-то возникъ и рядомъ со мной засвѣтился чей-то ласковый профиль... Въ эту секунду съ Тверской донеслось цоканье подковъ по торцу, которое поставило въ душѣ все сразу на мѣсто. Съ уничтожающею все настоящее ясностью всталъ такой-же осенній день далекаго девятьсотъ

шестого года. Рядомъ со мною улыбающійся Алеша; мы ѣдемъ въ Медвѣдково, въ церковь, гдѣ ждетъ меня Таня, невѣста...

Не знаю, милая, какъ разсказать Тебѣ это, но только чувствую я, что во внезапномъ появленіи въ моемъ сознаніи Тани было что-то совсѣмъ особенное, я сказалъ-бы сновидческое. Ты вѣдь знаешь, какъ бываетъ во снѣ. Достаточно въ дѣйствительности случиться какому нибудь пустяку, чтобы сновидческое сознаніе съ невѣроятною быстротою подставило подъ него свою собственную длиннѣйшую импровизацію. Сидя на бульварѣ и смотря на играющихъ дѣтей, я конечно не спалъ. Но что-то странное все-же было со мною (оттого и пишу Тебѣ такъ подробно); въ нормально бодрствующемъ, дневномъ сознаніи, я во всякомъ случаѣ не былъ. Увѣренъ, что мой сонъ наяву: — колыханіе рессоры въ душѣ, чей то ласковый профиль, и даль и тоска — все это было подсказано мнѣ цоканьемъ по мостовой, которое само дошло до души только послѣ всего, чѣмъ наполнило душу, и дойдя до нея разбудило меня, но не въ настоящее, а въ прошлое, въ глубину всякаго сна, въ вѣчность памяти. Вѣдь въ концѣ концовъ сонъ ни что иное, какъ истерзанная, искаженная, смятенная глубина нашей жизни.

Ну такъ вотъ, Наталенька, проснувшись отъ своего сна, я вернулся къ Страстному, взялъ, словно это было давно рѣшено, извозчика и велѣлъ ему ѣхать въ Медвѣдково. Онъ повернулъ было внизъ, по бульварамъ, но я направилъ его по Садовой. Потянуло взглянуть на тотъ домъ, въ который Таня

привезла меня изъ Гейдельберга знакомить со своими родителями и рѣшать нашу судьбу, изъ котораго она невѣстой собиралась въ Медвѣдково, къ которому я подъѣзжалъ Алешинымъ шаферомъ, въ который Ты вернулась Алешиной женой, въ громадныхъ, пустынныхъ комнатахъ котораго онъ живетъ сейчасъ вдвоемъ со своею матерью; она, сторожа его непримиримость, онъ — свое отчаяніе.

Ужасный, жуткій для меня домъ: и тянетъ онъ и отталкиваетъ. Помню, какъ сразу захолонуло сердце, когда мы въ первый разъ подъѣзжали къ нему съ Таней и я, вмѣсто ожидаемаго старо-московскаго дома, увидалъ какую - то безвкусную азіатски-американскую нелѣпость съ громадными декадентскими окнами. Не смягчилъ этого перваго впечатлѣнія и самъ старый Вакунинъ.

Высокій, худой, остроглазый, длинноносый, въ фетровомъ цилиндрѣ, съ черной ленточкой вмѣсто галстука, съ плоской бутылочкой козьяго молока въ жилетномъ карманѣ, съ какой-то придушенной рѣчью и громкимъ хлопаньемъ въ ладоши, онъ произвелъ на меня при первомъ нашемъ знакомствѣ въ дверяхъ своего магазина, на фонѣ мѣшковъ, брезентовъ, пеньки, веревокъ (все кипами, горами) какое-то никакъ не вяжущееся съ Таней и очень отчуждающее впечатлѣніе.

Проѣзжая мимо громадныхъ, полуподвальныхъ витринъ, въ которыхъ и послѣ смерти старика ничего не измѣнилось, я съ послѣднею ясно-

стью вспомнилъ первое время моего знакомства съ Вакуниными.

Милая, бѣдная моя Таня выбивалась изъ силъ, чтобы хоть какъ нибудь связать меня со своими. Но сколько она ни разсказывала родителямъ о Касатыни, сестрамъ и роднымъ объ «этическомъ соціализмѣ», какъ горячо ни хлопотала, какъ виновато ни улыбалась мнѣ: — «подожди», какъ мужественно ни боролась за свободу «самоопредѣленія», — ничего не выходило. Для стариковъ я, несмотря на Касатынь, оставался студентомъ, а для всей соціалистически-рубашечной молодежи, съ которой Таня выросла и въ которую вѣрила — идеалистомъ, мистикомъ, и главное, атмосферически совершенно чуждымъ существомъ. Единственнымъ человѣкомъ, который могъ-бы помочь тогда Танѣ, была-бы Ты, если бы не арестъ Алеши; и потомъ конечно я самъ. Но непримиримый по молодости, я не только не помогалъ Танѣ, а напротивъ — мучилъ ее и самъ тормазилъ все дѣло. Ахъ, Наташа, Наташа, что далъ-бы я, чтобы хоть на часокъ встрѣтиться съ Таней, попросить у нея прощенія и вынуть у нея изъ души ту смертельную боль, которую, знаю, изо дня въ день причинялъ ей тогда, неустанно доказывая, что все напрасно, что связать меня и своихъ ей можетъ удасться только ослабивъ связь между нами. Жестокій я тогда былъ человѣкъ, принципіальный; Тебѣ со мною много легче, чѣмъ было бѣдностной Танѣ. Теперь я въ сущности мягокъ, какъ трепаный ленъ...

Сухарева башня, Спасскія казармы, Домников-

ская, Каланчевская площадь — все это было еще Москвой; Москвой, въ которую я пріѣхалъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и въ которой многое пережилъ и до и послѣ Тани. Рязанскій вокзалъ для меня навѣки — Лунево: самые наши съ Тобою безумные и самые страшные дни. Но за Ярославскимъ вокзаломъ, за какими-то только одинъ разъ и виданными мною прудами, потянулась уже не Москва, а какой-то иной городъ и міръ: нашъ съ Таней путь къ нашей Медвѣдковской церкви. Я ѣхалъ, и ничего не зная — все узнавалъ, какъ узнаешь каждый звукъ разъ въ жизни слышанной, душѣ запомнившейся, но въ ушахъ не оставшейся мелодіи. И все узнавая — я все удивлялся: — какъ странно, что все еще есть, что все на томъ-же мѣстѣ, какъ было и тогда — непонятно, совсѣмъ непонятно. Мнѣ всегда непонятно, что мѣста, черезъ которыя однажды прошелъ прибой моей судьбы, могутъ какъ-то остаться не сметенными съ лица земли часомъ отлива отъ нихъ моей жизни. Какъ? — Меня нѣтъ, моего нѣтъ, а земля, дома и вещи на мѣстѣ, когда все это только потому и было, что было моимъ и было во мнѣ? Нѣтъ, это можно знать, это можно тысячу разъ повторять себѣ, но повѣрить этому сердцемъ, всѣмъ существомъ — невозможно. Легче повѣрить обратному. Разъ не тронутъ мой путь, разъ изъ семилѣтняго небытія онъ снова встаетъ въ настоящую жизнь мою, то не значитъ ли это, что и прошлое не прошло, что и оно явится мнѣ въ концѣ моего пути. Я ѣхалъ въ страшномъ волненіи, въ безумномъ какомъ-то ожиданіи, что если

стоитъ на мѣстѣ Медвѣдковская церковь, если тѣ-же ступени, та-же паперть, съ нея тѣ-же дали... то... то что-то должно случиться совсѣмъ невозможное...

Я гналъ извозчика; переѣхавъ желѣзнодорожное полотно, я почувствовалъ совершенно невыносимое безпокойство; мнѣ не къ чему было опаздывать, но сердце разрывалось отъ страха опоздать. Нѣтъ, я ѣхалъ не въ прошлое, не на могилу, а въ настоящее, на свиданіе!

Когда наконецъ показалось Медвѣдково, и дорога, подойдя къ изгородямъ, обходной петлей вдоль околицы повернула къ усадьбѣ, я не выдержалъ: — выпрыгнулъ изъ пролетки и тропинкой быстро двинулся къ церкви. Она! — все та-же; и та-же не только она, но то-же все! Все: — и прозрачность осенняго воздуха, и обѣденный часъ, и покосившаяся полупрѣлая дачка напротивъ, и маслянистые пласты свѣжей пашни за рѣчкой въ ложбинѣ, и желтая трава между плитами старой паперти... И только Таня въ могилѣ подъ бѣлымъ крестомъ въ каменной оградѣ совсѣмъ другой церкви, въ чужой и далекой Вильнѣ... Это мелькнуло, но только соображеніемъ, почти поверхностнымъ. Сердцемъ-же не принялось и невозможнаго какого-то ожиданія не убило. Хотѣлось непремѣнно войти въ церковь. Зачѣмъ? — Не знаю, Наташа, но только чего-то я ждалъ и ничему-бы не удивился. Если-бы мнѣ было видѣніе, я-бы его за видѣніе не принялъ. Я-бы повѣрилъ, что Таня пришла со мною повидаться. Развѣ не просто: — сама указала Медвѣд-

ково, назначила часъ, и пришла съ того свѣта, надѣвъ въ память прошлаго мой любимый нарядъ, свою земную, милую плоть..

Церковь была заперта. Быть можетъ лучше всего было-бы походить вокругъ нея да и ѣхать обратно. Но этого я не могъ; меня влекло въ церковь, и я пошелъ искать сторожа.

Въ синей рубахѣ, въ валенкахъ, въ громадной фетровой шляпѣ, онъ стоялъ на крыльцѣ сторожки, смотрѣлъ въ небо и расчесывалъ бороду. Моему желанію осмотрѣть церковь онъ видимо обрадовался. Проворно накинувъ пиджачишко, вынулъ изъ кармана связку тяжелыхъ бородатыхъ ключей и мягко засеменилъ передо мной по дорожкѣ. Только передъ самой папертью остановился, обернулся, и видимо ради добросовѣстности объяснилъ: «да чего ее смотрѣть, баринъ, вѣдь она старая». Невольно улыбнувшись, я поднялся вслѣдъ за старикомъ на паперть и вошелъ въ церковь, но совсѣмъ уже не въ тѣхъ ощущеніяхъ, въ которыхъ только-что одинъ стоялъ у ея дверей. Ласковый старикъ все время вертѣлся подлѣ и разспрашивалъ, «что въ ней хорошаго», и я разсказывалъ ему что-то о Грозномъ. Таня въ подвѣнечномъ платьѣ, блѣдная, взволнованная, какъ живая, стояла рядомъ со мною. Слышалось пѣніе, пахло воскомъ и ладономъ... Но все это было только воспоминаніемъ, привычнымъ спутникомъ жизни.

Выйдя изъ церкви, я совсѣмъ было собрался уѣзжать, какъ вдругъ старикъ, посмотрѣвъ на меня особенно пристально, снялъ шляпу, законфу-

зился и ошеломилъ меня внезапнымъ вопросомъ: «а позвольте узнать, очень мнѣ Ваша личность знакома, Вы не тотъ-ли господинъ будете, который Танюшу Вакунину за себя взяли?» Разговорились. И знаешь, что выяснилось, Наташа? То, о чемъ Таня мнѣ конечно разсказывала, но чему я какъ то не придавалъ большого значенія. Оказывается, что Таня не только за старину, и не только ради того, чтобы на свадьбѣ не было родственниковъ и знакомыхъ, выбрала медвѣдковскую церковь, но и по совсѣмъ другимъ соображеніямъ. Оказывается, что она хорошо знала и очень любила медвѣдковскаго батюшку, у котораго Вакунины много лѣтъ снимали дачу, и чуть-ли не двѣнадцатилѣтней дѣвочкой рѣшила, что вѣнчаться будетъ обязательно у него. Какъ дѣвочкой обѣщала, такъ и сдѣлала. Очень она вѣрный во всемъ была человѣкъ.

Когда я вошелъ къ отцу Василію (котораго еле помнилъ) и назвалъ себя, онъ обрадовался мнѣ какъ родному. О Таниной смерти онъ зналъ. Зналъ-ли и то, что я снова женатъ, и на комъ, — не знаю. Думаю, что зналъ, потому что очень деликатно ни о чемъ не спросилъ. Мы сидѣли въ маленькомъ зальцѣ на старомъ кретоновомъ диванѣ, любимомъ Таниномъ. Надъ столомъ жужжали мухи, пахло сушенными грибами, шумѣлъ самоваръ... Отецъ Василій, очевидно любившій Таню, какъ родную дочь (самому «Богъ дѣтей не далъ»), все разсказывалъ и разсказывалъ объ ея дѣтствѣ. Умный, любовный разсказъ ласковаго старика четко нарисовалъ образъ живой, горячей и пытливой дѣвочки, строп-

тивой и рѣзкой дома, но очень внимательной, услужливой и мягкой съ посторонними людьми, у которыхъ она очевидно искала защиты отъ сумрачности родительскаго дома и къ которымъ легко и крѣпко привязывалась. Съ дѣтства болѣзненная, смугленькая, «кривоплеченькая», но всегда встрепанная, всегда на «любопытныхъ цыпочкахъ», она походила по его словамъ на жиденькія, однобокія, но граціозныя елочки, что растутъ по лѣснымъ опушкамъ. Очень онъ о ней хорошо, зорко и любовно разсказалъ. Я унесъ съ собою новое, сложное, нѣжное ощущеніе Танинаго дѣтства, Тани гимназистки въ первомъ форменномъ платьицѣ...

На обратномъ пути этотъ милый, новорожденный образъ все время стоялъ у меня передъ глазами. Но знаешь, что страннѣе всего — съ моей Таней, Таней-женой, онъ во мнѣ не сливался; маленькая Таня ѣхала со мной въ Москву не Таней, а нашей съ Танею дѣвочкой, — той, которую Таня такъ ждала и которая съ полпути въ міръ вернулась обратно въ небо. Какъ Таня прислушивалась къ ней! Сначала что-то промелькнетъ въ глазахъ, словно тѣнь быстраго облака, потомъ судорожно дернется нервный ротъ, но тутъ же судорога улыбкой взлетитъ къ глазамъ — и во всемъ лицѣ свѣтъ. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ ее въ эти минуты...

Когда я проѣзжалъ мимо Вакунинскаго дома, въ окнахъ кабинета былъ свѣтъ. Сразу представилась мрачная комната, бархатныя портьеры на окнахъ, между ними громадный письменный столъ спиной къ свѣту (характерно, что старикъ не пе-

реносилъ дверей за спиной), на немъ тяжелый малахитовый приборъ — все торжественно, сумрачно и мертво, какъ катафалкъ. И вдругъ, Натаденька, такое чувство нерасторжимой связи со всѣмъ этимъ и такое необоримое желаніе позвонить и войти, что я долженъ былъ собрать всю свою волю, чтобы проѣхать мимо.

Будь я увѣренъ, что Алеша одинъ, я можетъ быть и отдался бы своему порыву. Вѣдь ходили-же мы съ нимъ по Клементьевскому парку, вѣдь говорили-же о прошломъ! Вѣдь могъ-же онъ почувствовать, что я только-что отъ Тани...

Пріѣхавъ домой, я написалъ ему большое письмо. Быть можетъ несовсѣмъ то, которое нужно-бы было написать, чтобы онъ повернулся лицомъ ко мнѣ. Быть можетъ, если-бы я написалъ только изъ глубины вчерашняго дня, мой голосъ скорѣе дошелъ-бы до его души. Но этого я сдѣлать не могъ, не могъ-же я совсѣмъ не коснуться и нашего вопроса. Я написалъ ему безъ малѣйшаго налета того чувства своей правды, въ которомъ писалъ ему въ Клементьевѣ. Надѣюсь, что онъ отвѣтитъ.

Ну, родная, Христосъ съ Тобою, сейчасъ ни о чемъ больше писать не хочется.

Твой Николай.

Москва, 8-го сентября 1913 г.

Сегодня утромъ, Натаденька, получили мы съ Тобою письмо отъ Алексѣя. Пишу мы, потому что

адресовано оно ко мнѣ, написано намъ обоимъ, а отвѣта онъ ждетъ отъ Тебя. Всякій разговоръ со мной онъ рѣшительно отклоняетъ. Ну, да Ты сама все увидишь. Думалъ было, что мы прочтемъ его вмѣстѣ, да перерѣшилъ; вѣдь еще неизвѣстно, когда Ты пріѣдешь.

Грустно, родная, и больно. Алешино письмо очень умное, очень талантливое; въ немъ есть, я это чувствую, и какая-то жуткая правда обо мнѣ. И потомъ въ немъ страшная тяжесть: — какая-то корча страданья. И все-же въ цѣломъ оно несправедливо и слѣпо. Я увѣренъ, Ты почувствуешь это сильнѣе меня.

Конечно, и я вѣрю, что «о послѣднихъ истинахъ не препираются, а за нихъ борются на жизнь и смерть». Но такое исповѣданіе правды борьбы безсмысленно безъ признанія побѣды, какъ рѣшенія Божьяго суда. Мы съ Алешей боролись и поле битвы осталось за мной. Чего-же онъ хочетъ? Развѣ заднимъ числомъ судить побѣдителей не значитъ «препираться» о той правдѣ, за которую онъ считаетъ возможнымъ только бороться.

Не могу я согласиться и съ тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ чувства крови. Но кровь крови рознь. Есть кровь, какъ окрыленность сердца страстью, и есть слѣпые, налитые кровью глаза. Летучая кровь — прекрасна; тучная только красна. Первую я въ себѣ знаю, объ отсутствіи второй — не жалѣю. Чтобы бороться со своимъ противникомъ не на животъ, а на смерть, совсѣмъ не обязательно умалять его. Эстетически всякій поединокъ предполагаетъ

равную доблесть противниковъ, а нравственно — ихъ разную, но равноцѣнную причастность къ Правдѣ. Только споръ между правдами имѣетъ право разрѣшаться кровью; для разрѣшенія спора между правдой и ложью достаточно участка или третейскаго суда. Еще изъ Клементьева я писалъ Алексѣю, что признаю свою вину передъ нимъ, но одновременно утверждаю, что долженъ былъ взять ее на себя, потому что другого исхода мнѣ не было. Но всего этого онъ очевидно не понялъ и не принялъ. Если Ты рѣшишь писать изъ Касатыни, попытайся еще разъ сказать ему своими словами (мои ему очевидно противны и непонятны), что жизнь въ этикѣ безъ остатка не растворима, что на днѣ всякаго этическаго раствора остается мутный осадокъ: нравственный долгъ грѣха. Ей-Богу-же этотъ осадокъ не моя выдумка. О немъ, какъ о глубочайшемъ религіозномъ корнѣ трагическаго измѣренія жизни свидѣтельствуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ величайшіе историки человѣчества, всѣ трагики — отъ Эсхила до Достоевскаго.

Неужели-же Алексѣй не понимаетъ, что дѣлая то, что онъ дѣлаетъ, онъ нравственно губитъ не только меня, но вмѣстѣ со мною и Тебя и себя... Впрочемъ, возможность такого отношенія Ты, вопреки мнѣ, всегда предполагала и даже оправдывала. Быть можетъ оно потому поразитъ Тебя меньше, чѣмъ поразило меня. А я, Наташа, ошеломленъ и, знаешь, не только силою Алешиной ненависти, но и своей слѣпотой.

Я никогда не считалъ себя психологомъ, для этого я слишкомъ философъ; но чтобы я могъ такъ ничего не понять въ душевномъ состоянiи близкаго мнѣ человѣка, какъ я ничего не понялъ въ Клементьевскомъ настроенiи Алеши, — этого я все-же отъ себя не ожидалъ.

А знаешь, въ чемъ причина? Алешино письмо впервые натолкнуло меня на очень жуткую для меня мысль: не таится ли она въ какой-то своеобразной холодности моего сердца, въ какомъ-то головномъ тембрѣ его бiенiя? Ты вѣдь знаешь, я немногихъ людей такъ любилъ, какъ любилъ, да и теперь люблю, Алешу. Какъ-же случилось, что видя его изо дня въ день въ Клементьевѣ чернымъ и испепеленнымъ, я такъ и не смогъ представить себѣ всей глубины его страданiя. Причемъ (если не считать мгновенныхъ закидокъ) мнѣ вѣдь ничего не застилало взора: ни ненависть ни ревность, ни самолюбiе — ничего, кромѣ моей упорной вѣры въ свою правоту и ея силу.

Я еще не могу сказать Тебѣ, въ чемъ дѣло, но я ясно чувствую, что Алеша указалъ своимъ письмомъ на что-то мнѣ самому новое въ себѣ, надъ чѣмъ мнѣ никогда больше не перестать думать и о чемъ мнѣ безконечно важно какъ можно скорѣе допросить Твою всепонимающую совѣсть.

Сейчасъ вотъ какая во мнѣ разверзается пропасть. Если жизнь не растворима въ этикѣ, то она тѣмъ менѣе растворима въ логикѣ. Если есть нравственный долгъ грѣха, то очевидно есть и метафизическiй долгъ непо-

н и м а н і я. Но если такъ, то не глубже-ли (метафизически) Алешино непониманіе меня, чѣмъ мое требованіе, чтобы онъ меня понялъ. И дальше — я утверждаю (и такъ и писалъ Алешѣ), что виноватъ передъ нимъ трагическою виною безъ вины виноватаго. Скажи, не кажется-ли Тебѣ, что это могло-бы быть правдой только въ томъ случаѣ, если-бы я самъ объ этой правдѣ ничего не зналъ. Сейчасъ во мнѣ поднимается страшное сомнѣніе: — могу ли я, осознавъ свою вину, какъ трагическую, не превратить ее тѣмъ самымъ въ этическую. Развѣ герой трагедіи могъ-бы остаться героемъ и не стать лицемѣромъ, если-бы онъ вмѣстѣ со своимъ авторомъ зналъ, что его вина — вина «безъ вины виноватаго»? То, что Алеша написалъ о полномъ отсутствіи у меня трагическаго ощущенія жизни, очень грубо и жестоко. Но на какую-то ему самому невѣдомую правду онъ все-же натолкнулся, если только все то, что я сейчасъ говорю, больше чѣмъ временное затменіе сознанія.

Съ безконечнымъ нетерпѣніемъ жду Твоего пріѣзда. Одному мнѣ со всѣмъ этимъ не справиться. Чувствую, что только Твоя мудрая рука сможетъ остановить діалектическое качаніе обезумѣвшаго въ моей душѣ маятника.

Цѣлую Тебя, дорогая.

Твой Николай.

Н. Ф. Переслѣгину. Москва, 19 7/IX 13.

Я пишу Тебѣ на Ты, потому что къ сожалѣнію убѣдился въ правдѣ Твоего лѣтняго письма. Уйти отъ Тебя мнѣ дѣйствительно невозможно. Близость ненависти ближе близости любви. Въ Клементьевѣ, когда я боролся съ собою — не убить-ли мнѣ одного изъ насъ, я мысленно тоже говорилъ съ Тобой не на Вы.

Не думай пожалуйста, что я не понимаю, до чего съ моей стороны глупо доставлять Тебѣ удовольствіе признаніями о моихъ эффектныхъ клементьевскихъ настроеніяхъ. Все это я очень хорошо понимаю. Но мнѣ сейчасъ не до этого. Говорить, такъ говорить безъ оглядки.

Ты снова настаиваешь на нашемъ свиданіи. Ужасно меня, кстати, покоробило, что Ты прислалъ письмо не нормальнымъ человѣческимъ способомъ, по почтѣ, а съ нарочнымъ, потребовавшимъ расписку. Точно вызовъ къ слѣдователю или повѣстка изъ участка. Очень это похожая на Тебя мелочь. Но это конечно такъ, мимоходомъ. Главное-же: видѣться намъ совершенно незачѣмъ. То-есть, Тебѣ-то есть конечно зачѣмъ. Я очень хорошо понимаю, до чего Тебѣ необходимо снова завладѣть мною, отравить Твоей казуистикой «дважды два — четыре» моего сердца и сознанія. Я увѣренъ, что Ты уже давно обѣщалъ Натальѣ подарить къ именинамъ мое признаніе Твоей правды, мое глубокое пониманіе Тебя и пріятіе Твоего предательства. Безъ этой послѣдней побѣды надо мной Тебѣ

не успокоиться. Тебѣ во что бы то ни стало нужно убить въ Натальѣ и тѣ послѣднія угрызенія совѣсти, которыми она, по крайней мѣрѣ временами, все еще чувствуетъ себя связанной со мною. Но неужели-же весь Твой умъ (а умъ, кажется, единственное, въ чемъ Тебѣ не откажешь) настолько глупъ, чтобы не видѣть, что въ этомъ дѣлѣ я Тебѣ не помощникъ, что никакими жалкими словами о необходимости «существенно объясниться» и «объективно понять другъ друга» Тебѣ меня не провести.

Въ объективную правду я вѣрю не меньше Тебя, но объективная правда, какъ бы это ни оспаривали г.г. философы, у каждаго къ несчастью своя. Объективная правда не наша логика, а моя кровь. Не то, о чемъ препираются, а то, за что умираютъ. Но этого Тебѣ по настоящему, кровью, конечно никогда не понять, потому что вся Твоя сущность и сила въ томъ, что у Тебя въ жилахъ течетъ не кровь, а какая-то прозрачная, игристая шипучка.

Со скрежетомъ зубовнымъ, со стыдомъ и раскаяніемъ вспоминаю я сейчасъ, какъ цѣлыхъ два года изо дня въ день самъ отравлялъ Натальину душу своимъ слѣпымъ увлеченіемъ той холодной, праздною игрою ума, которая всегда вскипала въ Тебѣ, когда Твоя шипучка неизвѣстно почему бросалась Тебѣ въ голову.

Сейчасъ у Тебя никакой власти надо мной нѣтъ. На этотъ счетъ можешь быть абсолютно спокоенъ. Я вижу Тебя насквозь и всего Тебя наотрѣзъ

отрицаю. И Твою безкостную, какъ Петрушка, мысль, и Твой холодный бенгальскій темпераментъ, и Твою фальшивую сентиментальность, и Твою самоувѣренную барственность, и Твое актерское лицо. Въ довершеніе ко всему этому еще одно: я увѣренъ, что въ концѣ концовъ Ты себя видишь такимъ-же, какимъ Тебя вижу я. Вѣдь видѣть Ты большой мастеръ. Но въ Тебѣ это не заслуга, потому что для Тебя изъ этого самовидѣнія рѣшительно ничего не вытекаетъ: ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти, ни стремленія взять и перекромсать себя... ничего. Тутъ въ Тебѣ есть какой-то совершенно невѣроятный цинизмъ, вотъ ужъ «цинизмъ, доходящій до граціи».

Я знаю, что выдаю себя съ головою, но говорю Тебѣ прямо: сейчасъ я живу только ожиданіемъ, что въ одинъ прекрасный день Наталья сама все это увидитъ. Не можетъ-же она до смерти жить съ Тобою, да еще и молиться на Тебя, не видя, что Твоя душа не только не храмъ, но даже и не квартира, а гнусная экспериментальная лабораторія. Вѣдь она женщина большая, настоящая и правдивая. Настолько настоящая и правдивая, какъ Тебѣ никогда не понять и ужъ конечно никакъ не оцѣнить. Съ Тобой и говорить-то о ней было-бы грѣхъ, если-бы на сердцѣ не было худшаго; никогда не прощу себѣ, что не удержалъ ея (мало значитъ любилъ), отдалъ, уступилъ, предалъ. Своими руками снесъ ея младенческую душу самому черту въ люльку, на, молъ, укачивай, пой надъ ней, отпѣвай ее!

Надѣюсь, что послѣ всего сказаннаго, Ты поймешь, что намъ говорить не о чемъ, что Твое предложеніе «разговора» для меня такая-же нелѣпость, какъ предложеніе сверленія давно просверленной дыры.

Но если-бы моего общаго мнѣнія о Тебѣ было-бы недостаточно, то могу на всякій случай добавить вотъ еще что: я знаю не только Тебя, но напередъ знаю и все, что Ты будешь мнѣ проповѣдывать. Вѣдь на смерть отравленная Тобою Наталья еще цѣлый мѣсяцъ оставалась со мною. Вѣдь мучилась, несчастная, на моихъ глазахъ. Будешь Ты мнѣ доказывать, что я никогда не любилъ Натальи, а всего только за жизнь цѣплялся и что она, въ сущности, тоже не любила — гдѣ тамъ — а по какому-то долгу службы отъ отчаянья, а можетъ быть даже и отъ смерти спасала. Замѣчательная глубина прозрѣнія! Удивительная легкость въ мысляхъ! Не любила, а всего только отъ смерти спасала... всего только! Но скажи-же на милость, что же по Твоему любовь, если она не спасеніе отъ смерти, и чѣмъ, чѣмъ кромѣ любви можетъ одинъ человѣкъ спасти другого отъ смерти? И какъ-бы Наташа меня спасала и спасла, если-бы она меня не любила? Но что говорить съ Тобою обо всемъ этомъ! Что могу Тебѣ сказать я, когда даже страшная Танина смерть Тебѣ ничего не сказала, не вскрыла въ Твоей душѣ глубочайшаго догмата жизни: единства смерти и любви! Ни любви, ни смерти, вообще никакой глубины жизни Тебѣ все равно никогда не понять.

Ее и Тебя навѣкъ раздѣляетъ Твоя чудовищная, безмѣрная живучесть, свойственная только самымъ низменнымъ, безпозвоночнымъ организмамъ, у которыхъ что ни оторви, все выростаетъ вновь.

Еле успѣвъ схоронить Таню, Ты, какъ я къ несчастью только теперь яснѣе яснаго вижу, сейчасъ-же чуть-ли не надъ свѣжею могилой уже началъ прикидывать Марину, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ и Наталью. Въ то время Марина была для Тебя соблазнительнѣе, но на мое горе за мою Наталью работала ситуація. Жена ближайшаго друга, почти брата — это конечно куда «наряднѣе», чѣмъ ничѣмъ не связанная дѣвушка! Но кромѣ этого чувства позы былъ въ Тебѣ и разсчетъ сладострастія. Можетъ быть раньше, чѣмъ Ты самъ это понялъ, поняла Твоя жадность, что ходъ на Наталью совсѣмъ не лишалъ Тебя въ будущемъ еще и хода на Марину; бракъ же съ Мариной навсегда отрѣзывалъ Тебя отъ Натальи. А потому правильный разсчетъ — Наталью, сейчасъ-же, пока еще отравлена кровь и одурманена воля, силкомъ и софизмомъ, черезъ предательство и преступленіе, въ домъ, подъ ключъ, въ жены! Романъ же съ «демонической» (кажется это такъ у Тебя называется) Мариной про запасъ, на интересный завтрашній день.

Господи, какъ я мучился за Наталью и какъ ненавидѣлъ Тебя въ Клементьевѣ, когда вылощенный, въ лаковыхъ сапогахъ, въ какихъ-то новомодныхъ штанахъ Ты безъ малѣйшей мысли о все

отдавшей для Тебя женщинѣ (гдѣ-то тамъ на Кавказѣ... ждущей Тебя) самозабвенно и самодовольно проносился мимо меня «въ вихрѣ вальса»!

Повѣрь, если-бы не эксцентричная выходка Марины — Ты въ тотъ вечеръ врядъ-ли ушелъ-бы живымъ изъ Клементьева. Дѣло это прошлое, Тебѣ уже давно ничего не грозитъ, можешь не безпокоиться. Пишу-же о своей мукѣ, о своемъ безуміи только для того, чтобы Ты, наконецъ, понялъ, что между нами въ дѣйствительности произошло, чѣмъ мы отдѣлены другъ отъ друга, и, взявъ у меня жизнь, пересталъ-бы навязывать мнѣ свою «истину».

Зачѣмъ судьбѣ тогда понадобилось разрядить мою ненависть (утверждаю, праведную) въ такое жалкое, малодушное лицемѣріе тогдашняго утра, когда, посрамленный и уничтоженный этимъ нелѣпымъ вальсомъ съ Мариной, я покорно прогуливался рядомъ съ Тобою, я до сихъ поръ въ толкъ не возьму. Но Твоею, или «Твоей правды» побѣдою, какъ ты наивно предполагаешь, это трижды проклятое утро во всякомъ случаѣ не было.

Было совсѣмъ другое: — было глубокое ко всему безразличіе человѣка, который пустился въ присядку вмѣсто того, чтобы спустить курокъ. Послѣ такого анкдота все все равно и все можно. Предложи Ты мнѣ въ то утро, не то что пройтись по саду, а подписаться подъ Твоей гипотезой, что никогда я не любилъ Натальи, я бы подписался безъ малѣйшихъ колебаній. Я тогда же видѣлъ, что Ты все понимаешь навыворотъ, но было не до того.

Потомъ только мучила злость; представлялъ, какъ Ты громогласно докладываешь о своемъ торжествѣ Натальѣ. Хотѣлъ даже писать ей, да не написалось. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. А кромѣ того остановила мысль — кто она, Твоя Наталья? Не развратилъ-ли Ты ее до того, что она сочла-бы себя обязанной показать Тебѣ мое письмо?

Надѣюсь, что теперь Ты поймешь, что вся Твоя аппеляція къ «Клементьевскому утру», какъ къ началу и доказательству возможнаго между нами пониманія и сближенія — верхъ слѣпоты и безсмыслія. Замѣчательно до чего Ты всегда все тщательно и цѣльно выдумаешь и до чего все впустую. Кромѣ Тебя не знаю ни одного человѣка, который при такихъ изощреннѣйшихъ понятіяхъ о жизни, такъ элементарно ничего-бы въ ней не понималъ.

Ты любишь говорить о трагедіи — пустыя слова.

Трагическаго ощущенія жизни какъ разъ въ Тебѣ то и нѣтъ ни на грошъ, конечно, если трагическимъ ощущеніемъ считать міроощущеніе героя, а не завсегдатая партера. Ты же «партеръ», зритель 1-го ряда, благополучный и ко всему равнодушный, какъ кресло подъ нимъ. И вся эта Твоя Маниловщина, Твои объективныя истины, взаимное пониманіе, дутый пафосъ, все это одна безкровная риторика черстваго сердца.

Пойми-же, объективная истина моей жизни — Наталья. Общей эта истина у насъ съ Тобою быть не можетъ. Ни къ какому взимному пониманію намъ потому придти нельзя и стремиться не

только безсмысленно, но и кощунственно. Больше намъ говорить не о чемъ.

Алексѣй.

P. S. Съ Тебя можетъ статься, что Ты начнешь слѣдующее письмо съ глубокомысленныхъ разсужденій на тему о противорѣчіи содержанія моего письма и факта его написанія, съ доказательства «тезиса», что очевидно-же намъ есть о чемъ говорить, разъ мы фактически говоримъ. На этотъ случай сообщаю Тебѣ, что письмо это я написалъ прежде всего въ увѣренности, что Ты его дашь прочесть Натальѣ (Тебѣ сейчасъ это только выгодно, прекрасный случай показать свое благородство). Мой же разсчетъ, говорю откровенно, весь на завтрашній день. Сейчасъ мое письмо вызоветъ въ Натальѣ только глубокую обиду за Тебя и сожалѣніе о моемъ ослѣпленіи, это ясно. Но я твердо вѣрю, что время и прежде всего самъ ты — работаете мнѣ на пользу. Человѣку, которому осталась только смерть — спѣшить некуда. Поживемъ — увидимъ.

Если-бы на это письмо захотѣла отвѣтить Наталья, я былъ-бы радъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ ей писать, но не былъ увѣренъ, отвѣтитъ-ли она.

Москва, 10 сентября 1913.

Вѣдь вотъ, словно предчувствовало сердце! Недаромъ умолялъ я Тебя, Наталенька, слѣдить за отцомъ.

37,8! — температура конечно небольшая, а все-же тревожно. Какъ знать — вдругъ что въ легкихъ, тогда трудно будетъ старику. Сердце хоть и здоровое, а все-же какъ ни какъ поношенное.

Что Ты послала за Алексѣмъ Ивановичемъ — хорошо. Отецъ его очень любитъ и онъ одинъ изъ немногихъ людей прекрасно дѣйствующихъ на его настроеніе; вѣдь двадцать лѣтъ они вмѣстѣ охотятся и ругаютъ медицину. Врачъ онъ незатѣйливый, кромѣ коньяка и банокъ рѣшительно ничего не прописываетъ — но зато честный и внимательный. Во всякомъ случаѣ попроси его прислать Тебѣ опытную сестру. Одна Ты скоро выбьешься изъ силъ — отецъ паціентъ очень нелегкій. Я до Твоего слѣдующаго письма рѣшать ничего не буду. Если положеніе окажется серьезнымъ, я конечно немедленно вернусь, если-же нѣтъ, то можетъ быть и послушаюсь Тебя — поѣду пока что въ Петербургъ одинъ, въ надеждѣ, что Ты скоро ко мнѣ подъѣдешь.

Не могу Тебѣ сказать, дорогая, до чего все это волнуетъ меня, и, грѣшный человѣкъ, сильнѣе всего кипитъ досада на разстройство нашихъ съ Тобою плановъ.

Въ Петербургъ я написалъ. На дняхъ жду отвѣта отъ профессора Нагибина. Москва съ каждымъ днемъ все больше оживляется. Ваши тоже скоро возвращаются изъ Корчагина. Константинъ Васильевичъ вернулся въ городъ очень отдохнувшимъ и оживленнымъ. Мечтаетъ какъ можно скорѣе продать московское дѣло и навсегда поселить-

ся въ имѣніи. Живемъ мы съ нимъ очень складно. Послѣдніе дни я вечерами сижу дома, и мы увлекаемся шахматами. Онъ играетъ много лучше меня и это его очевидно радуетъ.

Прости, родная, за эту коротенькую записочку, какъ-то не пишется больше. Надѣюсь, что у Васъ все благополучно. Буду съ нетерпѣніемъ ждать Твоего письма. Христосъ съ Тобою, дорогая, нѣжно цѣлую Тебя.

Твой Николай.

Москва, 12 сентября 1913.

Сегодня утромъ получилъ Твою успокоительную телеграмму, Наталенька. За эти два дня такъ намучился представленіемъ всякихъ ужасовъ, что почти обрадовался, узнавъ, что Алексѣй Ивановичъ нашелъ очень небольшое воспаленіе въ легкомъ и думаетъ, что при тщательномъ уходѣ никакой опасности пока не грозитъ.

Думаю потому, что мнѣ дѣйствительно не слѣдуетъ прерывать уже налаженныхъ занятій, тѣмъ болѣе, что я вчера получилъ очень благопріятный отвѣтъ отъ Нагибина. Онъ пишетъ, что моя работа ему показалась интересной и что я могу быть сейчасъ-же допущенъ къ магистерскому экзамену. Между прочимъ онъ очень совѣтуетъ не затягивать дѣла и сдавать по возможности скорѣе, такъ, чтобы покончить со всѣмъ еще до Рождества.

Думаю, что если все будетъ благополучно, то недѣли черезъ двѣ Ты сможешь оставить отца на

попеченіе сестры и пріѣхать ко мнѣ. Если-же, не Дай Богъ, дѣла накренятся въ дурную сторону, то все бросить — дѣло одной минуты.

Конечно, собираясь въ Москву, мы съ Тобою представляли себѣ все совершенно иначе, но что-же дѣлать — очевидно ничего другого не остается, какъ покориться.

Ты очень права, родная: — никогда не надо преждевременно открывать ворота бѣдѣ; въ открытыя она непремѣнно завернетъ, а въ закрытыя — можетъ быть и не заглянетъ. Эту Твою старую вѣру я хорошо въ Тебѣ знаю; недаромъ въ свое время я такъ упорно боролся противъ Твоего нежеланія сдѣлать хотя-бы одинъ рѣшительный шагъ навстрѣчу надвигавшемуся на Тебя разрыву съ Алешей. Тутъ есть въ Тебѣ какое-то странное суевѣріе, въ которомъ очень мало «всуе» и очень много настоящей «вѣры», нѣчто мнѣ совсѣмъ непонятное, и все-же черезъ Тебя какъ-то дѣйствующее и на меня. Какъ это ни странно, но отложить экзаменъ и вернуться въ Касатынь мнѣ послѣ Твоего письма было-бы почти страшно: — во мнѣ уже вполнѣ реальна Твоя суевѣрная боязнь, какъ бы намъ своими услужливыми приготовленіями къ бѣдѣ не накликать ея на свою голову.

Очень мнѣ важно, какое впечатлѣніе произвело на Тебя Алешина посланіе, и будешь-ли Ты отвѣчать на него. Надѣюсь, что не сегодня, завтра получу отъ Тебя письмо.

Богъ дастъ у Васъ за послѣднія сутки ничего не ухудшилось.

Константинъ Васильевичъ съ утра очень взволнованъ: ждетъ пріѣзда Лидіи Сергѣевны и Маруси. Черезъ полчаса мы съ нимъ ѣдемъ встрѣчать ихъ на вокзалъ. Могу себѣ представить, какъ Лидія Сергѣевна будетъ опечалена нашими дѣлами. Она вѣдь ѣдетъ съ надеждой, что Ты уже въ Москвѣ.

И за что это судьба такъ немилостива къ Тебѣ, моя бѣдная? Ну Богъ дастъ все образуется. Цѣлую.

Твой Николай.

Москва, 14-го сентября 1913 г.

Здравствуй Наталенька. Цѣлую Твои рученьки и спѣшу отвѣтить на Твое письмо, которое пришло сегодня утромъ.

Счастливъ, что у Васъ все, слава Богу, благополучно и страдаю, что Ты такъ безповоротно рѣшила остаться съ отцомъ въ Касатыни, а меня отправить одного въ Петербургъ.

Ты спрашиваешь, «одобряю» ли я Твое письмо къ Алексѣю. Нѣтъ, родная, — одобряю, совсѣмъ не то слово. По моему душевнѣе и окончательнѣе того, что Ты написала, вообще ничего нельзя было сказать.

Что Ты ни однимъ словомъ не защищаешь меня, только правильно. Увѣренъ, что Алеша ясно почувствуетъ, что Ты не оспариваешь его только потому, что споръ съ нимъ на тему моей низости для Тебя нравственно недопустимъ. Не обо всемъ же, въ

самомъ дѣлѣ, можно споритъ. Алешино чувство впрочемъ будетъ конечно глуше этихъ моихъ, слишкомъ заостренныхъ словъ. Вѣдь Твое письмо такъ мягко, такъ совсѣмъ безъ всякой принципіальности отклоняетъ всякій принципіально-нравственный разговоръ обо мнѣ. По всему его тону совершенно ясно, что для Тебя злые Алешины выпады — только его боль и его страданіе, но не его вина.

Замѣчательный Ты человѣкъ, Наташа, и самое въ Тебѣ (до полной для меня непонятности) замѣчательное это то, что ни одно Твое чувство не оборачивается въ Тебѣ на Тебя-же. Я вполнѣ понимаю, что можно жить не для себя: — думаю, что мало кто для себя и живетъ. Но какъ можно жить не только не для себя, но и не вокругъ себя, это для меня загадка. Если люди и не такъ эгоистичны, какъ они кажутся, то эгоцентричны они все же всѣ. Кромѣ Тебя, по совѣсти, не знаю ни одной женщины, которая, говоря съ человѣкомъ, страдающимъ по ней, объ его страданіи, могла-бы не испытывать при этомъ ни малѣйшаго удовлетворенія. Почти во всѣхъ современныхъ женщинахъ есть какой то въ нравственномъ отношеніи весьма неблагополучный звукъ жадности и жестокости. Почти всѣ онѣ, какъ впрочемъ и современные мужчины, отравлены ядомъ Ницше и Стриндберга. Почти для всѣхъ нихъ любовь не только притяженіе въ любви, но и отталкиваніе въ борьбѣ. Уходя изъ подъ власти угасающаго въ нихъ чувства, всѣ онѣ всегда сдѣлаютъ все, чтобы сохранить свою власть надъ тѣми, кого нѣкогда любили. Какою цѣною — имъ все равно;

хотя-бы и цѣною сознательнаго возбужденія къ себѣ ненависти.

Въ Твоемъ письмѣ на всѣ эти чувства нѣтъ ни намека. Я сказалъ-бы, что оно безкорыстно и благородно до оскорбительности. Ни одного волнующаго, гнѣвнаго слова; ни одного тревожнаго отзвука бывшей, ни одного скорбнаго звука мертвой любви. Одна только озабоченность — какъ бы помочь, вернуть человѣка себѣ самому, освободить отъ себя. Весь тонъ письма таковъ, словно оно написано не Тобою, не тою Наташей, которая нѣкогда любила Алексѣя, а ея старшей, недавно схоронившей Наташу сестрой; во всемъ такая ясность, прозрачность и успокоенность. Не думаю, чтобы послѣ Твоего письма у Алексѣя осталась надежда на «завтрашній день», надежда на то, что Ты «разглядишь меня» и... вернешься къ нему.

Твои, исполненныя по отношенію къ нему большой любви и благодарной памяти, слова прежде всего все же звучатъ словами женщины, навѣки обреченной своей судьбѣ: — себя потерявшей, себя нашедшей и надъ собою безвластной.

Я безконечно счастливъ Твоимъ письмомъ, родная. У меня словно камень съ сердца. И въ сердцѣ новая надежда, что наконецъ то Алеша пойметъ, что все случившееся съ нимъ не моя «махинація», а наша судьба. И какъ это мы съ Тобою раньше не додумались, что надо было сразу-же не мнѣ писать Алексѣю, а Тебѣ. Хотя... какъ знать, быть можетъ это и не вѣрно. Быть можетъ годъ

тому назадъ одинъ видъ Твоего письма, самое начертаніе Твоего тихаго, милаго имени могли бы окончательно нарушить душевное равновѣсіе Алеши. Сейчасъ этого, слава Богу, бояться уже не приходится. Твоя мысль, что Алешино письмо ко мнѣ является лучшимъ доказательствомъ того, что онъ оправляется и внутренне уже окрѣпъ, меня очень обрадовала. Самъ я этого какъ-то не понялъ, не почувствовалъ, но послѣ Твоего письма, мнѣ сразу-же стало очевиднымъ, что Ты глубоко права.

Въ тяжелыя минуты душевнаго упадка и отчаянія Алексѣй вѣдь всегда молчалъ, молчалъ днями, недѣлями..., ходя изъ угла въ уголъ и куря папиросу за папиросой. Письмо же его — блестящая прокурорская рѣчь, произнесенная, правда, въ отвѣтъ на мое письмо, но внутренне найденная очевидно много раньше. Въ ней есть точность, блескъ, ритмъ, т. е. творчество, т. е. жизнь.

Терапевтически было потому съ моей стороны большой психологической ошибкой какъ Клементьевское письмо, такъ и все мое упорное стремленіе, не считаясь съ нуждой Алешиной жизни, навязывать ему свою правду. Но конечно, какъ Ты и пишешь, моего большого вопроса: — не глубже-ли (метафизически) Алешино непониманіе меня, моего требованія, чтобы онъ меня понялъ, — всѣ эти психологическія раздумья никакъ не касаются, ибо важно въ послѣднемъ счетѣ не то, — имѣетъ-ли Алексѣй право своимъ инстинктивнымъ нежеланіемъ понять меня пользоваться какъ выздорав-

ливающій діэтой, а то — вѣрно-ли, что вопросъ истины есть вопросъ крови, а не сознанія. Осложняется для меня это Алешино утвержденіе еще и тѣмъ, что въ сущности я самъ всегда защищалъ почти все то, что Алексѣй сейчасъ утверждаетъ, какъ будто вопреки своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Не Алексѣй, а я всегда ставилъ «священное» выше «гуманнаго» — даръ выше долга; не Алексѣй, а я всегда отстаивалъ не только право, но и долгъ кровью защищать свою любовь. Въ извѣстномъ смыслѣ его письмо большой шагъ навстрѣчу моему міроощущенію и міросозерцанію. Было время, когда онъ уступалъ Тебя безъ боя, а я сознательно шелъ на все, и не ему, потому упрекать меня въ томъ, что я боролся за Тебя одними силлогизмами. И все-же во мнѣ все совершенно иначе, чѣмъ въ немъ. Я всегда считалъ своимъ долгомъ кровью и жизнью защищать правду. Алеша въ своемъ письмѣ свою кровь считаетъ правдой, и потому для правды въ его мірѣ мѣста, въ сущности, не остается.

Что теоретически вся правда на моей сторонѣ — я вѣрю и сейчасъ. Въ этомъ смыслѣ Алешино письмо меня отнюдь не поколебало. Но жестокую мою самоувѣренность оно какъ-то смягчило.

И сейчасъ во мнѣ волнуется первое впечатлѣніе отъ Алешинаго письма: — а что если и дѣйствительно нѣтъ никакой внѣ насъ стоящей правды, за которую мы проливаемъ кровь, ради которой страдаемъ, во имя которой умираемъ, а есть толь-

ко правда нашего человѣческаго страданія, нашей бѣдной крови, нашей одинокой смерти? Не утѣшенный никакою вѣрою въ правду, Алеша долженъ страдать конечно гораздо глубже меня. Въ этой глубинѣ его страданья мнѣ и почувствовалась, когда схлынула первая обида, та его болѣе глубокая правда, въ которую я по настоящему, вѣроятно, не повѣрилъ, но о которой мнѣ все-же захотѣлось сказать Тебѣ.

Я знаю, дорогая, что Ты вѣчное мое философствованіе («вертячку» постояннаго осознаванія всего въ себѣ и вокругъ себя) считаешь гораздо менѣе существенной и характерной для меня чертой, чѣмъ большинство моихъ друзей и я самъ. Для Тебя я не столько человѣкъ, съ чужими себѣ самому глазами, какъ я писалъ Тебѣ когда-то, сколько человѣкъ съ чужими себѣ самому мыслями; скорѣе всего ребенокъ, играющій съ огнемъ и не знающій съ чѣмъ онъ играетъ. Тѣмъ болѣе благодаренъ я Тебѣ, родная, что изъ моей приписки къ Алешиному письму Ты сразу-же поняла, что на этотъ разъ моя проблематика «нравственнаго долга грѣха» и «метафизическаго долга непониманія», совсѣмъ не философствованіе, а боль и «кровь». За Твои вдумчивыя и нѣжныя слова оправданія нѣжно и горячо цѣлую Твои милыя руки.

О всемъ этомъ мнѣ очень нужно съ Тобою поговорить. Хочется также и самому убѣдиться, (Ты прости это) какъ у васъ обстоятъ дѣла: не очень-ли выматываетъ Тебя уходъ за отцомъ. Потому я

предлагаю вотъ что: — въ Петербургъ я поѣду; соберу всѣ силы, запрусь и буду сдавать экзамены. Но передъ тѣмъ какъ запереть себя на ключъ, я все-же денька на два слетаю къ вамъ въ Касатынь.

Выѣду я послѣ завтра утромъ въ 10 ч. 30 м. Вышли маленькій тарантасъ тройкой — чтобы поскорѣе доѣхать.

Три часа тому назадъ, садясь за письмо, я совсѣмъ не зналъ, что поѣду. Если бы зналъ, можетъ быть и не сталъ-бы такъ подробно о всемъ писать... Хотя... скорѣе всего, всетаки, сталъ бы.

Ну, до свиданья, дорогая. Очень радуюсь, что увидимся. Лидія Сергѣевна, Константинъ Васильевичъ и всѣ обнимаютъ и цѣлуютъ Тебя. О моемъ планѣ я скажу только въ послѣднюю минуту, а можетъ быть уѣду и не сказавъ. Боюсь какъ бы Лидія Сергѣевна не вздумала проѣхать со мною. Ей страшно хочется посмотрѣть, какъ мы живемъ. Одной ей не вырваться: никогда, никуда одна не ѣздила, да и, какъ сама говоритъ, «тяжела на подъемъ». А со мной, думаю, съѣздила бы дня на два, на три съ большимъ удовольствіемъ.

Прости, милая, эту военную хитрость. Увѣренъ, впрочемъ, что Тебѣ самой будетъ пріятнѣе, если пріѣду одинъ. Цѣлую Тебя.

Твой Николай.

Петербургъ, 26-го сентября 1913 г.

Причинъ, какъ будто-бы, никакихъ, а мнѣ грустно и тревожно, Наташа. Словно разстались мы съ Тобою не на двѣ, три недѣли, а на очень, очень долго. Право, никогда я не думалъ, что несмотря на всѣ мои, какъ Ты говоришь «еретическія» теоріи, изъ меня выйдетъ такой примѣрный мужъ.

Въ утрѣ моего отъѣзда изъ Касатыни было что-то... что то пронзительное, что то очень, очень печальное...

Двойной свѣтъ за чаемъ: — зеленой лампы и въ туманѣ восходящаго солнца; бѣлая косынка и красный крестъ сестры; Ты — похудѣвшая, блѣдная, грустная, въ темномъ платьѣ и дорожной шляпѣ; слишкомъ рано поданныя лошади; за окномъ мающіеся въ вѣтрѣ гибкіе хлысты акацій; исхлестанныя дождемъ настурціи надъ рябью мутныхъ лужъ; заунывный вой Щекотовской фабричной сирены — все это случайное и невнятное какъ-то осилило во мнѣ въ послѣднюю минуту то бодрое настроеніе, въ которомъ я еще наканунѣ считалъ, что самое позднее, недѣли черезъ двѣ, три мы съ Тобою встрѣтимся въ Петербургѣ...

У семафора передъ сторожкой, высунувшись въ послѣдній разъ въ окно, я увидѣлъ внизу на шоссе сѣрый силуэтъ Твоей коляски съ поднятымъ верхомъ — маленькій, жалкій комочекъ подъ унылымъ дождемъ... Сердце сжалось, паровозъ взревѣлъ и все пропало...

Калуга: — мама, ея пѣніе. наши поѣздки, моя ревность, все это печальными, приливными волнами снова набѣжало на душу съ далекаго, туманнаго горизонта жизни.

Если вѣрно, Наталенька, что къ старости воспоминанья только крѣпнутъ, то мнѣ своихъ воспоминаній къ старости не вынести. Очень ужъ рано я началъ жить своимъ прошлымъ.

У Твоихъ на Тверской я пробылъ всего только нѣсколько часовъ: — успокоилъ Лидію Сергѣевну, проигралъ партію Константину Васильевичу и дружественно поговорилъ съ Марусей, которая по пріѣздѣ изъ Корчагина видѣлась съ Алешей и собирается на-дняхъ въ Касатынь. Сама она думаетъ, что хочетъ помочь Тебѣ; по моему-же она главнымъ образомъ ѣдетъ въ надеждѣ поговорить съ Тобою по душамъ. Ее очень тревожитъ вопросъ: — «кто же правъ и въ чемъ правда». Милый она человѣкъ, горячій. За два года она, какъ я уже писалъ Тебѣ, очень созрѣла. Думаю, Ты съ радостью проведешь съ нею недѣлю. Я во всякомъ случаѣ ее не отговаривалъ.

Петербургъ, въ который я пріѣхалъ раннимъ утромъ, встрѣтилъ меня по петербургски: мелкимъ дождемъ, желтоватымъ туманомъ, ржавыми въ туманѣ массивами екатериненскихъ зданій. Но теперь вотъ ужъ третій день стоитъ прекрасная погода. Вчера, какъ иностранецъ, весь день ходилъ по улицамъ. Какой великолѣпный, блистательный и, несмотря на свою единственную въ мірѣ юность, ка-

кой в ѣ ч н ы й городъ. Такой-же вѣчный, какъ самъ древній Римъ. И какъ нелѣпа мысль, что Петербургъ въ сущности не Россія, а Европа. Мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ такъ же правильно и обратное утвержденіе, что Петербургъ болѣе русскій городъ, чѣмъ Москва.

Во Франціи нѣтъ анти-Франціи; въ Италіи анти-Италіи; въ Англіи — анти-Англіи. Только въ Россіи есть своя русская анти-Россія: — Петербургъ. Въ этомъ смыслѣ онъ самый характерный, самый русскій городъ.

Первые славянофилы были, конечно, очень русскими людьми, но ихъ отношеніе къ Россіи было совсѣмъ не типично-русскимъ. Любовь къ своему народу, утвержденіе, что онъ лучшій и высшій, избранный и призванный — какая изъ европейскихъ націй не переживала и не утверждала того-же? Совсѣмъ иначе западники. Европейцы по своимъ вѣрованіямъ и ученіямъ, они въ своемъ отношеніи къ Россіи гораздо оригинальнѣе славянофиловъ. Въ своемъ патріотизмѣ они не повторяютъ Европы, а создаютъ совершенно новую характерно-русскую форму п а т р і о т и ч е с к а г о чувства. Изъ европейцевъ никто, любя свою страну, никогда не мечталъ, чтобы она стала Россіей. Нѣтъ, наши «западники» люди совсѣмъ другой психологіи, чѣмъ люди Запада.

Москва для европейца всегда будетъ понятнѣе, чѣмъ Петербургъ, хотя-бы уже по одному тому, что всякій европеецъ всегда будетъ утверждать,

что Москва — это непонятная Азія, а Петербургъ почти Парижъ или Берлинъ. Но что говорить объ европейцахъ, когда такія-же мысли слышишь часто отъ нашихъ исконныхъ москвичей, не чувствующихъ въ Петровомъ велѣніи перебросить столицу за предѣлы Россіи, фантастической мечты ея самой взвиться надъ временемъ, взлетѣть надъ своею судьбою, надъ своею отъединенностью, т. е. всего того, что съ такою силою прозвучало впослѣдствіи въ знаменитыхъ и только въ устахъ русскаго націоналиста возможныхъ словахъ о Западѣ, какъ о странѣ святыхъ чудесъ.

Нѣтъ, Петербургъ замѣчательный городъ. И несмотря на мое пристрастіе къ Москвѣ, я еще не знаю, гдѣ охотнѣе поселился-бы — въ Москвѣ или въ немъ. Хотя самое лучшее вообще не жить въ городѣ. Въ городахъ пріятно бывать, но пребывать корнями своей жизни и души человѣку (мнѣ по крайней мѣрѣ), необходимо въ деревнѣ...

Сегодня утромъ былъ у профессора Нагибина, котораго раньше лично не зналъ. Разговоръ былъ не очень продолжителенъ, но очень пріятенъ. Мнѣ думается, что дѣло быстро наладится. Черезъ нѣсколько дней на ближайшемъ засѣданіи факультета окончательно разрѣшится вопросъ о допущеніи меня къ сдачѣ магистерскаго, а недѣли черезъ двѣ будетъ назначенъ первый экзаменъ. Всего ихъ что-то около двадцати.

Я многое хотѣлъ еще Тебѣ написать, Натапенька, мнѣ грустно отрываться отъ письма, но писать больше невозможно. Надо устраиваться и присту-

пать къ занятіямъ, для чего прежде всего необходимо найти двѣ пріятныя комнаты на какой-нибудь тихой улицѣ. Здѣсь, въ громадной гостиницѣ атмосфера крайне несимпатичная и мало располагающая къ умозрѣнію. Хочу посмотрѣть частныя комнаты, но думаю, что переѣду въ какую-нибудь старомодную маленькую гостиницу.

Самое важное для меня (Ты вѣдь знаешь) это то, что за окномъ. Не переношу «видовъ» и не переношу стѣнъ. Люблю чтобы было что-нибудь незамѣтное и пріятное — дворикъ, ограда, дерево, церковь... Въ Москвѣ такихъ «заоконностей» много, а въ Петербургѣ — не знаю, хотя думаю, тоже конечно найдутся.

Итакъ досвиданья, дорогая. Буду искать намъ пріютъ. Увѣренъ, что подвернется что нибудь такое особенное, что сразу-же приглянется Твоей душѣ. Несмотря на тревожную грусть первыхъ петербургскихъ дней, стараюсь твердо вѣрить въ наше скорое свиданіе. Дай Тебѣ Богъ справиться со всѣмъ. Милая, пиши, хотя-бы совсѣмъ коротко, но какъ можно чаще. Буду очень безпокоиться объ отцѣ и о Тебѣ.

Цѣлую Тебя, мое счастье. Береги себя.

Твой Николай.

Петербургъ, 30-го сентября 1913 г.

Спасибо за телеграмму. Какое счастье, что у Васъ все благополучно. Съ нетерпѣніемъ жду обѣщаннаго письма.

Мои поиски, пока что, успѣхомъ не увѣнчались. Комнаты въ частныхъ квартирахъ — ужасны: или по студенчески убоги или безвкусны, какъ пріемныя зубныхъ врачей; меблированныя — унылы и грязны. Скорѣе всего поселюсь въ Англійской гостиницѣ, которую мнѣ очень рекомендовалъ пріятель отца, Демидовскій. Ты врядъ-ли его помнишь, онъ мелькомъ заѣзжалъ въ Касатынь вскорѣ послѣ нашего пріѣзда съ Кавказа.

Встрѣтились мы съ нимъ совершенно случайно и даже нѣсколько странно. Въ мрачномъ настроеніи и тревожныхъ мысляхъ о васъ, я нетерпѣливо обгонялъ на Садовой какую-то весьма торжественную похоронную процессію: вдругъ слышу меня кто-то весело зоветъ по имени. Не успѣлъ я понять, въ чемъ собственно дѣло, какъ изъ траурной толпы жизнерадостно отдѣлилась массивная фигура голубоглазаго, серебробородаго старика; схватила меня подруку, нырнула со мной обратно въ толпу, представила мнѣ какихъ-то двухъ элегантныхъ юношей, начала разспрашивать объ отцѣ, о причинѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, разсказывая въ свою очередь о бѣгахъ и всякихъ иныхъ, мало подходящихъ къ обстановкѣ вещахъ. Одновременно представленные мнѣ юноши занимали у насъ за спиною весьма свѣтскимъ разговоромъ весьма

свѣтскую даму. Правда, мы шли въ самомъ концѣ очень большой толпы, среди людей, изъ которыхъ вѣроятно мало кто дѣйствительно зналъ покойнаго, но все-же меня остро и больно поразила та подлая, безбожная, суетливая живучесть, что провожала утопавшій на торжественномъ катафалкѣ въ морѣ цвѣтовъ и вѣнковъ гробъ съ останками угасшей жизни. Въ элегантныхъ траурныхъ туалетахъ, военныхъ мундирахъ, подушкахъ съ орденами, еле ползущихъ автомобиляхъ съ глубоко завалившимися въ нихъ шофферами — слышались сердцу оскорбительно-наглые зовы жизни, тщетно старающіеся перекричать ревущее молчаніе смерти, молчаніе закрытыхъ глазъ подъ привинченной крышкой гроба.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ Тебѣ, родная, что не хотѣлъ-бы жить въ городѣ. Вчера, на похоронахъ неизвѣстнаго мнѣ статскаго совѣтника Александра Алексѣевича Фіалковскаго, я кажется въ первый разъ до конца понялъ, что городъ тѣмъ и страшенъ, что онъ боится смерти и дѣлаетъ все возможное, чтобы не взглянуть ей въ глаза. «Перворазрядная» похоронная процессія на шумныхъ, дѣловыхъ, кипящихъ жизнью улицахъ большого современнаго города, столь ложная и постыдная вещь, что мнѣ право кажется только послѣдовательнымъ, что во многихъ европейскихъ городахъ она давно уже не тревожитъ безмятежнаго легкомыслія современности; тамъ покойниковъ глухо, подвечеръ, увозятъ въ часовни за кладбищенскія ограды, внутри которыхъ небольшія процессіи

между папертью и могилой никого зря не волнуютъ, ни у кого не отнимаютъ необходимой для жизни желѣзной энергіи.

Какъ все-же все иначе и глубже въ деревнѣ! Какъ бы печальны и тяжелы не были деревенскія похороны, они всегда правдивы и благообразны. Съ дѣтства помню: — ровно ударяетъ Касатынская колокольня и медленно приближаются къ ней: темная иконка, тесовая, гробовая крышка, колышащійся на плечахъ прикрытый покровомъ гробъ. Молча идутъ мужики, голосисто причитаютъ бабы, нестройно тянутъ нѣсколько сиплыхъ голосовъ «вѣчную память»...

Въ чистое лицо новопреставленнаго своего раба спокойно смотритъ небо и никакой шумъ праздной, самоувѣренной жизни не тревожитъ послѣдняго пути.

Природа, лица, гробъ, одежда, рогожа на телѣгѣ, лошаденка — все скудно и сурово, во всемъ насущная, едва справляющаяся съ жизнью нужда, стоящая подъ знакомъ смерти жизнь: — убогая и божья.

Не думаю, чтобы въ Европѣ нашлось бы другое мѣсто и нашлась-бы другая среда, въ которыхъ жизнь и смерть такъ просто и глубоко ощущались бы единымъ бытіемъ, какъ въ русской деревнѣ.

До чего позоренъ и кощунственъ въ городахъ неизбѣжный переходъ отъ смерти къ жизни, къ неотложнымъ, житейскимъ дѣламъ: — банку, казармѣ, театру, и какъ просто крестьянину на слѣдующее-же утро послѣ похоронъ тою-же лопатой,

которой онъ вчера закапывалъ отца, перекрестясь начать копать насущную картошку.

Есть въ природѣ и деревнѣ какая-то большая правда, въ сидѣньѣ и работѣ на землѣ какой-то единственный онтологизмъ. Сравни первыхъ славянофиловъ съ Владиміромъ Соловьевымъ или Достоевскимъ и Ты сразу-же поймешь меня. Славянофильскій патріотизмъ правѣе патріотизма Достоевскаго. А почему? Конечно только потому, что славянофилы помѣщики, домосѣды, землеробы, и во всѣхъ этихъ качествахъ въ какомъ-то особомъ смыслѣ, несмотря на свое христіанство — язычники. Соловьевъ же и Достоевскій — интеллигенты, странники, писатели, совершенно лишенные чувства земли, не чувства своего народа и не мистическаго чувства плоти, а чувства той ветхозавѣтной земли, изъ праха которой мы созданы и въ прахъ которой прахомъ-же возвращаемся. Я очень люблю нашихъ славянофиловъ, но конечно не какъ философовъ и учениковъ нѣмецкаго идеализма, а какъ православныхъ язычниковъ. Люблю ихъ благоуханный, языческій патріотизмъ, инстинктивный націонализмъ ихъ религіозности, ихъ органическое народничество и бытовую, барски-мужицкую прочность, все то, чего такъ окончательно не хватаетъ современному поколѣнію нашей интеллигенціи.

Изъ всѣхъ Твоихъ качествъ, Наталенька, я быть можетъ ничѣмъ инымъ такъ постоянно не любуюсь, какъ инстинктивной увѣренностью и пластической отчетливостью Твоего мірочувствія. Ты

какъ-то поразительно счастливо избѣгла участи всей русской интеллигенціи — одухотворенія до безбытничества. Причемъ Твой бытовизмъ не только соціальный, но и глубже — пластическій. Ты любишь и чувствуешь глубину и рельефъ жизни не только какъ правнучка и внучка сельскихъ священниковъ, но и какъ настоящій художникъ. Отсюда Твоя вѣрность землѣ и радость о всякой твари, Твоя вѣра въ загробную жизнь и безстрашіе передъ смертнымъ часомъ, древность Твоего церковнаго поклона и окаменѣлость Твоего лица за роялью, напоминающая истуканье выраженіе пляшущихъ дѣвокъ, Твоя дѣловитость, зоркость и распорядительность — однимъ словомъ все Твое неописуемое очарованіе.

Пріѣхавъ въ Касатынь, я поразился, какъ у Тебя все было уже крѣпко поставлено, какъ въ двѣ недѣли отцовской болѣзни и моего отсутствія Ты сумѣла, никого не обидѣвъ, превратиться изъ любимой гостьи нашего дома въ его полноправную хозяйку.

Ни на іоту не измѣнивъ тона ни съ отцомъ, ни съ управляющимъ, ни съ прислугой, никому ничего не приказывая, а всѣхъ только прося, Ты все же изумительно сумѣла въ нагрянувшіе тягостные дни все внутренне сосредоточить на себѣ, стать главной силою Касатынской жизни. Такъ медленно, дремно и привольно течетъ широкая рѣка; но достаточно поставить ей препятствіе, запрудить ее, чтобы праздная ея красота сейчасъ-же превратилась въ полезную силу. Смотря, какъ Ты смѣняла компрессы от-

цу, слушая, какъ обсуждала съ управляющимъ нарядъ рабочихъ и отправляла Марфушу въ Калугу, я съ радостью ощущалъ, до чего надежны руки, которымъ ввѣрена моя жизнь. Могу себѣ представить какою силою возстанетъ на меня Твоя красота, если Тебѣ когда нибудь придется спасать уже не отца отъ воспаленія легкихъ, а мое сердце отъ воспаленія мечты.

Ну, родная, кажется время кончать письмо. Началъ его писать въ грустяхъ, а дописался до крайне игриваго настроенія. Ты ужъ прости меня; — но право-же ухаживать за собственной женой, одна изъ величайшихъ радостей любви. Надѣюсь, что у Васъ все не только по прежнему благополучно, но и лучше, чѣмъ было третьяго дня.

Цѣлую Тебя, мое очарованіе. Съ нетерпѣніемъ жду вѣстей отъ Тебя.

Твой Николай.

P. S. У Марины еще не былъ. Какъ только устроюсь, напишу ей, какъ-бы намъ съ ней повидаться. Пока все время въ хлопотахъ, а она живетъ гдѣ-то очень далеко. Ну еще разъ цѣлую, люблю, до свиданья.

Петербургъ, 2-го октября 1913 г.

Вчера подъ вечеръ переѣхалъ; комнаты очень уютны и заоконность тиха и пріятна. Сегодня утромъ мнѣ привезли изъ «Сѣверной» Твое письмо.

Температура почти нормальна, осложненій пока никакихъ. Маруся у Тебя и Тебѣ съ ней хорошо, — большаго желать невозможно. Что сердце нѣсколько слабо, — естественно. Надѣюсь, что Алексѣй Ивановичъ со всѣмъ справится и дѣло быстро пойдетъ на выздоровленіе. Боже, какъ хочется привезти мою милую, съ дороги блѣдную, усталую, радостно взволнованную съ мозглаго Николаевскаго вокзала въ тихія, теплыя комнаты; усадить, уложить, окружить заботой и уходомъ, чтобы отдыхала она душою и тѣломъ.

Здѣшнія мои дѣла такъ же хороши, какъ Твои Касатынскія. Къ магистерскому я допущенъ и сроки экзаменовъ уже назначены. Я постарался устроиться такъ, чтобы не быть слишкомъ занятымъ, чтобы всегда имѣть возможность пойти съ Натаденькой въ Эрмитажъ, въ театръ, въ концертъ, чтобы въ первую очередь остаться вѣрнымъ рыцаремъ дамы своего сердца и лишь во вторую стать смиреннымъ инокомъ трансцендентальнаго монастыря!

Первый экзаменъ у меня 6-го, послѣдній въ началѣ декабря. Надѣюсь мы проживемъ съ Тобою здѣсь два прекрасныхъ мѣсяца. А можетъ быть, если понравится, и больше. И какое счастье, Наташа, что забота объ Алешѣ какъ-то вдругъ отошла. Отрѣшиться отъ своей ненависти ко мнѣ онъ, конечно, не могъ; такіе перевороты сразу не совершаются. Но это меня сейчасъ уже не такъ волнуетъ. Послѣ его письма, послѣ явственно-дошедшаго до меня звука его одиночества и его страданія во мнѣ какъ-то сникъ мой теоретическій паѳосъ. Зато

очень обрадовался я тому, что онъ очевидно почувствовалъ, какъ хорошо Ты къ нему относишься и до чего изъ этого, съ другой стороны, рѣшительно ничего не слѣдуетъ. Вѣдь только на почвѣ этого двойного чувства и мыслимо въ будущемъ возстановленіе, если и не прежнихъ, то все же добрыхъ отношеній между нами тремя.

Судя по Алешиному отвѣту (спасибо, что переслала его мнѣ, родная) на него самое сильное впечатлѣніе произвело Твое откровенное признаніе, что наше счастье отнюдь не гамакъ въ раю, какъ оно ему казалось, а міръ очень сложныхъ чувствъ, въ которомъ и ему есть свое мѣсто

Твои слова, съ очевидною любовью тщательно переписанныя Алешиной рукою, произвели на меня сегодня почему-то гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ въ Твоемъ письмѣ. Они дѣйствительно глубоки и прекрасны. Вполнѣ понимаю, что несмотря на ихъ суровый приговоръ самолюбивымъ Алешинымъ мечтамъ, они до нѣкоторой степени примирили его со своею судьбой и облегчили его страданье. Онъ почувствовалъ, какъ мнѣ кажется, тотъ уровень, на которомъ живетъ въ Тебѣ память о прошломъ, и въ чувствѣ этого уровня, если и не успокоился, то все-же какъ-то затихъ.

Вѣдь чувство высоты всегда чувство покоя, холода и тишины. Пройдетъ время, и онъ, думается, ощутитъ, что Твои слова не только Твои, но и наши; пойметъ, что если-бы я былъ тѣмъ человѣкомъ, которому онъ писалъ, Ты не нашла-бы тѣхъ словъ, которыя даже его, знающаго Тебя столько

лѣтъ, поразили своею неожиданной скорбной глубиной.

Съ этого поворота начнется, надѣюсь, новый періодъ нашихъ отношеній. Я-же ему своимъ долбленіемъ «истинъ» надоѣдать больше не буду.

За послѣднее время что-то неуловимо, но очень существенно переставилось у меня въ душѣ. Мнѣ кажется совсѣмъ не важнымъ доказывать всѣмъ свою правду, потому что вся правда въ томъ, чтобы любить инакомыслящихъ и инакочувствующихъ. Думаю, что послѣднее письмо Алешѣ я написалъ по инерціи, подъ давленіемъ какихъ-то своихъ старыхъ Клементьевскихъ догматовъ. Если-бы это было не такъ, я никогда не примирился-бы съ его отвѣтомъ такъ скоро и такъ глубоко, какъ это произошло. Очевидно, дорогая, я давно уже не тотъ, за котораго себя все еще принимаю. Во Флоренціи и Москвѣ (во время борьбы за Тебя) я былъ очень несчастливъ, но четокъ, жестокъ и звонокъ; сейчасъ — безконечно счастливъ, но тембръ моей души мягче, задушевнѣе, глуше. Всѣ звонкія верхнія ноты страстной убѣжденности звучатъ для меня какой-то фальшью, дребежжатъ и детонируютъ; мнѣ за нихъ почти стыдно. Все это Твое вліяніе. Все отъ мягкости Твоего жеста, задумчивости Твоихъ грустныхъ, дѣтскихъ глазъ, отъ затишья Твоихъ плечъ въ глубокихъ креслахъ, отъ справедливости Твоего разрывающагося на части, обо всѣхъ и обо всемъ болѣющаго сердца. Знаешь, мнѣ иногда кажется, что за нашу Касатынскую жизнь я очень состарился, что совсѣмъ, конечно,

не удивительно. Такое древнее и мудрое чувство, какъ наша любовь, не можетъ не старить души: вѣдь любить прежде всего и значитъ — готовиться къ смерти. Это не грустныя мысли, Наташа; это мысли восторженныя.

Всею любовью своею обнимаю Тебя, моя радость. Каждымъ ударомъ сердца цѣлую Тебя. На душѣ — черная тоска. Но я знаю, что это только короткая, полуденная тѣнь нашей высокой любви и я счастливъ.

Твой Николай.

Петербургъ, 5-го октября 1913 г.

Вчера, родная, въ Александринкѣ на Мейерхольдовскомъ До́нъ-Жуанѣ съ Юрьевымъ и Варламовымъ я совершенно неожиданно встрѣтилъ Марину. Она только что получили мою открытку съ просьбою позвонить въ гостиницу и была крайне удивлена, какъ впрочемъ и я, нашей встрѣчею. Я сидѣлъ въ партерѣ, она въ бель-этажѣ. Увидали мы другъ друга только въ послѣднемъ антрактѣ. Поговорить, конечно, ни о чемъ не успѣли. Условились только, что она послѣзавтра будетъ у меня и разстались какъ-то не совсѣмъ естественно, съ какимъ то легкимъ холодкомъ, мнѣ не совсѣмъ понятнымъ. На первый взглядъ она измѣнилась. Въ чемъ — сказать трудно. Та — да не та. Весь силуэтъ какой-то иной. Болѣе изящный, но менѣе особенный: завитые волосы, очень уже холеныя руки, при-

вычка внезапно вскидывать глаза... Все это мнѣ было ново и какъ-то плохо вязалось съ виленскимъ образомъ Танинаго друга. Но подъ всѣми этими новыми наслоеніями все то-же Маринино горькое затишье. Была она не одна, а съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ изъ породы вѣчныхъ студентовъ. Не сомнѣваюсь, что онъ въ нее влюбленъ; питаетъ-ли и она къ нему какія нибудь чувства, — не ясно. Собою онъ очень незамѣтенъ, но если его замѣтить — почти красивъ. Сложенъ прекрасно, но мѣшковатъ и крайне не элегантенъ. Зовутъ его какъ-то очень пышно, если не ошибаюсь, Всеволодъ Валеріановичъ, а фамилія — Петровъ.

Живетъ Марина съ братомъ, который въ этомъ году переходитъ уже на третій курсъ, почему-то врозь. У нея небольшая квартира; у Сережи комната поблизости отъ нея. Кажется она очень интересуется театромъ, чего я въ ней раньше никогда не замѣчалъ, хотя въ Клементьевѣ мы съ ней и говорили объ ея «двойной душѣ».

Я съ нетерпѣніемъ жду нашего свиданья въ пятницу, но нѣсколько боюсь за него. Въ Вильнѣ мы внутренне такъ близко увидали и ощутили другъ друга, какъ оно въ жизни не часто бываетъ. Вѣдь Ты знаешь, родная, одна только и знаешь, что значитъ для меня ночь, которую мы провели съ Мариной въ ея флигелѣ послѣ похоронъ Тани и Коли. Но затѣмъ... нашею странною встрѣчею въ Клементьевѣ, еще болѣе страннымъ письмомъ мнѣ на Кавказъ, незначительностью и скупостью нашей

послѣдующей переписки, всѣмъ этимъ память о Вильнѣ на мое ощущеніе какъ-то затуманилась и исказилась. Въ чемъ дѣло, — мнѣ сказать трудно, но все-же я не думаю, чтобы Марина уже въ Клементьево пріѣзжала съ корыстною мечтою обо мнѣ. Какъ я ни вѣрю Твоей интуиціи въ дѣлахъ любви, мнѣ все-же кажется, что по отношенію къ Маринѣ Ты не права. И какъ ни плѣнительна для меня Твоя ревность, (ревнуя Ты всегда хорошѣешь), я все-же считаю своимъ долгомъ передъ Мариной не попадаться въ ея (т. е. ревности) сѣти.

Очень мнѣ интересно, кто изъ насъ въ концѣ концовъ окажется правымъ. Если-бы правда осталась за Тобою, это было-бы чудомъ. Вѣдь Ты никогда не видала Марины.

Прости, дорогая, что я сегодня отсылаю Тебѣ такое коротенькое письмо. Завтра первый экзаменъ и мнѣ надо еще кое-что просмотрѣть. Иду спать съ мечтою, что завтра получу отъ Тебя вѣсточку, если не письмо, то хотя-бы телеграмму.

Послѣ завтра снова напишу.

Твой Николай.

Петербургъ, 7-го октября 1913 г.

Какой Ты милый человѣкъ, Натален҄ька. Какъ мнѣ хотѣлось, такъ оно и вышло. Вмѣстѣ съ утреннимъ кофе лакей принесъ прислоненный къ са-

харницѣ конвертъ, надписанный Твоею рукой. Съ безконечною радостью прочелъ я такія Твои строки. Спасибо за нѣжную заботу объ отцѣ. Спасибо за пожеланія къ экзамену. Онъ прошелъ къ обоюдному удовольствію моихъ экзаменаторовъ и меня очень содержательно и оживленно. Слѣдующій, по логикѣ, я буду ждать съ гораздо большимъ интересомъ. Назначенъ онъ на десятое.

Ты просишь, родная, подробно описать Тебѣ нашу встрѣчу съ Мариной. Еще до Твоей просьбы я въ послѣднемъ письмѣ, которое Ты вѣроятно вчера уже получила, разсказалъ Тебѣ, какъ мы случайно увидѣлись въ театрѣ. Вчера наше свиданіе было существеннымъ и длительнымъ. Постараюсь изобразить Тебѣ его со всею тщательностью, на которую только способенъ.

Марина пришла ко мнѣ около пяти. День былъ пасмурный и печальный и у меня уже горѣло электричество. На ней былъ черный костюмъ, на головѣ незамѣтная черная шляпа съ талантливо положеннымъ крыломъ. Въ рукахъ модный зонтикъ, сѣрыя замшевыя перчатки и книга (небольшой томикъ). Мы оба были взволнованы. Подойдя къ ней, я поцѣловалъ ея руку. Она вручила мнѣ драмы Чехова, перчатки и зонтикъ. Я расѣянно двинулся почему-то съ вещами къ письменному столу, она къ зеркалу, чтобы снять шляпу. Затѣмъ, не отнимая очень блѣдныхъ рукъ отъ причесанныхъ на прямой проборъ волосъ, она медленно подошла ко мнѣ, задумчиво обвела печальными глазами

комнату, чему-то чуть улыбнулась и устало опустилась въ низкое кресло, спиной къ свѣту. Вотъ Натâленька, изъ уваженія къ Твоему глубокому и глубоко женскому убѣжденію, что самое тайное гнѣздится всегда въ самомъ внѣшнемъ, со скверною, современно-реалистическою тщательностью написанный сценарій къ первому дѣйствію... не драмы или комедіи, а всего только къ тому нѣсколько странному діалогу, съ котораго начался нашъ вчерашній вечеръ.

— «Долго не видались, Марина!»

— «Дольше, чѣмъ Вы думаете».

— «Зачѣмъ-же думать, когда такъ просто разсчитать».

— «Просто ничего нельзя».

— «То-есть?»

— «Въ Клементьевѣ мы съ Вами не видались: — Вы были не съ Таней, а я была не съ Вами».

— «А съ кѣмъ-же Вы были?»

— «Какъ всегда, со своимъ одиночествомъ».

Она пристально, но разсѣянно посмотрѣла на меня, откинула голову назадъ, закрыла глаза и стала вдругъ странно похожей на прежнюю Марину.

— «Вы кажется мою вторую женитьбу считаете предательствомъ Таниной памяти, Марина, и не прощаете мнѣ ея?»

— «Я уже въ Клементьевѣ говорила Вамъ, Николай, что не мнѣ судить Вашу жизнь; если-же хо-

тите знать, какъ чувствую, то не любви Вашей я не принимаю, а ея спокойнаго счастья».

Послѣднія слова меня остро задѣли, Наташа. Твой взглядъ на Маринино отношеніе ко мнѣ внезапно сверкнулъ надъ душой какою-то возможною правдой, и я съ нѣкоторою мужскою жестокостью, въ которой сейчасъ глубоко раскаиваюсь, не безъ оттѣнка враждебности спросилъ Марину, не думаетъ-ли она, что своимъ непріятіемъ моего спокойнаго счастья, она защищаетъ не только Таню?

Къ моему величайшему удивленію она совсѣмъ не удивилась и не обидѣлась. Она ласково посмотрѣла мнѣ въ глаза, чуть иронически улыбнулась въ себя и не безъ удовольствія высказала поразившую меня мысль, что она этого такъ-же не думаетъ, какъ и я, но знаетъ, что такъ думаешь Ты.

Послѣ этихъ словъ, она вдругъ поблѣднѣла, затонула и словно куда-то пропала. Помолчавъ она уже совсѣмъ другимъ, веселымъ и задорнымъ тономъ прибавила: «все это ненужная и, пожалуй, даже безвкусная откровенность, Николай Федоровичъ. Я же сейчасъ стремлюсь даже отъ самой себя скрыться въ искусствѣ. Вы вѣдь знаете, что я собираюсь на сцену».

Она вскинула на меня глаза, но ихъ взоръ какъ-то не полетѣлъ, — а безкрылою печалью тутъ-же опустился на землю. Почувствовавъ, что тонъ ея искусственной фразы произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе, Марина встала, прошлась по комнатѣ и, подойдя ко мнѣ, смущенно протянула руки:

«не сердитесь, я только хотѣла перемѣнить разговоръ; я очень устала отъ пустоты своей глубины, въ которую меня все время тянетъ...».

Послѣ этого страннаго признанія, она очень оживленно стала разсказывать о своихъ «фантастическихъ» планахъ. Оживленіе у нея, къ слову сказать, очень особенное: — искреннее и все же не живое; когда она иной разъ почти покойницею молчитъ съ закрытыми глазами, въ ней чувствуется совсѣмъ иного напряженія жизнь.

Артистка она скорѣе всего никакая. Въ моемъ представленіи, во всякомъ случаѣ, ея образъ со всей атмосферой современнаго театра никакъ не вяжется. Не думаю, чтобы она когда нибудь попала на сцену; увѣренъ, что если-бы это и случилось, она очень быстро, ничего не достигнувъ и во многомъ разочаровавшись, сошла-бы съ нея. Совсѣмъ она внутренне не оттуда идетъ, гдѣ таятся истоки современной театральности.

Несмотря на это, а можетъ быть какъ разъ благодаря этому, мотивы ея тяготѣнія къ сценѣ очень интересны и, частично, во всякомъ случаѣ, очень близки моимъ взглядамъ, если и не на театръ, который я всегда любилъ, но надъ которымъ мало думалъ, то на то трагическое представленіе, которое именуется жизнью. Многое изъ того, что я услышалъ отъ нея, живо напомнило мнѣ по своему настроенію и даже по нѣкоторымъ оборотамъ мысли то большое письмо, въ которомъ я писалъ Тебѣ изъ Клементьева (я знаю, что Ты его не забыла) о раздвоенности мужской души и раздвоеніи

любви... Въ значительной степени Маринина философія сцены есть только варіантъ моей философіи любви. Думаю, что это не только случайное совпаденіе, но и прямое вліяніе. Въ Клементьевѣ у насъ съ Мариной былъ большой разговоръ на тему моего письма. И мнѣ сейчасъ приходитъ въ голову Наташа, что если-бы Марина дѣйствительно пріѣзжала тогда, какъ Ты увѣрена, «за мной», то она и несмотря на то, что встрѣтила въ моей душѣ Тебя, могла-бы обрѣсти въ моей теоріи любви и мѣсто для себя.

Проговорили мы съ ней до поздняго вечера. Ужинали у меня-же въ гостиницѣ.

Долженъ сказать, что она все-же очень интересный человѣкъ, и въ глубинѣ души совсѣмъ конечно та-же, какою я зналъ ее и раньше. Несмотря на теперешнее оживленіе, въ ней остро чувствуется та «полынь на душѣ», о которой она говорила еще въ Вильнѣ. Все ея обостренное чувство жизни, по прежнему — чувство смерти. Разница только въ томъ, что это чувство смерти въ ней еще углубилось и осложнилось. Въ Вильнѣ она себя совсѣмъ не чувствовала, была вся подъ впечатлѣніемъ гибели матери, братьевъ, Тани. Жила переложеннымъ въ прозу и потому безконечно жуткимъ ощущеніемъ того, что «всѣ мы сойдемъ подъ вѣчны своды и чей нибудь ужъ близокъ часъ». Сейчасъ къ этому ощущенію ожидающей всѣхъ насъ смерти, въ ней прибавилось что-то новое: — думается, ощущеніе того, сколько возможностей отравлено и умучено въ ней тѣми страшными потрясеніями,

подъ гнетомъ которыхъ прошла ея молодость. Сейчасъ она чувствуетъ въ себѣ смерть, не какъ прошлое и будущее, а какъ настоящее. Живетъ не только тѣмъ, что всѣ вокругъ умерли и что ушедшіе зовутъ ее къ себѣ, но въ гораздо большей степени чувствомъ, что сама она мертва, что въ ней безсильны силы жизни, что ей никогда уже болѣе не осилить своего счастья.

Конечно не вся она въ этомъ. Иной разъ чувствуется, какъ въ ней своею жизнью живутъ и по временамъ вспыхиваютъ и громадный интересъ къ жизни, и глубоко встревоженный умъ, и наслѣдственная, темная страстность, и радость и даръ бесѣды. Увѣренъ, если бы въ ней не было чувства обреченности своей жизни и стыда за то, что она все таки живетъ, она была бы очень веселымъ и увлекательнымъ существомъ. Но стыдъ мучаетъ, жизнь жизни убита. Временами, какъ напримѣръ, вчера, Марина можетъ плѣнительно оживать, но длительно жить жизнью она уже больше не можетъ. Отсюда и вся ея на первый взглядъ странная и малопонятная тяга къ сценѣ. Въ отвѣтъ на вопросъ, какъ ей пришла мысль стать артисткой, она не безъ смущенья отвѣтила, что даже души утопленниковъ всплываютъ иной разъ со дна, чтобы порѣзвиться до полуночи на бережку... Мнѣ кажется, вся ея мечта о сценѣ ничто иное, какъ исканіе такого «бережка», — той внѣжизненной территоріи, на которой ея, въ сущности мертвыя душевныя силы могли-бы временами оживать въ условномъ, призрачномъ, на грани искусства и жизни колеблющем-

ся мірѣ сцены. Въ этихъ Марининыхъ чувствахъ безусловно заложены глубочайшія предпосылки совершенно своеобразной метафизики театра. Несчастье Марины только въ томъ, что метафизическія предпосылки подлинной театральности совсѣмъ не совпадаютъ съ психологическими предпосылками современнаго театра, который въ сферѣ искусства представляетъ собою совершенно такое-же измѣреніе вульгарности, какъ современная политика въ сферѣ общественной этики.

Не знаю, Наталенька, правъ ли я педагогически по отношенію къ Маринѣ, которая очень волнуется сейчасъ на какомъ-то распутьѣ, но я упорно убѣждалъ ее, что та наджизненная игра въ жизнь, къ которой тянется ея душа, гораздо легче осуществима въ жизни, чѣмъ на сценѣ. Сцена ей ничего не дастъ, если она не отдастъ ей всей своей жизни. Но жизни своей она отдать не можетъ — ея жизнь отдана смерти. Ей ничего не остается потому, какъ не живя, а умирая, играть въ несуществующую жизнь. Что такая жизнь тоже сцена — ясно.

Боюсь, что во всѣхъ этихъ разговорахъ я больше интересовался проблемой отношенія жизни и сцены, чѣмъ Марининой судьбой. Очень винить себя за это мнѣ трудно. Въ день Марининаго прихода я съ утра всталъ съ тѣмъ чувствомъ легкости въ душѣ и тѣлѣ (я только наканунѣ сдалъ экзаменъ, къ которому много готовился), которое ни въ чемъ не чувствуетъ вѣса и все превращаетъ въ игру. Грустное настроеніе, въ которомъ Марина

пришла, и ея неожиданная искренность, отяжелили было сначала мое самочувствіе, но къ вечеру оно въ полной мѣрѣ вернулось ко мнѣ и внизу за ужиномъ я пріятно ощущалъ остроту и крылатость нашей бесѣды. Что въ этомъ моемъ настроеніи, кромѣ грѣха незаинтересованности Марининой судьбой, былъ, на Твой слухъ, еще и грѣхъ недостаточно осторожнаго обращенія съ предполагаемымъ Тобою Марининымъ чувствомъ ко мнѣ, я охотно признаю, Наталенька. Но я вѣдь въ Твои предположенія, въ концѣ концовъ, все-же не вѣрю. Наша подлинная связь съ Мариной такъ глубока, и память о нашемъ прошломъ въ обоихъ насъ такъ велика и печальна, что, я увѣренъ, всякій «романъ» со мной Марина ощутила-бы въ себѣ какъ величайшее предательство и кощунство.

Мы можемъ временами высоко и даже весело взлетать надъ нашимъ прошлымъ, но отъ печали его намъ никогда не избавиться. Все это пишу только для Тебя, Наташа. Вѣдь знаю я, бѣдная Ты моя, что Твое мудрое сердце почему-то не мудро боится Марины, и что одно произнесеніе ея имени уже окрыляетъ Твою, всегда впрочемъ готовую къ полету, ревность. У меня на сердцѣ только одна мечта, чтобы Ты какъ можно скорѣе увидѣлась съ Мариной. Увѣренъ, что увидѣвъ ее, Ты сразу-же поймешь насколько мое «ослѣпленіе» прозорливѣе Твоей дальнозоркости.

Витающая между Вами глухая враждебность мучаетъ меня больше, чѣмъ непримиренность съ Алешой, и я съ послѣднимъ нетерпѣніемъ жду то-

го часа, который сотретъ это темное пятно **съ лица** нашей жизни.

Въ заключеніе большая къ Тебѣ просьба, Наташа. Читая это письмо, помни, что встрѣчу съ Мариной я описалъ Тебѣ такъ, какъ она вѣроятно представилась-бы Твоимъ настороженнымъ взорамъ, если-бы Ты подъ шапкой невидимкой присутствовала при ней. По мнѣ же все было гораздо проще, и наша бесѣда съ Мариной вовсе не имѣла въ себѣ того опаснаго «подводнаго рельефа», который, я знаю, скорбно взволнуетъ Тебя въ моемъ письмѣ. Мы безнадежно запутались-бы съ Тобою, родная, если бы не узнавъ своих глазъ въ моемъ описаніи, Ты приняла-бы всѣ его сознательныя преувеличенія за тѣ, всегда недостаточные намеки, дальше которыхъ я, по Твоему, никогда не иду въ своихъ разсказахъ о моемъ пребываніи въ интересномъ женскомъ обществѣ. Противъ возможности всякихъ недоразумѣній средство только одно — Твой скорый пріѣздъ.

Ты вѣдь знаешь, какъ я Тебѣ благодаренъ за заботы объ отцѣ, но право Ты уже слишкомъ требовательна къ себѣ. Воспаленіе было не тяжелое, осложненій никакихъ не замѣчается, право, Ты со спокойной совѣстью можешь довѣрить отца сестрѣ. Она вѣдь очень опытная и прекрасный человѣкъ, Ты сама это мнѣ говорила. Съ тѣмъ, что Алексѣй Ивановичъ уговариваетъ не торопиться съ отъѣздомъ, считаться серьезно нельзя. И какъ врачъ, и какъ другъ отца, и какъ старый холостякъ, онъ совсѣмъ не заинтересованъ въ Твоемъ быстромъ отъ-

ѣздѣ. Вылѣчить паціента и друга ему очень важно, а Твой отъѣздъ ко мнѣ для него прихоть, лишенная всякой уважительной причины. Онъ и ради отцовскаго насморка настаивалъ бы на томъ, чтобы Ты не уѣзжала изъ Касатыни. Всѣ же хозяйственныя соображенія, которыми задерживаетъ Твой отъѣздъ самъ паціентъ, совсѣмъ уже не идущіе въ счетъ пустяки. Я вполнѣ понимаю, что отцу пріятнѣе совѣтоваться съ Тобою, чѣмъ съ приказчикомъ, и вполнѣ себѣ представляю, какъ его успокаиваетъ сознаніе, что надъ его хозяйствомъ стоитъ Твое «недреманное око», но все же я думаю, милая, что все это вопросы, которые могутъ Тебя не волновать.

Очень надѣюсь, что самое позднее черезъ недѣлю Ты выѣдешь изъ Касатыни. А потому до скораго свиданья, моя радость.

Обнимаю и цѣлую Тебя.

Весь вѣчно Твой Николай.

Петербургъ, 12 октября 1913.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не надо, не надо, Наташа!

Почему Ты такъ подозрительно мало пишешь о Маринѣ? Почему такъ заботливо объ отцѣ уже выздоравливающемъ и такъ обстоятельно о хозяйствѣ, до котораго намъ съ Тобою въ концѣ концовъ очень мало дѣла?

Смѣшной Ты ребенокъ, родная! Вѣдь я же все вижу, все въ Тебѣ чувствую, насквозь, до дна. Ахъ ужъ эти мнѣ колючіе глаза въ темнотѣ, эти зеленые огни Твоей ревности!.. Какъ я ихъ знаю, какъ боюсь... какъ, прости меня, почти ненавижу, и какъ все-же люблю!

Надъ житейскимъ, спокойнымъ, тихимъ, но уже и глухимъ письмомъ Твоимъ, они горятъ страшною, зловѣщею угрозой, и мнѣ жутко отъ нихъ, Наташа.

Скорѣй же, скорѣй, зажжемъ свѣтъ, моя милая, и не надо ихъ, не надо этихъ дикихъ зрачковъ въ дальнемъ темномъ углу. Ну полно-же, полно, несчастный, ощетинившійся мой звѣренышъ.

Очень прошу, погаси свои пылающіе огни, успокойся и постарайся, поскольку это возможно, вслушаться, вчувствоваться и вдуматься въ мои, прости, конечно всего только человѣчьи слова...

Я никогда не скрывалъ отъ Тебя, родная, что съ перваго же мгновенья нашей встрѣчи, мы съ Мариной сразу-же какъ-то особенно почувствовали другъ друга. Не то, чтобы понравились другъ другу, нѣтъ, только почувствовали... Но почувствовали какъ-то странно, необыкновенно четко; такъ, что «только почувствовали», быть можетъ, не совсѣмъ вѣрно; въ этомъ «только» было очень многое.

Что я сразу же узналъ Марину и сразу же ощутилъ ее и внѣшне и внутренне именно такою, какою я ее себѣ представлялъ, объяснимо, быть можетъ, ея нѣкоторымъ сходствомъ съ Борисомъ и

всѣмъ тѣмъ, что я уже раньше зналъ о ней. Но почему и она, еще не выйдя изъ вагона, признала во мнѣ того самаго Переслѣгина, о которомъ почти ничего не знала и котораго никакъ не ожидала встрѣтить на вокзалѣ, — совсѣмъ уже непонятно.

Это «чувство» другъ друга за двѣ недѣли, втеченіе которыхъ мы вмѣстѣ ухаживали за Борисомъ, а потомъ и за Таней, очень усилилось. Изъ чувства другъ друга превратилось въ чувство другъ къ другу, въ большую душевную близость. И конечно мы разстались съ Мариной въ Гейдельбергѣ не просто добрыми знакомыми, и даже не просто старыми друзьями, а какъ-то гораздо сложнѣе.

Утро Марининаго отъѣзда мнѣ памятно во всѣхъ своихъ мелочахъ.

Всю ночь мы провели вмѣстѣ около Тани, слѣдя за пульсомъ и мѣняя горячіе компрессы. На разсвѣтѣ (за открытымъ окномъ, занавѣшеннымъ плэдомъ, оглушительно гремѣли птицы) Марина стала тихо собираться на вокзалъ. Перекрестивъ Таню, которая, словно силясь проснуться, нервно вздрогнула подъ ея рукою, Марина подошла ко мнѣ проститься. «Ради Бога, Николай Федоровичъ, не оставляйте Тани; она Бориса очень любила и мнѣ за нее страшно». Съ этими словами она безшумно вышла изъ комнаты... Чуть скрипнула дверь... чуть половица лѣстницы... послышались быстрые шаги подъ окномъ... потомъ все стихло, и я остался одинъ, въ этой новой тишинѣ, съ глазу на глазъ съ судьбою милаго, больного и мнѣ совсѣмъ

почти чужого существа, со страннымъ завѣщаніемъ другого, тоже неизвѣстно откуда появившагося въ моей жизни — не дать этой судьбѣ затянуться въ мертвую петлю.

Черезъ годъ съ небольшимъ, уже женихомъ и невѣстой, проѣздомъ въ Москву мы навѣстили Марину въ Вильнѣ.

Таня ѣхала съ большимъ безпокойствомъ и боязнью, что Марина не пойметъ ея, осудитъ за быструю измѣну Борису, которому она, своею любовью ко мнѣ конечно-же никогда не измѣняла.

Но страхъ оказался напраснымъ. Марина встрѣтила насъ очень сердечно и просто, и съ Танею была все время какъ мать заботлива и какъ сестра нѣжна. Таня была ей безконечно благодарна. Въ ея отношеніи къ Маринѣ было въ тѣ дни что-то сверхъ всякой мѣры восторженное и почти изступленное. Думаю, что восторгъ этотъ относился не только къ Маринѣ, но и къ Борису, таинственной встрѣчи съ которымъ Таня отъ Вильны, сама того не зная, все время взволнованно и страстно ждала.

Конечно, я не ревнивъ, Наташа, «паталогически», какъ Ты говоришь, не ревнивъ, но одного отсутствія ревности все-же мало, чтобы объяснить, почему меня въ тѣ дни такъ совсѣмъ не печалилъ приливъ Таниныхъ чувствъ къ Борису и Маринѣ.

На мой теперешній слухъ, изощренный Твоею зоркостью въ дѣлахъ любви, въ моемъ тогдашнемъ настроеніи было нѣчто весьма странное, — какой-то очень сложный сдвигъ невнятныхъ чувствъ къ Маринѣ.

Думаю, что Taнинъ уходъ въ свои воспоминанія о Борисѣ былъ мнѣ потому почти что пріятенъ, что, соединяя Таню съ Борисомъ, открывалъ и намъ съ Мариною возможность какой-то встрѣчи: совсѣмъ глухой, далекой, призрачной и никакъ конечно не оспаривающей моей большой и настоящей любви къ Танѣ.

Всю недѣлю, что мы провели въ Вильнѣ, Таня каждый день ходила одна на могилу къ Борису. Какъ-то разъ она очень долго не возвращалась. Мы съ Мариной ждали ее на террасѣ: Марина почему-то очень тревожилась за нее, я же былъ совершенно спокоенъ. Я разсказывалъ Маринѣ о томъ отчаяніи, которое охватило Таню, когда, придя въ сознаніе, она узнала, что тѣло Бориса уже отправлено въ Вильну; о томъ, какъ она метнулась было вслѣдъ за нимъ, но тутъ же снова нервно сломилась; о сложномъ ходѣ ея болѣзни и такомъ медленномъ выздоровленіи, скорѣе воскресеніи...

Марина слушала не очень внимательно, будто я разсказывалъ нѣчто, ей давно извѣстное. Въ ея темныхъ, печальныхъ глазахъ синевѣла улыбка. Вокругъ губъ волновалась нервная дрожь... У воротъ остановился извозчикъ, и я инстинктивно оборвалъ свой разсказъ, оборвалъ вопросомъ — «хорошо-ли я исполнилъ данное мнѣ Мариной порученіе?».

Какъ это случилось, Наташа, не знаю, но только мой вопросъ своимъ произнесеніемъ вслухъ какъ-то внезапно осложнился. Не просто прозвучалъ и Марининъ отвѣтъ. Да и не странно-ли, въ

самомъ дѣлѣ, было мнѣ, вознагражденному Таниной любовью, искать награды за все, что я сдѣлалъ для нея, въ Марининой благодарности; и не страннѣе ли еще было Маринѣ благодарить меня за исполненіе своей просьбы, зная, чѣмъ меня отблагодарила судьба за исполненіе своего долга.

Таня уже подходила къ балкону. Мы пошли ей настрѣчу. Конечно, на Твой нравственный слухъ, Наташа, въ томъ, что навстрѣчу милой, несчастной, счастливой и довѣрчивой Танѣ мы съ Мариной сходили съ терассы объединенные странною общностью чувства: Марина — въ ощущеніи Taнинаго счастья, какъ созданія своей мечты и я — въ ощущеніи себя, какъ послушнаго орудія ея полусознательнаго внушенія, былъ какой то почти грѣшный звукъ. Но для насъ все было право совсѣмъ, совсѣмъ иначе. Съ безконечною нѣжностью, навѣянной кладбищенской грустью, обняла Таня Марину и съ твердою вѣрою въ то, что я защищу ее отъ всѣхъ страховъ и призраковъ жизни, подошла ко мнѣ и оперлась на мою руку.

Въ прекрасномъ чувствѣ прозрачной, дружественной любви другъ къ другу, нигдѣ не перечерченной, хотя бы только и легкой тѣнью настороженности и подозрѣнья, вошли мы всѣ подъ руку (Таня шла въ серединѣ), въ уютную столовую подъ свѣтлую висячую лампу къ горячему самовару на кругломъ столѣ.

Клянусь Тебѣ, Наталенька, я всею душою, всею напряженною полнотою своей любви былъ въ тотъ вечеръ обращенъ къ Танѣ: къ безконечно дорого-

му, спасенному мною человѣку, къ такой плѣнительной для меня въ своей нервности женщинѣ. Но все же это не мѣшало мнѣ и любоваться спокойною Марининой красотой, и чувствовать одержанную ею надъ собой побѣду, и слышать свѣтлый зовъ ея отрѣшенной души и знать, что мнѣ не судьба оставить его безъ отвѣта.

Послѣ чаю мы съ Таней долго гуляли по саду.

Вильна давно уже спала глухимъ сномъ. Большая Медвѣдица стояла низко надъ городомъ, надъ самымъ костеломъ. За занавѣшаннымъ Марининымъ окномъ горѣла лампа (Марина на ночь подолгу читала) и то, что горѣла ея лампа, было почему-то пріятно и Танѣ, и мнѣ. Изрѣдка по дачному гдѣ-то били въ колотушку, изрѣдка тишину нарушалъ далекій извозчикъ...

Какъ всегда со стыдомъ, болью и юморомъ Таня нервно разсказывала о своемъ злосчастномъ дѣтствѣ и о первой встрѣчѣ съ настоящимъ человѣкомъ, Борисомъ. (Какъ странно, Наташа, что если не въ ту же ночь, то все же въ тѣ же ночи Тебѣ о томъ же разсказывалъ Алеша). Мы разстались съ нею уже на разсвѣтѣ, но черезъ нѣсколько минутъ она неожиданно постучалась въ мою дверь. Вошла такая нѣжная и такая задумчивая:

«Тебѣ не непріятно, что я такъ много говорю о Борисѣ и хожу къ нему одна?»

Я взялъ тяжелый подсвѣчникъ изъ ея нервно дрожавшей руки, поцѣловалъ ея бѣдненькіе, слабенькіе пальцы.

«Христосъ съ Тобою, Танечка; — не ревновать же мнѣ къ отошедшему. А потомъ Ты вѣдь знаешь, я твердо увѣренъ, что человѣкъ, не умѣющій помнить — всегда человѣкъ неспособный любить. Въ твою-же любовь я вѣрю и память Твою люблю».

Она вся изъ глубочайшей своей глубины не то что просіяла, а какъ то зажглась единственною своею улыбкой, такою счастливою, такой благодарною.... Вся потянулась было ко мнѣ, чтобы обнять меня... но вдругъ погасла, словно въ тѣнь вошла въ ту больную думу, съ которою постучалась ко мнѣ.

«Ты еще что-то хотѣла сказать, Танечка?»

«А ты развѣ знаешь?»

«Не знаю, но чувствую».

«Да хотѣла... хотѣла сказать Тебѣ, что Марина (я вѣдь понимаю), тоже какъ и Борисъ — отошедшая, и что я ревновать Тебя къ ней не могу. Если-бы она была здѣшняя, Ты конечно полюбилъ-бы ее, не меня. Но я знаю, ее нельзя любить, ей не нужна любовь. Она душою и жизнью давно съ ушедшими, не съ живыми. А мнѣ страшно въ жизни. Если Твоя любовь хоть на шагъ отступится отъ меня — я умру. Меня украдетъ смерть! Она меня ждетъ, всегда сторожитъ...

Она говорила уже въ полубреду, судорожно хватаясь за мои руки и постепенно цѣпенѣя уходила отъ меня въ свой обморокъ - сонъ. Я уложилъ ее на кровать и сѣлъ рядомъ съ нею.

Въ невѣрномъ свѣтѣ оплывшей свѣчи и зеленоватой мути восходящаго утра (такомъ же, что въ утро моего отъѣзда изъ Касатыни), блѣдная какъ

полотно, почти безъ дыханія, она лежала на высокихъ подушкахъ совсѣмъ какъ покойница. Несмотря на всю свою привычку къ ея болѣзни, мнѣ стало какъ-то жутко. Я пошелъ и разбудилъ Марину, сказавъ, что у Тани очень сильный припадокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Марина постучалась. Вошла, погасила свѣчу, отдернула шторы и открыла окна... подошла къ постели, взяла Танину руку — сказала, что пульсъ хотя и слабый, но ровный... Кромѣ какъ ждать и слѣдить за сердцемъ дѣлать было нечего. Я закрылъ глаза, внезапно услышалъ громкое воробьиное чириканье и живую Маринину тишину надъ непроницаемымъ Танинымъ сномъ и вдругъ почувствовалъ, что однажды все это, совсѣмъ, совсѣмъ такъ же уже свершалося въ моей жизни...

....

Я ни минуты не сомнѣваюсь, Наталенька, въ абсолютной искренности Марины; она человѣкъ исключительной духовной красоты. Но искренность — одно, а пониманіе себя — совсѣмъ иное. Думаю, что когда она за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего проѣзда черезъ Вильну писала Танѣ, какъ она счастлива нашей любовью, она не совсѣмъ ясно понимала себя. Да и трудно было ей въ то время разгадать свою душу. Чтобы понять, что въ ней происходило, надо понять главное. Главное-же, чѣмъ она тогда жила, была идея о какомъ-то монашествѣ въ мiру, о посвященіи своей жизни памяти

матери. Отъ природы очень горячая, мечтательная и страстная, она естественно вносила въ свое служеніе всѣ эти свойства своей души и своей молодости, т. е. въ концѣ концовъ всю свою жажду любви. Но на мечтѣ о личномъ счастьѣ для нея лежалъ тяжелый запретъ. Отсюда, Наташа, и вся сложность ея большого и глубокаго чувства къ Борису.

Борисъ былъ любимцемъ матери и любовь къ нему перешла къ Маринѣ какъ-бы по духовному завѣщанію. Этого одного было-бы уже достаточно для объясненія необыкновенной напряженности ея сестринскаго чувства. Но было еще и другое: — Марина не только любила Бориса, но и была влюблена въ него тою особою романтическою влюбленностью, которая свойственна душамъ отрекшимся отъ личной жизни.

Послѣ смерти Бориса, идея жизни, посвященной культу ушедшихъ, усиливается въ Маринѣ до трудно передаваемаго напряженія. Ея письма къ Танѣ и ко мнѣ становятся все темнѣе и на днѣ все взволнованнѣе. Въ нихъ все чаще звучитъ безсиліе растворить свою романтическую влюбленность въ умершаго Бориса въ мистическомъ культѣ его безсмертной души. Чувствуется, что ей тревожно и очень одиноко.

И вотъ, Наташа, изо всѣхъ этихъ настроеній въ ней постепенно растетъ ея сложное, на сплошныхъ отраженіяхъ и сдвигахъ построенное отношеніе къ Танѣ и главнымъ образомъ ко мнѣ.

Не знаю, можетъ быть, я подъ Твоимъ вліяніемъ и подъ вліяніемъ своего собственнаго раз-

сказа беру на душу грѣхъ передъ Мариной, но сейчасъ мнѣ трудно не допустить себя до мысли, что Маринина идея, чтобы мы съ Таней полюбили другъ друга, была съ самаго начала связана съ несовсѣмъ простымъ чувствомъ ко мнѣ. Съ одной стороны, можетъ быть, со стремленіемъ заслониться нашею любовью отъ какихъ-то своихъ соблазновъ, съ другой — съ надеждою черезъ сестру Таню породниться со мною.

Да и дѣйствительно, Наташа, развѣ становясь (какъ ни неумѣстно это слово) вмѣсто Бориса Taнинымъ мужемъ, я не становился тѣмъ самымъ для Марины братомъ, братомъ въ память страстно любимаго брата? Развѣ не вовлекался тѣмъ самымъ въ орбиту ея жизни и какъ очень близкій и какъ навсегда въ послѣднемъ смыслѣ у нея взятый человѣкъ? Не ясно-ли, что для ея въ смерть влюбленной страсти и на смерть раненой души такой поворотъ моей судьбы долженъ былъ представляться выходомъ изъ того одиночества, въ которомъ она оказалась послѣ смерти Бориса, и выхода изъ котораго она, въ материнскихъ заботахъ о своихъ маленькихъ братьяхъ, по всему типу своего душевнаго склада, найти, конечно, никакъ не могла. Ужъ очень она не похожа на Вертеровскую Лотту.

Еще разъ оговариваюсь, Наталенька, что я самъ сейчасъ не знаю, все-ли разсказанное мною дѣйствительно было, или я разсказалъ Тебѣ многое, чего на самомъ дѣлѣ не было. Что было и чего не было, до конца знать никому не дано: вѣдь грани прошлаго въ памяти постепенно стираются, вос-

поминанія-же изо дня въ день, изъ года въ годъ все гранятъ по новому и по своему. Допускаю, что я въ наши отношенія съ Мариной вложилъ какой-то уже слишкомъ опредѣленный смыслъ, упростилъ ея отношенія ко мнѣ до какого-то эмоціональнаго силлогизма. Увѣренъ, что Марина ощутила бы мой разсказъ какъ направленную противъ нея стилизацію. Но сейчасъ мнѣ все это не важно, родная. Сейчасъ я никого и ничего не вижу, кромѣ Твоей ревности. Я писалъ охваченный только однимъ желаніемъ пойти какъ можно дальше навстрѣчу Твоей подозрительности, посмотрѣть на міръ Марининаго отношенія ко мнѣ Твоими глазами съ Твоей точки зрѣнія. Мнѣ необходимо выиграть бой противъ Твоей ревности не на моихъ и не на Марининыхъ позиціяхъ, а на Твоихъ!

Я никогда ничего не скрывалъ отъ Тебя, Наташа! Сегодня я сдѣлалъ больше: — я предположилъ въ своей душѣ дѣйствительно существующимъ то, что Тебѣ въ ней мерещится. Кое что самому неясное, я, быть можетъ, себѣ уяснилъ; кое-что невооруженному глазу невидное — увидѣлъ въ лупу Твоихъ подозрѣній, но предмета ревности все-же, родная, говорю по всей своей совѣсти, не обнаружилъ. Нѣтъ, нѣтъ, Наталенька, въ томъ большомъ и сложномъ чувствѣ, которое связываетъ насъ съ Мариной, нѣтъ и намека на какую нибудь Тебѣ враждебную любовь.

Ты вотъ только что до конца пойми, дорогая! Я познакомился съ Мариной задолго до встрѣчи съ Тобою и почувствовалъ то, что и сейчасъ къ ней

чувствую раньше, чѣмъ полюбилъ Таню. Если-бы въ основѣ нашихъ отношенiй дѣйствительно лежала любовь, почему-бы намъ дважды пройти мимо другъ друга? О, конечно, я чувствую въ Маринѣ (въ жизни все всегда вмѣстѣ) и близкаго человѣка и обаятельную женщину. Но въ глубинѣ глубинъ — она для меня все-же не человѣкъ и не женщина, а нѣкая музыкальная тема моей судьбы и души: — скорбная, страстная, потустороняя...

Я не знаю, Наташа, какъ сложились-бы мои отношенiя съ Мариной, если-бы Таня осталась жива; но Танина смерть и тѣ ничѣмъ не объяснимыя, загадочныя обстоятельства, при которыхъ все произошло, настолько усилили въ моей душѣ Маринину тему нездѣшности нашей жизни, ея хрупкости и ея скорбности, что мнѣ отъ нея уже никогда и никуда не уйти. Если-бы я даже и не считалъ такой уходъ грѣхомъ, онъ все-же былъ бы для меня невозможенъ. Былъ бы не только уходомъ отъ темы Марины, но и уходомъ отъ темы нашей любви. Повѣрь, никогда наша любовь не могла-бы стать для меня тѣмъ воскресенiемъ изъ мертвыхъ, какимъ она стала, если-бы вся ея мудрость была бы только въ забвенiи смерти. Забвенiемъ смерть не преодолѣвается, Наташа; смерть преодолѣвается только памятью! Моя тоска о Маринѣ — моя вѣчная память о Танѣ. Моя-же любовь къ Тебѣ — преображенiе этой памяти въ силу и славу жизни! (Преображенiе, Наташа, не предательство!). Пойми-же меня родная: — Ты и Марина не только объединены въ моей судьбѣ, но больше — суть

ея послѣднее единство: — тождество жизни и смерти во мнѣ.

Понять все это и принять въ свою душу и въ нашу жизнь. образъ и тему Марины, полюбить ихъ и овладѣть ими, — сколько разъ я умолялъ Тебя объ этомъ, Наташа. И Ты знаешь, какъ я бывалъ счастливъ, когда вѣрилъ, что для Тебя прозрачна душа моя и ясенъ путь моей жизни.

Что-же случилось? Двѣ встрѣчи съ Мариной, разсказанныя съ откровенностью и тщательностью, которыя право должны были-бы обезоружить всякую ревность, и вдругъ въ отвѣтъ, это потрясающе выразительное, дѣловито-короткое письмо.

Ахъ нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ не такого ждалъ я отвѣта.

Я знаю, что говорю страшныя вещи, Наташа, но какъ не сказать, когда чувствую: — если Ты не осилишь темы Марины, то Ты неизбѣжно (не смогу я бороться) ввергнешь мою душу въ то предѣльное одиночество, которое рано или поздно мертвымъ пространствомъ ляжетъ между нашими жизнями. Господи, какъ страшно писать объ этомъ! Хотя и не вѣрю я, что возможна такая минута, когда наша любовь не осилитъ Твоей ревности и моей истины, а все-таки страшно; сердце такъ безпомощно бьется и мечется...

Не могу больше писать, Таленька. Страшно усталъ, и грустно, грустно до слезъ.

Завтра буду опять писать. Христосъ съ Тобою, родная.

Весь навсегда Твой Николай.

Петербургъ, 13 октября 1913 г.

Я самъ не понимаю, Наташа, какъ это случилось, но я дѣйствительно только сегодня до конца понялъ самое непонятное въ Твоемъ письмѣ. Вѣдь Ты ничего не сообщаешь о своемъ пріѣздѣ! Конечно онъ дѣло рѣшенное, но все-таки странно, что на всѣ мои просьбы и доводы ѣхать какъ можно скорѣе, Ты не написала ни одного слова! Скажи, неужели-же разсказъ о нашей встрѣчѣ съ Мариной могъ хотя бы въ самой незначительной степени ослабить въ Тебѣ нетерпѣніе отъѣзда и омрачить радостное предчувствіе свиданія?

Если такъ, то я стою передъ совершенно непостижимымъ для меня фактомъ, стою передъ нимъ въ полной растерянности.

Что-же на самомъ дѣлѣ случилось? Чѣмъ, чѣмъ, скажи ради Бога, погрѣшилъ я въ своей бесѣдѣ съ Мариной противъ Тебя и нашей любви? Чѣмъ наша послѣдняя встрѣча по своему смыслу и звуку грѣховнѣе тѣхъ, о которыхъ я писалъ Тебѣ и изъ Вильны и изъ Клементьева, о которыхъ мы съ Тобою такъ много говорили? Я напрягаю всю свою зоркость, весь слухъ — и все же ничего не улавливаю, ничего такого, что могло бы мнѣ объяснить зародившіяся въ Тебѣ сомнѣнія.

Въ прошлую субботу мы провели съ Мариной вечеръ совершенно такъ же, какъ уже не разъ проводили наши съ нею вечера. Такъ же интересна, какъ и раньше, была поверхностная бесѣда надъ глубокимъ молчаніемъ; такъ-же печальна, какъ въ

Вильнѣ, мертвая зыбь воспоминаній надъ затонувшей между нами жизнью, и только развѣ еще призрачнѣе, чѣмъ въ Клементьевѣ, смутная, безсильная Маринина мечта о какомъ-то проносящемся мимо нея праздникѣ, отъ огней котораго ей очевидно уже никогда не оторвать жадныхъ глазъ своей мертвой души. Въ Клементьевѣ эта душа хотѣла до утра танцовать, — сейчасъ она рвется на сцену...

Нѣтъ, я не забываю, Наташа, что наши прежнія встрѣчи съ Мариной и наше послѣднее съ нею свиданіе отдѣлены другъ отъ друга величайшимъ событіемъ Твоей и моей жизни: — тѣмъ, что мы стали женою и мужемъ. Но ради Бога, родная, объясни мнѣ — мучаюсь и не понимаю я, — откуда Твоя воля и право любить не меня, а кого-то другого? Скажи, неужели-же Тебѣ не ясно, несмотря на всю внѣшнюю парадоксальность моего вопроса, что я, лишенный того сложнаго, большого, скоро уже десять лѣтъ живущаго во мнѣ міра, который носитъ имя Марины, былъ-бы весьма непохожимъ на себя самого существомъ?

О, конечно, я признаю, Наташа моя, что во имя Твоего чувства ко мнѣ, Ты не только вправѣ, но Ты должна требовать отъ меня всей моей единой и недѣлимой любви. Въ этомъ Твоемъ требованіи все мое счастье. Если-бы я не дышалъ имъ каждый мигъ своей жизни, я ничего бы не зналъ о вѣчности и безмѣрности міра!

Но милая, что въ сущности происходитъ? О чемъ мы съ Тобою говоримъ? Не навожденіе ли все это и не схожу-ли я съ ума?

Неужели Ты дѣйствительно думаешь, что между мною и Мариной «начался романъ»? Но какъ? Когда? Вдругъ! Сразу!..

Рядомъ съ нашимъ прекраснымъ счастьемъ, изъ глубины моей тоски по Тебѣ, въ ожиданіи Твоего пріѣзда, среди моихъ заботъ объ Алешѣ и жажды оправданія нашей любви передъ нимъ? Ну ради Бога, Наталенька, ну развѣ это похоже на меня? Развѣ Тебѣ недостаточно только представить себѣ все это, чтобы сразу же понять, что начаться романъ у меня здѣсь не могъ. Онъ могъ-бы развѣ только вдругъ завершиться, если бы онъ когда нибудь существовалъ.

Но вѣдь и такая возможность — сплошная невозможность! Или по Твоему допустима мысль, что Ты, съ Твоимъ вѣщимъ ревнивымъ сердцемъ, Ты, которая знала каждое слово, сказанное между мною и Мариной, Ты, связанная съ Алешей страшною отвѣтственностью не только передъ его счастьемъ, но и передъ его жизнью — могла бы пойти за мною, не будучи всѣмъ сердцемъ увѣрена, что наша близость съ Мариной — совсѣмъ не любовь, и что кромѣ Тебя — я никого не люблю? Такая мысль — безумная мысль, Наташа! Такъ почему-же мои чувства къ Маринѣ, которыя Ты правда, и раньше не любила, но все-же не считала за любовь, вдругъ стали въ Твоихъ глазахъ любовью?

Быть можетъ это случилось во исполненіе почти неотвратимаго закона человѣческой природы, по которому ревность всегда растетъ вмѣстѣ съ любовью. Совсѣмъ уйти изъ подъ власти этого за-

кона ревнивому человѣку вѣроятно нельзя, но ослабить его власть надъ собою осознаніемъ темной природы ревности все же можно.

Ну такъ давай-же съ Тобою, родная, постараемся разобраться и въ ней самой, и въ тѣхъ путяхъ, которыми она забралась въ Твою душу.

Я конечно понимаю, что взревновавшей женской душѣ легче повѣрить въ цѣлительную силу ворожбы или заговора, чѣмъ критическихъ доводовъ, но все же не могу и не хочу отказаться отъ вѣры во власть разумнаго созерцанія жизни въ ея самоочевидной, существенной подлинности! Для меня, Ты знаешь, философія не предметъ, которымъ я занимаюсь, не наука, а стихія, въ которой я живу: — принципіальность и страстность всей моей жизни, ея верховная творческая форма.

Пусть истиной нельзя владѣть — можно быть въ ея власти; пусть ее нельзя знать — можно ею неустанно становиться.

Вѣрю, что Твоя ревность пока еще ничему не угрожаетъ, но какъ знать, не станетъ ли она уже завтра угрозой нашему браку, верховной истинѣ моей жизни!

Уже однажды я разрушилъ въ Тебѣ вѣру въ ложно понятый долгъ и отвоевалъ Тебя у Алексѣя, а потому и въ эту новую борьбу за Тебя я вступаю съ вѣрою въ свое оружіе, въ логику своего сердца.

Ты не разъ говорила мнѣ, что я не ревнивъ, Наташа, и я всегда съ Тобою соглашался, потому что того чувства, которое обыкновенно зовется ревностью, я дѣйствительно никогда не испыты-

валъ. Но если уже говорить до конца, то долженъ сказать, что если я, въ обычномъ смыслѣ этого слова, совсѣмъ не ревнивъ, такъ только потому, что я совершенно необычайный ревнивецъ.

Это очень просто и ясно, Натал енька. Всякое чувство, напрягаясь до предѣла, неизбѣжно перерождается въ свою противоположность. Не ясно-ли, что Плюшкинъ скупъ до расточительности; что онъ скупостью своею совершенно такъ же прожигаетъ свое хозяйство, какъ самый легкомысленный мотъ? Но Богъ съ нимъ, съ Плюшкинымъ, вернемся къ ревности. Помнишь я писалъ Тебѣ о томъ впечатлѣніи, которое на меня произвела Маруся?

Допустимъ, родная, что мое любованіе ея образомъ превратилось бы съ теченіемъ времени въ нѣкоторую влюбленность въ нее самое. Скажи, было ли бы это только ослабленіемъ моей любви къ Тебѣ или и ея усиленіемъ? Повѣрь, мнѣ сейчасъ совсѣмъ не до защиты звонкихъ парадоксовъ. Мнѣ просто ясно, что мое любованіе Марусей было только отраженіемъ моей любви къ Тебѣ. Что понравилось мнѣ въ самомъ дѣлѣ въ Марусѣ? Въ чемъ почувствовалась ея своеобразная плѣнительность? Развѣ не въ ея большомъ сходствѣ съ Тобою и въ ея любви къ Тебѣ? Если хочешь, я ею любовался, какъ новымъ измѣреніемъ Твоего очарованія, какъ своеобразнымъ варіантомъ Твоей эротической темы, какъ неожиданнымъ подтвержденіемъ моего страннаго ощущенія Твоей вездѣсущности, моего внутренняго убѣжденія, что Ты одна въ мірѣ толь-

ко и существуешь и что въ **Тебѣ одной даны мнѣ** всѣ женщины.

Все это не построеніе, Наташа, но совершенно конкретныя чувства, которыя я очень точно знаю въ себѣ. Вѣдь вотъ сталъ-же мнѣ сразу непріятенъ гостившій въ Корчагинѣ губернскій агрономъ, какъ только я замѣтилъ его «чувства» къ Марусѣ. А почему? Потому что для меня Маруся въ концѣ концовъ неотдѣлима отъ Тебя, значитъ не смѣетъ никого любить кромѣ меня и не смѣетъ быть никѣмъ любимой, кромѣ какъ мною, и потому, что глубочайшему моему инстинкту слышно, что вожделѣющій ея любви агрономъ вожделѣетъ въ ея любви и Твоей любви, и что отвѣчая на его чувства, она заставляетъ на нихъ отвѣчать и Тебя.

Но Маруся только примѣръ, Наталенька, и то, что она Твоя сестра, въ сущности не важно; все это только въ объясненіе того непосредственнаго, напряженно-живущаго во мнѣ ощущенія, что въ хороводѣ любви всѣ женщины милыя сестры, таинственно объединенныя въ единственномъ образѣ единой женской любви.

Говоря сейчасъ съ послѣднею искренностью, я долженъ сказать, что въ глубинѣ своихъ глубинъ я каждую женщину ощущаю, какъ созданную только для меня и предназначенную ждать нашего съ нею часа. Каждую, любящую другого, инстинктивно считаю злостной измѣнницей. Мнѣ непріятны всякія извѣстія о чужой любви; даже карточки, объявляющія о помолвкахъ и свадьбахъ; даже смѣшныя, купеческія, стеклянныя кареты подъ не-

вѣсту вызываютъ во мнѣ недобрыя чувства, въ которыхъ странно переплетаются грусть, ревность и досада.

Мнѣ достаточно себѣ представить, что гдѣ-нибудь въ мірѣ, кто-нибудь, все равно кто, обнимаетъ влюбленную женщину, ту, никогда мною невиданную, что спѣшила къ нему на свиданье по солнечнымъ ступенямъ Scala d'Espagnia, или ту, что ждала его на опустѣвшей ночной палубѣ волжскаго парохода, чтобы сразу же почувствовать въ немъ не только своего личнаго врага, но и преступника противъ мнѣ одному ввѣренной и мнѣ одному вѣдомой любви.

Отъ всей глубины этихъ переживаній и отъ всего безумія такой ревности можно конечно отмахнуться утвержденіемъ, что если все это не совсѣмъ безпредметная фантастика, то скорѣе предметъ патологіи, чѣмъ философіи.

Не Тебѣ говорить мнѣ, Наташа, что это совершенно не такъ; что моя предѣльная, метафизическая ревность, несмотря на то, что она сторожитъ не только Твое сердце, но всѣ женскія сердца, не имѣетъ ничего общаго съ тою распущенностью, которая не пропускаетъ ни одной женщины безъ того, чтобы не оскорбить ея своей похотливой фантазіей. Похотливцамъ и чувственникамъ метафизическая ревность вообще не доступна, такъ какъ она возможна лишь тамъ, гдѣ человѣкъ духовно горитъ въ ревностномъ служеніи любви.

Знать такую ревность — значитъ знать всѣ муки сердца, несущаго въ себѣ даръ абсолютной

любви, но осужденнаго въ бренномъ мірѣ любить смертное существо. Знать такую ревность — значитъ своею влюбленной душой возставать противъ нисхожденія Любви въ міръ множественности, относительности и распыленности. Мука ревниваго сердца въ томъ, чтобы сторожить каждое женское сердце, чтобы каждое держать подъ своимъ замкомъ; все это совсѣмъ не похотливая погоня за каждой, а требованіе, чтобы всѣ были одной. Какъ Калигула мечталъ, чтобы у Рима была одна голова, дабы ее можно было сразу отрубить, такъ всякій влюбленный всегда будетъ мечтать, чтобы во всемъ мірѣ было только одно женское сердце, дабы въ мірѣ можно было любить.

Среди всѣхъ человѣческихъ словъ о любви для меня нѣтъ болѣе нѣжныхъ, болѣе мудрыхъ, болѣе вѣчныхъ и болѣе точныхъ, чѣмъ единственная и единственный. Всѣ любящіе другъ для друга — единственный и единственная! Для нихъ ихъ любовь всегда единственная во всемъ мірѣ, всегда единственная надъ всѣмъ міромъ, всегда единство всего міра — Богъ!

Но Богъ — развѣ онъ и среди другихъ боговъ еще Богъ, а не идолъ? Но вѣра — развѣ вѣра въ идоловъ еще вѣра, а не суевѣріе? Но наша любовь — развѣ и среди иныхъ любвей, она все еще любовь, а не мечта и невозможность любви?

Кто знаетъ вѣчную тайну любви, тотъ знаетъ и страшную тайну жизни: — неосуществимость въ жизни любви. Эта тайна — самый глубокій корень ревности.

Да, не только Тебя я ревную, Наташа, ко всякому другому, но я ревную къ нему и всѣхъ женщинъ міра! Да, я хочу и требую, чтобы не только Ты была-бы мнѣ вѣрна, но чтобы въ Тебѣ мнѣ были вѣрны всѣ женщины! Нѣтъ, не допускаю я, чтобы въ мірѣ кромѣ нашей любви цвѣла еще чья нибудь любовь! И даже больше: чтобы наша любовь была-бы воистину любовью, необходимо, чтобы кромѣ насъ съ Тобою никого-бы не было въ мірѣ, чтобы всѣ женскіе чувства, взоры и души были-бы едины въ Тебѣ, всѣ мужскіе — во мнѣ; чтобы надъ нами былъ только Богъ, которому мы бы молились, а подъ нами вся тварь, которая намъ бы служила!

Не думай, дорогая, что моя метафизическая ревность — отвлеченная схема, за которой ничего нѣтъ, кромѣ лично моихъ, мало кому свойственныхъ и съ настоящею кровною ревностью не имѣющихъ ничего общаго, переживаній. Увѣряю Тебя, это не такъ. Увѣряю Тебя, что метафизическая ревность въ искаженномъ видѣ встрѣчается въ жизни гораздо чаще, чѣмъ это видно на первый взглядъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ кажется, что она представляетъ собою, если къ ней повнимательнѣе присмотрѣться, ни что иное, какъ самосознаніемъ углубленную форму той, вѣчно портящей всѣмъ намъ кровь «безпричинной» ревности, которую хорошо знаетъ всякій обыкновенный, рядовой человѣкъ.

Почему-то не только большинство людей, но даже и большинство ревнивцевъ въ трезвые минуты склонны считать безпричинную ревность слѣ-

пымъ, жестокимъ, безсмысленнымъ и чуть ли даже не животнымъ чувствомъ. Не можетъ быть ничего грубѣе и лживѣе такого взгляда.

На мое ощущеніе безпричинная ревность самая аристократическая и благородная форма ревности, единственно чистая по своей метафизической линіи, единственно правая своею безсознательною связью съ верховнымъ смысломъ любви, и уже совсѣмъ конечно не безпричинная, если только не считать, что вполнѣ очевидныя, внѣшнему разуму доступныя и на душевной поверхности плавающія причины являются единственными господствующими въ нашей жизни.

Для того, чтобы намъ до конца понять другъ друга, Тебѣ необходимо добиться отъ себя возможно полнаго осознанія всѣхъ самыхъ глубокихъ и тайныхъ извивовъ своей ревности. А для этого, какъ мнѣ кажется, важнѣе всего научиться отличать въ себѣ чувство той, метафизической, безпричинной ревности, о которой мы все время говоримъ съ Тобою, отъ цѣлаго ряда совершенно иныхъ чувствъ.

Конечно, можно первую тревогу выслѣживанія намѣчающейся измѣны, боль и позоръ внезапной утраты, брезгливое презрѣніе къ свершающемуся обману, жалость къ себѣ самому, плачъ по втоптанному въ грязь довѣрію, изступленное требованіе — вернуть... казнить, чувство безсилія, невозможность прикоснуться къ своей собственной душѣ, изнемогающей отъ ожоговъ самолюбія, считать муками ревности, но только съ тѣмъ, чтобы по-

мнитъ, что ревность, покоящаяся на ею самой осознанныхъ основаніяхъ, на фактахъ измѣны, и совершенно безпричинная ревность — два, по своему звуку и смыслу настолько отличныя другъ отъ друга чувства, что лучше всего было бы не называть ихъ однимъ именемъ, хотя въ жизни они встрѣчаются почти всегда вмѣстѣ. Почему?

Правда безпричинной ревности заключается въ томъ, что она питается хотя и неосуществимымъ, но все же и неустранимымъ требованіемъ любви быть единственной во всемъ мірѣ. Но не осознавая своихъ подлинныхъ метафизическихъ основъ, она неустанно подмѣняетъ ихъ изобрѣтаемыми ею самою причинами.

Порочный кругъ безпричинной ревности всегда одинъ и тотъ-же. Она начинаетъ съ подозрѣній на пустомъ мѣстѣ. Своими подозрѣніями разрушаетъ основу всякой любви — гармонію; взвинчиваетъ понемногу глухое ощущеніе дисгармоніи до остраго чувства несчастія и заставляетъ, наконецъ, несчастную сторону искать утѣшенія въ игрѣ въ новое счастье, которая никогда не кончается одною игрою. Господи, Наташа, какъ хочется мнѣ чтобы Ты поняла и приняла въ свою душу все это мое знаніе и видѣніе! Чтобы Твоя слѣпая ревность превратилась въ мою, зрячую! Я знаю, Натâленька, что для Тебя «зрячая ревность» совершенно безсмысленное сочетаніе словъ, что Ты думаешь, что ревность неизбѣжно слѣпа, и про себя подозрѣваешь, что мнѣ какъ разъ потому въ ней никогда ничего

не понять, что я думаю, что она можетъ быть зрячей. Но пойми-же, милая, что Твоя, сознающая себя слѣпой ревность наполовину уже не слѣпа: — слѣпая себя слѣпой не сознаетъ! Нужно только еще небольшое усиліе — и все спасено! Нужно только понять (я, кажется, все одно и то же пишу, но трудно, безконечно трудно разсказать мнѣ себя) нужно только понять, что ревность — совѣсть любви, прозрѣніе того, что всякая любовь на землѣ можетъ быть права передъ Богомъ лишь при условіи отрицанія своего предмета, какъ абсолютнаго. Вѣчная правда ревности въ ощущеніи, что всякая любовь не та; вѣчная же ея ошибка въ эмоціональной перефразировкѣ этой правды, въ подозрѣніи: — «что-то въ нашей любви не то», «онъ не тотъ», «онъ не можетъ любить», «онъ не любитъ меня», «онъ любитъ не меня» и т. д., и т. д... на самыхъ маленькихъ, самыхъ незамѣтныхъ сдвигахъ все глужбе и глубже все ближе и ближе къ зловѣщему кратеру, къ страшному срыву въ безумьемъ объятую преисподнюю ревности...

Есть только одно обстоятельство, Наташа, при наличіи котораго борьба съ такою ревностью становится почти безнадежной, — это невозможность вѣрить тому, кого любишь. Слава Богу у меня нѣтъ сомнѣній, что Ты не только вѣришь всѣмъ моимъ словамъ, но вѣришь и моему молчанію, знаешь, что я ни сознательно, ни безсознательно ничего не умалчиваю. Слава Богу мнѣ не нужно доказывать Тебѣ, что не сегодня и не по соображеніямъ самозащиты сложились во мнѣ мои мысли о ревности.

Вспомни, родная, что я писалъ Тебѣ изъ Клементьева, когда впервые услышалъ въ Твоихъ письмахъ скорбныя и тревожныя ноты по поводу пріѣзда Марины, и Ты согласишься со мною, что я уже тогда ясно предвидѣлъ всѣ тѣ вопросы, которые на путяхъ любви должна намъ будетъ поставить жизнь и заранѣе продумалъ всѣ свои отвѣты на нихъ.

То, чѣмъ кончалъ письмо изъ Клементьева, тѣмъ кончаю и это, Наташа.

Нѣтъ, не вѣрю я, чтобы человѣческая любовь могла изъ года въ годъ спокойно, безсознательно и непрерывно расти, какъ дерево изъ упавшаго на землю сѣмени. За нее надо бороться и ее надо сознательно творить! Да, Наташа, сознательно. Сознаніе совсѣмъ не холодъ, совсѣмъ не ложь! Сознательное стремленіе къ сознательному творчеству жизни самая благородная изъ всѣхъ доступныхъ человѣку страстей. Люди, знающіе только темныя страсти, вообще ничего не знаютъ о страстяхъ! Темныя страсти терзаютъ и пѣтуховъ и жабъ. Человѣкъ же только тамъ и начинается, гдѣ начинается воля къ свѣту и творчеству!

Всею своею любовью, Наташа моя, всѣми силами своей души зову я Тебя на подвигъ умнаго, упорнаго и страстнаго строительства нашей жизни.

Жду отъ Тебя скораго отвѣта и надѣюсь, что Ты отвѣтишь не письмомъ, а немедленнымъ выѣздомъ изъ Касатыни.

Увѣренъ, что какъ только мы увидимъ другъ друга, сразу же почувствуемъ, что Тебѣ совсѣмъ

не надо было умалчивать о Маринѣ въ своемъ ревнивомъ письмѣ, а мнѣ обстрѣливать Твое молчаніе изъ тяжелыхъ орудій моей философіи. Быть можетъ Ты потому написала такъ глухо и мало, что все время жила рядомъ съ больнымъ въ нѣмыхъ и затемненныхъ комнатахъ, а я такъ много и принципіально потому, что неустанно сдаю экзамены по философіи.

Ну, Христосъ съ Тобою, дорогая. Обнимаю и нѣжно цѣлую Тебя. Боюсь, что замучилъ мою тихую радость своей горячей атакой.

Весь Твой Николай.

Петербургъ, 18-го октября 1913 года.

Спасибо за письмо, Наталенька. За милую улыбку въ четыре странички — слегка смущенную, слегка лукавую, чуть виноватую; совсѣмъ Твою, совсѣмъ мою и только нашу. Что я ошибся — очень хорошо, красавица; что не совсѣмъ ошибся — еще лучше. Все хорошо, что хорошо кончается. Лучшаго же конца нашей съ Тобой «ревнивой» переписки, какъ высказанное Тобою мнѣніе, что ей не надо было-бы и начинаться, — намъ врядъ-ли можно было ожидать.

Ну конечно же, Ты отнюдь не подозрѣвала мемя въ какихъ-бы то ни было грѣховныхъ чувствахъ къ Маринѣ. Это такъ ясно. И конечно Тебя не могли

не тревожить какія-то Маринины сложныя чувства ко мнѣ. Это такъ понятно.

Что Ты считаешь Марину гораздо интереснѣе себя — дѣлаетъ честь не только Твоей скромности, но и Твоему мужеству, — вѣдь Ты ея совсѣмъ не знаешь.

Интереснѣе-ли Ты ея? — мнѣ сказать не легко, такъ какъ я не хочу быть нескромнымъ и превозносить ту зоркость, съ которой я остановилъ свой выборъ на Тебѣ.

Вообще же говоря, вопросъ интересности въ Твоей постановкѣ для меня неразрѣшимъ. Сказать, какая изъ двухъ женщинъ сама по себѣ интереснѣе другой, право нельзя: та, что въ будущемъ, всегда интереснѣе той, что въ прошломъ; а порядокъ — дѣло случайное. Къ любви все это не имѣетъ никакого отношенія, не говоря уже о томъ, что любовь вообще не сравниваетъ, такъ какъ имѣетъ дѣло съ несравненной, единственной.

Надѣюсь, родная, что Ты пока согласишься удовлетвориться этимъ, хотя по формѣ и шуточнымъ, но все-же весьма серьезнымъ отвѣтомъ. Прости, не могу я серьезно писать, ужъ очень веселыми зайчиками дрожитъ у меня на душѣ золотая улыбка Твоего милаго письма.

Вотъ пріѣдешь, тогда о всемъ поговоримъ. Не задерживайся только слишкомъ долго въ Москвѣ. Конечно, повидать своихъ Тебѣ надо, но все же, прошу Тебя, постарайся справиться поскорѣе. Пріѣзжай ко мнѣ не позже вторника, ну въ самомъ крайнемъ случаѣ въ среду. Очень мнѣ надо, чтобы

Ты была здѣсь и чтобы приняла въ свое вѣдѣніе проблему Марины. Пока не сдамъ ея подъ расписку Твоимъ собственнымъ глазамъ, — не буду спокоенъ.

Тѣмъ болѣе, что въ ближайшее время мы съ Мариной будемъ чаще видѣться. Вчера подъ вечеръ она со своимъ Всеволодомъ Валеріановичемъ (угрюмый человѣкъ, но смотритъ на нее съ какимъ то совсѣмъ уже сверхъестественнымъ восторгомъ) заходила ко мнѣ сказать, что получила роль Ревекки. Не знаю, можетъ быть оттого, что пришла съ холоду и вѣтру, но только она показалась мнѣ много моложе, свѣжѣе и даже какъ будто слегка полнѣе обыкновеннаго. Подъ распахнутой, легкой шубкой виднѣлось изящное черное платье. Она была очень оживлена и, надо признаться, очень интересно говорила о Росмерсгольмѣ и о томъ, какимъ ей представляется «разрѣшеніе» роли Ревекки. Въ шутку я ей сказалъ, что если изъ нея не выйдетъ большой артистки, то во всякомъ случаѣ выйдетъ дѣльный режиссеръ, на что ея спутникъ, кажется, совершенно серьезно обидѣлся. Мнѣ очень интересно, что Ты скажешь объ этомъ странномъ типѣ, который меня опредѣленно недолюбливаетъ и котораго я несовсѣмъ понимаю. Пробыла Марина недолго и, надо сказать, безъ большого труда добилась моего согласія помочь ей въ работѣ надъ ролью. Говоря по правдѣ, мнѣ сейчасъ совершенно некогда всѣмъ этимъ заниматься, но отказаться было совершенно невозможно.

Конечно, не получи я, какъ разъ передъ приходомъ Марины, извѣстія, что Ты ко мнѣ ѣдешь, я бы, вѣроятно, не согласился, но при Тебѣ мнѣ ничего не страшно, — ни Твоя ревность, ни Маринино «сложное чувство», ни даже раздвоеніе своего собственнаго чувства (чувства, не любви, Наташа) между Мариной и Тобой!

Мы съ Тобою всегда очень любили Петербургъ. Надѣюсь, онъ встрѣтитъ насъ съ радушіемъ стараго друга и изобрѣтательной любезностью большого художника.

Итакъ, до свиданья, дорогая, до скораго свиданья въ туманномъ и блистательномъ Петербургѣ!

Весь вѣчно Твой Николай.

Петербургъ, 22-го октября 1913 г.

Вчера, дорогая моя Наталенька, получилъ Твое письмо. Слава Богу, Ты уже въ Москвѣ, тронулась, ѣдешь. И все же мнѣ грустно, очень грустно. Зачѣмъ цѣлую недѣлю оставаться у своихъ, зачѣмъ наканунѣ свиданія просить меня какъ можно подробнѣе писать Тебѣ «обо всемъ» въ Москву, и главное, родная, къ чему это непонятное «обо всемъ», когда такъ ясно и Тебѣ и мнѣ, что Тебя снова волнуетъ Марина?

Твое сердце тоскуетъ, Наталенька, чуетъ недоброе, мечется, и само того не зная пытается задержать Твой выѣздъ изъ Москвы, какъ все время

задерживало Твой отъѣздъ изъ Касатыни. Все это я слышу, все это отсюда вижу, родная, и умоляю Тебя: не надо, не надо поддаваться соблазну. Отъ Твоего послѣдняго письма у меня такъ прекрасно прояснѣло въ душѣ и вотъ ее снова уже обволакиваетъ Твоя ревнивая хмурь. Какое отчаяніе, какая боль, милая, и какое жуткое чувство безсилія. Все, что я самъ знаю о своемъ чувствѣ къ Маринѣ, о смыслѣ и сущности нашихъ съ нею отношеній — все это я Тебѣ разсказалъ въ послѣднемъ письмѣ съ предѣльною искренностью и прибавить мнѣ нечего. Я знаю, что Ты мнѣ вѣришь, но Тебѣ кажется, что я самъ ошибаюсь, самъ не понимаю того, что во мнѣ происходитъ. Ты чувствуешь иначе, чѣмъ я. Предчувствуешь бѣду. Пусть такъ, сейчасъ не спорю, не защищаюсь, только недоумѣваю почему Ты все же медлишь пріѣздомъ, почему не спѣшишь воочію убѣдиться въ томъ, чѣмъ я живу и открытъ мнѣ глаза на себя самого? Вѣдь со мною такъ легко до всего договориться, вѣрнѣе, до всего дочувствоваться. Вѣдь надъ всѣми моими страстями царитъ моя главная страсть къ власти надъ своею собственной жизнью, къ умному дѣланію ея.

Но что я пишу, Наталенька, что за безуміе? Какъ и когда дошли мы съ Тобою до того, что я умоляю Тебя какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ, чтобы... увидѣть Марину и разгадать чѣмъ мы съ нею связаны? Причемъ тутъ Марина, Наташа, когда мы ждемъ другъ друга изо дня въ день вотъ уже цѣлый мѣсяцъ; ждемъ въ послѣднемъ волненіи и съ послѣдней тоской? Каюсь, доро-

гая, въ моей душѣ взивается какое-то почти злое отчаяніе, какъ только подумаю, что на нашу любовь, стоившую Тебѣ такихъ безмѣрныхъ страданій, чуть было не унесшую въ могилу Алешу, такую большую, счастливую, прекрасную, возстаютъ мои мимолетныя встрѣчи съ Мариной, которую я знаю и люблю почти уже восемь лѣтъ. Да, Наташа, люблю, но люблю, какъ уже не разъ говорилъ Тебѣ, совершенно особой любовью, которая на нашу любовь не покушается и намъ съ Тобою ничѣмъ не грозитъ. Пойми же меня, Наталенька, и повѣрь: Марина не другая женщина, къ которой влечется моя душа, но моя вторая душа, которую Ты, любя меня, всего меня, не можешь и не смѣешь не любить во мнѣ. За «не смѣешь» прости, дорогая. Это конечно не то слово, но я что-то путаюсь въ словахъ; можетъ быть оттого, что гибнетъ вѣра во всѣ слова, крѣпнетъ чувство, что всѣ слова не тѣ, что сказать вообще никому ничего нельзя.

Господи, какъ много говорили мы съ Тобою о любви, о Маринѣ и что же?.. Ужасъ, Наташа, ужасъ! Что въ томъ, что Твоя любовь вѣритъ въ меня, когда Твоя ревность уже не вѣритъ въ Твою вѣру?

Но обо всемъ этомъ потомъ. Сейчасъ только одна просьба, одна мольба къ Тебѣ, Наташа. Или выѣзжай завтра же изъ Москвы, или соберись съ силами и прикажи мнѣ навсегда проститься съ Мариной, бросить экзамены и немедленно бѣжать съ Тобою въ Касатынь. Если такова будетъ Твоя воля, я объявлю о ней Маринѣ и безоговорочно ис-

полню ее. Клянусь Тебѣ, мнѣ это будетъ легче сдѣлать, чѣмъ изо дня въ день чувствовать, что какая то темная сила въ Тебѣ борется противъ нашей любви, стучится погубить наше счастье. Чувствуешь-ли Ты, Натальенька, какая для меня мука такія письма, какъ Твое вчерашнее письмо: — глухое, пустое, говорящее обо всемъ, кромѣ того, что Тебѣ важно, недовѣрчивое и настороженное.

Господи, до чего же я знаю въ Тебѣ эти жуткія мгновенія, которыхъ еще Алеша боялся больше смерти. Ты все выслушиваешь, но ни на что не отвѣчаешь, со всѣмъ какъ будто соглашаешься, но въ сущности ничего не принимаешь, ничего даже и не слышить. Говорить съ Тобою въ такія минуты непереносимая мука: отъ каждаго слова Ты только вздрагиваешь и никнешь, какъ дерево подъ ударами топора.

Проснись, Наташа, проснись! Въ чемъ дѣло? Что же случилось? Неужели Тебя такъ взволновало извѣстіе, что мы собираемся чаще встрѣчаться съ Мариной и моя приписка, что я никогда не согласился бы работать вмѣстѣ, если бы не зналъ, что на дняхъ пріѣзжаешь Ты, въ присутствіи которой мнѣ ничего не страшно, вплоть до раздвоенія сердца между двумя милыми женщинами?

Но вѣдь это шутка, Натальенька, явная шутка, правда нѣсколько доктринерская (въ смыслѣ ея связи съ моей философіей любви), слегка провокаціонная (въ виду Твоего отрицанія этой философіи) и какъ мнѣ сейчасъ ясно весьма неумѣстная, но все-таки шутка, на которую право же нѣтъ ос-

нованія отвѣчать въ такихъ замогильныхъ тонахъ, какими дышетъ все Твое письмо отъ первой до послѣдней строки. Нельзя, нельзя же не понимать шутокъ, моя красавица. Шутка — это цвѣтъ и ароматъ жизни, ея мимолетная улыбка. Ну улыбнись же, милая, Твоею прекрасной улыбкой, улыбнись сейчасъ-же, просвѣтлѣй надъ своею темною ревностью, удивись ей и разрушь ее! Дай обнять Тебя, поцѣлуемъ сомкнуть печальные глаза, согрѣть холодныя ручки. Христосъ съ Тобою, милая, жду Тебя, мою жизнь.

Весь Твой Николай.

Петербургъ, 23-го октября 1913 г.

Хотя Твоя просьба обо всемъ подробно писать и была внушена Тебѣ злою ревностью, я все же исполняю ее, Таленька. Видишь какой я покорный мужъ.

Вчера, только что я вернулся съ вокзала (возилъ письмо Тебѣ на послѣдній поѣздъ) какъ ко мнѣ постучался присланный Мариной Всеволодъ Валеріановичъ. Пробылъ онъ минутъ пятнадцать, не больше, говорилъ мало, (вѣрнѣе не говорилъ, а отвѣчалъ на вопросы) держалъ себя вообще скорѣе разсыльнымъ, чѣмъ знакомымъ, и навелъ меня всѣмъ этимъ на весьма странныя мысли.

Его отношенія къ Маринѣ, какъ я Тебѣ уже писалъ, мнѣ не совсѣмъ ясны, да по правдѣ сказать и мало интересны. Если бы у него и были кое какія захудалыя права ревновать ее ко мнѣ, то во

всякомъ случаѣ у него на это нѣтъ никакихъ основаній. А между тѣмъ вотъ уже во второй разъ онъ совершенно опредѣленно и беззастѣнчиво обнаруживаетъ свою весьма мало нарядную, косолапую ревность. Увѣренъ, родная, если бы Ты увидѣла какой у Тебя союзничекъ, Ты перестала-бы меня ревновать.

Но знаешь, такимъ смѣшнымъ все это мнѣ кажется только сегодня; вчера же я до поздней ночи сидѣлъ не работая, глубоко встревоженный совпаденіемъ Твоихъ чувствъ съ чувствами совершенно неизвѣстнаго Тебѣ существа. Какъ ни какъ, а все же странно, родная, что вы со Всеволодомъ Валеріановичемъ что-то предчувствуете, чѣмъ то мучаетесь за насъ съ Мариною, о чемъ-то предупреждаете...

Всю ночь я допрашивалъ свою совѣсть, но грѣха на ней не нашелъ.

Но вотъ что меня взволновало. Во всѣхъ нашихъ разговорахъ я раньше всегда думалъ только о насъ съ Тобою, о моей вѣрности и Твоей ревности. О Марининомъ-же отношеніи ко мнѣ я какъ-то никогда не заботился. Вчерашнее посѣщеніе Всеволода Валеріановича что-то измѣнило въ душѣ; его элементарно-мужская страсть къ Маринѣ какъ-то снизила и согрѣла ея наджизненный образъ; навела на мысль, вѣрнѣе, на предчувствіе, что и въ ней есть обыкновенное, бѣдное, Божье созданіе, простая женщина, которая тоже вѣдь можетъ захотѣть попросту обнять и поцѣловать родного, любимаго человѣка.

За долгіе годы нашихъ сложныхъ отношеній, во мнѣ вчера, можетъ быть, впервые поднялось нѣчто похожее на заботу о ней; и, знаешь, я даже поймалъ себя на совсѣмъ простомъ, почти по Твоему хорошемъ размышленіи: «а что будетъ если Марина дѣйствительно влюбится въ меня? Вѣдь отвѣчать мнѣ нечѣмъ!»

Мнѣ, укрытому въ обители Твоей любви, не страшны никакіе заоконные зовы и никакіе звѣздные знаки,; но ей, бездомной и скитающейся?..

Страшно стало мнѣ за нее, Наташа, и въ глубинѣ совѣсти всталъ сложный вопросъ: по пути ли ея трагической жизни съ моей романтической правдой?

Въ этомъ печальномъ, тревожномъ, что то разстраивающемъ поворотѣ вчерашнихъ ощущеній, была, впрочемъ, и свѣтлая точка, надежда, что Твое непонятное отталкиваніе отъ Петербурга, обезпокоенность Твоей души, быть можетъ не только ревность, но и боязнь за Марину, предчувствіе что въ ея душѣ что-то растетъ, съ чѣмъ мнѣ будетъ не легко справиться. Въ Тебѣ всегда жила какая-то почти суевѣрная боязнь всего неестественнаго, ненормальнаго; а наши отношенія съ Мариной конечно не совсѣмъ обыкновенны. Тутъ нечего грѣха таить.

Будь Ты здѣсь, родная, будь Ты всею душою со мною, не ревнуй Ты, не подозрѣвай моего сознанія въ безсознательномъ лукавствѣ, — Господи, съ какимъ восторгомъ раскрылъ бы я передъ Тобою душу своей души, послѣднюю заботу своей

жизни и своей правды. Быть можетъ, Твоя любовь еще никогда не была мнѣ такъ нужна, какъ сейчасъ.

Умоляю Тебя, не задерживайся въ Москвѣ; пріѣзжай, пріѣзжай какъ можно скорѣе. Сколько ни пиши, всего не напишешь. Намъ необходимо обо всемъ переговорить съ Тобою, обо всемъ, до конца...

Въ запискѣ, которую я отослалъ Маринѣ со Всеволодомъ Валеріановичемъ я назначилъ наше первое занятіе Росмерсгольмомъ на пятницу. Если Ты выѣдешь послѣ завтра въ ночь съ курьерскимъ, мы еще сможемъ пойти къ Маринѣ вмѣстѣ. Это было бы очень хорошо, очень.

Ну, досвиданья, дорогая. Каждымъ ударомъ бьющагося Тебѣ навстрѣчу сердца цѣлую Тебя.

Весь Твой Николай.

P. S. Уже запечатавъ и надписавъ конвертъ, разорвалъ его. Ударила мысль, какъ-бы Твоей ревности не показалось подозрительнымъ, что я не сообщилъ Тебѣ содержанія Марининой записки, и не написалъ, почему она прислала ее не по почтѣ, а въ поздній часъ съ Всеволодомъ Валеріановичемъ. Еще недѣлю тому назадъ я просто на просто расхохотался бы въ лицо такой дикой мысли, но нынѣ, Наташа, какъ ни больно въ этомъ признаться, я расхохотаться не смогъ. А потому сообщаю Тебѣ: Марина прислала «нарочнаго», потому что ей очень хотѣлось, чтобы я былъ у нея уже сего-

дня вечеромъ. Записка же ея состояла изъ слѣдующихъ четырехъ фразъ: «Если свободны, приходите завтра вечеромъ ко мнѣ. Очень хочу показать свою Ревекку моему Росмеру. Простите Вашей Маринѣ эту актерскую игривость. Сегодня совсѣмъ не Ваша... Марина».

Вотъ и все Натcаленька.

Еще разъ цѣлую Тебя.

Николай.

25-го октября 1913 г. Петербургъ.

Проснулся сегодня съ необыкновенно легкимъ сердцемъ и не по петербургски ясной головой. Первое, что бросилось въ глаза — Твой большой дѣтскій портретъ, и не на письменномъ столѣ, какъ обыкновенно, а на тумбочкѣ, около постели. Какой Ты на немъ милый ребенокъ: въ небесахъ, на качеляхъ, въ воздушномъ, кружевномъ платьицѣ. Ручата вытянуты вверхъ по канатамъ, ножки съ оттянутыми внизъ носками, сложены въ облакахъ въ прелестное, балетное па. Голова въ букляхъ задумчиво опущена на грудь; а глаза, чуть изъ подлюбья, такіе умные, такіе ласковые, такіе грустные, и такіе все тѣ-же, какъ и нынѣ у моей радости, что я какъ заглянулъ въ нихъ утромъ, такъ и затонулъ въ нихъ душою на весь долгій день...

Принялъ я свое пробужденіе какъ свѣтлое предзнаменованіе, а потому, хотя на это нѣтъ болѣе никакихъ основаній (сейчасъ уже одиннадцать

вечера) все еще пишу съ легкой надеждой, что Ты, быть можетъ, какъ разъ сейчасъ выѣзжаешь съ Тверской на Николаевскій и что мое письмо прерветъ внезапная телеграмма.

Работалось мнѣ сегодня легко и ладно. Увѣренъ, что экзаменъ въ четвергъ пройдетъ очень хорошо. Послѣ него останутся еще шесть (приблизительно по одному въ недѣлю) такъ что не позднѣе 10-го декабря мы съ Тобою уже будемъ собираться обратно въ свою Касатынь. Какъ тревожный сонъ отойдутъ въ небытіе воспоминанія о первомъ, злосчастномъ мѣсяцѣ нашей разлуки и мы будемъ вмѣстѣ смѣяться не только надъ Твоею ревностью, Твоими предчувствіями, но быть можетъ и надъ моими теоріями. Знаешь, милая, иной разъ мнѣ кажется, что я подъ Твоимъ вліяніемъ настолько уже перемѣнился, что мнѣ нужна не свобода, а только право на нее, и не реальная даль, и даже не даль въ окнѣ, а всего только ея изображеніе на стѣнѣ моей комнаты. Сдавъ экзамены и немного передохнувъ, сейчасъ же послѣ Рождества сажусь за работу. Не могу Тебѣ сказать какъ я жду этого времени, какъ мечтаю о немъ. За окномъ снѣжные просторы полей, за спиной на полкахъ безконечныя дали человѣческой мысли, а вблизи одна только Таленька, въ драгоцѣнномъ сердцѣ которой всѣ дали, просторы и пути разбѣгаются и сбѣгаются какъ солнечныя дорожки въ паркѣ...

Только что пробило двѣнадцать. Черезъ десять минутъ отходитъ курьерскій. Хотя я въ сущности и увѣренъ, что Ты не ѣдешь, я все же вижу

Тебя въ купэ, — вижу чуть похудѣвшую со слегка оттѣненными утомленіемъ скулами. Твои глаза подъ тревожно приподнятыми бровями скорбно горятъ расширенными зрачками и кажутся совсѣмъ, совсѣмъ темными, какъ у Константина Васильевича. Тебя провожаетъ много народу; Ты какъ всегда со всѣми мила и внимательна, но мнѣ и отсюда слышно, какъ Ты взволнована, какъ разъсѣяна, какъ хочешь поскорѣе остаться одной.

Милая Ты моя дѣтонька, ну зачѣмъ же, о чемъ же Ты тревожишься; не надо, родная, не надо. Какъ только тронется поѣздъ, задергивай фонарь и ложись спать; не слушай стука колесъ, они всегда навѣваютъ уныніе и не просыпайся рано; ужъ очень безрадостенъ октябрскій, петербургскій разсвѣтъ...

Христосъ съ Тобою, милая. Цѣлую Тебя и иду спать. Завтра на всякій случай поѣду встрѣчать курьерскій.

Покойной ночи, красавица.

Весь Твой Николай.

P. S. Только что пріѣхалъ съ вокзала, Наташа. Тебя, о чемъ, впрочемъ, сообщать не приходится, не встрѣтилъ. Зато (хорошо зато!) нашелъ у себя на столѣ телеграмму. Такъ какъ Ты пріѣзжаешь только въ среду, то мнѣ ничего не остается, кромѣ какъ радоваться тому, что Ты вообще пріѣзжаешь. Если бы все дѣло было только въ томъ, что Ты не можешь нарушить своего обѣщанія Лидіи Сергѣевнѣ, я бы безпрекословно подчинился

Твоему рѣшенію. Но дѣло, очевидно, не въ этомъ: несмотря на всѣ мои письма, Ты и въ телеграммѣ повторяешь просьбу подробно написать Тебѣ о сегодняшнемъ свиданіи съ Мариной. Хорошо, напишу. И можешь быть увѣрена, напишу съ полною искренностью и съ тою подробностью, о которой Ты просишь.

Но грустно и горько мнѣ очень. Если бы не Петербургъ, тоже безконечно скорбный сегодня, я былъ бы совсѣмъ одинокъ...

Ну до свиданья, Наташа.

Твой Николай.

Петербургъ 27-го октября 1913 г.

Не знаю, Наталенька, со страхомъ говорю, что не знаю, смогу ли Тебѣ описать вчаршній вечеръ. Былъ онъ о чемъ-то безконечно сложномъ, трудномъ и ужъ очень... какъ бы Тебѣ это сказать... очень нашимъ съ Мариною: — Танинымъ, Гейдельбергскимъ, Виленскимъ. Міръ этотъ, конечно, есть и у Тебя въ душѣ, но звучитъ въ ней все-же совсѣмъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ нашей съ Мариною памяти.

Начну съ признанья: я вышелъ изъ гостиницы въ не совсѣмъ обыкновенномъ и даже больше — въ нѣсколько взволнованномъ настроеніи. Въ сердцѣ растерянно метались слова Марининой записки, вдругъ переставшей почему-то казаться простой, безобидной шуткой.

Не знаю, хорошо-ли Ты помнишь загадочный, блѣдный образъ жены Росмера, больной, простой, но прозорливой женщины, самовольно ушедшей изъ жизни, скорѣе всего въ припадкѣ больной тоски, но можетъ быть и съ мыслью — не мѣшать ихъ любви?

Ну конечно, я и вчера отчетливо понималъ, до чего вся аналогія только бредъ, только расшатавшіеся за послѣднее время нервы, и ничего больше; но, несмотря на ясность самосознанія, я все же бредилъ, Наташа!

Шелъ по людному, вечернему Невскому, толкая по привычкѣ прохожихъ, разсматривалъ грандіозныя корзины съ фруктами въ огняхъ и цвѣтахъ Елисѣевскихъ витринъ, упорно нанималъ ломившихъ дикую цѣну извозчиковъ на буланыхъ, шведскихъ лошадкахъ, думалъ объ экзаменѣ и одновременно все-же бредилъ: —вертѣлъ въ душѣ колесо какихъ-то призрачно непонятныхъ вопросовъ: почему Росмерсгольмъ... кажется-ли ей, что мы уже въ Танины дни были въ чемъ-то слишкомъ вмѣстѣ... думается ли, что Таня это чувствовала, думаетъ-ли что и Таня?.. Но какъ можно тогда играть Росмерсгольмъ, и что значитъ, что я иду... на репетицію?

Все это было сплошнымъ безуміемъ, Наташа, а все-таки, не знаю какъ это Тебѣ сказать... вѣдь не безсмыслица-же безуміе?

Вѣроятно я такъ долго торговался съ извозчиками, потому, что безсознательно шелъ въ цвѣточный магазинъ купить цвѣтовъ. У входа въ ду-

шистую дверь я внутренне бросилъ Тебѣ вопросъ: — покупать-ли? Ты отвѣтила «нѣтъ», но въ эту же секунду ко мнѣ уже подошелъ приказчикъ.

Такъ какъ въ мірѣ моихъ цвѣточныхъ символовъ розы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ навѣкъ отданы Тебѣ, то ему несмотря на всѣ старанія не удалось навязать мнѣ куста прекрасныхъ, чайныхъ розъ. Обшаривъ весь магазинъ, я было уже выбралъ деревцо лиловой сирени, какъ вдругъ мнѣ вспомнилось, что Марина больше цвѣтовъ любитъ длинные стебли въ водѣ, и я велѣлъ срѣзать двадцать крупныхъ, бѣлыхъ гіацинтовъ.

Давно знакомый, но забытый запахъ — какая это великая сила, какая власть надъ сердцемъ, Наташа, какая въ немъ иной разъ разверзается головокружительная бездна, какою древнею отъ него вѣетъ вѣчностью! Ѣду къ Маринѣ: вотъ свинцовыя воды Невы; вотъ четкіе въ мрачномъ небѣ ангелы на крышѣ Исаакія; вотъ сфинксы, другъ противъ друга, у одного на нижнемъ вѣкѣ снѣгъ, и онъ какъ то странно подмигиваетъ мнѣ; просторъ, мракъ; всюду и во всемъ единственный въ мірѣ ни съ чѣмъ несравнимый Петербургъ, но... но отъ гіацинтовъ такъ сильно, такъ памятно, такъ тревожно пахнетъ прошлымъ, моимъ непроходящимъ прошлымъ, что, глядя открытыми глазами на Петербургъ, я не только чувствую, но воочію вижу Вильну: деревянный флигелекъ внутри церковной ограды, три комнатки, и въ одной изъ нихъ подъ Taнинымъ портретомъ маленькій письменный столъ, по его угламъ черныя фигурки слоновъ съ бѣлыми клыка-

ми, а между ними четыре горшка бѣлыхъ, кудрявыхъ гіацинтовъ...

Съ этимъ, вдругъ всплывшимъ міромъ подъѣзжаю къ дому. Вмѣсто тихаго флигеля подъ тополемъ — отвратительный новый домъ на нѣсколько десятковъ дешевыхъ, но культурныхъ квартиръ. На темноватой лѣстницѣ скучно пахнетъ сѣрою, интеллигентскою бѣдностью. На каждой площадкѣ по четыре зеленыхъ декадентскихъ двери. На одной изъ нихъ, на четвертомъ этажѣ Маринина карточка.

Я не сразу позвонилъ; какое то пронзительное чувство грусти и недоумѣнія, что здѣсь, за этою дверью можетъ жить Марина, на нѣсколько мгновеній задержало сердце и руку...

Раздались тяжелые, быстрые шаги, какъ-то слишкомъ широко распахнулась дверь и взъерошенный Всеволодъ Валеріановичъ въ поношенной тужуркѣ съ несовсѣмъ естественной привѣтливостью неуклюже заслонилъ своею фигурою входъ въ квартиру. Онъ помогъ мнѣ раздѣться; у двери въ гостиную, тиснулъ, словно тугой колодезь качнулъ, мою руку; буркнулъ, что Марина Николаевна сейчасъ выйдетъ, накинулъ шинель и хлопнулъ дверью...

Я оглянулся: ужасная комната, ужасная мебель: ни одной Марининой вещи, ни одного звука о прошломъ — сплошное предательство! Бѣдные, бѣдные мои цвѣты, и зачѣмъ только я васъ покупалъ...

Съ какою-то почти злобною досадой шагалъ я по гостиной недоумѣвая, какъ Марина, съ которой мы столько говорили о культѣ встрѣчъ въ память первой встрѣчи, могла такъ бездарно обставить наше первое у нея, послѣ Вильны, свиданіе.

За закрытой дверью раздались шаги, дверь быстро растворилась и въ комнату вошла Марина.

Очень простое, подчеркнуто старинное черное платье; какъ то глаже и строже обыкновеннаго причесанные на прямой проборъ волосы; на лбу (профессіональная деталь) легкіе слѣды пудры; въ глазахъ та совсѣмъ особая радостная оживленность, которая дается женщинѣ чувствомъ увѣренности въ совершенствѣ своего образа и власти надъ нимъ и во всемъ обликѣ какое-то новое движеніе, какой то крутой взмывъ дороги въ гору, съ которой предчувствуешь — сейчасъ раскроется даль....

Осчастливленный такимъ появленіемъ Марины (неужели это грѣхъ, Наталенька?) я со словами «какъ хорошо, что Вы такая», почти что бросился ей навстрѣчу.

Хотя она моихъ словъ и не поняла, она имъ все же обрадовалась. Обрадованный ея радостью я началъ было говорить о томъ грустномъ, отчуждающемъ впечатлѣніи, которое произвели на меня ея домъ, квартира, обстановка, ринувшійся отъ меня Всеволодъ Валеріановичъ, все такое новое, чужое, и о томъ, до чего я радъ, что она такая, какъ раньше, какъ она вдругъ (съ нею это быва-

еть) смертельно поблѣднѣла и тихо положила руку мнѣ на рукавъ, словно прося не продолжать дальше...

«Въ чемъ дѣло, Марина, что съ Вами?»

«Ничего, ничего, только вдругъ стыдно и грустно стало за свое полутеатральное платье, за вашъ полурежиссерскій комплиментъ. Въ Вильнѣ все это было бы невозможно. А мебель, квартира — это неважно; не мое — знакомыхъ. Не все ли равно у кого жить. Всеволодъ Валеріановичъ тоже не мой, — ихъ жилецъ; очень хорошій человѣкъ и любитъ меня»...

Она, очевидно, хотѣла еще что то сказать, но вдругъ оборвала себя и прибавила уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ: «пойдемте лучше ко мнѣ, Николай Федоровичъ, вамъ у меня будетъ уютнѣе чѣмъ здѣсь...

Въ двухъ небольшихъ комнатахъ оказалась разставленной почти вся виленская мебель и развѣшены всѣ портреты; глухая, каютная тѣснота и обдуманная, почти музейная тщательность размѣщенія всѣхъ вещей наполняли Маринино обиталище какимъ-то совершенно особеннымъ настроеніемъ, въ которомъ острая лирическая взволнованность странно переплеталась съ впечатлѣніемъ суроваго отреченія отъ жизни.

Угломъ въ комнату — материнскій рояль покрытый темнымъ сукномъ; между окнами письменный столъ, надъ нимъ Танинъ портретъ; по длинной стѣнѣ классическая стайка старомодной орѣховой мебели, по всѣмъ простѣнкамъ полки, пе-

регруженныя книгами Бориса. Окна и двери глухо занавѣшанныя тяжелыми портьерами; на роялѣ и столахъ, какъ всегда, цвѣты.

Усадивъ меня на диванъ, Марина принялась хлопотать о гіацинтахъ. Принесла и поставила на рояль двѣ хрустальныя вазы, погрузила въ каждую по десяти цвѣтковъ и долго медленно и заботливо вращала своими немощными, длинными пальцами упругіе стебли, добиваясь, чтобы они какъ то по особенному «онѣмѣли» въ водѣ.

Чего она добивалась, я, какъ ни присматривался къ ея рукамъ, такъ и не понялъ, объяснить же она ничего не могла. Кончивъ, она перенесла вазы подъ Танинъ портретъ, ласково и виновато улыбнулась, что такъ долго занималась не мною и опустившись рядомъ со мною на диванъ сиротливо сказала: «если бы вы знали, какъ я рада, что вы у меня, я такъ давно васъ по настоящему не видала». Простого отвѣта на это признаніе у меня не нашлось, разговоръ сразу-же оборвался, наполнивъ комнату пустымъ, неловкимъ молчаніемъ. Чтобы какъ-нибудь прервать его, я спросилъ Марину, почему она выбрала для экзаменаціоннаго спектакля роль Фрекенъ Вестъ. Съ этого вопроса и начался тотъ большой, существенный разговоръ, который уже давно виталъ около насъ и все-же совершенно неожиданно ворвался вчера въ нашу жизнь.

Долженъ признаться, Твоя ревность оказалась много проницательнѣй моей философіи. Вче-

рашній Маринин разсказъ подтвердилъ почти всѣ Твои догадки.

Да, уже въ Клементьево она пріѣзжала, если хочешь, «за мной»; — конечно, безъ всякой мысли занять Танино мѣсто, но все же съ тайнымъ желаніемъ «предупредить» измѣну, близость которой внезапно взволновала ее какъ разъ въ то время, когда рѣшалась наша судьба. Позднѣе, вернувшись въ Вильну и мучаясь «стыдными» воспоминаніями, она въ упорной борьбѣ противъ себя, вѣрнѣе противъ своего представленія о себѣ, дошла до глубоко потрясшаго ее сознанія, что, борясь за Таню, она безсознательно боролась и за себя. Это признаніе далось Маринѣ не легко, Наташа, и я остро чувствую тяжкую отвѣтственность, которую беру на свою совѣсть, предавая ея исповѣдь Твоей ревности. Но видитъ Богъ, мнѣ иначе нельзя.

Можешь себѣ представить, она такъ прямо и сказала: «когда годъ тому назадъ мнѣ случайно попался подъ руку «Росмерсгольмъ», я съ первыхъ же строкъ поняла, что это о насъ съ вами, но только тѣ, у Ибсена, все поняли, во всемъ себѣ признались и со всѣмъ покончили на мосту, а мы все перекидываемъ мостики, прикидываемся, что ничего не понимаемъ... Вы счастливы и сдаете экзамены; я готовлюсь на сцену и собираюсь не то передъ вами, не то съ вами играть Ревекку... Нѣтъ, или я съ ума схожу, или міръ сотворенъ дьяволомъ!...».

Она волновалась безумно: уже не сидѣла, а быстро ходила по комнатѣ съ опущенной головою

и сложенными за спиной руками, останавливаясь на мгновенье то у окна, то у двери. — Можетъ быть я грѣшу, Наташа, грѣшу холодностью сердца: — Маринино волненіе было конечно до конца искренне, но все же въ ея манерѣ ходить, останавливаться, поворачиваться, мнѣ слышались какіе то Дузевскіе ритмы. Я не осуждаю ее, Наташа, нѣтъ, я только дивлюсь, какъ сложна душа человѣка и какъ сильно измѣнилась Марина.

Чувствую, Наталенька, какъ Ты волнуешься, быть можетъ, даже готова заподозрить мою искренность. Не надо, дорогая, не надо; искренность во мнѣ не добродѣтель, а страсть, быть можетъ даже порокъ: — жестокость. Тебѣ подозрительно, что я все разсказываю о Маринѣ, Ты ждешь разсказа о томъ, что чувствовалъ и дѣлалъ я. Сейчасъ все, все разскажу.

Каюсь, я дѣлалъ все время обратное тому, что съ Твоей точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, мнѣ нужно было-бы дѣлать.

Каюсь, я не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки утишить Маринино волненіе, упростить ея трагическое вопрошаніе, доказать ей, что такъ и надо: мнѣ сдавать экзамены, ей работать надъ ролью, ибо жизнь есть всегда только жизнь!

Нѣтъ, Наташа, на всѣхъ путяхъ я былъ встрѣченъ Маринѣ и всѣмъ звучаніямъ ея души созвученъ. Она была мнѣ безконечно близка и, кромѣ того, она была вчера прекрасна!

Въ отвѣтъ на ея признаніе, что она въ Вильнѣ только потому не полюбила меня, что любовь бы-

ла въ то время перечеркнута въ ея волѣ и сознаніи смертью, мнѣ конечно не нужно было спрашивать, была ли она убита и въ сердцѣ, но я именно объ этомъ и спросилъ.

Ея отвѣтъ?

Право не знаю, какъ передать Тебѣ его, какъ описать ту безконечную ласку, которою вдругъ проголубѣли ея темные глаза, ту медленную походку, которою она подошла ко мнѣ черезъ комнату, ту безкорыстную искренность, съ которою она призналась: «изъ сердца, нѣтъ, изъ сердца ея не вычеркнешь, но я это слишкомъ поздно поняла, милый». Мы стояли рядомъ. Ея узкая, безсильная рука нервно морщила скатерть; дрожь этой руки невольно передалась мнѣ; я наклонился и поцѣловалъ ее; она была холоднѣе льда, такъ же холодна, какъ Твоя рука, которую я цѣловалъ на разсвѣтѣ, за шесть часовъ до Вашего съ Алешею вѣнчанія. (Я знаю, Наташа, какую причиняю Тебѣ боль, но Ты сама просила о безжалостной искренности).

Танины бредовыя слова, «если бы Марина была здѣшняя, Ты полюбилъ бы не меня, а ее», тутъ же молніей сверкнули въ сердцѣ и раньше чѣмъ я успѣлъ почувствовать, что ихъ сейчасъ не надо повторять, я услышалъ свой голосъ уже повторившій ихъ, уже взволнованно признававшійся Маринѣ, что Таня была права.

Это признаніе, въ правильности котораго я былъ увѣренъ только въ ту минуту, какъ его произносилъ, произвело на Марину потрясающее впечатлѣніе. Она даже не сразу охватила оба его смыс-

ла: — и страшный, что Таня о чемъ-то догадывалась, и радостный, что ея догадка была вѣрна.

Поблѣднѣть она уже не могла, но ея блѣдность помертвѣла, нервная улыбка перестала дрожать на лицѣ: лицо окаменѣло, глаза расширились, ослѣпли... Я смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ: ея обморочное оцѣпенѣніе со страшною силою всколыхнуло въ душѣ и тѣлѣ, казалось, навѣкъ уснувшую память о Таниной страсти. Ознобъ восторга и отчаянія пробѣжалъ по спинѣ; Марина обезсилѣвъ опустилась на диванъ, глаза закрылись, губы посинѣли... Я почувствовалъ могильный холодъ на своемъ лицѣ, услышалъ стукъ Марининыхъ зубовъ о свои зубы и... черезъ нѣсколько секундъ или нѣсколько вѣчностей далекій, далекій, изъ небытія пробуждающійся голосъ «такъ вотъ какъ они цѣлуютъ?». Въ этомъ «они» дошелъ и ударилъ по мнѣ звукъ грѣшной, монашеской мечтательности... Мнѣ стало душно и страшно; я подошелъ къ окну и открылъ его. Была свѣтлая холодная ночь, съ моря дулъ рѣзкій вѣтеръ. Не было ни одного освѣщеннаго окна — я посмотрѣлъ на часы и удивился, шелъ уже третій часъ.

«Коля» услышалъ я совсѣмъ погасшій голосъ Марины.

«Что, милая»?

«Ужасно, какъ вы сейчасъ отошли къ окну. Воля, — какая это въ васъ, мужчинахъ, жестокая, и не обижайтесь, вульгарная сила. И на Таниныхъ похоронахъ вы стояли на паперти... ахъ, какой сильный, рѣшившійся жить. Я ненавижу волю, она

всегда предаетъ прошлое; она глупа: не понимаетъ, что выхода, никакого выхода нѣтъ; она ненавидитъ страданье, а страданье это все, все, что вообще есть! Вотъ, хотя бы у насъ съ Вами!..».

Она замолчала; я молча подошелъ къ дивану и сѣлъ у ея ногъ. Въ ея глазахъ волновалась какая то мысль, она явно чего-то не договаривала.

«Да, Марина?».

«Да, да, ваша Наташа совсѣмъ другая, я ее чувствую, она вамъ все отдастъ, умретъ за васъ, но помнить, но страдать о прошломъ и другомъ вамъ не позволитъ..

«Ну... идите домой... и вотъ что: мы такъ поздно объяснились съ вами... что самое мудрое будетъ рѣшить, что мы никогда не объяснялись»...

Мнѣ хотѣлось сказать ей тысячу вещей, но невольно подчиняясь ея тревогѣ, я поцѣловалъ ея руку и быстро направился къ двери...

Мы опоздали, Наташа.

«Постойте» страстно вздрогнулъ и съ неудержимымъ отчаяніемъ рванулся мнѣ въ догонку Марининъ голосъ, « я не вернула вашего поцѣлуя, а я хочу, хочу чтобы вся вина была моею»...

Нашего прощанія я Тебѣ описать не въ силахъ, Наташа. Былъ только одинъ поцѣлуй. Есть вещи, о которыхъ, быть можетъ, нужно говорить, но о которыхъ нельзя никому разсказывать. Да, даже и женѣ.

Ну вотъ и все, Наташа. Все, до самаго послѣдняго конца, до самаго темнаго корня.

Съ глубочайшей вѣрою въ Твою силу и мудрость передаю свою исповѣдь на судъ Твоей любви. Жду Тебя въ среду. Буду въ отчаяніи, если перемѣнишь рѣшеніе. Чтобы все понять, Тебѣ надо своими глазами увидѣть Марину и меня вмѣстѣ съ нею здѣсь, въ Петербургѣ. Пойми, если бы у меня была не чиста передъ Тобою совѣсть, я не ввѣрялъ бы своей судьбы Твоимъ глазамъ.

Умоляю не допускать души ни до какихъ рѣшеній, пока не увидимся.

Въ послѣдній разъ: жду Тебя въ среду, жду непремѣнно.

Твой Николай.

30-го октября 1913 г. Петербургъ.

Твои безумныя строки, Твой приговоръ, только что получилъ.

Пусть будетъ все, какъ Ты того хочешь. Завтра же довожу до свѣдѣнія декана, что вынужденъ прервать экзамены. Сегодня же пишу Маринѣ, что срочно возвращаюсь въ Касатынь. Одного только не могу исполнить, Твоей просьбы скрыть отъ нея причину отъѣзда. Я не могу примирить его ни со своею совѣстью, ни съ моею вѣрою въ Тебя.

Ты потребовала отъ меня выдачи всѣхъ Марининыхъ тайнъ, а сама отказываешь ей въ элементарной искренности. Что съ Тобою, Наташа? Неужели Ты считаешь возможнымъ принимать отъ

человѣка исповѣдь и одновременно его обманывать.

Да, я помню, что всегда говорилъ Тебѣ, что «любовь священна, а не гуманна», но прошу Тебя вспомнить и то, какъ я умолялъ Тебя ничего не скрывать отъ Алексѣя. Священна кровь, Наташа, — кровь, а не ложь. Если бы Ты подослала ко мнѣ убійцу, я бы Тебѣ на томъ свѣтѣ простилъ; но подсылать меня къ Маринѣ, чтобы я ей лгалъ — непростительно.

И дѣло тутъ вовсе не въ любви, а всего только въ самолюбіи, въ женскомъ самолюбіи, повѣрь мнѣ.

Ты пишешь «нельзя вводить третьяго въ тайну двухъ». Но позволь, развѣ Ты для Марины не т р е т і й ? а потомъ: — что значитъ не вводить въ нашу тайну третьяго? Вѣдь Марина уже давно введена въ нее самой судьбой.

Ахъ Наташа, Наташа, я такъ Тебя просилъ не допускать своей души ни до какихъ рѣшеній, а Ты взяла и все рѣшила, не выслушавъ, не увидавъ меня

Нѣтъ, Ты тысячу разъ неправа: ни о какой измѣнѣ не можетъ быть и рѣчи и быстрой ампутаціей ничего не спасти. Прости мою веселость (когда меня безъ хлороформа оперировали, я тоже пѣлъ, чтобы не кричать) но я, право, не институтка и Марина не гусаръ; меня нельзя, какъ въ старинныхъ романахъ, взять да и увезти въ деревню. Мы съ Мариной не влюблены другъ въ друга, а обречены единой мукѣ. Это совсѣмъ, совсѣмъ дру-

гое, хотя такъ же какъ и любовь бросаетъ въ объятія и влечетъ уста къ устамъ.

Измѣна! Если бы Ты знала, какъ я безумно любилъ Тебя вчера, Наташа, когда отославъ письмо остался совсѣмъ одинъ на всемъ свѣтѣ. И какъ я ясно зналъ и видѣлъ, что все мое спасеніе и счастье только въ Тебѣ, въ Тебѣ одной!

Помнишь, я писалъ Тебѣ о домѣ и дали, случайно, какъ разъ наканунѣ пріѣзда Марины ко мнѣ въ лагерь? Да, домъ только тогда и домъ, когда онъ власть надъ той далью, что манитъ за окномъ. Но противъ далей нельзя бороться ставнями! Наглухо забитый домъ — не домъ, а склепъ!..

Хорошо, скажу Маринѣ, что ѣду въ деревню, потому что рѣзко ухудшилось здоровье отца. Возьму на душу грѣхъ, но только въ надеждѣ, Наташа, что когда все уляжется, Ты первая велишь мнѣ разъяснить ей правду.

Выѣду я завтра вечеромъ, или послѣзавтра утромъ. Во всякомъ случаѣ дамъ еще телеграмму.

Господи, до чего непонятна жизнь и до чего бываетъ одинокъ человѣкъ! Бѣдный Ты мой, ни въ чемъ неповинный ребенокъ! Христосъ съ Тобою, да поможетъ Онъ Тебѣ перенести все, что ждетъ Тебя.

Твой Николай.

ЭПИЛОГЪ.

22-го декабря 1914 г. Галиція.

Сегодня ровно годъ, Наташа, какъ проводивъ Тебя до Калуги, я вернулся въ Касатынь, навсегда покинутую Тобою.

Отецъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ, обнялъ, смахнулъ слезу, первую за всю свою жизнь, и со словами: «и зачѣмъ она меня только выходила», вошелъ, тяжело опираясь на мою руку, въ домъ: мрачный, торжественный, мертвый. Передъ смертью, — онъ умеръ на моихъ рукахъ — онъ часто поминалъ Тебя, просилъ вызвать телеграммой. Я обѣщалъ послать телеграмму, но не послалъ. Иначе не могъ. Не могъ я также отвѣтить и на письмо Лидіи Сергѣевны, которое получилъ за двѣ недѣли до выступленія нашей дивизіи на фронтъ.

Она просила, чтобы я заѣхалъ въ Москву проститься съ Тобою. Писала просто и страшно, по матерински, по женски, что на Тебѣ лица нѣтъ, что Ты таешь изо дня въ день, что она не успѣваетъ перешивать платья, страшно боится за Твое здо-

ровье, что доктора шлютъ Тебя на югъ, но что Ты никуда не хочешь ѣхать.

Конечно, Наташа, будь у меня хотя бы малѣйшая возможность увидаться, я сдѣлалъ бы все, чтобы проститься съ Тобою, нарушилъ бы уговоръ, что первою пишешь Ты; вѣдь разставаясь мы не знали, что разстаемся наканунѣ войны. Но въ то время для меня не было никакой возможности свиданія. Въ первый разъ въ жизни я былъ окончательно обезсиленъ, мертвъ...

Сейчасъ пишу Тебѣ, потому что не могу больше молчать; не можетъ человѣкъ жить безъ исповѣди.

Съ Твоимъ отъѣздомъ Касатынь умерла. Въ домѣ, на дворѣ, всюду все онѣмѣло. Только въ отцовскомъ кабинетѣ каждые полчаса на весь домъ (раньше ихъ никогда не было слышно) били часы, да шмыгали туфли, по дорогѣ въ могилу.

Въ страшной тоскѣ я цѣлыми днями до изнеможенія ходилъ на лыжахъ; глубоко за полночь просиживалъ въ Твоемъ креслѣ у печки, стараясь понять что случилось. Въ моей правдѣ и вѣрѣ я тогда еще не колебался. Все-же временами налетали сомнѣнія (можетъ быть это были соблазны, Наташа?) — дѣйствительно-ли мое чувство къ Маринѣ не было любовью и не было измѣной? Послѣ долгой борьбы я, несмотря на отчаянное сопротивленіе отца, все таки поѣхалъ въ Петербургъ, провѣрять свое чувство къ Маринѣ.

Марина сильно и сложно измѣнившаяся за тѣ полгода, что мы не видались, приняла мой пріѣздъ,

какъ должное. Ни о чемъ не сказала и не спросила ни слова; казалось, ей было все ясно, и прошлое, и будущее.

Кошмаръ начался сразу, съ первой же встрѣчи. Ночи напролетъ мы истязали другъ друга безысходными изступленіями и мучительно безплодными разговорами. Я изощрялся въ жестокихъ доказательствахъ, что наши муки не любовь, что только въ настоящей любви возможно исцѣленіе отъ нихъ. Марина темнѣла и замолкала все страшнѣе и глуше. То большое, особенное, сложное чувство единственной близости, которое раньше соединяло насъ, исчезло почти безслѣдно. Марина это чувствовала, страдала, плакала, но сдѣлать ничего не могла. Ея страсть ко мнѣ и къ своей страсти порабощала ее со дня на день какъ наркозъ; начались вспышки остраго отвращенія къ себѣ и почти ненависти ко мнѣ. Появилась неотвратимая потребность самоистязанія, самоистребленія. Исчезла всякая возможность хотя бы минутнаго душевнаго отдыха: — всякій разговоръ, всякое малѣйшее прикосновеніе къ прошлому, все превращалось въ сплошную муку. Въ мысли о самовольномъ уходѣ Тани изъ жизни она обрѣла, наконецъ, то страшное орудіе душевной пытки, къ которой тянулась ея обреченная душа. Поколебать ее не было никакой возможности. Она вѣрила въ свою догадку (которую, быть можетъ, я же ей подсказалъ) какъ въ установленную истину, и всякая попытка разубѣдить ее вызывала припадки изступленной ненависти ко мнѣ.

Душевное состоянiе ухудшалось изо дня въ день; никакiя средства противъ безсоницы не помогали; появились галлюцинацiи, грозившiя перейти въ психическое разстройство. Она разрушалась на моихъ глазахъ. Все это я сознавалъ съ полною отчетливостью, чувствовалъ, что все со страшною быстротою несется къ неотвратимой катастрофѣ, и все же ничего не предпринималъ, чтобы спасти Марину.

Почему?

Все время бьюсь я, Наташа, надъ этимъ мучительнымъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Одно только знаю твердо: моя воля была при мнѣ; ея хватило бы на исполненiе любого рѣшенiя. Порабощенъ я своимъ чувствомъ къ Маринѣ не былъ, никакихъ «смягчающихъ обстоятельствъ» мнѣ въ этомъ отношенiи не найти. Иногда мнѣ кажется, что все случилось прежде всего оттого, что съ Твоимъ, такимъ тогда еще непонятнымъ для меня уходомъ, исчезла всякая вѣра въ возможность какихъ-бы то ни было рѣшенiй и разрѣшенiй. Еще въ Касатыни во мнѣ родилась и стала соблазнять лукавая мысль, что жизни, реальной, настоящей жизни построить на любви вообще невозможно, что любить, въ полномъ смыслѣ этого нездѣшняго слова, только и значитъ, только и можетъ значить: — разрушать всякую здѣшнюю жизнь.

Въ Петербургѣ эти мысли еще усилились, нашли путь къ моимъ глубочайшимъ чувствамъ. Я жилъ одновременно и въ отчаянiи, и въ восторгѣ, быть можетъ въ восторгѣ своего отчаянiя.

Отвѣтственности все это съ меня не снимаетъ и моя вина не становится меньше, нѣтъ, я это знаю, Наташа. Становится только понятнѣе, какъ все случилось, и Тебѣ, быть можетъ, будетъ легче простить меня.

....

Надъ удушьемъ нашихъ отношеній непрерывно вспыхивали какія-то безпричинныя столкновенія. Во время одной изъ такихъ вспышекъ мнѣ непреодолимо захотѣлось (какъ ни стыдно въ этомъ признаться) запустить, именно запустить въ Марину чѣмъ нибудь большимъ и тяжелымъ. Первое, что попалось подъ руку, было имя Всеволода Валеріановича. Я почти вкрикъ кинулся обвинять Марину, что она превращаетъ его въ раба, въ пуделя, который, зная, что ему никогда не скажутъ «пиль» только ради куска сахару на носу служитъ на заднихъ лапкахъ и исполняетъ всѣ ея приказы...

Это была ужасная минута: отвратительная, безобразная и сейчасъ такая же пронзительно стыдная, какъ въ первый моментъ отрезвленія.

Я попалъ больнѣе, чѣмъ думалъ. Бѣдная Марина вскинулась на меня съ непередаваемымъ гнѣвомъ: «Никогда не смѣйте трогать Всеволода, Вы его мизинца не стоите. Мнѣ нечѣмъ отвѣчать на его любовь — это его и моя трагедія, — но если бы въ мірѣ не было такой любви, такихъ людей, міру не на чемъ было бы держаться!»

Я пришелъ въ изступленіе, такой защиты я не ждалъ.

«И все же Вы боитесь, что Вашъ вседержитель не выдержитъ вида нашей любви и преспокойно обманываете и усыпляете его?»

«Молчите, не говорите такъ. Это не вашей глубины дѣло».

Я собралъ всѣ свои силы, чтобы ничего не отвѣтить. Наступило долгое, тяжкое молчаніе, потомъ раздались медленныя, словно безконечное количество разъ безъ словъ про себя повторенныя слова: «не обо всемъ можно живымъ говорить другъ съ другомъ; есть вещи, въ которыхъ признаться все равно, что просить убить себя».

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора поздно вечеромъ въ мой номеръ не постучавшись вошелъ Всеволодъ Валеріановичъ. Онъ былъ въ какомъ-то безумномъ состояніи и не могъ говорить отъ волненія; все же я сразу понялъ, что онъ на что-то рѣшился.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ борьбы онъ справился съ собою и заговорилъ сумбурно и отрывочно что-то о послѣднемъ срокѣ и какомъ то послѣднемъ средствѣ, а томъ, что я долженъ немедленно покинуть Петербургъ, оставить въ покоѣ Марину, что иначе онъ ни за что не ручается, на все пойдетъ.

Рѣчь была явно заготовлена, но все же темна; можетъ быть, я и самъ былъ въ какомъ-то странномъ разсѣяніи души, — не знаю; во всякомъ случаѣ я мало что понялъ, но сразу же рѣшилъ, что

онъ въ припадкѣ вырвавшейся наконецъ ревности и самъ не понимаетъ, грозитъ ли мнѣ вызовомъ или просто убійствомъ.

Я вскипѣлъ почти до потери сознанія, но, сдержавъ себя, предложилъ ему папиросу и съ отвратительною твердою вѣжливостью, звукъ которой никогда не перестаетъ рѣзать мнѣ сердце, отвѣтилъ, что покинуть Петербурга не могу, но въ Петербургѣ всегда къ его услугамъ. При этихъ словахъ я въ упоръ взглянулъ въ его глаза.

Въ его мутномъ, лихорадочномъ взорѣ что-то мучительно напряглось и вдругъ переломилось.

Ему (и въ ту же минуту и мнѣ) стало больно и стыдно, что я его такъ грубо не понялъ. Онъ густо покраснѣлъ, безпомощно вкривь улыбнулся, безнадежно махнулъ рукой и заспѣшилъ къ двери.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось уговорить его простить мою безтактность, вернуться и объяснить въ чемъ дѣло.

Все дальнѣйшее очень страшно и очень сумбурно, не знаю какъ и разсказать Тебѣ.

Вздернувъ плечи, весь какой-то перекошенный, Всеволодъ Валеріановичъ тяжело шагалъ по комнатѣ и говорилъ о страшномъ состояніи Марины. Я внимательно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, (помню, какъ онъ вдругъ останавливался и подолгу молча всматривался въ меня) напряженно вслушивался въ каждое его слово и все же (до сихъ поръ не понимаю, что со мною было) ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, ничего не понималъ: ощущалъ Всеволода Валеріановича не какъ

говорящаго со мною человѣка, а какъ говорящее при мнѣ существо, какъ актера, произносящаго монологъ или бредящаго умалишеннаго. А онъ все ходилъ, все говорилъ, клялся, что не ревнуетъ, что все личное давно перегорѣло, что онъ только не можетъ видѣть, какъ она страдаетъ, сходитъ съ ума; чувствуетъ, что подчиняется ея волѣ, не можетъ дольше бороться съ ея мольбой быть человѣчнымъ и избавить ее отъ непосильныхъ мукъ, отъ непосильной жизни.

Одна минута полной ясности въ эту послѣднюю ночь у меня впрочемъ, кажется, все же была. Помню, что Всеволодъ Валеріановичъ вдругъ до конца воплотился, вплотную придвинулся къ глазамъ и душѣ и вся его мука, весь неотвратимый смыслъ его темныхъ словъ до дна освѣтился загадочными Марииниными словами: «во всемъ признаться все равно, что просить убить себя». «Такъ вотъ противъ чего онъ не можетъ бороться! Неужели же... оно совершится!». Эта мысль промелькнула въ мозгу, но не осилила другой: пусть все рушится, пусть гибнетъ, такова любовь, таковы пути ея...

«А почему бы Вамъ не исполнить ея желанія и намъ съ Вами не отправиться за ней», услышалъ я вдругъ свой отчетливый голосъ, «смерть любовь только славитъ!» Всеволодъ Валеріановичъ остановился, какъ громомъ оглушенный.

«Если вы шутите, то вы вдвойнѣ сумасшедшій!».

«Можетъ быть, но мнѣ кажется я даю Вамъ вполнѣ разумный совѣтъ».

Какъ я это сказалъ, какъ я могъ это сказать, гдѣ былъ я, когда во мнѣ сами себя произносили эти безумныя слова, я не знаю. Знаю только, что я ихъ сказалъ.

Какъ и когда отъ меня ушелъ Всеволодъ Валеріановичъ, и что было послѣ его ухода, я не помню. . . . .

. . . .

Когда я очнулся, я сразу почувствовалъ, что непоправимое уже произошло. Я бросился на улицу. Было еще совсѣмъ темно. Уже издали я увидѣлъ, что всѣ окна Марининой квартиры ярко освѣщены. Въ подъѣздѣ была полиція и толпились любопытные...

Смыслъ оставленной на мое имя Всеволодомъ Валеріановичемъ записки: «очередь за вами» я при допросѣ предпочелъ не открывать. Не по боязни какихъ-либо послѣдствій — мнѣ ничего не угрожало, — а по брезгливости, по полной невозможности говорить объ этомъ съ чужими людьми.

Марина по предположенію врача умерла мгновенно. Всеволодъ Валеріановичъ по всей вѣроятности сильно мучился. Я засталъ его въ безпамятствѣ. Онъ скончался при мнѣ, не приходя въ сознаніе...

. . . .
. . . .

Знаю, что своимъ разсказомъ я къ Твоимъ мукамъ прибавилъ новыя, самыя страшныя. Все случившееся было не только несчастіемъ, но было и преступленіемъ. Всеволодомъ Валеріановичемъ курокъ былъ только взведенъ, спущенъ онъ былъ мною. Отъ этого чувства мнѣ не уйти никогда.

Со своей тоской — все разсказать Тебѣ, я боролся долго, Наташа, но въ концѣ концовъ обезсилѣлъ и сдался: невыносимая вещь одиночество.

Прости меня. Прости, что зная, чего Тебѣ стоилъ уходъ отъ меня, иду къ Тебѣ со своею исповѣдью.

Мучить Тебя разсказомъ о своихъ страданіяхъ не буду. Повѣрь только одному: бывали дни, когда ничего казалось не оставалось, какъ исполнить волю Всеволода Валеріановича. Ни одной мысли не возникало въ головѣ, ни одного чувства въ сердцѣ. Живыми оставались только глаза, но они ничего не видѣли передъ собою кромѣ смерти . . .

Что меня спасло — не знаю. Можетъ быть чудо Твоей любви....

Всякому постиженію приходитъ свое время, Наташа, и изъ подъ ключа у судьбы никакимъ насиліемъ преждевременно ничего не выкрадешь.

Въ свое время я не понималъ своей вины. Страшно сказать, долго не понималъ ея и послѣ всего случившагося. Все думалъ, что виновата Ты, Твоя черная ревность. Сейчасъ не понимаю, какъ моя вина такъ долго могла оставаться непонятной мнѣ. Сейчасъ такъ ясно, что вся ложь таилась въ

моей «правдѣ» и весь мой грѣхъ въ той вѣрности, съ которою я ей служилъ. Никакого смягченія моей вины въ этихъ словахъ нѣтъ. Всякій человѣкъ въ отвѣтѣ не только за свои поступки, но прежде всего за свое бытіе; и всякая, на каждомъ шагу оступающаяся правда нравственно въ тысячу разъ выше параднаго марша иллюзій, подъ звуки котораго я доблестно шелъ своею жизнью, спокойно переступая черезъ непереступаемыя препятствія. Что въ томъ, что я многое видѣлъ вѣрно и точно, что многое чувствовалъ тонко и остро и надъ каждою страницею своей жизни работалъ не только прилежно, но подчасъ и съ вдохновеніемъ. Въ самомъ главномъ, въ единственно существенномъ я былъ слѣпъ и безпомощенъ.

Во всемъ, что я проповѣдовалъ съ такою заносчивою страстностью, чѣмъ такъ жестоко насиловалъ Твою душу и погубилъ Марину, подлинной правдой было только одно, — то, что никакое счастье не уничтожаетъ трагедіи, не погашаетъ горькаго сознанія, что любовь нигдѣ не вся и потому всегда не та. Все остальное было сплошною ложью, обманомъ, миражемъ.

Съ чувствомъ горячаго стыда вспоминаю я всѣ свои утонченныя сложности: о домѣ и дали, о жизни и казни, о какихъ-то особыхъ восполняющихъ темахъ и встрѣчахъ въ любви. Какой безбожный бредъ, Наташа, и какая лукавая мечтательность!

У истины много враговъ. Быть можетъ мечтательность одинъ изъ самыхъ злыхъ и страшныхъ:

цвѣтетъ голубыми цвѣтами, а растетъ на самыхъ топкихъ низинахъ души; на жадностяхъ, на злыхъ, похотливыхъ жадностяхъ, которыя вѣчно гонятся за полнотою жизни и вѣчно расхищаютъ и убиваютъ ее. Моя умная, трусливая, мистическою мечтательностью прикидывавшаяся жадность разрушила Твою жизнь, убила Марину и если не убила меня, то, вѣроятно, только потому, что не смогла убить себя во мнѣ.

Сейчасъ, когда съ моихъ глазъ словно пелена спала и я воочію увидѣлъ, что Ты ушла не потому, что въ нашу жизнь вошла другая, а потому, что я упорствовалъ въ своей вѣрѣ, что никакая любовь безъ этой «другой» невозможна, я понялъ и то, что Ты въ сердцѣ всегда знала, хотя никогда и не высказывала. Да, Наташа, силами земной любви, любви на землѣ не осилить. Если вознесеніе любви въ полноту и исполненіе и возможно, то во всякомъ случаѣ не на туманныхъ тропахъ жадной мечтательности, а на великомъ, страдномъ пути восходящемъ къ вершинѣ жизни — къ вѣрѣ въ безсмертіе души.

Все это мнѣ самому еще не ясно, и, главное, все это во мнѣ еще не Вѣра; только вѣра въ Тебя, томленіе и догадка сердца. Куда я иду, я не знаю, но чувствую, что иду за Тобой.

. . . .

Война съ каждымъ днемъ становится все грознѣе и жесточе. Мы всѣ на ней какъ на Страшномъ

судѣ. Стоять передъ смертью никому не легко. Особой милости я себѣ не жду. И все же я чувствую, что со всѣмъ, что у меня на совѣсти, мнѣ вездѣ было бы много труднѣе чѣмъ здѣсь.

Черезъ десять минутъ мы выступаемъ. Въ офицерскую развѣдку назначены я, а отъ сосѣдней бригады Алеша. Это будетъ нашею первою встрѣчей. По слухамъ онъ воюетъ храбро, но не безразсудно. Меня это радуетъ; очевидно, смертнаго отчаянія у него на душѣ уже нѣтъ.

Какъ-то мы встрѣтимся? Судьба во всемъ такъ страшно уравняла насъ: впереди у обоихъ ничего нѣтъ, за спиной смерть!

Самаго важнаго, того, чѣмъ только и живу, я не посмѣлъ сказать Тебѣ. Жду Твоего приговора.

Твой Николай.

IMPRIMERIE PASCAL
13, Rue Pascal, PARIS

Издательство „Современныя Записки"

помимо выпущенной книги Т. И. Полнера: «Л. Толстой и его жена» — печатаетъ и готовитъ къ печати слѣдующія книги:

И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (романъ).
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
И. С. Шмелевъ: Солдаты (романъ).
Б. К. Зайцевъ: Анна (романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (романъ).
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. Часть I, II, III и IV.
О. О. Грузенбергъ: Мои воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои рѣчи.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
В. Ф. Ходасевичъ: Люди символизма.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова (Странствованія по душамъ).
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.

«Художественныя біографіи»:

И. А. Бунинъ: М. Ю. Лермонтовъ.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ.
М. А. Алдановъ: Ф. М. Достоевскій.
В. Ф. Ходасевичъ: А. С. Пушкинъ.
В. Ф. Ходасевичъ: Г. Р. Державинъ.
М. О. Цетлинъ: Декабристы.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Fremdsprachen - Buchhandlung H. SACHS A. G.
Berlin S. W. 48. Verl. Hedemannstr. 6

для Франціи:

Книжный магазинъ «МОСКВА»
9, rue Dupuytren, Paris (6ᵉ)